БОРИС
АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Ордынский период

Annotation

«В биографии всякой страны есть главы красивые, ласкающие национальное самолюбие, и некрасивые, которые хочется забыть или мифологизировать. Эпоха монгольского владычества в русской истории – самая неприглядная. Это тяжелая травма исторической памяти: времена унижения, распада, потери собственной государственности. Писать и читать о событиях XIII–XV веков – занятие поначалу весьма депрессивное. Однако постепенно настроение меняется. Процесс зарубцевания ран, возрождения волнует и завораживает. В нем есть нечто от русской сказки: Русь окропили мертвой водой, затем живой – и она воскресла, да стала сильнее прежнего. Татаро-монгольское завоевание принесло много бед и страданий, но в то же время оно продемонстрировало жизнеспособность страны, которая выдержала ужасное испытание и сумела создать новую государственность вместо прежней, погибшей».

Представляем вниманию читателей вторую книгу проекта Бориса Акунина «История Российского государства», в которой охвачены события от 1223 до 1462 года.

- Борис Акунин
  -
  - От автора
  - Предисловие ко второму тому
    -
    - Пролог. Первая встреча
      -
      - Случайность или неизбежность?
      - Поход
      - Неприятель
      - Разгром
      - Упущенное время
  - Держава Чингисхана
    -
    - Монголы
      - Прото-нация

        - Жизнь в Монгольской степи
        - Степное общество
    - Основатель империи
        - Как становятся великими завоевателями
        - Детство и юность
        - Попытка анализа
        - «Властитель Океана»
    - Законы Чингисхана
        -
        - Реформатор
        - Учебник монгольской жизни
    - Лучшая армия мира
        - Монгольские воины
        - Нововведения Чингисхана
        - Стратегия
        - Психологическая война
        - Состав армии
    - Походы Чингисхана
        - Степной пожар
        - На ближней периферии
        - Китаизация
        - Среднеазиатский поход
        - Смерть великого завоевателя
- Нашествие
    - Судьба Руси решена
        - Наследство Чингисхана
        - Роковой курултай
        - Силы вторжения
        - Подготовительный этап
    - Завоевание
        -
        - Северная кампания
        - Южная кампания
    - Монголы в Европе
        -
        - Разгром Венгрии
        - Победы Байдара

        - Чудесное избавление
- Западные соседи
    -
    - Скандинавы
        -
        - Датчане и норвежцы
        - Шведы
    - Немцы
        - Званые гости
        - Опасное соседство
    - Литва
        - Возникновение литовского государства
        - Вторая Русь
        - Литва становится великой
        - Литва и Польша
- Иго
    -
    - В метрополии
        - Спор за престол
        - Новые походы
        - Пик могущества: Хубилай
        - Распад империи
    - В Орде
        - Степное государство
        - Первый хан
        - Берке
        - Менгу-Тимур
    - На Руси
        - После катастрофы
        - Страх и трепет
        - Орда и князья
        - Ярослав Всеволодович
        - Александр
- Автономия
    - В Орде
        - Двоевластие
        - Тохта-хан

        - Узбек
    - На Руси
        - Стыдное время
        - Борьба за первенство
        - Иван Калита
        - Возвышение Москвы
        - Церковь становится московской
- Попытка освобождения
    - В Орде
        - Великая Замятня
        - Новые вожди
    - На Руси
        - После Калиты
        - Две опоры Москвы
        - Князь
        - Малые и средние войны
        - Москва бросает вызов Орде
        - Орда и Русь готовятся к генеральному сражению
        - Победа
        - Поражение
        - Итоги правления Дмитрия Донского
        - Чудо первое
        - Чудо второе
        - Чудо третье
        - Никаких чудес
- На пути к независимости
    - В Орде
        - Последний монгольский герой
        - Конец Золотой Орды
        - Улуг-Мухаммед и Русь
    - На Руси
        - Василий Первый
        - Начало семейной ссоры
        - Война с дядей
        - Война с Косым
        - Война с Шемякой
        - Василий Темный. Последние годы

        - Накануне независимости
        - Русское общество в конце ордынского периода
    - Заключение. Ордынское в российской государственности
  - Хронология
  - Монгольские государи
  - Династия московских князей
- notes
  - 1

Борис Акунин
Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период

Иллюстрации – И. А. Сакуров
Карты – М. Г. Руданов
Обложка – А. В. Ферез

© B. Akunin, автор, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

От автора

Прежде чем вы решите, имеет ли вам смысл читать это сочинение, должен предупредить о его особенностях.

Их три.

Я ПИШУ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ПЛОХО ЗНАЮЩИХ РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЮ И ЖЕЛАЮЩИХ В НЕЙ РАЗОБРАТЬСЯ. Я и сам такой же. Всю жизнь я интересовался историей, получил историческое образование, написал несколько десятков исторических романов и тем не менее однажды осознал, что мои знания состоят из отдельных фрагментов, плохо складывающихся в общую картину. У меня не было ясного представления о том, как и почему Россия получилась именно такой. И я понял: чтобы ответить на столь краткий вопрос, придется сначала прочитать десятки тысяч страниц, а потом несколько тысяч страниц написать.

Я НЕ ВЫСТРАИВАЮ НИКАКОЙ КОНЦЕПЦИИ. У меня ее нет. Всякий историк, создающий собственную теорию, не может совладать с искушением выпятить удобные для себя факты и замолчать либо подвергнуть сомнению всё, что в его логику не вписывается. У меня такого соблазна не было.

Кроме того, я решительный противник идеологизированной истории. И самовосхвалительная, и самоуничижительная линии, обильно представленные в трудах отечественных историков, мне одинаково неинтересны. Я хочу узнать (или вычислить), как было на самом деле. У меня нет заранее сложившегося мнения. Есть вопросы и есть желание найти на них ответы.

ЭТО ИСТОРИЯ НЕ СТРАНЫ, А ИМЕННО ГОСУДАРСТВА, то есть политическая история: государственного строительства, механизмов управления, взаимоотношения народа и власти, общественной эволюции. Культуры, религии, экономики я касаюсь лишь в той мере, в какой они связаны с политикой.

Россия – это прежде всего государство. Оно не тождественно стране, а в отдельные моменты истории бывало ей даже враждебно, но именно состояние государства неизменно определяло вектор эволюции

(или деградации) всех сфер российской жизни. Государство – причина и российских бед, и российских побед.

Попытка понять, что в нашем тысячелетнем государстве *так* и что *не так* (и почему) – вот для чего в конечном итоге затеяна эта работа.

Предисловие ко второму тому

Том «Часть Азии» описывает тот период отечественной истории, когда Руси, можно сказать, не было. Жили люди, говорившие по-русски, соблюдались русские обычаи, сохранялась русская вера, но страны не существовало – и долго не существовало, два с лишним века, с 1238 года до середины пятнадцатого столетия.

По поводу точной даты окончания монгольского владычества есть разные точки зрения. Чаще всего называют 1480 год, когда была официально провозглашена независимость Москвы от ханов, но я согласен с теми историками, кто относит конец этой эпохи к несколько более раннему времени. Поэтому я закончу повествование годом смерти Василия Темного – государя, к концу правления которого Русь избавилась от ордынского засилия фактически. С восхождением на престол Ивана III начинается новый исторический этап, которому правильнее будет посвятить отдельный том.

Хронологические рамки второго тома «Истории Российского государства» охватывают события от 1223 года (первое столкновение русских с монголами) до 1462 года (смерть последнего великого князя, получившего ярлык в Орде).

В биографии всякой страны есть главы красивые, ласкающие национальное самолюбие, и некрасивые, которые хочется забыть или мифологизировать. Эпоха монгольского владычества в русской истории – самая неприглядная. Это тяжелая травма исторической памяти: времена унижения, распада, потери собственной государственности. Писать и читать о событиях XIII–XV веков – занятие поначалу весьма депрессивное. Однако постепенно настроение меняется. Процесс зарубцевания ран, возрождения волнует и завораживает. В нем есть нечто от русской сказки: Русь окропили мертвой водой, затем живой – и она воскресла, да стала сильнее прежнего. Татаро-монгольское завоевание принесло много бед и страданий, но в то же время оно продемонстрировало жизнеспособность страны, которая выдержала ужасное испытание и сумела создать новую государственность вместо прежней, погибшей.

Этот исторический период невероятно труден для пересказа, потому что события запутаны и хаотичны, а свидетельства хроник противоречивы. В летописях много эмоционального и предвзятого, а стало быть, не вызывающего доверия. Чтение позднейших исторических сочинений не помогает разобраться, где истина и где вымысел, а часто, наоборот, вводит в еще большее заблуждение. В отечественных описаниях обычно преувеличиваются численность сил вторжения и упорство сопротивления, чувствуется желание словно бы оправдать предков, не сумевших выстоять в борьбе с чужеземными захватчиками.

И действительно: если воспринимать Батыево нашествие как победу «чужих» над «нашими», получается обидно. Однако мне ближе точка зрения, согласно которой «татаро-монгольское иго» (об этом термине мы еще поговорим) было не чужеземным завоеванием, а этапом формирования российской государственности, которая обогатилась важным компонентом. Это наши воевали с нашими же. Точно так же, с позиции современных британцев, выглядит война нормандцев с англосаксами. Поэтому, на мой взгляд, правильнее было бы считать потрясения ордынского периода родовыми схватками государства, в котором мы с вами живем. Да, роды были мучительны, но без них не возникло бы России.

Татары, являющиеся у нас такой же коренной народностью, как русские, до сих пор испытывают на себе мстительность древних поговорок. Историческая память языка удивительно живуча. «Незваный гость хуже татарина», говорят у нас, уже не помня, что когда-то имелись в виду разбойничьи наезды ордынских сборщиков дани. Присказка того же происхождения «Нам, татарам, всё даром», уцелела, должно быть, благодаря удачной рифмовке. Слово «татарщина» долго употреблялось в значении «варварство, дикость». О домашнем беспорядке могут сказать: «Будто Мамай прошел» – редкий случай, когда происхождение поговорки можно датировать с точностью до года (1380).

Ладно. Язык не имеет автора, он – такой, какой сложился. Но странно читать у потомка ордынца Кара-мурзы историка Карамзина фразы вроде: «Татары не знали правил чести». (Еще как знали, просто эти правила не совпадали с русскими.)

Кстати говоря, доля «татарских» родов в дворянском сословии, опоре Российской империи, была чрезвычайно высока. По подсчетам историка Н. Загоскина (между прочим, потомка мурзы Шевкала), среди высшей знати было 156 фамилий «восточного», то есть ордынского происхождения – почти столько же, сколько варяжского (168), и намного больше, чем «неуточненно русского» (42).

Да и наш язык при внимательном рассмотрении оказывается с сильной примесью татарскости. Множество слов, которые мы воспринимаем как старинные русские, пришли из Орды: деньги, башмак, аршин, алтын, сундук, казна, таможня, базар, барыш, табун – все и не перечислить.

В общем, нашему взгляду на отечественную историю давно пора бы избавиться от «антитатарской» предвзятости.

Прочитав массу источников и их дальнейших интерпретаций, я пришел к убеждению, что татаро-монгольская составляющая в российской государственности не просто органичная и своя, но превалирует над более древним варяжско-византийским и, пожалуй, даже славянским компонентами. Впрочем, здесь я забегаю вперед – к выводам, которые сгруппированы в последней главе книги. Очень возможно, что, дойдя до финала, читатель со мной не согласится и придет к иному умозаключению.

Есть уважаемые историки, которые утверждают, что ордынский опыт не имел для российской государственности особенного значения. С. Соловьев, например, писал: «Историк не имеет права с половины XIII в. прерывать естественную нить событий… вставлять татарский период и выдвигать на первый план татар». Так же считал и С. Платонов, заявляя, что «следы влияния татар в администрации, во внешних приемах управления… невелики и носят характер частных отрывочных заимствований».

Однако мне кажется более справедливым суждение, что Московская Русь – не продолжение древнерусского государства, а сущностно иное образование, обладавшее принципиально новыми чертами. Это другое, *второе* русское государство.

Первое было совершенно европейским; его жители выглядели и даже одевались по-европейски. Французский посланник де Рубрук в середине XIII века пишет: «Русские женщины убирают головы так же,

как наши, а платья свои с лицевой стороны украшают беличьими или горностаевыми мехами от ног до колен. Мужчины носят епанчи, как и немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные наверху длинным острием». Двести лет спустя, когда на политической карте континента вновь появится русское государство, московиты будут восприниматься западными людьми как совершенные азиаты – и так останется вплоть до петровской вестернизации.

Вот почему, если первый том моей «Истории» назывался «Часть Европы», второй называется «Часть Азии».

Несколько особняком от остальной Руси стоит история Новгородчины, обширного региона, избежавшего татарской оккупации и потому долго сохранявшего черты изначальной русской государственности. (Подробный очерк о жизни средневековой купеческой республики включен в первый том моей «Истории».) Но и русский Северо-Запад был политически несамостоятелен, являясь если не прямой провинцией Орды, то ее сателлитом и протекторатом.

На протяжении двух с лишним веков Русь была частью азиатской державы. Собственно, мы и сегодня являемся страной преимущественно азиатской. Достаточно посмотреть в атлас, чтобы убедиться: границы современной России совпадают скорее с контуром Золотой Орды, нежели Киевской Руси.

Иное дело, что, попав на двести лет в зону азиатской цивилизационной модели, Русь там не осталась – но и к европейской парадигме тоже не вернулась, а попыталась нащупать свой собственный, промежуточный путь. Однако речь об этом пойдет уже в следующем, третьем томе.

Напоследок, прежде чем вы приступите к чтению, хочу повторить слова, которыми монах Лаврентий завершил свою летопись, по его имени названную Лаврентьевской: «Где описал, или переписал, или не дописал – чтите, исправляя, Бога деля [Бога ради], а не кляните, занеже книги ветшаны, а ум молод – не дошел».

Пролог. Первая встреча

Если придерживаться точки зрения, что Российское государство несет в себе генетический код двух очень разных цивилизаций – с одной стороны, европейской (сложившейся из славянского, византийского и варяжского компонентов), а с другой стороны, азиатской (монгольско-тюркской), следует сказать, что первая встреча наших «родителей» произошла при весьма бурных обстоятельствах.

Ей предшествовало зловещее предзнаменование.

«Хвостатая звезда»

В канун знакомства (цитирую летопись в пересказе Карамзина), откуда ни возьмись объявилась «звезда величины необыкновенной, и целую неделю в сумерки показывалась на Западе, озаряя небо лучом блестящим. В сие же лето сделалась необыкновенная засуха: леса, болота воспламенялись; густые облака дыма затмевали свет солнца; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению людей, падали мертвые на землю».

Вообще-то это в очередной раз приблизилась к Земле комета Галлея. Всякое ее появление приводило наших суеверных предков в трепет, поскольку от одного космического визита до другого проходило целых 76 лет, за это время сменялись поколения и предыдущее впечатление забывалось. Поскольку в средние века те или иные несчастья происходили часто, небесный феномен иногда совпадал с какой-нибудь бедой. В позапрошлый раз комета Галлея пролетела незадолго перед половецким нападением 1068 года, и это запомнилось. А вот в 1145 году хроники ничего про нее не пишут, потому что как-то обошлось. В записи же за 1265 год читаем (про какую-то другую комету): «Явилась на востоке звезда хвостатая, страшная на вид, испускающая большие лучи; из-за этого назвали эту звезду волосатой. При виде этой звезды охватил всех людей страх и ужас. Мудрецы,

глядя на звезду, говорили, что будет великий мятеж в земле, но Бог спасет нас своею волею. И не было ничего».

Так что не стоит придавать знамениям особенного значения.

В ту эпоху Русь была хоть и окраинной, но стопроцентно европейской страной, соединенной торговыми, культурными, династическими связями с Западом, который после 1204 года (когда крестоносцы захватили Константинополь) на время вобрал в себя и Византию. *Страной* – но не государством.

Русь накануне монгольского нашествия. *М. Руданов*

Единого государства на Восточно-Европейской равнине не существовало уже почти целое столетие. Русь проходила через общую

для этого периода европейской истории стадию распада первичного государственного образования на всё более мельчающие княжеские владения.

Страну русославян (я называю этим термином восточнославянскую прото-нацию, которая впоследствии разделилась на русских, украинцев и белорусов) по-прежнему объединяли язык, культура, религия и родственные связи властителей, принадлежавших к династии Рюриковичей, но с ослаблением и оскудением бывшей столицы, Киева, на Руси возникли два новых центра политической силы. На юго-западе строил и расширял свою державу Даниил Галицкий; на северо-востоке властвовало потомство недавно умершего владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо (об обоих этих выдающихся деятелях было рассказано в предыдущем томе). Впрочем, и на юго-западе, и на юго-востоке не прекращались княжеские раздоры, так что не существовало даже и регионального единства. За эпоху, предшествующую монгольскому нашествию, на Руси произошло не менее восьмидесяти междоусобных войн – в среднем раз в два года.

Господин Великий Новгород, богатая торговая республика, жил по собственным обычаям и сохранял автономию вплоть до второй половины XV века, однако независимости так и не достиг, поскольку не обладал собственной продовольственной базой. Попытки владимиро-суздальских, а позднее московских князей покорить Новгород являются одной из основных сюжетных линий всей истории русского средневековья.

Следует сказать, что насущной потребности в крепком государстве, управляемом единой волей и представляющем собой мощную военную силу, в начале XIII века, пожалуй, и не было. После того как во времена Владимира Мономаха, еще сто лет назад, объединенные русские войска нанесли несколько мощных ударов по половцам, серьезной внешней угрозы для страны, в общем, не существовало. Степняки продолжали время от времени совершать грабительские набеги на приграничные земли, но это были уже не те половцы, что чуть было не уничтожили Киевское государство в конце XI века. Они стали привычными соседями – чаще союзниками, чем врагами. Князья и ханы уже несколько поколений заключали между собой семейные союзы, в

результате чего первые несколько ополовечились, а последние – несколько обрусели.

Эти тесные связи, родственные и политические, явление вроде бы частное и в историческом смысле не особенно важное, стали первопричиной огромной беды, обрушившейся на Русь в 1223 году.

Случайность или неизбежность?

Здесь придется коснуться двух очень интересных тем, над которыми рано или поздно приходится задуматься всякому, кто всерьез заинтересуется историей.

Первая касается соотношения случайного-неслучайного в историческом процессе и в судьбе каждой отдельно взятой страны.

Существуют две крайние точки зрения: 1) движение истории хаотично и представляет собой цепочку совершенно произвольных, непредсказуемых событий; 2) случайное большого значения не имеет, поскольку влияет лишь на частности, но не на общую эволюцию человечества, подчиняющуюся неким познаваемым, неукоснительно действующим законам либо непостижимой воле Высшего Разума (это уж в зависимости от мировоззрения).

Мне представляется, что истина находится где-то посередине между «хаотической» и «логической» теориями, а «провиденциальную», то есть божественную, я рассматривать не готов, потому что если всё предопределено чьей-то Волей, то нечего и умничать. Я уверен, что законы общественно-политической эволюции существуют, но их работа проявляется в генеральном ходе истории, а вот что касается судьбы отдельной страны, то она из-за сцепления случайностей вполне может как достичь величия, так и впасть в ничтожество либо вовсе исчезнуть.

Вторая тема, собственно, являющаяся ответвлением первой, не менее дискуссионна: роль личности в истории. Я не раз и не два буду касаться этой проблематики, рассказывая о различных деятелях описываемой эпохи – очень сумбурной, изобиловавшей катаклизмами и потому особенно зависевшей от случайных событий и личных качеств ключевых деятелей.

Безусловно, существовали объективные обстоятельства, в силу которых Русь была завоевана монголами: политическая слабость вследствие раздробленности; географическое соседство со Степью, исторгавшей из своих недр нашествие за нашествием; наконец, стремление растущей чингизидской империи занять всю Евразию от океана до океана, что рано или поздно должно было привести монгольские полчища к русским рубежам. Но факт и то, что искра, от которой разгорелся пожар, опаливший отечественную историю и направивший ее в сущностно иное русло, была высечена двумя совершенно случайными, до нелепости малозначительными обстоятельствами. Могу предложить глупую, но при этом вполне соответствующую истине формулировку: «Всё началось из-за того, что на Руси жил один скучающий человек, и этому человеку не повезло с тестем».

В предыдущем томе, описывая удивительную судьбу князя Мстислава Удатного, я коротко коснулся Калкинской катастрофы, но исторические последствия этого события столь грандиозны, что оно заслуживает подробного рассказа.

«…Том же лете, – повествует летопись о событиях 6372 года от сотворения мира (1223), – по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и котораго племене суть, и что вера их; а зовуть я Татары…». Из уточнения «по грехам нашим» видно, что автор являлся адептом «провиденциальной теории». Всякий раз, когда происходило какое-нибудь несчастье, у хроникеров-монахов было только одно объяснение: Божий гнев.

Однако «татары» пришли не сами по себе, и нельзя сказать, чтобы Русь оказалась жертвой ничем не спровоцированной агрессии. Неправда и то, что русские совершенно не представляли себе, кто такие эти неведомые язычники, поскольку о них подробно поведал язычник хорошо знакомый и даже родственный – половецкий хан, которого летописцы почтительно называют Котяном Сутоевичем.

Половецкий тесть

Этот роковой для нашей истории персонаж возглавлял союз западных половецких племен. Он активно участвовал в русских междоусобицах, помогая Мстиславу Удатному завоевать Галич, и во имя политического союза выдал за этого храброго и удачливого («удатного») полководца свою дочь, получившую при крещении имя Мария.

Когда на земли Котяна с востока напал сильный враг, с которым половцы совладать не могли, половецкий хан обратился за помощью к знаменитому родственнику, который был многим ему обязан. В несчастной битве на Калке тесть с зятем были в числе немногих уцелевших, а после ухода монголов Котян смог вернуться в родные края и вплоть до Батыева вторжения жил там по-прежнему, то и дело ввязываясь в свары между Рюриковичами. Во время Нашествия хан, уже неоднократно битый монголами, благоразумно бежал далеко на запад, уведя с собой сорокатысячную орду, которую приютил венгерский король.

Котян во второй раз сыграл зловещую роль для целой страны – теперь для Венгрии. Хан Бату повел свою армию на это королевство в том числе и в отместку за то, что оно приняло к себе заклятого врага монголов. Но Котян до новой войны не дожил. Венгерская знать умертвила пришельца, неосновательно заподозрив, что он подослан монголами нарочно. Хана не спасло даже то, что он перешел в католичество и выдал дочь Елизавету за наследника венгерского престола. Потомки котяновых половцев, оставшихся в Венгрии, еще несколько веков сохраняли свой язык и обычаи, а затем ассимилировались.

Котян Сутоевич знал, к кому обратиться. Мстислав Удатный был князем задиристым и непоседливым. Он не мог жить спокойно, без войн. Когда становилось скучно, уходил на поиски новых приключений. Так, например, он оставил новгородское княжение, хотя тамошние жители его любили и не хотели от себя отпускать. Храбрый, самоуверенный, напористый, Мстислав без особой нужды устроил Липицкое сражение (1216 г.), самое кровопролитное в истории русских междоусобиц. К предложению идти в Степь против обидчиков тестя Удатный отнесся с энтузиазмом. На Руси этот прославленный

полководец пользовался большим авторитетом, чему несомненно способствовала репутация прирожденного счастливца, добивавшегося успеха во всех начинаниях.

Хан Котян и русские князья. *И. Сакуров*

«Храбрый Князь Галицкий, пылая ревностию отведать счастия с новым и столь уже славным врагом, собрал Князей на совет в Киеве», – пишет Карамзин. На съезде хан Котян говорил: сегодня враги отобрали землю у меня, а завтра отберут у вас. Обычно такие аргументы не действовали – о завтрашнем дне тогдашние феодалы особенно не задумывались, были слишком поглощены сиюминутными заботами, а будущее вверяли Промыслу Божью. Для вящей убедительности Котян еще и крестился в русскую веру (как мы уже знаем, потом он для венгров перейдет и в католичество). Но главную роль, вероятно,

сыграли щедрые дары, на которые не поскупился изгнанник: «кони, и вельблуды, и буволы, и девкы».

В конце концов Котян с Мстиславом Удатным сумели склонить на свою сторону еще двух важных Мстиславов, черниговского и киевского. Последний был еще и великим князем – титул к тому времени почти номинальный, но все равно громкий. За тремя Мстиславами потянулись князьки поменьше. Собралась большая армия из двух десятков русских дружин и половцев Котяна Сутоевича.

Перечень Рюриковичей, принявших участие в походе, длинен, но в основном это были мелкие удельные феодалы из окружения киевского, черниговского и галицкого князей. При пестром составе союзного войска в нем не было ни порядка, ни единоначалия. Каждый отряд двигался сам по себе. Самым высоким статусом обладал Мстислав Киевский, но военная репутация Мстислава Галицкого была неизмеримо выше. Оба предводителя, несмотря на близкое родство (они были двоюродные), к тому же сильно не любили друг друга.

Относительно размера коалиционной армии достоверных сведений нет. Подсчитывать численность больших армий в те времена то ли не умели, то ли ленились, и так будет на протяжении всего русского средневековья. Ссылаясь на летописные данные, историк Татищев пишет про сто тысяч русских и пятьдесят тысяч половцев, но это, конечно, цифры совершенно фантастические. Известно, что самый могущественный из русских князей владимиро-суздальский Юрий Всеволодович прислал отряд в 800 копий. Он считался небольшим, но всё же упоминается отдельно. Вероятно, каждый из трех Мстиславов привел по несколько тысяч воинов, а мелкие князья – по несколько сотен. К этому нужно прибавить половцев Котяна, который, находясь в бегах, вряд ли мог иметь много людей. В целом рать, видимо, насчитывала порядка двадцати, самое большее тридцати тысяч человек, но по тем временам это было очень много, и Татищев наверняка прав, говоря, что «такого русского войска давно вместе не бывало».

Поход

Сборный пункт назначили на Днепре, неподалеку от острова Хортица. Примерно месяц туда плыли ладьи с воинами, подтягивались

конные дружины, шли пешие отряды. В начале мая 1223 года наконец двинулись в Степь.

> Все даты, касающиеся сражения на Калке, и даже сам год долгое время были предметом дискуссий. Кто-то из историков относил это событие к 1223 году, кто-то к 1224 году. Путаница произошла из-за того, что летописцы разных областей Руси вели отсчет нового года по-разному: одни на византийский манер, с 1 сентября, другие по-старинному, с 1 марта. Поэтому в одних источниках битва значится под 6371 годом, а в других под 6372-м. Сегодня большинство исследователей считают, что баталия произошла 31 мая 1223 г.

Возможно, дальнейшие события приняли бы менее катастрофический для Руси оборот, если б не одно постыдное обстоятельство.

Узнав о военных приготовлениях князей, монголы прислали парламентеров, которые сказали, что биться не из-за чего: никаких обид русским монголы не наносили, их городов и сел не занимали, а воюют только против половцев, которые причиняют много зла и Руси. По причинам, о которых мы можем лишь догадываться, князья убили этих послов, несмотря на их разумные речи. Скорее всего, инициатором злодейства был хан Котян. Возможно, приложил руку и Удатный. Зная его характер, резонно предположить, что мирное разрешение конфликта его вряд ли бы устроило.

Если до этого момента еще оставалась вероятность, что монголы уйдут от столкновения, то теперь сражение стало неизбежным.

По монгольским понятиям, умерщвление послов считалось худшим из преступлений (согласимся, что так оно и есть). Подобное кощунство ни в коем случае нельзя было оставлять безнаказанным.

За четыре года до Калки точно такую же ошибку совершили люди хорезмского шаха – истребили посольство Чингисхана. После этого монголы пошли на могущественное среднеазиатское государство войной и не прекратили ее до тех пор, пока от хорезмской державы не остались одни руины. Погибли сотни тысяч, а то и миллионы людей. Шах же заплатил за вероломство и престолом, и жизнью.

После гибели своих парламентеров монголы просто не могли уйти – великий хан им бы этого не простил. Наверное, Котян хорошо знал

этот обычай, и расправа была учинена именно для того, чтобы враг не уклонился от боя. Во всяком случае, когда семнадцать дней спустя (русское войско было на марше) прибыли новые посланцы, этих смельчаков не тронули – было уже незачем. Они привезли формальное объявление войны, составленное в характерной для полководцев Чингисхана сдержанной манере: «Идете на нас? Что ж, идите. Мы вас не трогали. Над всеми нами Бог».

Через несколько дней передовые отряды вошли в соприкосновение, завязались стычки. Кажется, с обеих сторон в основном бились между собой половцы – часть кочевников присоединилась к монголам. Дружина Мстислава нанесла довольно большому контингенту какого-то хана Гамбяка, половца, поражение. Это окрылило русских, придало им уверенности в своих силах. Враг не казался слишком опасным. Те, кто видел «татар», сообщил, что это «простые ратники» (то есть не защищенные доспехами, которых у монгольских конников действительно не было).

Основные силы неприятеля стояли за рекой Калкой.

Неприятель

Пора объяснить, откуда в донских степях появились монголы, чей дом находился в нескольких тысячах километрах к востоку.

Возникновению и расширению великой азиатской империи будет посвящена следующая глава, пока же нам довольно вспомнить о войне, начавшейся после убийства хорезмцами послов Чингисхана.

Разбитый шах, спасаясь, бежал к Каспийскому морю. Вдогонку отправился корпус под командованием двух военачальников – Субэдея (главнокомандующего) и Джэбе. Шаха они не догнали, но назад вернулись лишь три года спустя. Возможно, у них был приказ посмотреть, что находится дальше к западу.

Монголы прошли через Кавказ, громя всех, кто оказывался на их пути, добрались до Великой Степи, где властвовали половцы, разбили и их. Хан Котян побежал жаловаться зятю – и произошло то, что произошло.

Численность монгольского войска более или менее понятна, поскольку в армии Чингисхана существовал строгий учет и порядок. У Субэдея и Джэбе было два тумена, в каждом по десять тысяч воинов.

После долгого похода из-за боевых и естественных потерь войско наверняка поредело, но зато к нему присоединились отряды покоренных народов. В общем, в количественном отношении силы сторон, вероятно, были примерно равны.

Иное дело – качество. Армия Чингисхана была самым совершенным боевым механизмом своего времени (обстоятельный рассказ об этом впереди); русско-половецкая же рать представляла собой конгломерат вооруженных отрядов, действовавших вразброд и не имевших общего командования. Но даже если бы оно и существовало, ни киевский, ни галицкий Мстиславы никак не могли бы соперничать с Субэдеем, одним из величайших полководцев мировой истории.

Субэдей. *Китайский средневековый рисунок*

Субэдей-багатур

Субэдей (1175?–1249?), по подсчетам британского военного историка Б. Лиддела Харта, за свою долгую карьеру

одержал победу в 65 битвах и завоевал 32 страны. Именно он, а не Чингисхан был лучшим монгольским военачальником.

Судьба этого человека удивительна. Он происходил из северных, лесных монголов, которые, в отличие от монголов степных, не были с детства приучены к жизни в седле и виртуозному владению луком. Поэтому первоначально Субэдей выдвинулся благодаря не столько удали, сколько уму. По одной из версий, с четырнадцати лет он состоял при будущем великом хане – на первых порах просто прислужником, распахивающим полог шатра. В этом качестве юноша мог наблюдать за ходом военных советов. В какой-то момент ему – возможно, по случайности – было дозволено высказать свое суждение. Видимо, оно оказалось ценным. Субэдей был храбр и со временем обучился воинскому искусству, так что получил почетную приставку к имени: «багатур» (богатырь), но богатырей у Чингисхана было много – больше, чем умных и ловких тактиков.

Во время войны с сильным племенем меркитов молодой сотник прикинулся перебежчиком и сообщил врагам ложные сведения, что стало причиной их разгрома. С этого эпизода и началось восхождение Субэдея. Чингисхан не придавал значения социальному и этническому происхождению соратников – только их личным качествам. Поэтому сотник быстро стал тысячником, затем темником, а впоследствии и главным полководцем.

Своих многочисленных побед Субэдей, как правило, добивался не силой, а умением: даже если у врагов имелось численное преимущество, он вел бой так, чтобы всегда иметь перевес в решающем пункте сражения. Эту беспроигрышную тактику Субэдей использует и на Калке.

Второй полководец, Джэбе, тоже был личностью легендарной. Его имя означало «Стрела».

Он принадлежал к племени тайчжиутов, враждовавшему с Чингисханом. Искусный стрелок, Джэбе во время боя ранил тогда еще не очень великого завоевателя в шею, чуть не переменив ход мировой истории. Попав в плен, смело признался в том, что стрелял именно он. Чингисхан, хорошо

разбиравшийся в людях, не казнил отважного тайчжиута, а оставил при себе. Через пять лет Джэбе уже командовал тысячей воинов; через десять – водил целые армии.

Разгром

Вот с какими оппонентами пришлось иметь дело Мстиславу Галицкому, который вместе с ханом Котяном первым ринулся в бой. Удатный был так уверен в успехе, что даже не известил о своих намерениях Мстислава Киевского – очевидно, желал, чтобы вся слава досталась ему одному. «Сие излишнее славолюбие Героя столь знаменитого погубило наше войско», – пишет Карамзин.

Великий князь киевский обиделся – и остался на месте, а с ним и большинство других князей. Субэдею даже не пришлось маневрировать, чтобы обеспечить себе преимущество в центральном пункте сражения. Это произошло само собой.

Удатный был опытным и храбрым воином, но очень скоро оказался наголову разбит и побежал назад, к реке, вместе со своими половецкими союзниками. Там он совершил поступок, имевший роковые последствия для остальной части русского войска: переправившись через Калку, велел изрубить ладьи (или же – есть и такая версия – разрушил наплавную переправу из ладей), чтобы враги не смогли устроить преследование.

Некоторые из князей побежали, даже не вступив в битву, но уйти от легкой монгольской конницы не смогли. Так сложили головы Мстислав Черниговский и еще несколько Рюриковичей. Им, можно сказать, повезло. Участь оставшихся была страшнее.

Мстислав Киевский, с ним остальные князья и основная масса воинов, укрепились на холме – «угоши город около себе в колех» («колы» – это, видимо, не колья, которых в голой степи взять было негде, а колесные повозки). Расчет, вероятно, был на то, что монголы не станут драться с теми, кто не принимал участия в сражении. В таких случаях обычно договаривались миром.

Но монголы не могли отпустить убийц своих послов. Три дня лагерь выдерживал осаду, а когда закончилась вода и припасы, великий князь сдался с условием, что пленники будут отпущены за выкуп, как это и происходило во всех тогдашних войнах.

Но только не у монголов. Они никогда не брали выкупа, это противоречило законам Чингисхана. Переговоры с Мстиславом Киевским вели не Субэдей с Джэбе, а состоявшие при их войске *бродники* (так назывались бродячие разбойные шайки, жившие в Степи и служившие кому придется), чьи обещания ничего не стоили.

«Битва на Калке». *А. Ивон*

За истребление парламентеров великий князь и другие знатные пленники были подвергнуты унизительной казни. Их положили на землю, накрыли сверху досками, и монгольские военачальники устроили на помосте победный пир, задавив побежденных до смерти. Эту ужасную сцену можно считать символом участи, которая через некоторое время ожидала всю Русь.

А Мстиславу Удатному его «удатность» не изменила. Он, главный виновник Калкинской трагедии, благополучно добрался до дому. Там он еще несколько лет бранился и дрался со своими соседями, а потом

благочестиво скончался, приняв перед смертью схиму. До Нашествия он не дожил.

Летопись не называет количество убитых в сражении, перечисляя только князей (их пало двенадцать), но говорит, что «прочии вои десятыи приде кождо в свояси», то есть погибло девять десятых армии. Такого избиения не бывало от начала Русской земли.

Причину поражения летописец справедливо возлагает на самих русских: «И тако за грехы наша Бог въложи недоумение [недостаток ума] в нас».

Упущенное время

«Недоумением», но уже в современном значении этого слова, пожалуй, и ограничилась реакция Руси на страшное поражение. Потомков не может не поражать беспечность, в которой обреченная страна просуществовала следующие четырнадцать лет, вплоть до Нашествия. Казалось бы, после такого потрясения следовало бросить все силы на подготовку к новой войне с грозным противником, однако ничего подобного не произошло. «Татари же възвратишася от рекы Днепря; и не съведаем, откуду суть пришли и кде ся деша опять», – спокойно пишет летописец. Черную тучу унесло куда-то за горизонт, гроза примерещилась.

Русь вернулась к своему обычному существованию; в 1237 году она окажется подготовленной к борьбе с монголами еще хуже, чем в 1223-м, когда князья хотя бы собрали большую рать.

Главная причина этой, с сегодняшней точки зрения, необъяснимой беззаботности заключается в том, что Русь уже не ощущала себя одной страной. То, что происходило в одном краю Русской земли, очень мало занимало жителей других областей.

«Не бысть ничтоже»

Новгородская летопись, рассказав о Калкинской битве, на том же дыхании, как о происшествиях равного масштаба, сообщает, что в то же лето какие-то Твердислав и Федор построили каменную церковь, а еще 20 мая был «гром

страшен», так что другая церковь сгорела и два человека погибли. Для новгородцев, которые не участвовали в сражении, местные новости важнее и интереснее того, что произошло где-то в дальних степях.

Точно так же относятся к эпохальным для Севера потрясениям и южане. В 1242 году, когда Александр Невский с новгородцами разбили на Чудском озере немцев, Галицко-Волынская хроника пишет: «В год 6750. Не бысть ничтоже» (ничего не было).

А в 1240 году, когда татаро-монголы стерли с лица земли Киев, далекий владимирский летописец записывает это известие в такой последовательности: «В год 6748. У Ярослава родилась дочь и была названа при святом крещении Марией. В тот же год взяли татары Киев и храм святой Софии разграбили и монастыри все. А иконы, и честные кресты, и все церковные украшения забрали и избили мечом всех людей от мала до велика. А случилось это несчастье в Николин день до Рождества Господа» – и больше ничего о гибели «матери городов русских».

Когда я говорю, что Русь после Калки вернулась к обычному существованию, это значит, что вновь начались бесконечные дрязги с соседями.

На Севере новгородцы и псковичи отбивались от литовцев и немцев, что не мешало им враждовать между собою и ссориться с русскими князьями.

Великий князь владимиро-суздальский Юрий Всеволодович воевал с мордвой и булгарами, однако не меньше сил у него отнимали конфликты с собственным братом Ярославом Переяславльским, а по временам братья забывали о своих противоречиях и объединялись против общего врага, черниговского князя. Ярослав Переяславльский (отец Александра Невского) сходил походом на юг и уселся в Киеве, по пути ограбив и опустошив Черниговщину.

Вообще мирных жителей, таких же русских, но подданных другого князя, грабили и убивали часто и без каких-либо угрызений совести – это были *чужие* люди. Своих, впрочем, тоже не жалели. В 1230 году случилась кровавая междоусобица в Смоленске, население которого не

захотело подчиниться князю Святославу Мстиславовичу. Тогда он взял город штурмом, а жителей перебил.

Вместо того чтобы объединиться перед лицом страшной опасности, князья все глубже увязали в раздорах. «Провидение, действительно готовое искусить Россию всеми возможными для Государства бедствиями, еще на несколько лет отложило их, – горько вздыхает Карамзин, – а Россияне как бы спешили воспользоваться сим временем, чтобы свежую рану Отечества растравить новыми междоусобиями».

Сетования на неразумность русских князей, конечно, справедливы. Однако следует сказать, что, даже если бы Рюриковичи ясно сознавали опасность и объединились, Русь все равно не устояла бы. В 1223 году сравнительно небольшой корпус Субэдея и Джэбе без труда разбил союзное войско двадцати князей; четырнадцать лет спустя нагрянет сила, противостоять которой не смогло бы ни одно государство тогдашнего мира.

Для того чтобы понять, как зародилась и окрепла эта грозная сила, почему она в конце концов обрушилась на Русь, нам понадобится переместиться далеко на восток, где сформировался второй, азиатский компонент российской государственности.

Держава Чингисхана

Монгольские завоевательные походы, с одной стороны, несомненно были геополитической и гуманитарной макрокатастрофой.

Такого размаха массовых убийств, такой эпидемии террора не знает мировая история. Даже Вторая мировая война дала меньше жертв, если считать пропорцию от общего населения. Чингисхан и его потомки в период экспансии уничтожили почти десятую часть жителей Евразии. По современным оценкам, это около сорока миллионов жизней, погубленных не только оружием, но лишениями, голодом и мором – последствиями разорения некогда цветущих стран. Огромные области совершенно обезлюдели; крупнейшие города эпохи превратились в пепелища; погибли целые культуры.

Всё это так.

Монгольская империя в период максимального расширения. *М. Руданов*

Но последствия этого страшного потрясения были не только негативными. Монголам удалось, хоть и ненадолго, создать огромную, по тем временам очень неплохо устроенную империю, простиравшуюся от Тихого океана до Атлантики. На пике могущества, в 1300 году, эта держава имела площадь в 24 миллиона квадратных километров, в ней, по подсчетам Ж.-Н. Бирабена, автора интереснейшего исследования «История человеческого населения от истоков до наших дней», жили около 110 миллионов человек, четверть всех обитателей Земли. Монголы впервые сумели объединить Китай, самый большой и населенный регион планеты. Торговые караваны путешествовали по континенту, не опасаясь разбойников – для защиты было довольно монгольской пайцзы, охранительной таблички. Передовые технологии – порох, навигационные приборы, бумага, а затем и идея книгопечатания – свободно проникали из развитого Китая в неразвитую Европу. На какое-то время мир, вернее Старый Свет, стал единым, и значение этого небывалого цивилизационного переворота трудно переоценить.

Что же за народ оказался способен на столь чудовищные и в то же время столь величественные деяния? И как ему это удалось?

Монголы

Прото-нация

Народ был маленький. Вплоть до XIII века он считался малозначительным. Собственно, никакого монгольского народа еще и не было – его создаст Чингисхан.

На пустых обширных пространствах, находившихся к северу от Великой китайской стены, кочевали, враждуя между собой, разрозненные племена, которые иногда объединялись в военные союзы, но единой нации не образовывали. Не все они даже говорили на одном языке.

«Монголами» именовала себя лишь часть этноса (некоторые историки называют ее «собственно монголами»), не самая крупная. Четыре других группы племен были и больше, и сильнее.

На юго-востоке Монгольской степи, где климат был относительно мягким, а пастбища тучными, жили – сытнее и обеспеченней остальных – многочисленные *татары.* Возможно, они говорили на тюркском языке. Иногда чужеземцы именовали «татарами» вообще всех степняков (например, русские летописи, повествующие о Калкинской битве). Название особенно понравится европейцам, которые услышат в нем отзвук слова «Тартар», Преисподняя. «Эта ужасная раса сатаны-тартары… рванулись вперед, подобно демонам, выпущенным из Тартара (поэтому их верно назвали «тартарами»)», – напишет английский хронист Матвей Парижский (XIII в.). Не следует путать «монгольских» татар с нашими, российскими, в этногенезе которых монгольский компонент, по-видимому, был не столь значителен. Пропорция татар в армии Чингисхана была очень велика. Известно, что в 1206 году из девяносто пяти нойонов-тысячников насчитывалось четырнадцать татарских, притом что народность к этому времени утратила прежнюю мощь и великий хан относился к ее представителям неприязненно (на что, как мы увидим, у него имелись основания).

На юго-западе обитали *кереиты*, большинство которых уже несомненно говорили на тюркском языке. Они составляли не менее трети всех монголов (в широком смысле). В XII веке кереитская

конфедерация была могущественной и доставляла немало хлопот северокитайскому царству Цзинь, но во второй половине столетия после ряда поражений несколько ослабела.

Расселение монгольских племен в XII веке. *М. Руданов*

Самой культурно развитой народностью были *найманы*, состоявшие из восьми колен. Их владения простирались до нынешнего Восточного Казахстана. У найманов существовало нечто вроде первичной формы государства, даже с собственной письменностью, которой другие монголы не имели.

Ближе всего к собственно монголам находились *меркиты*, злейшие их враги.

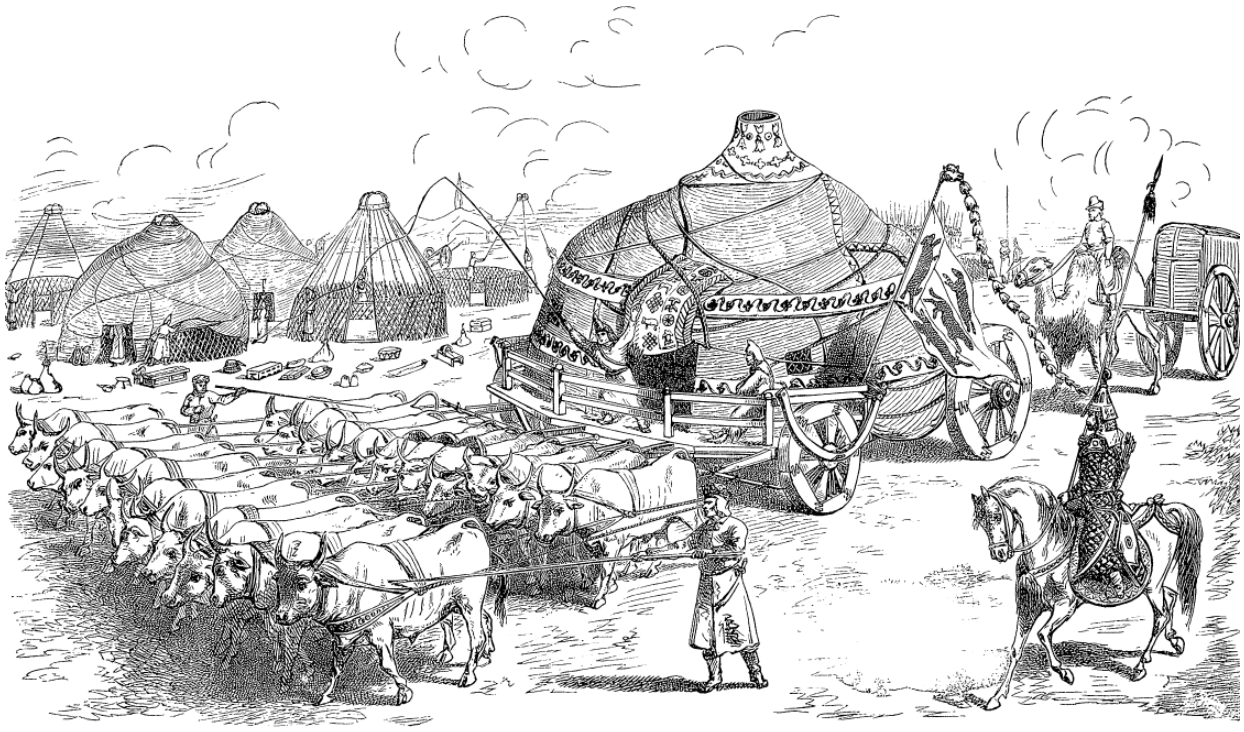
Все эти группы были много сильнее, со всеми Чингисхану придется воевать. Именно эти внутримонгольские разбирательства, а вовсе не покорение чужих земель, займут основную часть жизни великого завоевателя.

Общая численность всех монголов, по разным оценкам, могла составлять от семисот тысяч до миллиона человек – даже по тем временам, особенно с учетом обширной территории, совсем немного. Казалось бы, явно недостаточно для создания паневразийской империи.

Жизнь в Монгольской степи

Загадку отчасти объясняют условия, в которых существовал и закалился этот воинственный народ. Францисканец Джованни дель Плано Карпини, попавший в Монголию в середине XIII века и видевший на своем долгом пути немало бесприютных, диких краев, пишет с содроганием, что эта земля «гораздо хуже, чем мы могли бы высказать». Зимой температура здесь опускалась до минус сорока; летом поднималась до плюс сорока, так что всё выгорало и трескалась почва. Выжить в такой среде могли только очень неприхотливые, физически крепкие, не обремененные сантиментами люди. Естественный отбор был безжалостен: род, не способный добыть пропитание и защитить свои стада от свирепых, голодных соседей – часто собственных родичей, – погибал. (Как будет видно из рассказа о ранней жизни Чингисхана, иногда убийства из-за еды происходили и внутри одной семьи.)

Современников потрясала невероятная выносливость монголов, которые могли сутками обходиться безо всякой пищи и при этом, казалось, нисколько не слабели. Современные исследователи объясняют это диетой, состоявшей из сплошного белка: только мясо и молочные продукты, больше ничего. (Впоследствии, уже во времена империи, чужестранцев будет удивлять, как распространена среди монгольской знати подагра – болезнь, вызываемая диспропорционально протеиновым питанием.)



Монголы в пути. *Рисунок из «Путешествия Марко Поло»*

Трем главным законам выживания – добывать пищу, защищаться от сильных, нападать на слабых – детей учили с необычно раннего возраста. Каждый монгол с малолетства был охотником, наездником и искусным стрелком.

При столь суровой жизни род не мог позволить себе роскоши освободить женщин для домашней работы; существовало разделение хозяйственных занятий. Французский посланник Вилгельм де Рубрук в 1253 году пишет: «Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут [пиво], приготовлять шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил… Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье… Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины». Ездить верхом и стрелять из лука девочек учили так же, как и мальчиков, – одним скотоводством прокормиться не получалось, каждый охотник был на счету.

Монгольские женщины

На высоком социальном статусе монгольских женщин – явлении для той эпохи необычном, поражавшем иностранцев, – нужно остановиться чуть подробнее, иначе будет непонятна роль, которую играли в политической жизни монгольского государства и Золотой Орды ханши, часто становившиеся регентшами и концентрировавшие в своих руках огромную власть.

Монголам, судя по всему, было совершенно чуждо высокомерно-пренебрежительное отношение к «слабому полу», который у них, впрочем, слабым не являлся.

Одно из изречений Чингисхана гласит: «Хорошие мужи узнаются по хорошим женам». Великий хан судил по своей матери и жене – обе они были женщинами незаурядными. На европейских современников монголки производили сильное впечатление. Плано Карпини пишет: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно». Де Рубрук обращает внимание и на внешность монголок: «Все женщины сидят на лошадях, как мужчины, расставляя бедра в разные стороны, и они подвязывают свои куколи по чреслам шелковой тканью небесного цвета, другую же повязку прикрепляют к грудям, а под глазами подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь. Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой. Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо. Для родов они никогда не ложатся в постель».

Межгендерное распределение обязанностей объясняет, как монголам, народу немногочисленному, удавалось выводить в поход такие большие армии. По закону Чингисхана, основывавшемуся на древних обычаях, женщины должны были служить государству так же, как мужчины, и в отсутствие мужей брать на себя всю их

обычную работу. Монголки были вполне способны справиться с этой задачей.

Как выглядели монголы той эпохи? Поскольку сами они свой внешний вид не описывали (да и зачем?), нам приходится довольствоваться свидетельством посторонних наблюдателей.

«Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, которой одно описание возбуждает омерзение», европейцам решительно не нравились (эту цитату я взял из Карамзина, который, повторю, и сам был азиатского происхождения).

Вероятно, монголы XII века выглядели так. *И. Сакуров*

Насчет нечистоплотности и неопрятности, судя по всему, правда. У монголов почти полностью отсутствовало представление о гигиене. «Когда они хотят вымыть руки или голову, – пишет Рубрук, – они наполняют себе рот водою и мало-помалу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют такой же водою свои волосы и моют себе голову». Он же сообщает: «Платьев они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них… Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел».

Монголы были низкорослыми, гибкими. Мужчины не стригли свои жидкие усы и бороды; на макушке выстригали прямоугольник, заплетая сзади волосы в две косы. Девушки, выходя замуж, тоже выбривали темя – до самого лба.

Различие в платье между обоими полами было незначительным, что естественно с учетом почти одинакового образа жизни. У женщин верхняя одежда была несколько длиннее, вот и всё; чтобы она не стесняла движений, в ней спереди делали разрез и завязывали на боку.

Плано Карпини пришел к заключению, что монголы «отличаются от всех других людей», а этот автор, напомню, посетил немало народов, в том числе и степных.

Степное общество

Устройство жизни у этих кочевников было таким, что, казалось, объединить их совершенно невозможно. Вечная нехватка пастбищ и дичи заставляла селиться небольшими группами, на значительном расстоянии друг от друга, за каждой группой были закреплены свои зимовки и летовки.

Жили не племенем, а родом, который назывался *обох* и представлял собой большую, обычно полигамную семью, объединившуюся вокруг вождя – или сильного, или мудрого. Первые, и вообще все прославленные удальцы, назывались *багатурами*, вторые – *сэцэнами*. Из-за тесных родственных связей браки внутри группы воспрещались, поэтому невесту нужно было покупать или похищать в

чужом стойбище. Из-за этого часто возникали вендетты, длившиеся поколениями.

Если род был зажиточный, он владел невольниками. Иногда удавалось подчинить себе более слабую группу, и она вся становилась родом-невольником.

Перемещаясь на дальние расстояния – из-за необходимости перегнать скот или ради большой охоты, – роды одного племени съезжались вместе, потому что из-за пастбищ и охотничьих угодий нередко приходилось воевать с чужаками.

Монголы не отличались набожностью, религия не имела в их жизни большого значения. Они обожествляли предков, поклонялись властителю неба Тенгри и властительнице земли Этуген. Однако с таким же почтением монголы относились и к другим конфессиям. Веротерпимость станет одним из столпов, на которых будет стоять их держава. Рубрук передает слова хана, который сказал, что бог един и подобен ладони, а религии подобны пальцам, и каждый ведет к спасению.

Известно, что во времена Чингисхана кереиты и найманы перешли в христианство несторианского толка, весьма распространенное в центральной и восточной Азии; по меньшей мере двое сыновей завоевателя, Угэдей и Толуй, женились на христианках.

Самое древнее из сохранившихся изображений бога Тенгри. *Обработка Е. Ферез*

Толерантность, возможно, объяснялась тем, что при нерелигиозности монголы были очень суеверны. Людей грозные воины не боялись – особенно когда почувствовали свою силу, – но чужих богов и жрецов предпочитали не гневить. Мало ли что.

У монголов существовала масса добрых и злых примет, сакральных ритуалов, иррациональных запретов. Например, нельзя было трогать кнутом стрелу, а лезвием ножа огонь; нельзя было проливать на землю жидкость и т. п. Иностранных послов, перед тем как пустить к хану, непременно проводили меж двух костров, потому что огонь искореняет злые замыслы. (Отказ подвергнуться этому обряду будет стоить Михаилу Всеволодовичу Черниговскому жизни. Благочестивый князь вообразит, что его хотят обратить в огнепоклонство, а суеверные монголы решат, что русский выдал свои черные намерения, – и убьют его.)

Шаманы, умевшие камлать и гадать по трещинам на бараньей лопатке, пользовались у монголов большим почетом. Однако когда

главный шаман Теб-Тенгри, многое сделавший для возвышения Чингисхана, попытался приобрести политическое влияние, его почтительно умертвили. (По-монгольски, почтительной считалась казнь без пролития крови. Человеку переламывали позвоночник, накрывали одеялом и оставляли умирать. Такой чести будут удостаиваться Чингизиды, потерпевшие поражение в борьбе за власть.)

Потомственной аристократии у монголов, в общем, не существовало. Всякий раз, когда возникал более или менее стойкий племенной союз, его предводитель провозглашал себя ханом, возвышал своих приближенных, которые становились нойонами, и обзаводился личными дружинниками-нукерами. Однако подобные протогосударственные объединения были непрочными и долго не сохранялись.

Китай зорко следил за тем, чтобы в северных степях не возникло сильного государства, применяя древний как мир рецепт, которым всегда пользовались империи, соседствующие с варварами: стравливали их между собой. В Монголии эта стратегия давалась особенно легко – все и так враждовали друг с другом.

В ту эпоху существовало два Китая – большой и очень большой: северный Цзинь и южный Сун. Второй, где жило пятьдесят миллионов человек (восьмая часть населения планеты), находился далеко. Зато Цзинь, который был раз в десять меньше южного царства, но все равно могуществен и богат, располагался в соблазнительной близости. Монголы совершали на северных китайцев набеги, а в первой половине XII века появился энергичный вождь Хабул-хан, сплотивший множество племен и нанесший империи Цзинь несколько поражений, так что пришлось даже выплачивать ему дань. Сохранился рассказ, возможно легендарный, о том, как Хабул-хан во время встречи с императором Сюаньцзуном подергал его за бороду, привлеченный ее необычной пышностью, – и Сын Неба был вынужден стерпеть эту варварскую фамильярность.

Держава Хабул-хана просуществовала около двадцати лет, однако после смерти хана (1150 г.) рассыпалась – китайцам удалось справиться с опасным врагом руками татарских племен. В степях вновь воцарился хаос, но сохранилось воспоминание о былом величии, а кроме того у воинственного Хабул-хана осталось потомство.

Один из правнуков первого объединителя Монголии оказался человеком выдающихся способностей и невероятной удачливости. Он изменил не только судьбу своего народа, но и ход мировой истории.

Основатель империи

Как становятся великими завоевателями

Самое время вернуться к роли личности в истории. На примере Мстислава Удатного мы видели, как действия одного человека могут привести целую страну к катастрофе. Чингисхан же привел свой народ, малочисленный и нищий, к неслыханному величию. Никакой иной причины возвышения именно монголов из массы других азиатских племен кроме личности вождя, по-видимому, не было.

Биография Чингисхана является весомым аргументом в пользу той точки зрения, что деятельность одного человека может существенно изменить историю не только народа, но и всего человечества. Такие люди появляются очень редко. Можно было бы причислить сюда того, кто первым приручил лошадь, и того, кто изобрел колесо, но их имена в нашей памяти не сохранились. Фигурами еще большего масштаба были основатели трех мировых религий, однако их истинный вклад стал очевиден нескоро, через десятилетия, а то и века после их смерти. Сразу, притом драматично и радикально, меняли вектор развития цивилизаций только великие завоеватели. Они подстегивали историю, одновременно разрушая прежний мир и создавая новый, который был проекцией их воли и нес на себе отпечаток их личности.

Самый прославленный полководец истории Наполеон, чье имя стало нарицательным, до этого статуса не дотягивает. Сложись обстоятельства чуть иначе, и роль диктатора (а революции всегда заканчиваются личной диктатурой) могла бы достаться другому молодому генералу – Гошу, Жуберу или Моро. И дальше, вероятнее всего, произошло бы примерно то же самое: сначала экспансия, потом неминуемое поражение Франции и реставрация Бурбонов.

Пожалуй, с полным правом к категории людей, изменивших ход истории, можно отнести только двух завоевателей: Александра Македонского, эллинизировавшего огромные пространства Востока, и Чингисхана, монголизировавшего огромные пространства Запада. Обе державы оказались непрочными и вскоре рассыпались на куски, но каждый из осколков сохранил некоторые родовые черты принадлежности к великой империи. (В конце тома я попробую

вычленить «чингисхановские» компоненты в генезисе российского государства.) При этом свершения Чингисхана в некотором роде поразительнее деяний Александра. Македонец получил царскую власть по наследству, а Эллада была самым развитым регионом тогдашней эйкумены. Чингисхан же поднялся из ничтожества и вытянул за собой к вершинам могущества один из наиболее отсталых и слабых народов тогдашнего мира.

Чингисхан. *Китайский рисунок XIV в.*

Разумеется, Чингисхан был не только великим преобразователем, но и чудовищным злодеем. Но таковы, собственно говоря, все завоеватели. (Здесь хочется привести фрагмент из воспоминаний Аполлинарии Сусловой о разговоре с Достоевским. В итальянской

гостинице они залюбовались очаровательной девочкой, и писатель сказал: «Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: *«Истребить весь город»*. Всегда так было на свете». Да, именно так и было. Все великие завоеватели – злодеи.)

Поэтому нет смысла давать этическую оценку личности Чингисхана – с этим ясно. Гораздо интереснее разобраться в том, как формируются такие люди? Какие внешние условия и какие качества характера сделали этого человека тем, кем он стал?

По счастью, вся жизнь Чингисхана, начиная с рождения, известна в подробностях, поэтому можно попытаться найти ответы на эти вопросы. Сохранилась полухроника-полуэпос «Сокровенное сказание монголов». Этот интереснейший текст был составлен вскоре после смерти завоевателя. Конечно, там многое приукрашено и мифологизировано, но общий контур биографических данных выглядит достоверным, а во многих деталях угадывается подлинность.

Детство и юность

Не знаю, следует ли этим гордиться, но Чингисхана можно считать нашим соотечественником. Он родился на территории современной Российской Федерации, в восьми километрах к северу от монгольской границы. Впрочем, о месте, равно как и о годе рождения великого человека тянутся бесконечные споры, которые вряд ли когда-нибудь разрешатся. Большинство историков считают, что он появился на свет в 1162 году.

Как уже было сказано, он приходился правнуком великому хану Хабулу, однако отец будущего полководца Есугэй-багатур возглавлял всего лишь небольшое племя тайчжиутов, относившееся к «собственно монголам». Род Есугэя назывался Кият-Борджигин.

Сын Есугэя родился на свет, сжимая в кулачке сгусток крови, о чем непременно пишут все биографы Чингисхана, видя в этом незначительном факте глубокий символизм. Впрочем, мальчика тогда звали иначе. Отец дал ему имя Темучин – в память о том, что как раз накануне рождения первенца одержал победу над татарским вождем Темучином.

Татары отомстили своему врагу, когда мальчику было девять лет. Согласно «Сказанию», они коварно отравили Есугэя. Для семьи багатура настали тяжкие времена. Тайчжиуты бросили ее в степи, забрав всё имущество. С этих пор собственное племя стало для Темучина врагом.

Вскоре начались раздоры и внутри семьи. После Есугэя осталось две вдовы, у каждой были свои сыновья. Самым старшим из них был сводный брат Темучина по имени Бектер.

Мать Темучина (ее звали Оэлун) была настоящей монголкой – сильной и самостоятельной, а ее дети с младенчества умели охотиться и ловить рыбу. Но еды на всех не хватало, и сыновья старшей вдовы стали забирать себе всю добычу. Речь шла о том, кто выживет, а кто умрет с голода.

И тогда мальчик Темучин подкрался к Бектеру, пасшему лошадей вдали от лагеря, и застрелил его из лука. После этого обе половины семьи признали его за старшего.

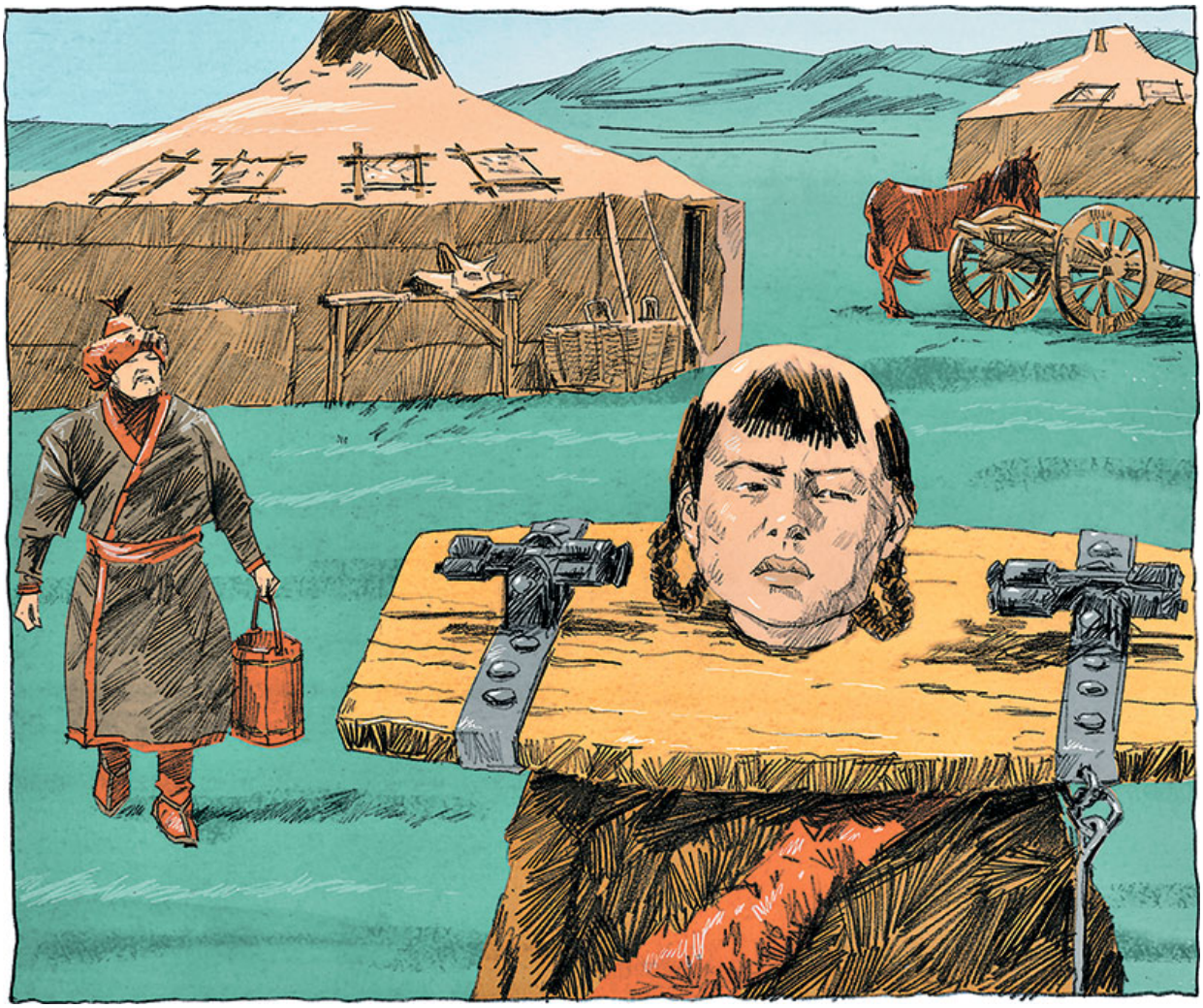
Подросток взрослел и мужал. Внутренняя рознь прекратилась, и дела пошли лучше. Но случилась новая беда.

Однажды тайчжиуты напали на становище и схватили Темучина – по какой причине, «Сказание» не объясняет. Возможно, за убийство брата либо же бывшие соплеменники сочли, что подрастающий сын преданного ими вождя становится опасен.

С пленником обошлись, как с преступником: надели ему на шею массивную деревянную колодку, в которой человек становился совершенно беспомощным, не мог даже есть без посторонней помощи. В этом жалком состоянии Темучин существовал до тех пор, пока не сбежал. Ему помог один из тайчжиутов, отчего-то проникшийся к колоднику симпатией. Этот эпизод, подробно описанный в эпосе, важен – здесь ярко проявляется одно из главных дарований Темучина: он очень хорошо разбирался в людях и умел привязывать к себе самых лучших. Так будет и дальше.

Когда Темучин вернулся к своим, жизнь опять наладилась. Он был храбр и не по годам рассудителен. Вокруг него постепенно собирались надежные товарищи. Род усиливался. В восемнадцать лет юному вождю пришло время обзавестись собственной семьей.

История с женитьбой стала поворотным пунктом в судьбе Темучина.



Детство Темучина. *И. Сакуров*

Невеста и ее приданое

Невесту ему подобрал еще отец – договорился с вождем дружественного племени унгиратов, что кланы породнятся. Мальчику было девять лет, невесте (ее звали Бортэ) на два года больше. Но за минувшие годы всё изменилось. Есугэй-багатура давно уже не стало, а его сын не являлся предводителем тайчжиутов – более того, враждовал с ними. Но юноша уже имел хорошую репутацию, а кроме того обладал талантом располагать к себе людей. Он понравился унгиратскому вождю, который решил сдержать слово. Так

Темучин получил жену, которая станет его верной соратницей, сильного союзника в лице тестя и богатое приданое.

И здесь молодой человек совершил неординарный поступок. Из всего приданого главную ценность представляла собой соболиная шуба – большая редкость для степных монголов. Темучин отправился в стан кереитов, к могущественному Тогрул-хану, побратиму покойного отца, и почтительно преподнес ему этот роскошный подарок. Тогрул-хан был тронут и пообещал юноше свое покровительство. Примерно в это же время Темучин обзавелся еще одним важным союзником, храбрым и энергичным вождем по имени Джамуха. Они дружили еще с детства, но Джамуха, в отличие от Темучина, не подвергся изгнанию, и его род был много сильнее.

Оба эти союзника вскоре пригодились новобрачному. На его лагерь внезапно напали меркиты. Двадцать лет назад Есугэй-багатур украл у них девушку (ту самую Оэлун, которая стала матерью Темучина), а в степи такие обиды помнили долго.

Примечательна холодная рациональность, которую проявил в этой кризисной ситуации Темучин. Видя, что врагов слишком много и что сопротивляться бессмысленно, он вскочил на коня и ускакал в степь, бросив свою юную жену. Меркиты увезли Бортэ с собой, что, с их точки зрения, было справедливым воздаянием за поступок Есугэя.

В одиночку Темучин с меркитами не совладал бы. Он попросил помощи у Джамухи и Тогрул-хана. Те согласились. Три вождя (Темучин был самым младшим из них) ударили по врагу, убили много мужчин и захватили много женщин, в том числе и Бортэ.

Месть свершилась, когда Бортэ уже вынашивала ребенка – очевидно, от нового меркитского мужа. Однако Темучин принял его как своего первенца. (Впоследствии у Джучи, старшего сына великого хана, а затем и у старшего сына Джучи, рокового для русской истории Бату-хана, из-за «меркитского» эпизода будет несколько подмоченный статус.)

В этой войне молодой Темучин стяжал такую славу, что о нем заговорила вся Степь. И началось медленное, упорное восхождение к вершине, начавшееся с пустяка – собольей шубы.

Попытка анализа

К этому времени, началу восьмидесятых годов XII века, характер завоевателя уже сформирован; он демонстрирует все основные качества, благодаря которым сумеет создать великую империю.

Ранние годы жизни Темучина напоминают контрастный душ: периоды относительного благополучия сменяются тяжкими испытаниями. Постоянно попадая из огня в полымя, мальчик, а затем юноша не столько обгорел, сколько закалился. Каждый новый удар судьбы сначала сбивал его с ног, но в результате Темучин поднимался еще выше.

Мы видели, что он обладал даром разбираться в людях и редкой харизмой.

Даже в ранней молодости он был предельно прагматичен. Стремясь к труднодостижимому, умел отступаться перед невозможным – именно так следует трактовать некрасивую историю с брошенной на милость врага женой.

Есть еще одна иллюстрация этой характерной черты, присущей Чингисхану, – из поздней поры его жизни.

Достигнув пика земного могущества, великий хан, как это нередко случалось с мегаломаньяками, возмечтал о бессмертии. Он прослышал о том, что в Китае живет даосский учитель Чанчунь, владеющий секретом вечной жизни, и повелел привезти мудреца.

Старец очень долго добирался до ставки владыки. Наконец встреча состоялась. На вопрос хана о том, как достичь бессмертия, учитель честно ответил, что это невозможно. И Чингисхан удовлетворился этим ответом, согласившись выслушать совет о том, как, по крайней мере, подольше прожить. Чанчунь ответил расхожей истиной:

избегать суетных тревог (что для правителя вряд ли возможно) и воздерживаться от излишеств.

Чингисхан наверняка был очень разочарован, однако отпустил даоса с почетом. (Не исключено, что тут сыграло роль предсказание, которое заодно произнес китаец: что он и хан умрут в один год. Это было со стороны Чанчуня мудро.)

Даос перед владыкой мира. *И. Сакуров*

Чингисхан, разумеется, был храбр, но никогда не рисковал собой без необходимости. Кажется, он был начисто лишен горячности. Достигнув высокого положения, он перестал участвовать в рукопашной и запретил это делать всем старшим военачальникам. Поэтому, в отличие от обычая, повсеместно распространенного в войнах той эпохи, монгольские главнокомандующие всегда руководили сражением

издали и очень редко погибали в бою. Когда у Чингисхана появилась такая возможность, он обзавелся целой армией телохранителей – отлично понимал, что военные империи держатся на личности вождя и что эту личность нужно тщательно оберегать.

Знаменитая жестокость Темучина объяснялась всё тем же доведенным до абсолюта прагматизмом. Завоеватель не был садистом и проявлял безжалостность исключительно «в интересах дела». Именно это больше всего и потрясало людей той весьма немилосердной эпохи: холодность и расчетливость кровопролития.

Как эта чудовищная методология будет работать в период больших завоеваний, мы еще увидим, но и в родном краю, среди своих, Темучин вел себя точно так же.

Захватив в плен множество татар, народа ему враждебного и слишком многолюдного, Темучин велел всех мужчин истребить, а мальчиков провести мимо телеги: кто выше колеса – убить, остальных же отдать на воспитание в монгольские семьи. Очень рационально и ничего личного.

Когда один из собственно монгольских, то есть близких по крови родов в назначенное время не прибыл к месту сбора, Темучин предал всех без исключения смертной казни – чтоб раз и навсегда отучить подданных от недисциплинированности. (И отучил.)

Именно у Чингисхана в XX веке позаимствует концепцию холодной, математической жестокости Адольф Гитлер. (Немецкие фашисты вообще многому научились у великого хана, мы еще на этом остановимся.)

Счастье Чингисхана

Ключ к личности Чингисхана, объяснение великого голода, побуждавшего этого человека проглатывать царства и народы, дает фрагмент из «Сокровенного сказания», описывающий беседу хана с соратниками.

«Однажды Чингисхан спросил у Боорчу-нойона, который был главой беков: «Наслаждение и ликование человека в чем состоит?» Боорчу сказал: «Состоит в том, чтобы человек, взяв на руку своего сокола синецветного, который питался

керкесом и зимой переменил перья, и сев на хорошего мерина откормленного, охотился ранней весной за синеголовыми птицами и одевался в хорошие платья и одежды».

Чингисхан сказал Борохулу: «Скажи также и ты».

Борохул сказал: «Наслаждение состоит в том, чтобы животные, подобные кречету, летали над журавлями, пока не низвергнут их с воздуха ранами когтей и не возьмут их».

После того спросил так же у детей Кубилая, они ответили: «Блаженство человека состоит в охоте и в умении заставить (охотничьих) птиц летать».

Тогда Чингисхан ответил: «Вы неправильно сказали. Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его из корня, взять то, что он имеет, заставить вопить служителей его, заставить течь слезы по лицу и носу их, сидеть на их приятно идущих жирных меринах, любоваться розовыми щечками их жен и целовать, и сладкие алые губы – сосать».

Однако одной лишь хищной алчностью империи не создаются, здесь необходима идеология. И она у Темучина-Чингисхана безусловно имелась.

Он был одержим мечтой о создании Единого Мира и совершенного государства. В эпоху всеобщей разобщенности и беззакония, когда властвовала грубая сила, идеалом земного устройства представлялась империя, охватывающая весь мир, управляемая одной волей и живущая по одинаковым правилам.

Образная метафора такой державы – девушка с золотым блюдом, которая может пройти от края до края, не лишившись ни чести, ни блюда, – существует очень давно, и ее приписывали разным историческим деятелям, но в литературной традиции она приросла именно к Чингисхану, потому что ему почти удалось осуществить эту фантастическую задачу: он и его потомки создали огромную империю, в которой работал единый закон и существовал относительный порядок.

«Властитель Океана»

Дарования, черты характера и стечение обстоятельств помогли Темучину подняться на самый верх степной иерархии. Со временем обнаружилось еще одно свойство, без которого честолюбивый вождь не достиг бы своей цели. Оказалось, что он умеет не только сходиться с полезными людьми, но и избавляться от них, когда они исчерпывают свою полезность и становятся помехой на его пути.

У союзников Темучина был выбор: или признать его первенство – и вместе с ним двигаться дальше, или бороться за лидерство – и погибнуть.

С обычной прагматичной безжалостностью Темучин уничтожил и побратима Джамуху, который не желал смириться с неизбежным, и названого отца Тогрул-хана, и верховного шамана Теб-Тенгри, слишком много о себе возомнившего. Великая идея, которой служил Темучин, была неизмеримо важней долга благодарности и личных привязанностей.

В начале самостоятельного пути, уже провозгласив себя ханом (пока еще не «великим»), Темучин мог собрать для войны тринадцать тысяч воинов. Он покорил один за другим, иногда не с первого раза, все главные племенные союзы: меркитов, татар, найманов, кереитов. Эта борьба, погружаться в подробности которой сейчас не имеет смысла, длилась лет двадцать и закончилась весной 1206 года, когда на великом курултае, съезде всех степных вождей, победитель междоусобной войны был объявлен верховным правителем и принял имя, под которым он войдет в историю: Чингисхан.

Чингисхана провозглашают великим ханом. *Персидская миниатюра XIII–IV в. в.*

Есть несколько версий относительно значения этого имени. Возможно, оно происходит от тюркского слова *денгиз* («море» или «океан»); если так, переводить его следует как «Властитель Океана», то есть «Вселенский Властитель». На западномонгольском наречии «чингис» значит *сильный*, и тогда имя значит «Могущественный

Властитель». Если – есть и такая гипотеза – в основе имени китайское слово *чьен* («истина»), Темучин нарек себя «Истинным Властителем». В любом случае, смысл нового титулования ясен: новый вождь одной Монголией ограничиваться был не намерен.

В это время армия объединителя страны разрослась уже примерно до ста тысяч человек; о боевых качествах этого войска будет рассказано отдельно.

Не менее важно то, что разрозненные и вечно враждующие племена теперь объединились в один народ, одну нацию, свято верившую в силу, мудрость и звезду своего вождя.

Всё было готово к завоеванию мира.

Давайте изучим поподробнее, как был устроен механизм, сделавший возможным осуществление этой, казалось бы, химерической мечты.

Законы Чингисхана

Реформатор

Небольшой народ стал могучей силой благодаря тому, что превратился в нацию, а произошло это вследствие, выражаясь по-современному, революционной национальной политики Чингисхана. Он решительно разрушил всю прежнюю родо-племенную структуру, порождавшую раздоры. Держава была военной; ее опорой и государствообразующей базой являлась армия, которую великий хан построил по новому принципу.

Войско делилось на тумены – десятитысячные корпуса, тысячи, сотни и десятки, но новизна заключалась не в этом, а в том, что в одном подразделении служили представители разных родов, крепко соединенные круговой порукой и общей ответственностью. Прежняя лояльность, основывавшаяся на кровном родстве, упразднялась; вместо нее возникала новая – по отношению к властителю. Еще важнее, что из-за совместной службы и боевого товарищества у монголов создавалось чувство принадлежности к одному народу.

Другим, не менее важным нововведением был меритократический принцип продвижения по службе. Знатность и даже этническое происхождение не то чтобы вовсе утратили значение, но ценились меньше воинских или деловых (если речь шла о гражданской администрации) качеств. Благодаря этому наверх выдвигались действительно способные люди – как уже знакомые нам Субэдей и Джэбе.

Чингисхан был истинно выдающимся правителем еще и в том смысле, что он не пытался всё делать сам, а умел находить для каждого задания самого пригодного исполнителя и доверял его способностям. Именно поэтому монголы могли вести войну сразу на нескольких фронтах и наносить одновременные удары в разных направлениях.

Вероятно, Чингисхан был первым монархом, превратившим заботу о своей личной безопасности в государственный принцип.

Первая спецслужба

Одним из первых указов великого хана объединенной Монголии было учреждение постоянной дружины телохранителей. Она называлась *кэшик* и состояла из тысячи отборных воинов. Со временем этот полк разросся до целого тумена, то есть десятикратно увеличился. Армию собирали по становьям только на время войны, кэшик же существовал на постоянной основе. Случалось, что это соединение использовали и в бою, в решающий момент генерального сражения, но главной функцией кэшика была охрана ханской ставки и – гораздо шире – державы. Именно кэшик уничтожал заговорщиков и смутьянов из числа родственников и приближенных правителя.

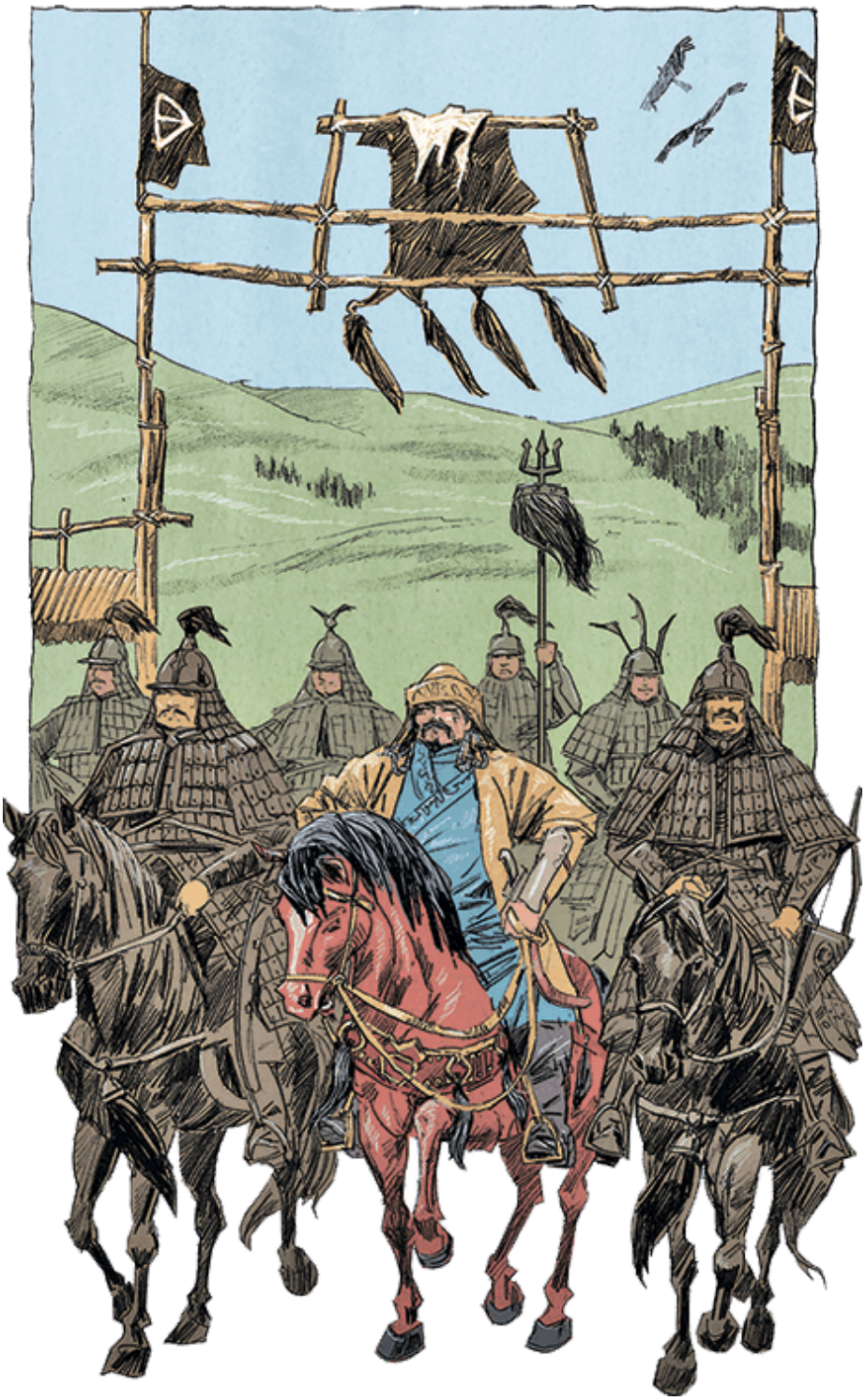
В привилегированный корпус кроме доблестных багатуров попадали сыновья военачальников, так что кэшик представлял собой нечто вроде аристократической лейб-гвардии, служба в которой была престижна и открывала путь к большой карьере. Даже рядовой воин кэшика по своему положению стоял выше армейского тысячника, который не смел перечить гвардейцу, подсудному лишь самому государю. Гвардейцев посылали с особенно важными поручениями; иногда они временно возглавляли большие воинские отряды.

Кэшик являлся важным элементом государства, средством прямого контроля над армией и администрацией. Близость к особе властителя и его доверие выводили целую категорию служилых людей за рамки существующей иерархии. Пожалуй, можно считать Чингисхана «автором концепции» спецслужбы как опоры и кадрового резерва верховной власти.

Лейб-охраняющие структуры, разумеется, существовали и раньше, но никогда в таком откровенно возвышенном статусе, с явными признаками сакрализации. Вид телохранителей хана должен был внушать трепет. Во времена, когда в степном мире еще не существовало самого понятия униформы, кэшик был оснащен по принципу единообразия: воины носили черные доспехи и ездили на вороных конях. В

будущем элитные войска диктаторов, от опричников до эсэсовцев, будут носить обмундирование того же зловещего цвета – и с той же целью: внушать трепет.

Чингисхан создал организационный и этический каркас, на котором потомки завоевателя продолжали строить империю и после его смерти. Этот свод законов и заветов, первоначально, видимо, разрозненных, в конце XIII века был сведен воедино в документе, получившем название «Великая Яса» (от монгольского слова *ясак*, «повеление»). Кодекс совершенствовался и уточнялся, однако его главные положения несомненно были сформулированы самим основателем.



Гвардия Чингисхана. *И. Сакуров*

Георгий Вернадский высказывает правдоподобное предположение, что Чингисхан мнил себя не просто завоевателем, а пророком новой веры, «инструментом Бога для установления порядка на земле» –

поэтому монголы будут считать мятежниками чужеземных царей и князей, которые отказывались повиноваться «Вселенскому Властителю». «Великая Яса» была для монголов не только сборником установлений, но и священной книгой, учебником нравственного поведения.

Учебник монгольской жизни

И действительно, этические декларации занимают в «Великой Ясе» чуть ли не главное место. Многие из этих предписаний, обращенных к монголам, в высшей степени похвальны: любить друг друга; уважать чистых, справедливых и мудрых людей, к какой бы нации они ни принадлежали; препятствовать злу и несправедливости; не воровать; не лжесвидетельствовать; не прелюбодействовать; делиться пищей с товарищами; осуждать предательство; чтить священнослужителей всех религий; не придавать значения богатству; быть равными в труде; женщин похищать нельзя; покупать и продавать жен тоже нельзя; все дети считаются законнорожденными и обладают одинаковыми правами; никого из монголов нельзя обращать в рабство и так далее.

В русских летописях и фольклоре татаро-монголы предстают исчадиями ада, а их государство – царством жестокости и зла. На самом же деле законы Чингисхана и его последователей были не только разумны, но во многом и гуманны. Одной из обязанностей хана было помогать беднякам, для чего предписывалось содержать специальный фонд. Правительство должно было иметь резервные продовольственные склады на случай голода, а при засухе рыть для населения колодцы.

Многие статьи Ясы посвящены регулированию повседневной жизни и быта – например, правилам охоты, которая являлась важнейшей сферой степной жизни.

Также в этом документе содержался перечень наказаний за различные уголовные преступления, и здесь монгольский закон был суров: телесные наказания и смертная казнь применялись очень широко (отсюда эти кары потом перекочуют в русские судебники, хотя в домонгольские времена столь жестокие кары на Руси – во всяком случае по судебному приговору – не практиковались).

Но для нас сейчас важны не моральные или юридические правила монголов, а законы, определявшие строение государства.

Ханская охота тоже следовала установлениям Ясы. *Китайский рисунок XIII в.*

По форме управления первоначальная монгольская империя была монархией, но не наследственной в традиционном смысле, когда власть передается от отца к сыну, а выборной: монарх должен был избираться на Великом Курултае, в котором принимали участие представители всех племен, а позднее улусов, то есть «вице-королевств» империи. Великий хан избирался среди Чингизидов, прямых потомков Завоевателя, которые тем самым возводились в ранг некоей особой касты, августейшей фамилии. (Рискованный способ передачи верховной власти, впоследствии вызвавший немало гражданских войн, был для Чингисхана мерой вынужденной, но мы обратимся к этой теме несколько позже.)

Все монголы, избранный народ, – и мужчины, и женщины – объявлялись служителями державы, государственными людьми, а сама империя уподоблялась армии. В административном смысле страна повторяла структуру войска – делилась на военные округа, генерал-губернаторы которых имели ранг темника, а под ними находились губернаторы-тысячники и уездные начальники-сотники. Во время войны каждая административная единица должна была мобилизовать установленное количество ратников.

Законы военной субординации, абсолютного повиновения хану распространялись на все сферы жизни. Плано Карпини пишет: «Он приказывает, где должны жить темники; темники, в свою очередь, дают приказания тысяцким; последние – сотникам, а они – десятникам. Более того, когда бы, что бы и кому бы император ни приказал, будь то война, жизнь или смерть, они подчиняются ему, не прекословя».

Интересно, с какой поразительной быстротой совершилась бюрократизация империи, в момент своего создания еще не имевшей письменности. Однако без регистрации, учета и отчетности, без постоянного «документопотока» большое государство существовать не может – и Чингисхан отлично это сознавал. Известно, что, одолев найманов, самое развитое из степных племен, имевшее навыки грамоты, хан велел привести к нему главного найманского письмоводителя и потребовал, чтобы тот посвятил его в тайны букв. И

появилась монгольская письменность, ставшая основой делопроизводства.

Но Чингисхан, хорошо понимавший значение материальной объектизации символов власти, пошел дальше. Он ввел позаимствованную у китайцев систему нагрудных табличек или пластинок – предшественницу будущих эполет и мандатов. *Пайцза* обозначала ранг и полномочия. Она могла быть золотой, серебряной, медной – хоть деревянной, но человек с этим знаком был частицей власти и потому обладал особыми правами. Тот, кто не повиновался пайцзе, совершал преступление против великого хана. Табличка защищала ее носителя (им мог быть не только военачальник или чиновник, но купец или чужеземный посол) лучше любой охраны. Кроме того, статус пайцзы соответствовал разряду обслуживания на дорогах.

Еще одно важнейшее условие нормальной работы большой империи – связь между регионами и быстрота коммуникаций. Чингисхан и его наследники создали ямскую систему (слово *ям*, от которого произойдет русское «ямщик», монгольского происхождения): регулярную конно-почтовую службу, станции которой находились на расстоянии примерно в 30 километров одна от другой. Иностранцев будет поражать скорость, с которой указы великого хана преодолевают огромные расстояния: триста километров за день. Увешанный колокольчиками гонец скакал во весь опор, на станции его приближение слышали издалека, и следующий курьер, на свежем коне, был уже наготове.

Так была устроена империя, с которой предстояло столкнуться Руси. Порядка, функциональности, а главное, *целеустремленности* в державе Чингизидов было неизмеримо больше, чем у любого государства той эпохи. Уже это делало завоевателей огромной силой. Но явственней всего монгольское лидерство проявлялось в боевых качествах армии и воинском искусстве, с которым русские впервые познакомились на Калке.

Лучшая армия мира

Монгольские воины

Сила всякой армии в первую очередь определяется боевыми качествами личного состава.

Монголы были нацией прирожденных воинов. Они не отличались статью и ростом, но поражали современников физической крепостью и феноменальной выносливостью. Легко перенося любые лишения – отсутствие пищи и воды, зной и мороз, – они превосходно ориентировались на незнакомой местности и обладали очень острым зрением (все эти способности развивались у них из-за суровой жизни на огромных открытых пространствах, которые летом превращались в выжженную пустыню, а зимой в царство снежных метелей).

Всякий мужчина был воином. Он виртуозно владел арканом, имел саблю и копье со специальным крюком – чтобы выдергивать врага из седла, однако больше всего полагался на лук.

Монгольский лук

За несколько тысячелетий существования луков в разных регионах Земли было создано множество разновидностей этого оружия, но ни одна из них не может сравниться с монгольской, даже знаменитый английский longbow[1], с помощью которого были выиграны знаменитые битвы при Креси, Пуатье и Азенкуре. Английские лучники могли поражать цель максимум на триста шагов; монголы били на четыреста, а бывало, что и дальше.

В 1802 году в Забайкалье была найдена каменная стела, так называемый «Чингисов камень» (сейчас он хранится в Эрмитаже). На стеле есть надпись, о точном смысле которой долго спорили ученые. Большинство пришли к заключению, что памятник поставлен после среднеазиатского похода в память о выдающемся достижении Есунгу, племянника

Чингисхана: богатырь пустил стрелу на 335 альдов, то есть более чем на 500 метров.

Начальная скорость полета стрелы составляла 300 метров в секунду, так что лучник мог на значительном расстоянии пробивать доспехи – во всяком случае, когда монголы научились делать обоюдоострые наконечники из закаленного железа. (Поначалу наконечники были из обожженного дерева, поскольку в степи кольчуг никто не носил, а металла всегда не хватало.)

Лук был короткий, изготовленный из прочного композитного материала, с двойным изгибом, и оттого очень тугой в натяжении. Чтобы эффективно пользоваться таким оружием, требовалось развить особые группы мышц. Монгольских мальчиков заставляли тренироваться с трехлетнего возраста. Зато из них вырастали поразительно меткие лучники, которые к тому же отлично умели стрелять на полном скаку. Вот как рассказывает русская летопись о монгольской коннице, ведущей обстрел осажденного города, то есть находящейся в весьма невыгодных для боя условиях: «…И летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборолах, уязвленные стрелами, падали, ведь одолевали татарские стрелы горожан, ибо были у них стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад метко и без промаха стреляли».

У каждого воина было два лука и два колчана, так что атакующая или отступающая конница могла осыпать врага стрелами на протяжении долгого времени.

«Чингисов камень». *Эрмитаж*

Еще одним мощным преимуществом монголов были их несравненные лошади. Низкорослые, брюхастые, мохнатые, они отличались не столько быстротой, сколько проворностью и, главное, выносливостью. Ели любую растительность, вплоть до палой листвы.

Зимой разгребали копытами снег и жевали сухую траву. Воин имел две, а то и три запасных лошади, в походе всё время пересаживался с одной на другую, и это позволяло армии преодолевать за день большие расстояния – в среднем 120 километров за переход.

Монгольский лук. *Фотография сер. XX в.*

Передовые отряды, даже очень большие, не обременяли себя обозами. Каждый воин имел при себе всё необходимое: вяленое мясо и сушеное молоко, иголку с ниткой и инструменты для изготовления стрел, кожаный бурдюк. Последний использовался не только в качестве кувшина; при переправе через реку воин надувал емкость и мог держаться на плаву.

Готовить горячую пищу монголам не требовалось. Если удавалось добыть сырого мяса, его по древнему, применявшемуся еще гуннами

способу клали под седло, и получалась отбивная (сейчас похожее блюдо называется «стейк тартар»). Когда запас продовольствия заканчивался, воин надрезал лошади вену и пил кровь, а потом зашивал рану иголкой. Так можно было продержаться еще несколько дней.

Монгол на лошади. *Китайский рисунок XIII в.*

Нововведения Чингисхана

Изначально высокие боевые качества монгольского войска многократно возросли благодаря военным реформам объединителя.

Прежняя родовая организация армии теперь была упразднена. Воины разных монгольских племен, а впоследствии и разных народов служили вместе, связанные круговой порукой. Достаточно было одному из воинов десятка обратиться в бегство – умерщвлялся весь десяток, поэтому труса останавливали собственные товарищи. Если кто-то попадал в плен, а десяток не выручил – казнили всех. Командира – вплоть до тысячника – ратники выбирали сами. На высшие должности людей назначал хан, но руководствовался при этом способностями и заслугами. Благодаря такой системе чинопроизводства наверх попадали инициативные и энергичные люди, что обеспечивало армию, выражаясь по-современному, очень сильным офицерским корпусом. Под руководством подобных командиров части и подразделения могли действовать автономно, что стало одной из основ монгольской стратегии, о которой речь пойдет ниже.

Учитывая относительную слабость своих не защищенных доспехами воинов в рукопашной схватке, Чингисхан сделал основной упор на дистанционный бой. Непревзойденные лучники и превосходные всадники, монголы сначала расстреливали врага, выбивая его лучших бойцов, находившихся в первых рядах, а потом, изображая отступление, пытались вовлечь противника в погоню. Со временем в войске появилась и тяжелая, кольчужная конница, которая в решающий момент наносила по расстроенным рядам неприятеля сокрушительный удар.

Чингисхан полагался на стрелы больше, чем на сабли, еще и потому, что очень берег своих людей. Зато вражеские отряды он старался не просто обратить в бегство, а уничтожить до последнего человека. Монголы не прекращали погони до полного истребления неприятеля.

Монгольский лучник. *Японский рисунок XVIII в.*

Очень большое значение Чингисхан придавал обучению и подготовке.

Монголы умели быстро и эффективно восполнять потери за счет рекрутов из числа покоренных народов. Новобранцев растворяли среди ветеранов, которые учили чужаков необходимым навыкам, и скоро такой десяток, в котором коренные монголы часто оказывались в меньшинстве, бился не хуже других. Многие из побежденных племен тоже были степняками, прирожденными наездниками, что облегчало задачу обучения, а дисциплину обеспечивал жестко соблюдаемый принцип круговой поруки. Нередко случалось, что, продвигаясь вперед, монгольская армия не уменьшалась, а увеличивалась за счет притока новых бойцов.

Но кроме индивидуального обучения Чингисхан практиковал и общевойсковые учения. В мирное время каждый год обязательно затевалась большая охота, в которой участвовали многие десятки тысяч людей. На огромной территории отряды загонщиков собирали и сгоняли в одно место всю дичь, которую затем в основном отпускали обратно в степь. Это были масштабные трехмесячные маневры, в ходе которых отрабатывалась управляемость, связь, согласованность действий.

Стратегия

На этих трех китах – управляемость, связь, согласованность – держалась вся военная стратегия, разработанная Чингисханом и усовершенствованная его преемниками.

Армия действовала по единому плану, но при этом двигалась не массой, а разделялась на большие и малые отряды, охватывая обширную территорию.

Перед началом кампании собирался военный совет, в котором участвовали все командиры соединений. Разведчики, заранее посланные в выбранную для вторжения страну, сообщали добытые сведения. Специальные интенданты-*юртчи* определяли места стоянок и пастбищ для каждого из корпусов. Обязательно обзаводились проводниками, хорошо знающими неприятельские земли. Впереди, на расстоянии одного-двух переходов от основных сил, двигались передовые отряды, которые убивали всех встречных, чтобы весть о вторжении дошла до врага как можно позже.

Обычно монголы шли несколькими колоннами, и каждой был назначен свой маршрут. Между корпусами курсировали летучие отряды разведчиков и фуражиров. Связь поддерживалась через курьеров и систему дымовых сигналов.

Не зная, с какой стороны ждать главного удара, неприятель обычно отступал к какому-нибудь укрепленному пункту – городу или крепости. Монголы оставляли заслон, блокировавший осажденных, и двигались дальше. Главной целью было уничтожение основного вражеского войска. Вынуждая противника сжиматься в кулак, полководцы Чингисхана замыкали кольцо окружения, действуя по хорошо им знакомой технологии «большой охоты». После сражения, неизменно

заканчивавшегося победой монголов, мало кому из окруженных удавалось спастись.

Монгольская конница. *Персидская миниатюра XVI в.*

Монголы и Вермахт

Множественность одновременных ударов, стремительность перемещений, запирание противника в «котлы» – всё это поразительно напоминает тактику немецких

«блицкригов» и танковых прорывов времен Второй мировой войны. И сходство это неслучайно.

В тридцатые годы XX века известный британский военный историк Б. Лиддел Харт опубликовал серию работ, в которых подробно рассматривал военное искусство Чингисхана и Чингизидов. Лиддел Харт писал, что монголы добивались своих побед, эффективно комбинируя два стратегических правила: никогда не наносить лобовых ударов и максимально дезориентировать противника.

Как выяснилось уже после войны, немецкий Генштаб решил взять монгольскую методику на вооружение, заменив летучие отряды авиацией, а ударные части – танковыми корпусами. Пехоту немцы превратили в стремительную «конницу», посадив ее на танки и бронетранспортеры.

Гудериан и не скрывал, что почерпнул идею танковых клиньев из статей Лиддела Харта.

Нет никаких сомнений, что в стратегическом отношении монгольская армия XIII века намного опережала свое время и стояла неизмеримо выше всех оппонентов, с которыми ей пришлось иметь дело. Она воевала не числом, а умением (хотя отлично умела использовать и численное преимущество, если оно было), притом обычно одерживала победы, неся незначительные потери.

Психологическая война

Чингисхан стремился деморализовать противника еще до того, как придет время генерального сражения. Вероятно, это был первый завоеватель, сознательно и расчетливо использовавший методику психологической войны.

Специальные лазутчики заранее распространяли слухи о неисчислимости монгольских полчищ и о жестокой каре, которая ожидает всех непокорных.

Монголы действительно, до последнего человека, безо всякой пощады, уничтожали гарнизоны и отряды, вступившие с ними в бой, но обязательно давали нескольким пленным сбежать, чтобы те разносили панические слухи.

Прагматическая жестокость, присущая Чингисхану, в полной мере отразилась на способах ведения войны, применявшихся его полководцами. В массовых убийствах, которые они практиковали, не было ни садизма, ни зверства – одна деловитость.

Modus operandi у завоевателей был следующий. Если осажденный город не сдавался без боя, всё население вырезалось – чтобы другим было неповадно. Если же жители проявляли покорность, их выгоняли за стены и начинали сортировать. Полезных (например, ремесленников) отводили в одну сторону, физически сильных – в другую, а «бесполезных» хладнокровно убивали. Тем временем в пустом городе методично, квартал за кварталом, из домов вывозилось всё ценное.

Руси еще повезло. К тридцатым годам XIII века монголы уже усвоили, что завоеванная территория, лишившись населения, никакой ценности не представляет. Выгоднее оставлять людей на месте и собирать с них дань.

Монголы убивают горожан. *Лицевой летописный свод*

Никакого почтения к чужеземной аристократии монголы не проявляли. Мужчин они убивали, чтобы не оставлять врагу вождей (если бы русские князья на Калке знали это правило, нипочем бы не сдались); знатных женщин просто превращали в рабынь. Так, например, сгинула в безвестности угнанная в Монголию царица Теркен-хатун, мать великого хорезмшаха. Для победителей она была просто крепкой, не старой еще женщиной, пригодной для домашней работы.

К побежденным монголы относились хуже, чем к скоту. Когда нужно было идти на приступ крепости, они гнали впереди себя мирных жителей, закрываясь ими от стрел, а то и просто заполняли несчастными рвы, чтобы поставить штурмовые лестницы на живые тела.

Людей Чингисхан берег только своих – чужие для него ценности не имели.

В те времена жестокость была нормой; враги монголов тоже милосердием не отличались, однако если зверствовали, то в порыве гнева или пылая местью. Рассудочная безжалостность монголов была им непонятна и потому вызывала ужас.

Терроризируя местное население в период первоначального завоевания, Чингизиды добивались покорности на долгое время – память о перенесенном кошмаре сохранялась на поколения.

Состав армии

На первых порах монгольское войско было однородным – состояло только из легкой конницы, не носившей брони и использовавшей в качестве основного оружия лук. Однако, выйдя за пределы родных степей и вступив в борьбу с соседними государствами, которые воевали иначе, монголы стали перенимать у врагов всё, что могло пригодиться.

Как уже было сказано, Чингисхан обзавелся тяжелой кавалерией – причем в доспехи были облачены не только всадники, но и кони. Своего рода «латы» – легкие, из толстого китайского шелка – появились и у лучников. Эти халаты не могли уберечь от сабельного удара, но неплохо защищали от стрел.

Важным родом войск стали инженеры, появившиеся в армии после побед над царством Цзинь. Монголов повсюду сопровождали китайские мастера осадного дела, перед искусством которых не могла устоять никакая твердыня.

По той же причине, из-за необходимости брать штурмом крепости, со временем появились и пехотные части, но они набирались только из населения покоренных народов. Монголы не любили вылезать из седел.

Заботясь о своих воинах, завоеватель распределил по туменам и тысячам пленных китайских лекарей, которые умели предотвращать заражение крови – во времена, когда даже легкие ранения из-за сепсиса

часто оказывались смертельными. Монгольские раненые чаще выздоравливали и возвращались в строй.

Особый интерес представляет вопрос о численности монгольской армии. Цифры, фигурирующие в иноземных (в том числе русских) хрониках, совершенно фантастичны и несомненно были продиктованы страхом, у которого глаза велики.

Самым масштабным военным начинанием Чингисхана был большой среднеазиатский поход, в котором якобы участвовало больше двухсот тысяч воинов. Это составляло бы не менее 40 % всего мужского населения тогдашней Монголии, включая младенцев и стариков, что невероятно. Многие мужчины (вероятно, большинство) должны были оставаться дома, чтобы защищать становья и стада; женщины, как бы самостоятельны они ни были, со скотом и хозяйством одни не справились бы. Более реалистичной выглядит упоминаемая в источниках численность армии в год смерти Чингисхана (1227 г.) – 129 000 человек, а ведь к тому времени империя стала больше, и это были *все* наличные воины.

Однако, если даже силы вторжения исчислялись не шестизначными, а пятизначными цифрами, все равно это была огромная для той эпохи армия – и к тому же не имевшая себе равных во всем мире.

Походы Чингисхана

Степной пожар

Особый тип государства, именуемый «империей», можно назвать «сверхгосударством». Оно не удовлетворяется границами проживания этноса или нации, а стремится вобрать в себя другие народы. Главной отличительной чертой такого образования является *газообразность*: подобно газу, империя занимает всё пространство, которое может занять. Конечная цель, даже если она не декларируется и, может быть, не сознается самими правителями, – мировая гегемония и объединение всего человечества под единой властью. Выполнить эту задачу пока еще никому не удавалось, но истории известно множество подобных попыток. Держава Чингисхана, безусловно, относится к числу наиболее впечатляющих.

Очень интересен вопрос о том, как и почему возникают империи; как зарождается могучая сила притяжения, способная собрать страны, племена и народы под одну кровлю. Не менее важно понимать законы, по которым империя перестает расширяться и начинает сжиматься или рассыпаться. Мне придется постоянно возвращаться к этой теме, поскольку Россия с определенного момента своей истории тоже превратилась в империю.

Согласно мнению ряда авторитетных историков, «имперский ген» был унаследован нашим государством извне: одни считают, что от Византии (эту версию охотно признавала и официальная идеология с ее концепцией «Третьего Рима»), другие – что от евразийской империи Чингизидов. Вторая точка зрения гораздо менее популярна, не в последнюю очередь из-за одиозности фигуры Чингисхана. Излагая события отечественной истории, я буду вновь и вновь пытаться проанализировать природу и эволюционные стадии российской имперскости. Поскольку в настоящем томе исследуется «азиатская» составляющая нашей государственности, важно понять условия, сделавшие возможными появление – притом *внезапное* – на территории, приблизительно совпадающей с границами бывшего СССР с его «соцлагерем», огромной державы, которая простиралась от океана до океана.

На примере истории Чингисхана, пожалуй, можно попробовать вычленить факторы, необходимые для создания если не любой империи, то, во всяком случае, империи военного типа. Ее можно уподобить степному пожару.

Во-первых, необходима феноменально сильная фигура вождя-основателя, чья деятельность становится искрой, разжигающей огонь.

Во-вторых, нужно, чтобы окружающая политическая среда была готова воспламениться – развивая метафору огня, назовем это «сухостью травы».

В-третьих, должен подняться ветер – и тогда пожар будет распространяться до тех пор, пока не выгорит вся трава или не стихнет ветер.

Незаурядная личность, как мы знаем, была – Чингисхан. Этот человек сумел объединить воинственный степной народ и превратить его в могучую боевую машину.

Соседние страны были, во-первых, слабее в военном отношении, а во-вторых, что не менее существенно, много богаче, чем монголы («сухость травы»).

«Ветер» же возник и усилился постепенно. Всякая военная империя (а в особенности такая, как монгольская, – легкая на подъем и не имеющая собственных ресурсов) не может обходиться без постоянной подпитки за счет новых завоеваний и грабежа. Огромное войско требуется содержать, и никакой иной возможности кроме нового похода для этого не существует.

Чем больше разрастается армия, тем масштабнее становятся войны. Мы увидим, как после особенно прибыльного среднеазиатского похода монголы на время угомонятся, но через несколько лет, проев всю добычу, окажутся перед необходимостью затеять новые завоевания, и спор будет идти лишь о том, в какую сторону света задует огненный ветер.

Империя Чингисхана была создана для войны и жила одной войной. Экспансионистский этап монгольской державы завершится только тогда, когда государственную идеологию грабежа сменит государственная идеология данничества. Империя перестанет быть сугубо военной, и «пожар» начнет стихать.

Мы еще дойдем до этого периода, пока же давайте посмотрим, как разгорался монгольский пожар.

На ближней периферии

Объединив Монголию и провозгласив себя «вселенским правителем» (если именно так следует понимать значение имени «Чингисхан»), Темучин прежде всего увеличил численность государствообразующей нации, присоединив к своему народу так называемых «лесных монголов», живших к северу от Степи, в сибирской тайге. Этот поход совершил Джучи, старший сын императора.

Затем его лучший полководец темник Субэдей пошел на остатки найманов и меркитов, откочевавших к Иртышу, разбил их и тем самым обеспечил безопасность северо-западного фланга.

Теперь наступило время вторжения в сопредельные страны.

Первой мишенью Чингисхана стало царство тангутов, тибетского народа, создавшего большое, сильное и богатое государство, выгодно расположенное на Великом Шелковом пути, по которому шел основной товаропоток между Китаем и Передней Азией. Эта война состоялась в 1209–1210 годах.

Первые походы Чингисхана. *М. Руданов*

Здесь, в новых условиях, монголов ждало неприятное открытие. Они без труда разгромили тангутскую армию в полевом сражении, но, когда враг отступил и засел за стенами своей столицы, выяснилось, что брать крепости степняки совершенно не умеют. Попытка затопить город, направив на него воду оросительных каналов, привела к тому, что монголы устроили наводнение в своем собственном лагере, погубив массу людей и лошадей.

Пришлось заключить мир, оставив завоевание тангутов на будущее. Впрочем, те заплатили хорошую контрибуцию и признали себя вассалами Чингисхана, для которого и тогда, и впоследствии были очень важны ритуальные знаки повиновения со стороны иноземных государей, – это подтверждало верховенство «вселенского хана» над другими владыками. (Следуя этой логике, преемники Чингисхана будут

требовать изъявлений покорности даже от французского короля и папы римского.)

Разгромив или устрашив западных и северных соседей, пополнив ряды армии и обогатившись добычей, Чингисхан почувствовал себя готовым к войне с государством, которое казалось монголам главной державой мира, – с северокитайской империй Цзинь.

Китаизация

Это царство находилось на несравненно более высокой ступени цивилизации, было обширным по территории, многолюдным и обладало большой армией. К тому же почти вся граница со Степью была защищена Великой Стеной, тянувшейся на многие сотни километров. В еще недавние времена империя Цзинь без особого труда справлялась с «северной» проблемой, провоцируя конфликты между монгольскими племенами, а основным своим соперником считала еще более могущественную империю Сун, занимавшую земли центрального и южного Китая.

В 1211 году войска Чингисхана (около 50 тысяч человек) начали захватывать одну за другой пограничные опорные пункты, угрожая императору Цзинь с разных направлений и заставляя его распылять силы. Один из монгольских отрядов захватил табуны цзиньской армии, оставив ее без кавалерии. Обычная стратегия дезориентации противника дала свои результаты – монголы одержали ряд побед и в 1214 году осадили столицу Чжунду (будущий Пекин), однако брать сильные крепости они все еще не умели.

Повторилась ситуация с тангутским царством: пришлось заключить мир, по которому Чингисхан получил в жены дочь цзиньского императора с огромным приданым (фактически это была контрибуция).

Однако хану этого было мало. Через некоторое время он стал требовать, чтобы император отказался от своего титула и признал себя монгольским вассалом. Тогда двор Цзинь перебрался в южную часть страны; война возобновилась.

Монголы захватили беззащитный Чжунду и перебили множество жителей. Это была первая массовая резня, которые отныне станут рутиной монгольских завоеваний.

Цзиньский Китай не сдавался еще почти двадцать лет (до 1234 года), однако Чингисхан сам в этой войне больше не участвовал. Он вернулся в Монголию и начал готовиться к еще более масштабному походу.

В результате китайской кампании хан не только захватил колоссальную добычу, но смог коренным образом укрепить свое государство и усилить войско.

Следуя правилу выдвигать толковых людей вне зависимости от их происхождения, Чингисхан взял на службу множество цзиньских чиновников, которые занялись реорганизацией административной и хозяйственной жизни его державы.

Еще важнее для военной империи были реформы в армии.

Китайская наука

Поскольку тангутский и китайский походы обнаружили беспомощность степной конницы перед крепостями, а мощь всех богатых стран зиждилась на хорошо укрепленных городах, Чингисхан создал сильный инженерный корпус, укомплектовав его цзиньскими мастерами. С этих пор никакая цитадель уже не могла остановить монгольского наступления.

При осаде серьезных крепостей завоеватели действовали методично и неспешно.

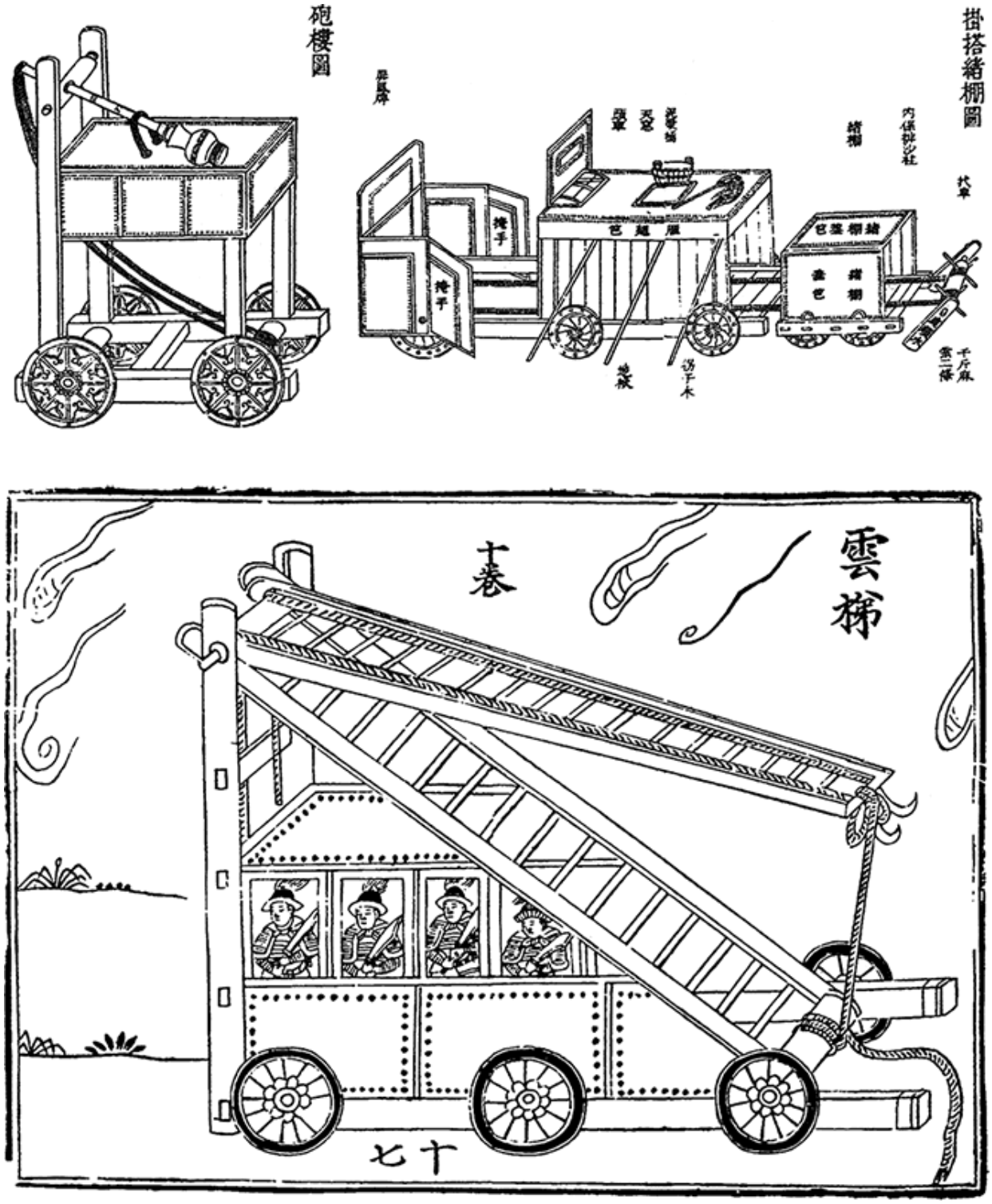
Сначала возводили по всему периметру сплошной частокол, полностью блокируя город.

Камнеметы начинали обстреливать врага огромными глыбами; гигантские, поразительно точные баллисты пускали стрелы, сделанные из бревен; зажигательные снаряды разбрызгивали жидкий огонь, который нельзя было погасить водой; саперы рыли подкопы, чтобы обрушить стену.

Обстрел не прекращался ни днем, ни ночью. Осаждающие отдыхали, сменяя друг друга, а у осажденных передышки не было. При этом гарнизон нес потери, монголы – практически никаких. Когда же в стенах образовывались

бреши и наступало время штурма, вперед, как мы помним, гнали местных жителей и немонгольскую пехоту, которую было не жалко.

Ни одна твердыня – а войска Чингизидов осаждали самые сильные крепости тогдашнего мира – не выстояла против «китайской» науки.



Китайские осадные машины. *Китайский рисунок XI в.*

Китайский поход 1211–1216 годов существенным образом изменил монгольскую державу. В культурном и материальном отношении она

по-прежнему являлась отсталой и, с точки зрения более развитых стран, варварской, но по части военно-технологической теперь намного опережала любую из них.

Среднеазиатский поход

Это преимущество было в полной мере продемонстрировано во время завоевания Средней Азии.

Так далеко на запад взгляд Чингисхана устремился после того, как он покорил слабое царство кара-киданей, осмелившееся дать прибежище недобитым врагам великого хана – найманам.

Теперь соседом расширившейся монгольской империи оказалось богатое государство хорезмшаха Мухаммеда, включавшее в себя не только Среднюю Азию, но еще и Персию с Афганистаном. Цветущие торговые города, караванные пути, высокоразвитое сельское хозяйство делали этот край одним из самых зажиточных регионов не только Востока, но и всего тогдашнего мира.

Поначалу хорезмшах повел себя осторожно – послал к Чингисхану посольство, цель которого, очевидно, была сугубо разведывательной: выведать, насколько силен новый сосед. Должно быть, монголы не показались посланцам слишком опасными. Во всяком случае, когда хан прислал торговый караван, хорезмийцы его уничтожили.

Вероятно, Чингисхан и без того рано или поздно напал бы на Мухаммеда, но это вероломство ускорило события.

Первым делом Чингисхан повел армию на Отрар, где были убиты послы-купцы. Времени на осаду тратить не стал, оставив заслон, и пошел дальше, на Бухару.

Войско хорезмшаха было гораздо многочисленнее, однако Мухаммед повторил ошибку цзиньских полководцев. Не зная, какая из монгольских колонн нанесет главный удар, он разделил армию, сгруппировав ее вокруг городов-крепостей. Чингисхан смог уничтожить все эти группировки поодиночке.

С помощью китайской техники он взял и Отрар, и Бухару, и Самарканд – возможно, самый населенный город тогдашней эпохи. (Там жило около полумиллиона человек, раз в десять больше, чем в Париже.)

Хорезмшах со свитой. *Персидская миниатюра*

Затем наступила очередь хорезмской столицы Ургенча, который тоже пал.

Все города, осмеливавшиеся оказать сопротивление, разорялись дотла, а их население истреблялось. Богатый Мерв имел неосторожность казнить захваченных в плен монголов из передового отряда. За это монголы не спеша, планомерно, зарезали всех жителей кроме четырехсот особо ценных мастеров. Город, в котором проживало несколько десятков тысяч человек, превратился в кладбище.

Не буду подробно описывать все перипетии среднеазиатского похода Чингисхана, продолжавшегося с весны 1219 до осени 1221 года; остановлюсь лишь на двух эпизодах этой грандиозной кампании.

Не непобедимы

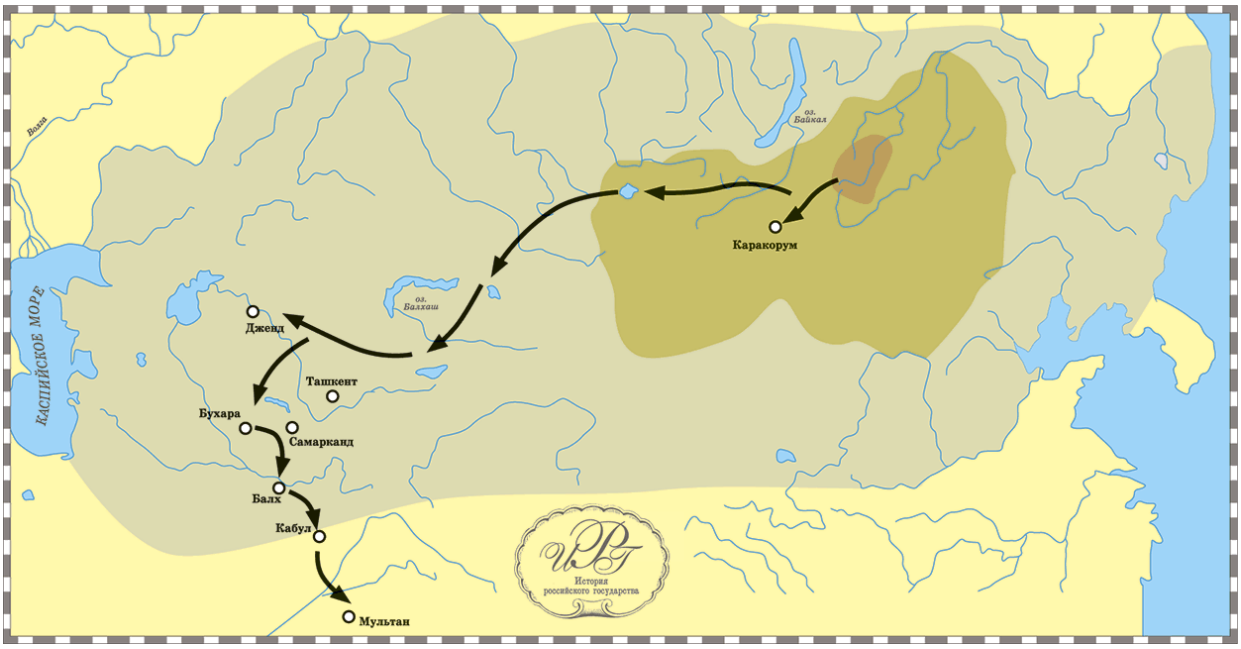
Один из них примечателен как первый пример неудачи монголов в бою.

Поражение не было сокрушительным, однако оно продемонстрировало, что с этим страшным врагом можно успешно воевать – если лишить его главных козырей. Честь первого победителя грозных степных воинов принадлежит принцу Джелал-ад-дину, сыну хорезмшаха. Это был смелый и упорный военачальник, попортивший монголам немало крови.

Весной 1221 года Джелал-ад-дин дал преследовавшему его монгольскому корпусу сражение в Парванском ущелье (Афганистан). Условия местности не позволили монголам применить их излюбленную тактику окружения и маневрирования, а против конных лучников хорезмский принц тоже выставил стрелков – только пеших, укрывшихся за камнями. Выманить противника ложным бегством в преждевременную контратаку монголам не удалось. Они применили еще одну излюбленную уловку: посадили на запасных коней соломенные чучела, чтобы создать впечатление, будто подошло большое подкрепление, – тоже не подействовало. В конце концов они отступили, оставив на поле брани половину воинов.

Придет время, когда и русские полководцы научатся эффективно противостоять монгольской тактике, но это будет

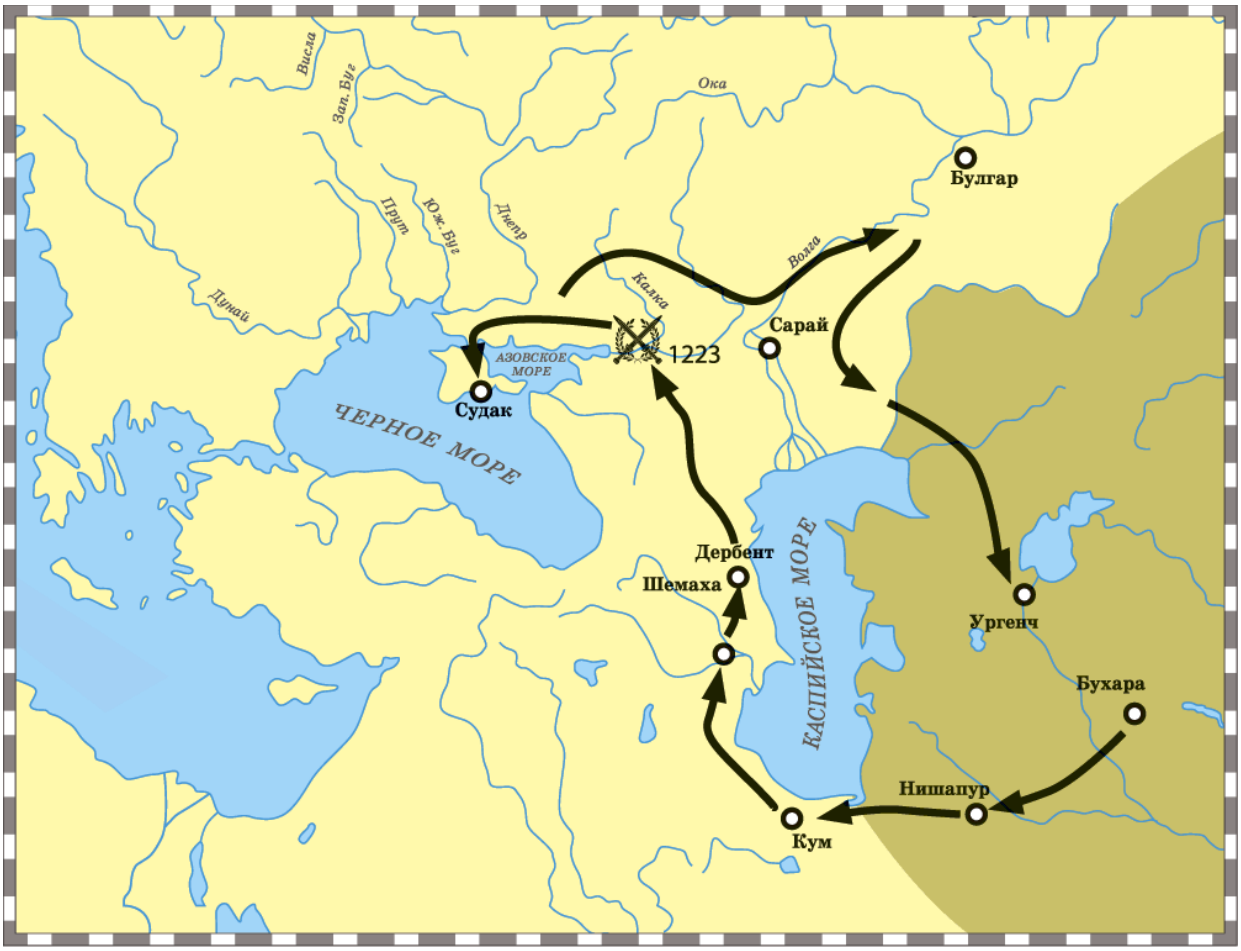
еще очень нескоро.



Среднеазиатский поход Чингисхана (1219–223). *М. Руданов*

Второй эпизод имеет непосредственное отношение к нашей истории. Я имею в виду рейд чингисхановских темников, завершившийся сражением на реке Калке. Просто теперь, когда монголы для нас уже не «языци незнаеми», мы имеем возможность посмотреть на это событие с другой стороны.

Когда основные силы Мухаммеда были разгромлены, его столица пала, а сопротивление возглавил храбрый принц Джелал-ад-дин, сам великий хорезмшах думал только о собственном спасении. Он уже хорошо знал, какая участь ожидает виновника гибели монгольских послов.



Рейд Субэдея и Джэбе (1220–224). *М. Руданов*

Мухаммед пустился в бега. Его свита, вначале многочисленная, постепенно таяла. В конце концов, бывший владыка центральной Азии спрятался на маленьком островке в Каспийском море, где вскоре умер, всеми оставленный.

Чингисхан отрядил в погоню за врагом лучших своих военачальников, Субэдея и Джэбе, дав им два тумена. Не найдя хорошо спрятавшегося хорезмшаха, корпус возмездия прошел через весь Кавказ, сокрушая сопротивление попадающихся на пути стран, потом вышел в Степь, которую половцы привыкли считать своей (она так и называлась – Половецкой или Кипчакской Степью), а дальнейшее нам известно: разбитый хан Котян побежал жаловаться своему воинственному зятю, тот перебаламутил князей, и русское войско пошло навстречу своей погибели.

С точки зрения монголов, всё это, вероятно, выглядело следующим образом.

Какие-то неведомые чужеземцы с бородатыми лицами, неестественно светлыми волосами, в железных кольчугах и остроконечных шлемах, почему-то стакнулись с половцами и варварски убили послов, отправленных к ним с разумными, мирными словами: мы-де против вас ничего не имеем и завоевывать вас не собираемся (что было правдой). Чудовищное злодеяние требовало наказания – иначе Субэдею и Джэбе пришлось бы нести ответ перед великим ханом. Исполнив предписание степного закона, монголы повернули обратно на восток. Это русская летопись сочла, что они неведомо «кде се деша» (куда делись); на самом же деле воины после долгих странствий отправились с дальнего края земли домой, в Монголию.

Смерть великого завоевателя

Сколь бы великим ни был человек, который сумел повернуть ход истории, рано или поздно его время заканчивается. Как мы помним, секрета вечной жизни от даосского старца Чингисхан не получил, а мудрым советом продлить земные годы посредством умеренности в эмоциях и привычках, по-видимому, не воспользовался.

Завоевав огромные пространства центральной Азии, император затеял еще один поход, гораздо меньшего масштаба. Даже странно, что сравнительно небольшую войну он решил возглавить лично, а не послал какого-нибудь из полководцев. Такое ощущение, что здесь было нечто личное.

Дело в том, что несколькими годами ранее, когда Чингисхан только собирался идти на хорезмшаха Мухаммеда, он потребовал от своего вассала, тангутского царя, подмоги, а тот ответил отказом, причем невежливым – вероятно, был уверен, что с хорезмскими полчищами монголы не справятся.

Хан не стал перед великим походом тратить время и силы на наказание тангутов, но, покончив с большим обидчиком, явился расквитаться и с маленьким.

Карательная экспедиция началась осенью 1226 года.

Всё шло гладко. Монголы без труда брали один за другим тангутские города. Но однажды старый хан упал с коня и сильно расшибся. Некоторое время похворал, да и умер. Это произошло 25

августа 1227 года. Величайший завоеватель мировой истории ушел из жизни весьма невеличественным образом.

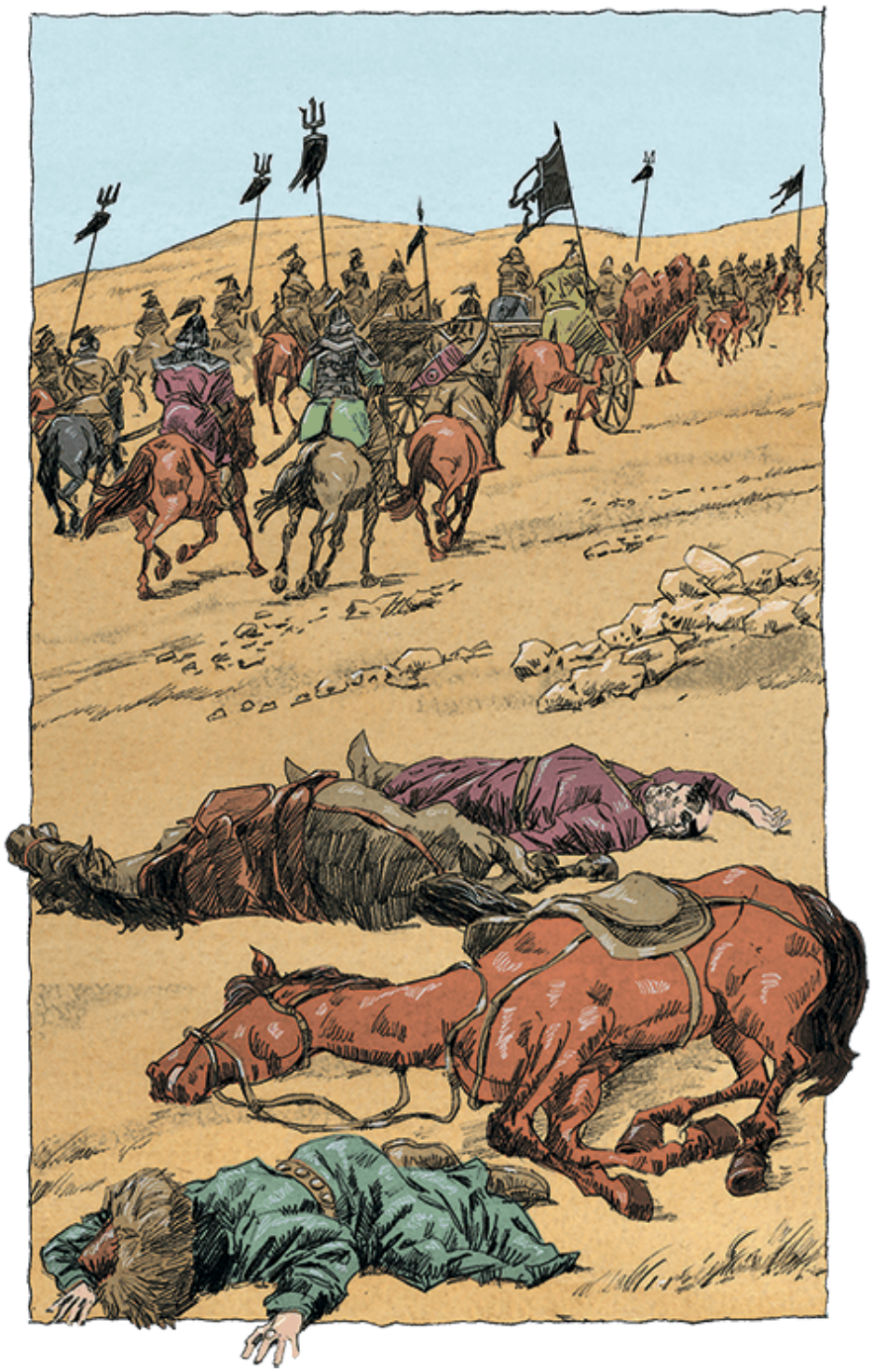
Тангутов это, правда, не спасло. Чтобы не деморализовать войска, приближенные хранили смерть государя в тайне вплоть до полной победы над врагом.

Обожествление Чингисхана

Не только смерть великого хана, но и его погребение были окружены невероятной таинственностью. Чингисхан еще при жизни стал для монголов священным символом, и этот символ не мог, не должен был умереть. Окружение завоевателя хорошо понимало, что полная дематериализация кумира подействует на воображение потомков сильнее, чем какая-то монументальная пирамида или лицезрение мумии в мавзолее. Никто не должен был видеть труп Чингисхана или его гробницу.

Погребение совершилось безо всякой помпы и в полной тайне. Все рабы, рывшие могилу, и даже все, кто случайно встретился похоронной процессии на пути, были убиты; потом казнили и тех, кто сопровождал хана в последний путь. Поэтому никто не знает, где зарыт прах Чингисхана. Существует множество версий: что по могиле прогнали табун лошадей, дабы сравнять ее с землей; что могилу скрыли под водами реки, чье русло было изменено, и так далее, и так далее. Есть, конечно же, и легенды, согласно которым Чингисхан умер не окончательно и однажды воскреснет, – куда ж без этого?

Основатель империи развоплотился и превратился в дух империи. Всё, связанное с его именем, у монголов будет почитаться сакральным.



Траурная процессия. *И. Сакуров*

С точки же зрения политической, смерть Чингисхана примечательна тем, что империя осталась без очевидного и бесспорного наследника. Начался небыстрый и трудный процесс

передачи верховной власти. На время монгольская экспансия затормозилась (так будет происходить еще не раз после кончины очередного государя).

Однако законы, по которым развиваются империи, долговечнее и могущественней усилий одного человека. Военная держава монголов была создана и устроена таким образом, что она не могла не продолжить своего роста, даже когда осталась без выдающегося вождя.

Нашествие

Судьба Руси решена

Наследство Чингисхана

У основателя империи было множество детей, однако право наследования признавалось лишь за сыновьями старшей и любимой жены великого хана – той самой Бортэ, которую Чингисхану еще в детстве сосватал отец.

Бортэ пользовалась полным доверием мужа, управляла Монголией во время его длительных походов и отлично справлялась с этой задачей. Важную роль великая ханша сыграла и в напряженный период междувластия, длившийся целых два года.

Отношения между четырьмя ее сыновьями были непростыми. В особенности не ладили двое старших: Джучи и Чагатай. На первом лежало пятно: он считался «меркитским отродьем», хоть Темучин официально и признал его своим первенцем.

Сам Чингисхан, видя враждебность старших сыновей, очевидно, в качестве компромиссной фигуры прочил в наследники третьего сына, Угэдея, однако окончательно решить вопрос о преемнике, согласно Ясе, мог только великий курултай.

Подготовка к нему растянулась надолго, поскольку претенденты и «делегаты» должны были съехаться со всех концов огромной империи.

Согласно монгольской традиции, хранителем родовых земель, остающимся при матери, являлся самый младший ее сын. Он (его звали Толуй) и стал кем-то вроде престолоблюстителя или регента на время созыва съезда.

Еще при жизни Чингисхан выделил каждому из четырех сыновей улус – не феодальное владение, а нечто вроде вице-королевства, на основе временного управления.

Джучи достались обширные степи к северу и западу от Аральского моря; Чагатай получил земли завоеванного кара-киданьского царства и основную часть бывшего Хорезма; Угэдей – Джунгарию и верховья Иртыша. Толую же досталась «малая родина» – Монголия, которая теперь была большой и сильной, а больше всего позицию регента укрепляло то, что под его командованием оказались основные силы

отцовской армии: сто одна из ста двадцати девяти «тысяч». Именно это обстоятельство и стало гарантом стабильности в переходный период.

Судя по всему, Чингисхан и его вдова были уверены в исполнительности своего младшего сына и его верности родительской воле. Когда в 1229 году великий курултай наконец собрался, очень многие его участники хотели избрать государем Толуя, который два года фактически правил империей и был популярен у монголов, однако регент отказался от претензий на престол, почитая желание отца священным. Наследником Чингисхана без каких-либо раздоров был утвержден Угэдей (1229–1241), тем более что Джучи к тому времени умер.

Мнения историков о личности второго императора монголов различны. Кто-то считает его способным администратором, внесшим большой вклад в обустройство и организацию огромного государства. Есть и другое мнение, согласно которому Угэдей был любителем роскошной жизни, который беспечно растратил колоссальную добычу, накопленную во время победоносных походов.

Как бы там ни было, но довольно скоро обнаружилось, что трофеи заканчиваются и государству жить не на что. Доходы империи, которая в ту пору была еще сугубо военной, целиком зависели от грабежа и контрибуций. Новообретенные привычки монгольской знати и потребности армии требовали новых завоеваний.

Для того чтобы решить, в каком направлении нанести следующий удар, в 1235 году великий хан Угэдей собрал новый курултай – уже не в ставке, а в только что построенной столице Каракорум. Раньше у монголов, как мы помним, городов не было, однако империя не могла существовать без столицы, и она появилась.

Роковой курултай

Собственно, на съезде обсуждался лишь вопрос о том, на кого идти войной.

Мнения разделились. Кто-то предлагал завоевать Корейский полуостров и южнокитайскую империю Сун (разоренное и ослабленное царство Цзинь к тому времени наконец прекратило сопротивление); от покоренной Персии было уже рукой подать до Индии или до Ближнего Востока – Багдада, Дамаска, Палестины. Речь шла о самых богатых и

густонаселенных регионах земли; ни в одном из них, как уже знали монголы, не было порядка, так что все они казались нетрудной добычей.

Хан Угэдей. *Китайский рисунок XIV в.*

Поразительно то, что курултай постановил нанести удары сразу во всех направлениях. Это красноречиво свидетельствует о том, как уверенно ощущала себя империя в тогдашнем мире. А последующее развитие событий доказало, что для этой уверенности имелись все резоны.

На Дальнем Востоке были затеяны сразу две войны – одна против царства Сун, другая против Кореи. Мишенью третьего похода стала Передняя Азия. Но монголам и этого показалось мало. Определилось еще одно направление экспансии – европейское.

Таким образом, на курултае 1235 года, в далеком Каракоруме, решилась историческая судьба множества стран, в том числе и нашей.

Инициатором похода на Русь, по-видимому, был старый Субэдей. Он наверняка рассказал участникам съезда о том, как странно воюют русские князья: каждый за себя, не помогая друг другу. Несомненно, знали монголы и о том, что в такой же жалкой раздробленности пребывают и остальные европейские страны. Объектом похода была не Русь, а весь Запад. Целью же мегавойны, которая охватывала три стороны света (кроме безлюдного и никому не нужного Севера), было не более не менее как окончательное объединение всего известного мира, расположенного в треугольнике между тремя океанами: Тихим, Атлантическим и Индийским.

Произошло одно важное изменение. Теперь монголы намеревались не просто разграбить захваченные территории, уведя в рабство «полезное» население и уничтожив «бесполезное», а именно завоевать дальние страны с тем, чтобы потом ими править.

Увидев, что даже очень большой военной добычи надолго не хватает, монголы должны были задуматься о создании иной экономической системы. К этому несомненно призывали и поступившие на службу к великому хану опытные советники – китайцы и мусульмане.

Кроме того, деление империи на улусы, первоначально, по-видимому, задумывавшееся как временное, начинало перерастать в нечто иное. Империя была слишком обширной и громоздкой, чтобы эффективно управляться из одного центра, а братья и подросшие племянники великого хана хотели ощущать себя если не самостоятельными, то автономными владыками. Для каждой из ветвей Чингисханова рода «личный» поход был способом расширить свои владения и создать собственную материальную базу. Впрочем, о независимом царстве в эту эпоху никто из младших Чингизидов еще не мечтает. Монгольский мир пока един.

Половецкая степь, Русь, а также всё, что находилось за Русью, курултай «отдал» улусу Джучи. Первенец Чингисхана к тому времени уже умер, его молодого наследника звали Бату (в русских летописях – «Батый»). Он и стал формальным предводителем Западного похода, хотя на самом деле войском командовал лучший монгольский полководец Субэдей, уже бывавший в тех далеких краях.

Силы вторжения

Самым убедительным доказательством того, что в этот период завоевание новых стран считалось общим делом всей империи, является принцип формирования армии Бату-Субэдея.

В Западном походе кроме сил улуса Джучи участвовали и контингенты из всех остальных улусов, а в командование входили сыновья и Угэдея, и Чагатая, и Толуя. В хронике монгольско-персидского историка и государственного деятеля Рашид-ад-дина, в длинном списке ханов, участников европейского похода, Бату по статусу значится лишь на девятом месте. Позднее у него возникнут трения и конфликты с двоюродными братьями, которые считали себя по меньшей мере ровней сыну «меркита». Однако Запад всё же «принадлежал» улусу Джучи, и субординационно остальные принцы находились по отношению к Бату в подчиненном положении.

Бату. *Китайский средневековый рисунок*

Размеры армии Бату оцениваются по-разному. В русской исторической традиции часто фигурировали цифры в триста и даже пятьсот тысяч человек, для чего некритически брались сведения из летописей. Неправдоподобное преувеличение объяснялось патриотической «обидой» и желанием «оправдать» ужасный разгром. Карамзин пишет: «Сила Батыева несравненно превосходила нашу и

была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов в ратном деле: древние Россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками, или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины Князей и города не хотели соединиться, действовали особенно, и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева».

Никакого полумиллиона и даже трехсот тысяч не было и быть не могло.

Известно, что вся монгольская армия к моменту смерти Чингисхана насчитывала 129 тысяч человек, и при Угэдее больше она не стала. Эти силы пришлось поделить между четырьмя направлениями, из которых европейское было не главным.

Из источников мы знаем, что улус Джучи вначале получил очень небольшую часть армии – всего четыре тысячи настоящих монгольских воинов. Конечно, с их помощью были обучены и подготовлены новые части из тюркских племен. Непосредственно перед походом пришли подкрепления из других улусов, весьма значительные.

И всё же речь вряд ли может идти о сотнях тысяч. Современные историки считают реалистичными цифры в пределах от 30 до 100 тысяч воинов (самая вероятная – тысяч пятьдесят), что по русским и европейским меркам все равно было гигантской силой. Ни одно из русских княжеств не могло вывести в поле сопоставимое число ратников. Вряд ли это удалось бы и какому-нибудь европейскому королевству.

Если учитывать бережливое отношение монгольского командования к личному составу и обыкновение присоединять к войску отряды покоренных народов, получается, что у Субэдея и Бату сил для завоевания Европы было вполне достаточно. А боевые качества и уровень военного искусства этого войска находились на таком уровне, что его численность – здесь придется не согласиться с Карамзиным – никак не была «единственною причиною его успехов».

Подготовительный этап

Хроника сообщает о войсках, выступивших из Монголии: «Они все сообща двинулись весною бичин-ил, года обезьяны (1236), и лето провели в пути». Осенью того же года армия соединилась и разбила Булгарию – долгая история этого волжского царства, выдержавшего на своем веку немало потрясений, на этом заканчивается.

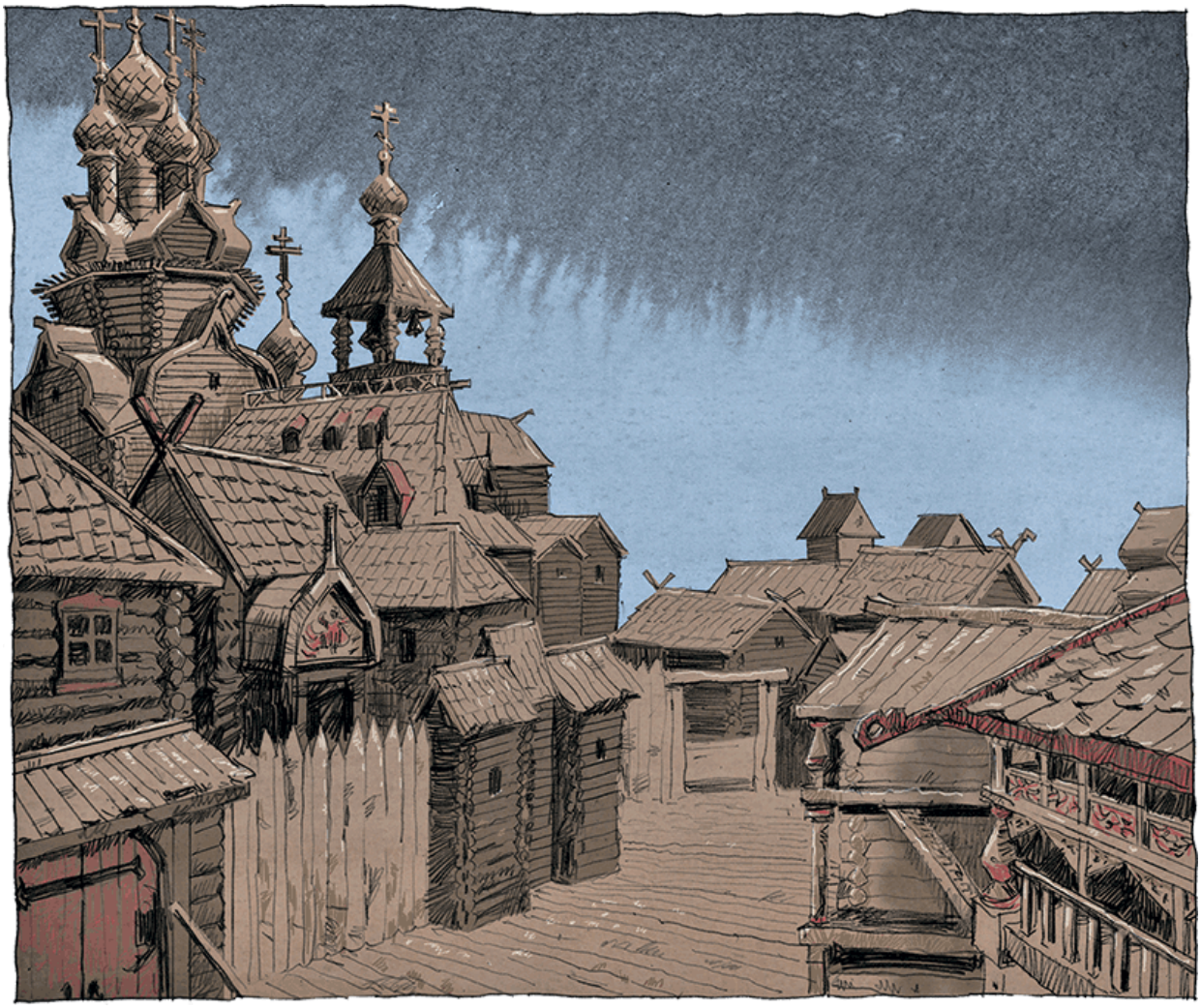
Идти дальше, на Русь, завоеватели не спешили. Они обосновывались в новых краях основательно и надолго. Изучали пути для наступления, обеспечивали тыл, собирали разведывательные сведения, добивали или привлекали на свою сторону окрестные племена, обучали новобранцев. Возможно, именно в этот период Бату-хан выбрал место для будущей столицы своего улуса – чтобы она удобно располагалась между завоеванными территориями и метрополией.

Приготовления к вторжению длились больше года – Субэдей вообще был из тех, кто медленно запрягает, зато потом очень быстро едет. Очевидно, он нарочно ждал снега и холодов. Суровая зима не раз будет спасать Россию от иноземных армий, но монголы привыкли к морозам, а по замерзшим рекам передвигаться им было проще и быстрее, чем продираться через густые леса и топи.

Итак, огромное вражеское войско простояло невдалеке от русских рубежей много месяцев. Наверняка до Руси доходили вести о монгольских победах, добирались беглецы, однако и теперь, уже перед самым нашествием, обреченная страна не готовилась к обороне. Соловьев пишет: «Толпы булгар, избежавших истребления и плена, явились в пределах русских и просили князя Юрия дать им здесь место для поселения; Юрий обрадовался и указал развести их по городам поволжским и другим». Обрадовался – и всё. А ведь Юрию, великому князю владимирскому, сыну Всеволода Большое Гнездо, и по своему положению старшего из русских государей, и просто из опасения за собственное будущее (земли Юрия Всеволодовича находились недалеко от Степи) более чем кому-либо надлежало бы озаботиться восточной угрозой.

Но нет. Владимирская летопись в это время сообщает о том, что в соборном храме поставили новый киот и расписали придел. Новгородская летопись пишет о незначительных стычках с «безбожной

Литвой», о приезде митрополита-«гречина» и о строительстве нового монастыря.



Русь домонгольская. *И. Сакуров*

Русь не предчувствовала своего конца и, казалось, была поражена странной слепотой. Но ничего загадочного в этой безмятежности нет, она объясняется очень просто. Каждый князь был целиком поглощен своими мелкими заботами и больше ничем не интересовался – не то что разгромом булгар, но, как мы увидим, даже нападением степных полчищ на другое, русское же княжество. Кипучего Мстислава, который, пускай на беду Руси, но всё же сумел собрать большое коалиционное войско в 1223 году, уже не было в живых. Единой страны давно не существовало; ее народ хоть и говорил на одном языке, однако жил поврозь. Единой нацией он ощутит себя еще очень нескоро.

Нашествия и набеги чужеземцев на родственников и соседей часто будут восприниматься Рюриковичами не как общая беда, а, наоборот, как подарок судьбы и возможность поживиться за счет ослабленного княжества.

Так и вышло, что худшее за всю историю испытание застало Русь разрозненной и не готовой к серьезному сопротивлению.

Завоевание

Повторю еще раз: нет сомнений, что армия Бату-Субэдея, гораздо более сильная, чем на Калке, разгромила бы и объединенное войско Древней Руси, однако раздробленность и полное отсутствие какой-либо солидарности облегчили монголам задачу. Они получили возможность спокойно расправиться с русскими областями поодиночке, да еще сделать перерыв для отдыха и пополнения сил.

Военных кампаний, собственно, было две. Первая началась в конце 1237 года и была направлена против северной Руси. Вторая – против южной и дальше, в Западную Европу.

Северная кампания

Начали монголы с пограничной Рязанской области. Как водится, беде предшествовало плохое предзнаменование – затмение солнца, согласно летописи, длившееся пять дней. Впрочем, это природное явление случилось еще в августе, война же началась только в декабре. «В то лето придоша иноплеменьници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множьство бещисла, акы прузи [саранча]».

В «Повести о разорении Рязани Батыем» рассказывается о том, что вначале «татарове» прислали в Рязань парламентеров. Этот текст является именно повестью, а не хроникой; он, по-видимому, написан много позднее и содержит множество легенд, к которым не следует относиться как к историческим фактам, однако, исходя из того, что нам известно о военных обычаях монголов, послы, скорее всего, действительно прибыли. Выдвинутые требования, по монгольским понятиям, были умеренными: покориться и отдать десятую часть людей, имущества и «князей» (вероятно, речь шла о заложниках), но рязанцам условия показались нелепыми, а послы «бездельными», то есть присланными невсерьез.

Первый поход Бату-хана (1236–238). *М. Руданов*

Рязанский князь попросил подмоги у Юрия Всеволодовича Владимирского, но тот не откликнулся на зов, «сам хоте особь брань

створити». Должно быть, рассчитывал, что с монголами будет легче справиться, когда они растратят силы в борьбе с Рязанью, а может быть, надеялся, что степняки удовольствуются добычей и повернут обратно, как это не раз делали половцы. На помощь Юрию Игоревичу Рязанскому пришли лишь его близкие родственники, совсем мелкие князья.

С этими небольшими силами думать о сражении не приходилось. Отсидеться за городскими стенами тоже не удалось. Бревенчатые укрепления Рязани не могли долго продержаться против китайской осадной техники. В пять дней (согласно нашей хронике) или в три (согласно монгольской) город был взят и сожжен, а все его жители как не подчинившиеся воле хана уничтожены. Юрий Игоревич, по-видимому, пал в бою, хоть «Повесть о разорении» относит его гибель к более позднему времени.

Татары разоряют русский город. *Миниатюра XVI в.*

Уже не художественное произведение, а летопись (Лаврентьевская) рассказывает, что захваченных рязанцев расстреливали из луков и распинали, но последнее, видимо, является художественным преувеличением, которое должно было подчеркнуть антихристианский дух языческого нашествия. Обычно монголы убивали пленных быстро и деловито, без церемоний.

Рязань прекратила существование; впоследствии город с тем же названием будет находиться в другом месте.

Хроника Рашид-ад-дина к этому времени уже ставит Бату на первое место среди ханов. О взятии Рязани (она названа «Арпан») сообщается коротко – видимо, ничего примечательного в этом событии не было, однако поминается, что «русский эмир по имени Урман» (коломенский князь Роман Ингваревич) дал монголам сражение в открытом поле и пал в бою, однако победа далась завоевателям нелегко – они потеряли Кулкана (Кюль-хана), сына Чингисхана от одной из младших жен. Это произошло уже в январе 1238 года. Далее, взяв городок «Макар» (Москву), войско пошло на столицу Юрия Всеволодовича – Владимир.

Великий князь, отказавшийся помочь Рязани, всё еще не был готов к решительной битве. Он оставил Владимир на попечении двух сыновей, Всеволода и Мстислава, а сам отошел к Волге, чтобы завершить сбор войск. Должно быть, Юрий Всеволодович надеялся, что хорошо укрепленный город выстоит до подхода основных сил.

Но столица продержалась всего несколько дней. Монголы взяли город по всей инженерной науке: быстро построили тын, замкнув периметр, проделали проломы и взяли штурмом сначала внешнее, а затем и внутреннее кольцо стен. «Они ожесточенно дрались», – признает Рашид-ад-дин мужество обороняющихся.

Когда стало ясно, что надежды нет, один из княжичей, Всеволод, вышел с дарами и попробовал начать переговоры о сдаче, но Бату-хан не мог принять капитуляцию у тех, кто уже пролил монгольскую кровь. Всеволод и его свита были перебиты.

Семья великого князя, епископ и множество других знатных и незнатных владимирцев затворились в соборе, уповая на Божье чудо. Но чуда не произошло. Нападающие сожгли церковь вместе со всеми, кто в ней находился.

Сразу после захвата главного вражеского города монголы, следуя всегдашней тактике, разделились на группы и до конца февраля заняли все основные поселения владимиро-суздальской и ростовской областей.

Лагерь Юрия Всеволодовича находился на берегу речки Сити, притока Мологи, которая впадает в Волгу. Великий князь потерял столицу, семью, почти все владения, но у него еще оставалось войско. К сожалению, он не был искусным полководцем и не понимал, как

воевать с таким противником. Находясь на своей собственной территории, среди родных лесов, Юрий владел ситуацией хуже, чем чужеземцы. Не зная, с какой стороны ожидать удара, он стоял на месте и позволил Субэдею окружить себя.

Решительное сражение произошло 4 марта 1238 года на берегу Сити. Стратегическое, численное, качественное преимущество было на стороне монголов. Им к тому же удалось напасть на русских врасплох («и нача князь полки ставити и се внезапу приспеша Татарове»).

Охваченное в кольцо владимирское войско было почти полностью истреблено. Юрий погиб в схватке. Его отрубленную голову принесли Бату-хану.

Епископ Кирилл находит обезглавленное тело великого князя Юрия на поле сражения на реке Сити. *В. Верещагин*

«И бысть сеча зла, и побегоша пред иноплеменники», – горестно пишет наша летопись. Монгольская же о битве вообще не поминает, не находя в этом бою, одном из многих, ничего особенного. А между тем именно этот день, 4 марта 1238 года, может считаться самой черной датой отечественной истории. С этого момента Древняя Русь прекратила свое существование как самостоятельная политическая величина. Дальнейшее сопротивление нашествию носило уже неорганизованный, фрагментарный характер, и вождя у разбитой стороны теперь не было.

Князь Василько

Из всех жертв разгрома на реке Сити нашим летописцам отчего-то жальче всего ростовского князя Василько Константиновича. Он был «лицом красен, очима светел и грозен, хоробр паче меры на ловех [на охоте], сердцем легок». Очевидно, Василько слыл доблестным воином не только среди русских, но его слава дошла и до монголов. Вопреки своему правилу безжалостно убивать вражеских военачальников, для ростовского князя они сделали исключение: взяв в плен, стали звать к себе на службу. Вероятно, Бату-хан счел, что теперь Русь завоевана и пора присоединить к своей армии местные воинские отряды, как монголы это делали повсюду.

Но Василько отказался служить врагам и не принял от хана угощения (этому ритуалу монголы придавали большой смысл, а отказ воспринимали как оскорбление). Непреклонного пленника предали казни и бросили его тело в лесу. «Излише [очень сильно] же слугы свои любляше, мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста», – скорбит по Васильку летописец, и эти слова звучат панегириком удалым, вольным князьям ранней Руси. Их время закончилось.

Сразу же после победы на Сити монголы, действуя по плану, видимо, разработанному заранее, двинулись на самый богатый русский город – Новгород. По дороге они грабили и жгли поселения, а людей убивали, следуя Чингисхановым правилам психологической войны. Пал бы, конечно, и Новгород, но северо-западный регион спасла от беды защитница-природа.

Морозов захватчики не боялись, но в 1238 году случилась ранняя весна. К концу марта реки и болота растаяли, леса и дороги стали непроходимыми от распутицы.

Боясь погубить лошадей, монголы повернули на юг, не дойдя всего ста километров до цели. Так Новгород, а вместе с ним и Псков избежали жестокой участи других русских городов, что поставило эти

две области в привилегированное положение, сохранявшееся на протяжении всего татаро-монгольского владычества.

Разгромив князей Северной Руси, самых сильных в военном отношении, Субэдей и Бату сочли главную задачу выполненной и ушли назад в Степь готовиться к следующему, более трудному и дальнему походу.

Гибель Евпраксии. *Н. Матвеев*

О легендарном и подлинном героизме

Легкость, с которой монголы завоевали Русь, отечественным авторам последующих эпох казалась обидной. Так возникли утешительные для национального самосознания легенды о героическом сопротивлении – красивые, но, похоже, вымышленные. Восходят они в основном к уже поминавшейся «Повести о разорении Рязани Батыем», самый ранний список которой датируется XVI столетием.

Там есть трогательное сказание о Евпраксии, жене княжича Федора, сына Юрия Рязанского. Будто бы княжич был отправлен с посольством к Батыю, моля не идти на Русь войной, а сладострастный хан, «в похоти плоти своея», потребовал прислать ему жену Федора, «лепотою-телом красна бе зело». Федор с презрением отказался и был предан смерти. Услышав о гибели супруга, красавица Евпраксия взяла на руки маленького сына, кинулась из окна превысокого своего терема и разбилась. Эпизод этот несомненно является художественным вымыслом, но таким красивым, что церковь впоследствии канонизировала Евпраксию, даже несмотря на совершенный ею смертный грех самоубийства.

Еще одна легенда, о Евпатии Коловрате, получила такое распространение, что даже входила в школьные учебники. В «Повести» рассказывается о храбром рязанском воеводе Евпатии Коловрате, который вернулся на родину уже после ее разорения, собрал дружину в тысячу семьсот воинов, погнался за Батыем, настиг его и многих татар порубил. Батый послал против Коловрата армию под командованием своего шурина, но наш богатырь рассек язычника «до седла», а войско его уничтожил.

Справиться с Коловратом в честном бою поганые не могли и перебили его дружину лишь с помощью метательных орудий. Когда же Батыю доставили тело убитого воеводы, хан воскликнул: «Аще бы у меня такий служил, держал бых его против сердца своего!» – и позволил похоронить героя с честью.

К сожалению, никаких других упоминаний о доблестном Коловрате не сохранилось, хотя в монгольской летописи не

обойдены молчанием реальные случаи упорного сопротивления русских.

Так Рашид-ад-дин повествует, вполне почтительно, о не придуманном, а подлинном героизме жителей городка Козельска, который доставил Бату-хану гораздо больше хлопот, чем хорошо укрепленные крепости. Есть этот рассказ и в русских летописях.

Там правил князь Василий из черниговской ветви Рюриковичей, еще совсем мальчик. Он отказался сдаться. Городок находился на пути движения основных сил Бату-хана, поэтому монголы решили взять крепостцу с ходу. Но жители Козельска с мала до велика вооружились кто чем мог, вышли на стены и отбили все штурмы. Пришлось устраивать настоящую осаду, однако и она не сломила дух защитников. Город продержался целых семь недель и был взят лишь тогда, когда в живых никого не осталось.

По летописи, очевидно утрирующей малолетство князя Василия, он будто бы не просто погиб, а «во крови утонул». Все население, включая младенцев, было истреблено.

Монгольская хроника повествует: «Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им», так что пришлось ждать подхода туменов Кадана (сына великого хана) и Бури (сына Чагатая). Тверской летописец присовокупляет, что при осаде монголы потеряли четыре тысячи человек, в том числе трех княжичей, и что Бату повелел именовать Козельск «Злым Городом».

Памятник Евпатию Коловрату в Рязани. *Скульптор О. Седов*

Возможно, потери, понесенные при взятии малозначительной крепости, стали еще одной причиной более чем двухлетней передышки, которую устроили себе монголы прежде чем идти дальше на Запад.

Южная кампания

Судя по тому, как долго пришлось Бату-хану восполнять убыль в людях и лошадях, первый русский поход обошелся монгольской армии недешево. Пришлось восстанавливать боеготовность поредевших туменов – обучать новых воинов, дожидаться подкреплений. Вторая стадия войны, целью которой была вся Европа, требовала больше войск, чем покорение Руси.

В течение следующего 1239 года монголы ограничились усмирением неспокойных северокавказских племен – понадобилось укрепить тыл. С той же целью добили старого врага – хана Котяна,

который теперь окончательно ушел из родных степей и увел остатки своей орды, сорок тысяч человек, к венгерскому королю.

Какие-то небольшие отряды заглянули в пограничные районы Владимирского княжества, но жители заранее узнали о приближении монголов и в ужасе бежали прочь.

Единственным более или менее серьезным военным предприятием этого периода был поход на Чернигов, но сам Бату в этой экспедиции не участвовал. Лишь один из Ольговичей, потомков Олега «Гориславича» (того, что когда-то привел на Русь половцев), издавна владевших этой областью, князь Мстислав осмелился вступить в бой, но был разбит, а город быстро пал. Сам черниговский князь Михаил Всеволодович сидел в Киеве и выйти оттуда не решился. Однако, когда монголы отправили к нему послов, предлагая сдаться, этот вспыльчивый властитель приказал посланцев умертвить. Затем, уже зная, какие последствия будет иметь этот поступок, Михаил не стал дожидаться возмездия и уехал из Киева в Венгрию, где понемногу скапливались беглецы от монгольского нашествия. (На отношении русских историков к фигуре Михаила Черниговского сильно сказалась его мученическая кончина, до которой мы еще дойдем, и последующая канонизация, но вообще-то этот князь не отличался ни храбростью, ни дальновидностью.)

Неудивительно, что свою вторую кампанию, целью которой было завоевание всей Европы, Бату-хан начал именно с Киева. К этому времени городом владел Даниил Галицкий, государь осторожный и рассудительный. Он не повел на монголов свое сильное войско, а предпочел отойти, рассчитывая, что основное направление монгольского удара пройдет мимо его столицы Галича. Киевским гарнизоном остался командовать тысяцкий Дмитр.

Здесь у разных историков встречаются расхождения: кто-то относит эпизод с убийством послов к событиям именно этого, а не более раннего периода. Однако это маловероятно, и скоро мы увидим почему.

Город окружила вся монгольская орда. «И нельзя было голоса слышать от скрипения телег его, от рева множества верблюдов его, ржания стад коней его, и была вся земля Русская наполнена воинами», – пишет Галицко-Волынская летопись.

Китайские осадные орудия сокрушили стены, но Дмитр не сдался и бился до последнего. Вместо захваченных стен киевляне возводили новые линии обороны. Наконец, 6 декабря пал последний оплот, Богородичный собор. Должно быть, стойкость защитников была поистине героической, потому что Бату-хан нарушил всегдашнее правило уничтожать сопротивляющихся до последнего человека. Известно, что раненого и захваченного в плен Дмитра хан не только помиловал в уважение к его доблести («и не убиша его мужьства ради его»), но оставил при себе. Если бы монгольских послов умертвили по приказу Дмитра, такого, конечно, не произошло бы.

Вскоре после взятия Киева монголы достигли западного края русских земель. Они разорили половину Галицкой земли, не получив отпора от князя Даниила, который на это время, как и многие перед ним, удалился в Венгрию. Но надолго монголы в Западной Руси не задержались. Летописец считает, что это тысяцкий Дмитр, пользовавшийся у Батыя уважением, убедил хана двигаться дальше.

А дальше начиналась уже собственно Европа – новые земли, новые враги, новые походы.

Некоторые Чингизиды сочли, что их обязательства теперь выполнены, и повернули назад, уводя с собой свои отряды. «Гуюк-хан и Менгу-хан вернулись домой и расположились в своих ордах. Вот и всё!» – таким бодрым восклицанием заканчивает Рашид-ад-дин свой рассказ о самой трагической странице нашей истории.

В самом деле: вот и всё. Прежняя Русь прекратила свое существование.

Монголы в Европе

Историки по-разному излагают и оценивают течение Европейского похода Бату-хана, однако, поскольку события происходили за пределами Руси и напрямую не связаны с нашей темой, я коротко опишу лишь общий ход боевых действий.

Запад был подготовлен к вторжению сильной, прекрасно устроенной вражеской армии не лучше, чем Русь. В Европе тоже распались или распадались ранние централизованные государства, на смену им пришла феодальная раздробленность. Кроме множества мелких раздоров внутри каждой страны существовала еще и вражда между двумя главными фигурами западного мира – римским папой и германским императором.

В военном отношении европейские армии, ударную силу которых составляла тяжелая, неповоротливая и недисциплинированная рыцарская конница, были для монголов не более опасным противником, чем дружины русских князей.

Казалось, Европа была обречена пасть под натиском стремительных ударов Субэдея – и несомненно пала бы, если б ее не спасло случайное обстоятельство, которое не позволило всемирной истории целиком повернуть в «азиатское» русло.

Очевидно, монголы хорошо знали, насколько слабы и разобщены страны, находящиеся западнее Руси. Только этим можно объяснить тот факт, что Бату разделил свои силы: сам пошел на Венгрию, а своего двоюродного брата Байдара (сына Чагатай-хана) отправил на Польшу. Известно, что Байдар получил под свое начало двадцать или тридцать тысяч воинов; каков был размер главной армии, точно неизвестно – предположительно тысяч пятьдесят. С этими силами монголы собирались осуществить операцию по завоеванию всей центральной Европы, применив неоднократно опробованную стратегию: охватить намеченную территорию в клещи с севера и юга, а затем сомкнуть кольцо.

Второй поход Бату-хана (1240–242). *М. Руданов*

Разгром Венгрии

У Бату-хана накопилось много претензий к венгерскому королю Бэле IV (1235–1270), давшему приют половецким и русским изгнанникам; к тому же венгерская равнина была удобна для перемещений больших масс кавалерии. Отсюда можно было, дав отдых лошадям, подготовить следующий этап завоевания Запада.

Поэтому весной 1241 года основная часть монгольского войска двинулась через Карпаты и, преодолев перевалы, как обычно, разделилась на отдельные корпуса, поведшие «веерное» наступление во все стороны.

Король Бэла призвал на помощь своего брата хорватского герцога и рыцарей-тамплиеров. Эта объединенная армия, по-видимому, численно превосходила монгольскую. Сошлись у реки Шайо, в северо-восточной Венгрии. Сражение, произошедшее 11 апреля 1241 года, можно считать образцом монгольского военного искусства.

Король Бэла бежит от монголов. *Миниатюра из венгерской хроники XIV в.*

Скрытно форсировав реку, Субэдей обошел укрепленный неприятельский лагерь с фланга, а Бату тем временем захватил мост. Потом монголы стали осыпать скученного неприятеля стрелами, обстреливать из камнеметов, а когда венгры дрогнули, ударила тяжелая конница.

Имея недостаточное количество воинов, чтобы замкнуть кольцо, Субэдей и это обстоятельство обратил себе на пользу. Он нарочно оставил зазор, чтобы врагу было куда ретироваться. Отступление перешло в беспорядочное бегство, и монголы в течение шести дней преследовали разбитого противника, почти полностью уничтожив его и ворвавшись на плечах беглецов в венгерскую столицу Пешт.

Так катастрофически завершилось первое же крупное столкновение европейского войска с монгольским. Сильное венгерское королевство было разбито в одном сражении.

Бэла бежал в Австрию, а победители принялись грабить города захваченной страны. По разным оценкам, Венгрия потеряла от 15 до 25 процентов своего населения убитыми и угнанными в рабство.

Один из монгольских отрядов отправился наказать Хорватию за помощь венграм, другой пошел навстречу корпусу Байдара, возвращавшемуся из Польши.

Победы Байдара

На севере монголам тоже повсюду сопутствовал успех.

В начале 1241 года царевич Байдар со своими двумя (по другим сведениям, тремя) туменами вторгся в Польшу, разбив по отдельности сандомирского и краковского воевод.

Тогда навстречу грозному врагу вышла большая союзная армия, объединившая силы силезского герцога, Тевтонского и Ливонского орденов; там был даже контингент французских рыцарей.

9 апреля 1241 г. – почти день в день с битвой в Венгрии – состоялось генеральное сражение и на северном театре военных действий, близ силезского городка Лигниц (Легница). Год спустя, на Чудском озере, дружина Александра Невского покажет, что западноевропейская латная конница уступает русскому оружию; тем более не было у рыцарей шансов против монголов.

Баталия при Лигнице – еще более яркое, чем бой на реке Шайо, свидетельство абсолютного превосходства монгольского военного искусства. Пожалуй, стоит рассказать о ходе сражения чуть подробней.

Командующий польско-немецкой армией герцог Генрих Благочестивый сначала попробовал тягаться с монголами в мастерстве стрельбы, выслав вперед лучников. Байдар применил невиданный прием – устроил дымовую завесу, под покровом которой уничтожил вражеских стрелков фланговым ударом конницы.

Рыцарям пришлось идти в атаку при плохой видимости. Они оторвались от пехоты. Из дыма со всех сторон раздались крики по-польски: «Спасайся кто может!» – еще одна монгольская хитрость, вызвавшая в рядах европейцев замешательство.

Одновременно контратаковала тяжелая кавалерия Байдара, который расположил свою ставку на холме, откуда отлично просматривалось всё поле, и координировал действия своих отрядов.

Замешательство перешло в панику, паника в беспорядочное бегство. Генрих Благочестивый погиб. Его насаженную на копье голову монголы принесли к воротам Лигница.

Чтобы сосчитать число убитых врагов, Байдар приказал отрезать у трупов по уху – набралось девять мешков (какому количеству жертв соответствует этот жуткий трофей, никто из историков, слава богу, подсчитать не пытался).

Монголы в Венгрии. *Немецкая миниатюра XV в.*

После этого разгрома с Польшей было покончено. Недели две пограбив города и селения, корпус Байдара повернул к югу.

Он прошел через территорию современной Чехии, широко развернув свои отряды. Существует легенда, что богемский король Вацлав разбил монголов в битве при Оломоуце и тем самым спас Западную Европу от завоевания, но это именно что легенда – вроде нашей о Евпатии Коловрате. Она появилась только в девятнадцатом веке. Если какая-то неудачная для монголов схватка и произошла, то малозначительная и ничего не изменившая.

Первый этап европейского похода завершился полным успехом Бату-хана. Венгрия и Польша были побеждены, корпуса армии соединились в одну мощную силу. Войска отдохнули и были готовы к движению дальше.

Вся Западная Европа пришла в смятение, ожидая нашествия. Папа Григорий IX призвал государей к крестовому походу против «тартар»; император Фридрих II, чьи земли теперь непосредственно соседствовали с монгольской территорией, тоже рассылал послов ко всем дворам.

Однако повторялась история с завоеванием Руси: чем дальше от места событий находились владения феодала, тем меньше он тревожился, а о совместных действиях папы и императора, заклятых врагов, речи идти не могло.

Чудесное избавление

Всё шло к тому, что через год-другой европейский континент станет частью улуса Джучи, но на Востоке произошло одно вполне обыкновенное событие: заболел и умер пожилой, не особенно выдающийся человек – великий хан Угэдей.

Однако империи, в особенности военные, устроены таким образом, что кончина правителя повергает всю вроде бы незыблемую пирамиду в содрогание. Сложная система наследования, предполагавшая альтернативность кандидатов, еще больше осложняла периоды междуцарствия.

Монгольская ямская почта, конечно, была превосходна, но ей пришлось преодолеть десять тысяч километров, и во многих местах дорога проходила по разоренным, опасным местам. Когда в Венгрии и Силезии произошли масштабные сражения, Угэдей был уже четыре месяца как мертв, но Бату об этом еще не знал. Когда же наконец узнал, то забыл о Европе и заторопился на восток.

Великий курултай для него, как и для других членов императорского дома, был делом огромной важности. Слава победителя Запада и огромные завоеванные территории сильно повысили статус этого несколько сомнительного внука Чингисхана; он не мог претендовать на престол сам, однако имел шансы провести своего кандидата – если успеет вернуться вовремя. Возвращаться же был смысл лишь с войском, размер которого явится важным аргументом в споре за трон.

При этом Бату-ханом двигало не только честолюбие, но и инстинкт самосохранения. Дело в том, что после окончания русского похода

Гуюк-хан и Бури-хан, двоюродные братья главнокомандующего, ушли обиженные. Они-то уже находились в Монголии и, если б на выборах верх одержала их партия, Бату-хану было бы несдобровать. За промедление он мог заплатить не только положением, но и жизнью. Это соображение было существеннее завоевания какой-то там Германии или Франции. Ради того чтоб не распылять силы, Бату-хан даже оставил уже покоренную им центральную Европу.

Западная Европа была спасена – точно так же, как в 1259 году после смерти великого хана Мункэ спасутся от, казалось бы, неизбежной гибели Дамаск и Сунский Китай. А Восточной Европе не повезло – она находилась слишком близко от нижней Волги, где, на полпути между Востоком и Западом, Бату-хан решил устроить столицу своего улуса.

Так оборвалось, не завершившись, наступление монгольской империи на Европу. Над большей частью континента тьма рассеялась; лишь одна из европейских стран, Русь, надолго погрузилась во мрак.

Можно выразиться и иначе: Русь переместилась из Европы в Азию.

Западные соседи

Магистральная тема описываемого периода отечественной истории – драма страны, которая, завоеванная цивилизационно чуждым врагом, оказалась вынуждена модифицировать и свой собственный цивилизационный код – иначе она бы не выжила. Мы последовательно и подробно рассмотрим, как мучительно приспосабливалась Русь к непривычным условиям существования, как формировалась новая русская государственность, как готовились предпосылки для восстановления независимости. В первую очередь нас будут занимать отношения с Востоком, с Ордой, имевшие для Руси жизнеопределяющее значение. «Азиатский» сюжет является главным; он настолько извилист и запутан, что, двинувшись по этому фарватеру, мы уже не будем от него отклоняться.

Однако, как мы увидим, в развитие событий время от времени будет вторгаться и «европейский фактор» – почти всегда второстепенный, но тоже очень важный, в особенности для западных областей Руси. Я намерен посвятить этому предмету одну обзорную главу, которая даст общее представление об отношениях Руси с западными соседями в XIII–XV веках; полагаю, что этого будет достаточно.

На протяжении данной исторической эпохи судьба нашей страны решалась не на западе.

До XIII века геополитическая ситуация, в которой существовала европейская страна Русь, выглядела следующим образом.

На востоке находилась Степь, принадлежавшая половцам, с которыми у восточнорусских княжеств установилось пускай проблемное, но все же довольно прочное равновесие сил.

Западные и юго-западные княжества то враждовали, то мирились с Венгрией и Польшей.

На северо-западе обитали балтийские и финские племена, особенно не докучавшие русским областям и, наоборот, сами являвшиеся объектом русской экспансии.

Главным же политическим и экономическим партнером для Руси с самого момента ее рождения была великая Византия.

Но в тринадцатом столетии расстановка сил и положение дел в восточной половине европейского континента разительно переменились.

В 1204 году крестоносцы захватили Константинополь, и с политической арены исчез самый важный игрок. (Позднее империя возродится, но никогда уже не будет иметь для Руси прежнего значения – разве что в церковном смысле.) Польша вошла в период междоусобиц и перестала быть единым государством. После монгольского нашествия пришла в упадок и Венгрия, хоть и не попавшая под власть Орды, но разоренная еще больше, чем Русь. Что касается Руси, то она, разумеется, тоже очень ослабела – и в политическом, и особенно в военном отношении.

Однако геополитика, как природа, не терпит пустоты. Вместо прежних центров силы возникли новые.

Русь, до сих пор бывшая восточным форпостом Европы, теперь превратилась в западный форпост Азии. Та часть русских земель, которая попала в состав улуса Джучи, лишившись независимости, взамен получила покровительство новых властителей, что хоть полностью и не устранило опасность западной агрессии, но все же защищало от крупномасштабной экспансии.

Однако русские области, сохранившие полную или относительную самостоятельность, этой привилегией не обладали и воспринимались соседями как потенциальная добыча. Таким образом Западная и Северо-Западная Русь тоже столкнулась с угрозой превращения в колонию – только не азиатскую, а европейскую. В конце концов примерно половина территории бывшего киевского государства досталась западным соседям.

В течение исторического периода, охваченного данным томом, Русь оказалась вовлечена в три затяжных противостояния разного масштаба: серьезный – со скандинавами; очень серьезный – с немецкими рыцарскими орденами; наконец, критический и едва не закончившийся полным поглощением – с Литвой.

Именно в этой последовательности, по возрастанию важности, мы и рассмотрим «западные проблемы» Руси эпохи ордынского владычества.

Скандинавы

Эпоха, когда Скандинавия была гнездом морских разбойников, чьих набегов страшилась вся Европа, закончилась в XI веке. Те викинги (они же норманны или варяги), кто осел в чужих краях и попал в более развитую культурную среду, быстро ассимилировались. Часть из них прижилась на Руси и обрусела, часть поселилась во Франции и офранцузилась.

Сама Скандинавия под воздействием контактов с другими странами и вследствие внутренних причин тоже сильно переменилась: здесь распространилось христианство, вытеснившее языческие культы, и к XII столетию сформировались большие государственные объединения – датское, шведское и норвежское королевства.

С каждой из этих стран у северорусских областей начались конфликты за территории и сферы влияния – как это обычно и бывает между соседями.

Для Руси в целом скандинавская проблема являлась, в общем, малозначительной, но для Новгородской республики она была весьма болезненной; затрагивала она и интересы владимиро-суздальских великих князей, поскольку они часто одновременно княжили и в Новгороде.

На протяжении всего описываемого периода северо-западная окраина русских земель была ареной постоянных столкновений со скандинавами, а несколько раз произошли полномасштабные войны.

Датчане и норвежцы

На первых порах главным соперником русских была Дания, сильное королевство, которое в XII–XIII веках активно расширяло свои владения в балтийском регионе.

Соседом Новгорода и Пскова эта страна стала при короле Вальдемаре II (1202–1241), вошедшем в историю под прозвищем «Победоносный». Воинственный монарх, которому кроме собственно Дании принадлежала южная часть современной Швеции и север Германии (в том числе богатый торговый город Любек), в 1218 году получил от папы римского право устроить крестовый поход против

эстонских язычников, с которыми не мог справиться слабый Орден меченосцев.

Шведско-датские владения в Прибалтике. *М. Руданов*

Вальдемар II собрал очень большую армию, для переправки которой понадобилось полторы тысячи кораблей, и в кровопролитном сражении разбил объединенное войско эстонских племен. Вблизи от места битвы крестоносцы построили крепость Реваль (по-эстонски Таллинн, «датский город») и объявили о создании герцогства эстонского, принадлежащего датской короне.

Король Вальдемар был не прочь расширить свои новые владения и за счет русских земель. Вероятно, он считал, что имеет на это право, поскольку по матери был праправнуком Владимира Мономаха.

В 1240 году, когда Русь потерпела поражение от монголов, Вальдемар попробовал отобрать кусок новгородских земель (аналогичные попытки, как мы увидим, предприняли и шведы с немцами), однако русские оказались сильнее, чем рассчитывали их западные соседи.

Еще одна война случилась на рубеже XIII–XIV веков, когда датчане захотели укрепиться на русском берегу реки Нарвы, но их город был сожжен новгородцами и пришлось заключать мир.

С тридцатых годов XIV столетия в Дании начались внутренние неурядицы, и она утратила статус ведущей балтийской державы. Усилившийся Тевтонский орден сначала захватил эстонские владения Дании, а затем (в 1346 году) вынудил ее уступить эту территорию за скромную сумму в 19 тысяч марок.

Так Дания перестала быть соседом (а стало быть, и врагом) Руси.

Печать Вальдемара II Победоносного

Примерно в это же время, в первой половине XIV века, у русских начались пограничные столкновения с норвежцами. Новгородцы осваивали западный берег Белого моря; претендовали на него и норвежцы.

Первая попытка как-то урегулировать эти противоречия относится к 1326 году, когда между Господином Великим Новгородом и северным королевством был заключен десятилетний мир.

Но прочного мира не получилось. Хроники XIV и XV веков изобилуют сообщениями о военных столкновениях русских с норвежцами, причем агрессором попеременно выступает то одна, то другая сторона.

Особенностью этого северного противостояния было то, что речь шла не о территориальных приобретениях (места были пустынные, почти безлюдные), а о борьбе за промыслы. На кону были большие богатства: ворвань, моржовая кость, пушнина – все эти товары очень высоко ценились на европейских рынках.

Шведы

Враждебные отношения со шведами были намного острее, чем с норвежцами, и намного продолжительнее, чем с датчанами.

Это скандинавское королевство, не столь давно обратившееся в христианство, считало своей миссией распространение новой веры среди язычников, обитавших на территории современной Финляндии. Впрочем, в ту эпоху было трудно разобрать, где заканчивались идеалистические мотивы и начинались меркантильные: неся Христово слово, миссионеры заодно захватывали земли и обращали «спасенные» племена в подданство.

Ослабление Руси после монгольского нашествия побудило шведов к экспансии за счет традиционно русских зон влияния – в Карелии и в области реки Невы, то есть в непосредственной близости от новгородских владений.

Летом 1240 года шведский отряд высадился в устье Невы, очевидно рассчитывая там закрепиться. Однако надежды на то, что разбитое монголами великое княжество владимирское не сможет оказать новгородцам военную помощь, не оправдались. Сын великого князя юный Александр Ярославич нанес шведам поражение (более

подробно я расскажу об этом в главе про Александра Невского), и флот отправился восвояси.

В дальнейшем все войны и конфликты между шведами и новгородцами почти всегда происходили по одному и тому же сценарию: то одна, то другая сторона пыталась утвердиться в зоне, расположенной между шведскими и русскими владениями. Это называлось правом «брать дань на кареле и ижоре».

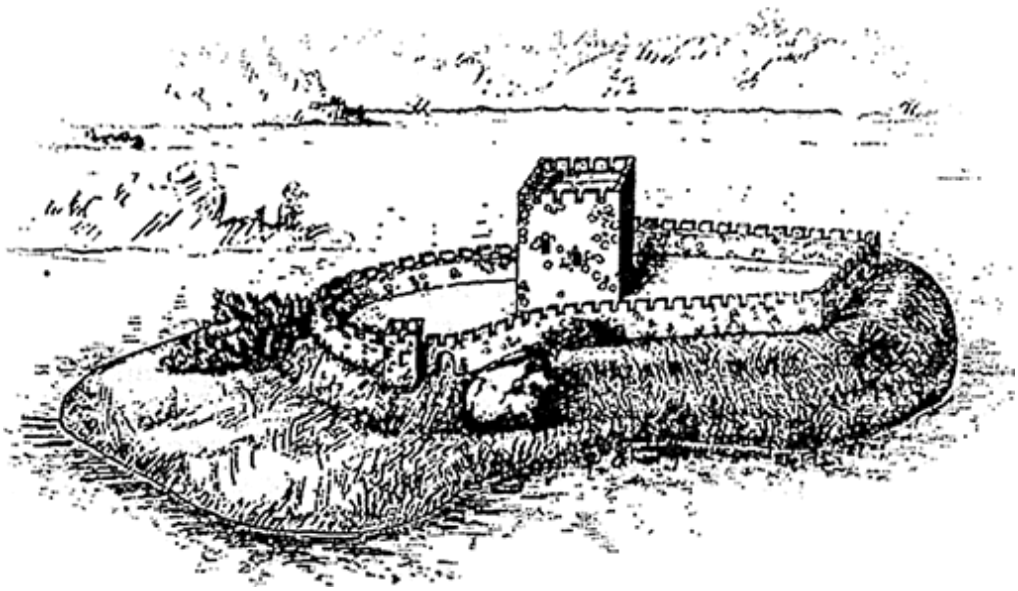
При этом не следует полагать, будто Новгород был невинной овечкой, только и делавшей, что отбивавшейся от агрессора. Рейды и разбойные нападения были взаимными. Новгородские лихие люди, так называемые ушкуйники, иногда забирались далеко на шведскую территорию, грабя и предавая огню целые города. Той же монетой платили и шведские искатели добычи. Такие кровавые инциденты войнами не считались. Известно, что в 1339 году стороны договорились между собой без жалости истреблять подобные шайки и не считать это поводом для ссоры.

Попытки укрепиться на спорных землях всерьез, поставив там крепость, считались уже актом государственной агрессии и обычно влекли за собой войну.

Так, в 1293 году шведами был построен город Выборг, который новгородцы неоднократно пытались взять, но не смогли. Зато сильная крепость Ландскрона, поставленная на Охте, продержалась всего несколько лет; в конце концов русские ее захватили и сравняли с землей.

В 1310 году большая русская дружина под командованием смоленского князя Дмитрия Романовича переправилась через Финский залив и опустошила шведские владения, взяв большую добычу. Три года спустя шведы в отместку захватили и сожгли город Ладогу. Еще через пять лет новгородцы спалили город Або. И так продолжалось десятилетие за десятилетием, без какого-либо существенного результата. Правда, в 1323 году был заключен первый договор о границе по реке Сестре, но впоследствии он постоянно нарушался.

Лишь одна из этих бесчисленных небольших войн стоит особняком, поскольку со стороны Швеции она была попыткой не отбить кусок спорной земли, а завоевать весь Новгород.



Выборгская крепость в XIV веке. *Реконструкция*

«Отросшие бороды»

Эту авантюру затеял король Магнус Эриксон (1316–1374), оставивший по себе славу сумасброда. Монарх-идеалист, запретивший рабство и крепостную зависимость, он в то же время совершил за время своего правления немало глупостей. Одной из них стал крестовый поход против русских «схизматиков».

Сначала в Новгород прибыли шведские послы и объявили вечу, что король предлагает устроить религиозный диспут между католическими и православными «философами» – чья вера правильней. Если-де победят русские богословы, то Магнус со всем своим народом перейдет в православие, а если верх одержат шведские ученые мужи, то пусть новгородцы поголовно примут латинскую веру.

У новгородцев с учеными мужами, видимо, было не очень, поэтому они ответили уклончиво: мы-де люди маленькие, веру свою получили от византийцев, вот с их патриархом и дискутируйте, а если у шведов на нас какая обида, то скажите об этом прямо. Нет у меня на вас никакой

обиды, ответил на это Магнус, но если не перейдете в католичество, двинусь на вас со всей своей силой.

И двинулся. Папа позволил ему собрать специальный десятинный сбор на организацию благочестивого похода.

Снарядив на эти деньги армию, Магнус в 1348 году захватил русскую крепость Орешек. Пленных он велел перекрестить в католичество, а «православные» бороды им состричь, после чего, удовлетворив свой набожный пыл, вернулся домой.

Но, как написано в хронике, бороды у русских скоро отросли. Они отобрали крепость обратно и сурово наказали вероотступников.

На следующий год неугомонный Магнус приплыл снова, но теперь новгородцы были готовы к нападению. К тому же до Швеции докатилась страшная пандемия чумы, от которой страна потеряла треть населения. На этом злосчастья короля не закончились: налетевшая буря уничтожила много шведских кораблей.

Из затеи с завоеванием Новгорода ничего не вышло, и через некоторое время был заключен мир.

После этой эскапады вздорный Магнус прожил еще долгую, полную всяких нелепых приключений жизнь и в конце концов погиб при кораблекрушении. Память о странном шведе сохранилась у новгородцев надолго и запечатлилась в «Рукописании Магнуша», где злоключения короля описываются в назидательном ключе.

Автор повести пишет, что Магнус не утонул, а три дня носился по волнам на доске и осознал свои прегрешения: «А все то мене Бог казнил за мое высокоумие, что есмь наступал на Русь». Тогда Господь над ним смилостивился, прибил к русскому берегу, где Магнус принял православное имя Григорий и скончался схимником.

Магнус Эриксон. *Шведская миниатюра XV в.*

Этот колоритный эпизод никак не изменил общий рисунок шведско-новгородских отношений. Соперничество продолжалось и в XV веке, а впоследствии, с утратой Новгородом самостоятельности, обрело для возродившегося русского государства еще большую остроту, перейдя в борьбу за лидерство в балтийском регионе; эта борьба окончательно завершится лишь в начале XIX века.

Немцы

Званые гости

Эту главу, речь в которой пойдет о рыцарских орденах Прибалтики, я назвал «Немцы», хотя членами военно-монашеских организаций подобного типа могли стать дворяне и простолюдины любого происхождения – были бы католиками. И всё же подавляющее большинство «братьев» набирались в германских землях и были отпрысками немецких фамилий.

Соседи эти появились у русских рубежей незадолго до монгольского нашествия – и не по собственному произволу, а по приглашению, так что к категории «незваных гостей» их не отнесешь.

Пригласили их, правда, не русские.

В ту эпоху по южному берегу Балтийского моря обитали многочисленные языческие племена: эсты, ливы, латгалы, земгалы, курши, жемайты, аукштайты, литовцы, ятвяги, пруссы. Последние, самые западные из всех, в XIII веке соседствовали с северопольскими землями. Пруссы были довольно большим этносом, не имевшим своего государства и состоявшим из одиннадцати племен. Пока Польша была сильна, она беспрепятственно грабила и угнетала этот лесной народ, но, когда королевство распалось и ослабело, пруссы сами стали совершать набеги на польские владения.

Мазовецкий князь Конрад I (1187–1237), между прочим, женатый на внучке главного героя «Слова о полку Игореве», не мог справиться с грабителями собственными силами. Для того чтобы противостоять нападениям всех прусских племен, каждое из которых управлялось собственным вождем, пришлось бы содержать на границе постоянную армию, а это князю было не по средствам.

Тогда Конраду пришла в голову отличная идея: не отдать ли порубежье военно-монашескому ордену? Он будет теснить язычников, обращая их в Христову веру, и прусская проблема со временем разрешится.

Расселение прибалтийских племен в XIII веке. *М. Руданов*

Духовно-воинские братства возникли во время крестоносных походов и быстро вошли в силу. В большинстве европейских стран существовала майоратная система наследования, то есть все землевладение доставалось старшему сыну, а младшие оставались без

средств к существованию – иначе феоды дробились бы до бесконечности. Поэтому множество молодых людей военного сословия охотно поступали в ордена – кто ради славы или карьеры, а кто просто ради пропитания. Таким образом, ряды «братьев» пополнялись сами собой, без дополнительных затрат, что должно было очень понравиться Конраду Мазовецкому.

Сначала он попробовал (в двадцатых годах XIII века) учредить из польских и немецких рыцарей свой собственный орден «Добжиньских братьев», но вскоре понял, что такими средствами проблемы не решить. Орден был нужен не доморощенный, а настоящий – с боевыми традициями и устоявшейся структурой.

Около 1225 года Конрад начал вести переговоры с одним из уже существовавших орденов – Тевтонским.

Тевтонские рыцари. *Из «Мюнхенер Бильдербоген», иллюстрированного издания XIX в.*

Бывшие братья милосердия

Тевтоны, как и более могущественные госпитальеры, поначалу были организацией сугубо мирной, богоугодной. «Тевтонская братия церкви Марии Иерусалимской» (так они назывались на первых порах) попечительствовала в Святой Земле над недужными и ранеными крестоносцами немецкого происхождения. Устав был строгий, почти монашеский. Братья жили коммуной, отказывались от личного имущества, вкушали скудную пищу, спали на жестких ложах. Поступающий в орден давал обеты бедности, целомудрия (с женщинами нельзя было даже разговаривать), а также беспрекословного послушания. Третий обет в конечном итоге оказался самым важным и, в отличие от прочих ограничений, сохранялся долго.

Скоро выяснилось, что большое количество суровых, физически крепких, обученных военному делу мужчин, которые не пьянствуют, не своевольничают, а без рассуждений повинуются начальству, представляет собой мощную силу, и ей грех не воспользоваться. Так тевтоны превратились в военно-монашеский, а затем и рыцарский орден. Дисциплинированные, привыкшие к общежитию и взаимовыручке, они в боевом отношении превосходили обычное рыцарское ополчение, где каждый маленький феодал был сам себе начальник.

Наряженные в белые плащи с черным крестом на плече, тевтоны вскоре перестали ухаживать за больными и превратились в военный контингент, помощью которого желали воспользоваться многие.

В 1209 году магистром тевтонов стал деятельный и честолюбивый Герман фон Зальца (1209–1239). Он видел, что господство крестоносцев в Палестине долго не продлится, и решил переместить деятельность ордена в Европу, где тоже имелись свои басурманы, притом менее опасные, чем сарацины. В десятых годах XIII века тевтоны, переправившись в Венгрию, помогали тамошнему королю Андрею II воевать с половцами. Действовали рыцари-монахи так успешно, что король и местные аристократы испугались этой военной силы, которая к тому же вела себя слишком

независимо. Случился конфликт, и тевтонов вынудили покинуть Венгрию.

Как раз в это время тевтоны и получили приглашение мазовецкого князя. Оно пришлось как нельзя более кстати.

Тевтонскому ордену отвели часть польских земель и пообещали отдать все территории, которые будут завоеваны у пруссов и других язычников.

С 1230 года братья взялись за дело – и очень уверенно. В военном отношении они были много сильнее неорганизованных пруссов, которым пришлось пятиться дальше в леса или покоряться. Тевтоны двигались вперед, воздвигая в качестве опорных пунктов крепости. Со всей Германии прибывали пополнения – не только воины, но и колонисты, основывавшие города и селения. Пруссия быстро онемечивалась и христианизировалась.

Вероятно, Конрад Мазовецкий был очень доволен, но полякам последующих поколений придется горько пожалеть о том, что они променяли прусскую проблему на тевтонскую.

Опасное соседство

Северо-восточнее земли пруссов, ближе к русским владениям, в то время существовал еще один орден – Меченосцев (на плащах братьев был изображен алый меч), живший по уставу рыцарей-тамплиеров.

«Братья меча» должны были обращать в христианство литовские и финские племена, но особенными успехами на этом поприще похвастать не могли. К тому же они враждовали с русскими соседями, которые до монгольского нашествия были явно сильнее.

В 1234 году в ходе длительной войны с Орденом Ярослав Всеволодович Переяславльский, брат великого князя владимирского, пошел походом на захваченный немцами город Юрьев (Дорпат). Навстречу вышли меченосцы и были наголову разбиты, причем многие провалились под лед реки Омовжи и утонули. Восемь лет спустя в Ледовом побоище сын Ярослава одержит точь-в-точь такую же победу, но ей выпадет несравненно бóльшая историческая слава.

В 1236 году злосчастные меченосцы потерпели еще худшее поражение от литовцев, причем пал магистр и погибли 48 рыцарей. Там

же полегли и русские, на сей раз бившиеся вместе с немцами – псковский отряд в 200 человек. (Цифры потерь могут показаться несерьезными, но это не так. Просто на сей раз летописец обошелся без обычных преувеличений. О том, что разгром был тяжелейшим, можно судить, сравнивая с Ледовым побоищем, где Орден потерял 26 рыцарей.)

Литовцы воюют с рыцарями. *Барельеф из замка Мариенвердер*

После этих неудач последовало разбирательство. В Ливонию приехала инспекция от германского императора, обвинившая меченосцев во всевозможных прегрешениях. В 1237 году папа римский постановил включить меченосцев в состав Тевтонского ордена, добившегося столь блистательных результатов в борьбе с язычниками. Орден меченосцев утратил самостоятельность, стал называться Ливонским и получил статус ландмейстерства Тевтонского ордена.

В результате этих событий одновременно с монгольской агрессией у северо-западных рубежей Руси возникло сильное военное государство, очень хорошо организованное и враждебное по отношению к православным «схизматикам».

Мощь объединенного Ордена постепенно возрастала, подвластная ему территория увеличивалась. Рыцари покорили куршей и земгалов, а в 1346 году, как уже говорилось, выкупили у датской короны герцогство Эстония. Наибольшего могущества орден достиг в конце XIV века.

Отношения с восточным соседом всё время были плохие. В общей сложности между ливонскими немцами и русскими произошло больше

тридцати войн, последняя из которых относится уже к эпохе Ивана Грозного, однако нет смысла утомлять читателя описанием всех этих однообразных и в историческом смысле непримечательных кровопролитий – за исключением двух самых ярких эпизодов, о которых будет рассказано позже.

Удачным для Руси было то обстоятельство, что Орден главным своим противником считал литовцев, а впоследствии поляков. На борьбу с ними он и тратил свои основные силы. Однако доставалось и русским – прежде всего слабому Пскову, для которого немецкая проблема стояла очень остро. Без посторонней помощи псковитянам с Орденом было не справиться. Но союзники находились: либо более сильный Новгород, либо приглашенные князья – чаще всего русские, но бывало, что и литовские.

Впрочем, в XIV–XV веках иногда было довольно трудно понять, какие княжества считать русскими, а какие литовскими. Тут и там жил, в общем, один народ, говоривший на русском языке и исповедовавший православие; литовские князья могли быть Рюрикова рода, а русские – Гедиминова; область могла несколько раз переходить от литовского великого князя к московскому и обратно.

Соперничество Руси с Литвой, бесчисленные войны и союзы, сближения и расхождения сыграли в русской истории гораздо бóльшую роль, чем отношения со скандинавами или немцами.

Литва

Возникновение литовского государства

Из чтения школьных учебников и царского, и советского, и постсоветского времени складывается ощущение, что основную угрозу с запада в ту эпоху представляли собой немцы – просто потому, что немцы были извечным врагом, а история у нас всегда считалась идеологической дисциплиной.

Однако на самом деле главным, *настоящим* конкурентом Владимирской, а затем Московской Руси начиная с XIV века была Литва. Если бы исторические обстоятельства сложились немного иначе (об этом мы еще поговорим), очень возможно, что столица современного российского государства находилась бы сейчас в Вильнюсе. Именно *российского*, потому что в этом гипотетическом государстве русский культурно-этнический элемент наверняка возобладал бы над литовским.

Великое княжество Литовское сформировалось и окрепло прежде всего как русославянское государственное объединение и оставалось таковым вплоть до полонизации и католизации.

Рядом с «нашей» Русью, униженной и ослабленной иноземным завоеванием, долгое время существовала другая, альтернативная Русь – только называлась она не «Русью», а «Литвой».

Эта *вторая* Русь была больше и сильнее; в определенный исторический момент, в начале XVII века, она, соединившись с Польшей, ненадолго даже подчинила себе Москву, но в конце концов, в силу исторических причин, о которых мы поговорим в следующих томах, оказалась вынуждена сойти с исторической арены. Нынешняя страна Литва представляет собой лишь маленький осколок бывшей великой державы, чьи владения в период расцвета простирались от Балтийского до Черного морей.

Одновременно с тем, как в «монгольской» Руси собирало вокруг себя земли Московское княжество, на западе ту же работу производила Литва, создавшая свою собственную, «литовскую» Русь.

Казалось бы, роль собирателя русских областей, оставшихся вне зоны ордынской оккупации, должно было взять на себя Галицко-Волынское княжество, но потомки прославленного князя Даниила (о нем подробно рассказано в I томе) оказались слабыми правителями. Они не могли совладать с местной аристократией, вечной соперницей княжеской власти, и во второй половине XIII века богатый, густонаселенный край погрузился в междоусобные раздоры.

В Литве же тем временем шли процессы прямо противоположного свойства.

Поначалу в этом диком языческом краю не было ни государства, ни городов. Племена управлялись независимыми вождями и жили сами по себе. С активизацией колонизаторской деятельности Ордена литовцы должны были бы подвергнуться участи пруссов, но этого не произошло.

Миндовг. *А. Гваньини*

Мы уже говорили о том, что исторический естественный отбор определяется сочетанием случайных и неслучайных факторов, причем к числу последних относится своевременное явление сильной исторической личности. У пруссов таковой не нашлось; литовцам повезло.

Один из местных вождей по имени Миндовг (1195–1263) сумел сплотить литовские племена в подобие централизованного государства. Это произошло в сороковые годы XIII века. Примерно с этого времени Миндовг начинает именовать себя великим князем.

Правление основателя литовского государства было бурным. Оно прошло в постоянной борьбе – не только с тевтонами, но и с монголами, которые пытались вторгнуться в Литву с юга, причем помогали Орде русские полки Даниила Галицкого.

От внешних врагов Миндовг отбиться сумел, но не совладал с врагами внутренними. В конце концов первого литовского великого князя вместе с сыновьями убили заговорщики.

После этого в Литве на целых полвека воцарился хаос – междоусобные войны, частая смена правителей. Но государство тем не менее устояло и тем самым доказало свою жизнеспособность.

Вторая Русь

В этот смутный период Литва не просто сохранилась – она значительно расширила свою первоначальную территорию.

Началось это еще при Миндовге, присоединившем Черную Русь (часть современной Белоруссии). Постепенно и другие западнорусские земли, оказавшиеся между монголами и литовцами, стали выбирать из двух зол меньшее и переходить под покровительство Литвы. Удельные князьки Рюриковичи при этом обычно сохраняли свои владения, а бояре – свои вотчины.

Новые власти не покушались на установившиеся общественные институты, религию, обычаи – наоборот, сами приобщались к русославянской культуре. При великокняжеском дворе вошли в употребление русские чины и звания («боярин», «конюший», «тиун» и т. д.); в суде использовался русский язык и многие нормы «Русской правды».

Князья и бояре обоих народов роднились между собой, причем в этом случае литовец или литовка часто принимали православие. Элита великого княжества состояла из обрусевших литовцев и из русских. Вот почему князья-литовцы будут с такой легкостью переходить на службу к Москве, а Рюриковичи отъезжать в Литву – в сущности, это было перемещением в пределах одного культурного, а в значительной степени и этнического пространства. Случалось, что русские города приглашали литовцев к себе на княжение – это не воспринималось как событие из ряда вон выходящее.

Хочется рассказать об одном из таких исторических деятелей, несправедливо забытом или полузабытом.

Довмонт и его супруга перед Богоматерью. *Псковская икона*

Литовский герой русской истории

Довмонта Псковского у нас мало вспоминают, потому что он был инородцем – одна из несправедливостей идеологизации исторической науки. В девятнадцатом веке, когда все в России увлекались отечественной историей и возникла сохранившаяся до нашего времени иерархия исторических личностей, казалось странным возвеличивать какого-то литовца, когда есть собственный Александр Невский. Довмонту не помогло то, что он тоже был православным и даже причислен к лику святых.

Слава главного защитника отечества от немцев досталась благоверному князю Александру Ярославичу, хотя победы Довмонта над немцами были и многочисленней, и масштабней.

Потеряв свой удел во внутрилитовской распре, наступившей после смерти Миндовга, Даумантас-Довмонт бежал в Псков и в 1266 году был там избран князем – республика нуждалась в военном руководителе. Перед этим он принял православное крещение и взял христианское имя Тимофей.

Иноплеменный князь оказался самым удачным правителем за всю историю Псковской автономии. Он правил целых 33 года. При нем маленькая республика стала сильной, фактически обрела независимость. Город – большая редкость для Руси XIII века – даже обзавелся каменной стеной, которая долго потом называлась Довмонтовой.

Но прославился Довмонт прежде всего как выдающийся полководец. Он не давал свое княжество в обиду ни Новгороду, ни великому князю владимирскому, ни бывшим соотечественникам-литовцам, а над могущественным Орденом одержал несколько впечатляющих побед.

Первая, самая крупная, произошла в 1268 году.

На этот раз агрессорами были русские. Союзное суздальско-переяславско-новгородско-псковское войско вторглось в Эстонию. Орден пришел на выручку датчанам («съвкупилася вся земля Немецьская», пишет летопись).

Возле Раковора (современный Раквере) произошла кровопролитная сеча.

Рыцари учли урок, полученный на льду Чудского озера, и в дополнение к обычной тактике, атаке «железной свиньей», применили фланговый удар вторым клином.

Поначалу казалось, что русские терпят поражение. Самые большие потери понесли новгородцы, оказавшиеся на острие атаки, в бою пал сам посадник. Но после того как погиб неприятельский командующий епископ Александр, ход боя переменился, и дело окончилось в пользу православной коалиции. Беглецов преследовали семь верст и убили столько, что «не мочи коневи ступити трупием». Раковорское сражение было гораздо крупнее возвеличенного нашими историками Ледового побоища. Принято считать, что с русской стороны в этой битве участвовали 30 000 воинов, а с ливонско-датской – 18 000.

Четыре года спустя Довмонт разбил уже самого ливонского магистра (Отто фон Роденштейна), пытавшегося захватить Псков. Князь сделал вылазку и застал врага врасплох. Немцы были уверены, что псковитяне не осмелятся вступить в бой до подхода новгородских подкреплений. Согласно преданию, Довмонт схватился с магистром и ранил его в лицо, что, впрочем, подозрительно похоже на рассказ о Невской битве, где Александр якобы тоже ударил копьем в лицо ярла Биргера.

Последнюю свою победу над ливонцами Довмонт одержал в 1299 году, когда немцы вновь осадили Псков – и отступили, потерпев поражение.

Вскоре после этого старый князь заболел и умер. В житии XIV века о нем сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав».

Так что давайте помнить русского литовца Довмонта Псковского.

Литва становится великой

Следующий сильный лидер в Литве появился в начале XIV века. Им стал Гедимин (1275–1341), основатель династии Гедиминовичей. Он возглавил вновь объединившееся государство в немолодом уже возрасте, когда ему было за сорок, и правил в течение четверти века.

Главным врагом Гедимина был Орден, для борьбы с которым Литва заключила союз с поляками.

Войны с ливонцами шли успешно, Гедимин одержал немало побед, хотя в конце концов погиб в одном из боев – при осаде крепости Байербург был убит пулей, став, кажется, первым монархом, павшим от огнестрельного оружия.

Однако нам интересны не литовско-немецкие баталии, а участие Гедимина в русской истории.

На востоке он продолжал действовать так же, как его предшественники: брал всё, что плохо лежало, то есть одну за другой присоединял области, которые не могли за себя постоять или нуждались в покровительстве. Литва расширилась за счет земель, издревле заселенных русославянами. Литовскими стали Полоцк, Минск, Гродно, Витебск, Туров, Пинск, значительная часть современной Украины.

Большинство этих присоединений совершились мирно, но когда требовалось, Гедимин применял оружие. Так, в 1321 году он захватил пришедший в упадок Киев, где правил слабый Станислав Иванович из династии Рюриковичей, гордо именовавший себя «великим князем киевским» (историк Соловьев пренебрежительно называет его «каким-то Станиславом»). Соседние русские князья попробовали вступиться за стольный град Ярослава Мудрого и Мономаха, но были разбиты в бою; горожане немножко посидели в осаде – и капитулировали. С этого момента «мать городов русских» сделалась чужеземным городом.

Памятник Гедимину в Вильнюсе. *Скульптор В. Кашуба*

Великое княжество Литовское. *М. Руданов*

На присоединенных землях Гедимин вел себя мудро: ничего не менял, старых обычаев и порядков не трогал, лишь назначал своих наместников. Западная половина домонгольской Руси становилась литовской без особенных потрясений.

Гедимин пытался также подчинить своему влиянию Новгород с Псковом и утвердиться на Смоленщине, но здесь ему пришлось

столкнуться с набирающей силу Москвой – это противостояние продлится несколько столетий.

Сам себя Гедимин именовал «королем литовцев и русских» и подумывал принять католичество, чтобы получить от папы громкий титул официально, однако мудро воздержался от этого поступка, который наверняка не понравился бы его подданным: литовцам-язычникам и православным русославянам.

Потомки Гедимина королевской короной уже не соблазнялись, довольствуясь великокняжеским званием. Подлинное могущество было важнее пышного титулования, а с середины XIV века Литва становится самой мощной державой Восточной Европы – Золотая Орда в это время начинает приходить в упадок.

Еще одно имя, с которым нам предстоит сталкиваться, – сын Гедимина великий князь Ольгерд, правивший в 1345–1377 годах и принимавший в русских событиях еще более активное участие, чем его отец.

Ольгерд. *А. Гваньини*

Ольгерд продолжил борьбу за Новгород, Псков и Смоленск, причем добился существенных успехов.

В Новгороде образовалась влиятельная пролитовская партия, соперничавшая с московской; Псков в это время преимущественно тяготел к Литве; смоленское же княжество на некоторое время фактически сделалось литовским протекторатом, обязавшись участвовать в военных походах Ольгерда.

С не меньшей решительностью литовский правитель вмешивался и во внутрирусскую политическую жизнь. Будучи женат на тверской княжне, он ввязался в спор за право посадить в Твери своего ставленника и неоднократно ходил походом на саму Москву.

Ольгерду принадлежит историческая слава полководца, впервые разгромившего в открытом поле прежде несокрушимое ордынское войско (в 1362 году, в битве при Синих Водах – об этом событии и его значении для Руси я еще расскажу).

К концу своего княжения этот выдающийся монарх подчинил себе огромную территорию от Брянска до черноморского побережья, так что бóльшая часть современных Белоруссии и Украины, а также западная часть России оказались в литовских пределах (русские источники вплоть до семнадцатого века Украину будут именовать «Литвой»).

Юго-западную Русь, бывшее «русское королевство» Даниила Галицкого, литовцы и поляки поделили между собой.

Так во второй половине XIV века определилась судьба тех русских регионов, которые не достались Орде и не превратились в «часть Азии».

Русь как этнокультурная общность сама по себе никуда не делась, но утратила государственность, а вместе с нею и имя. Было две Руси – «монгольская», она же восточная, провинция Золотой Орды, и «литовская», западная, называвшаяся Великим Княжеством Литовским.

Историк Соловьев насчитывает сорок одну войну русских с литовцами (больше, чем со скандинавами и даже немцами), однако мы должны понимать, что на самом деле это свои воевали со своими.

С течением времени, примерно к шестнадцатому столетию, вследствие политического разделения единый прежде русославянский этнос «растроится» на русских, украинцев и белорусов. Местные диалекты разовьются в самостоятельные языки, особенности быта и социальных условий приведут к формированию новых традиций и несхожих черт национального характера.

Литва и Польша

Борьба с Орденом отнимала у литовцев меньше ресурсов, чем у русских ордынские поборы, и к тому же великие князья литовские, в

отличие от великих князей московских, были независимыми монархами, поэтому «литовская» Русь – войной ли, миром ли – в конце концов, вероятно, одержала бы верх над «монгольской». Однако в конце XIV столетия произошло событие, развернувшее Литву лицом на Запад и в конечном итоге сделавшее воссоединение двух половин Руси невозможным.

Эта перемена, сыгравшая огромную роль в истории Восточной Европы, связана с именем великого князя Ягайло, наследовавшего Ольгерду.

В 1385 году Ягайло женился на тринадцатилетней польской королеве Ядвиге, причем два государства вступили в унию. Главной целью межгосударственного союза являлось объединение сил для борьбы с Тевтонским орденом (и задача эта была выполнена: четверть века спустя на Грюнвальдском поле польско-литовская армия нанесет немецкой решительное поражение).

Казалось бы, брак был выгоден прежде всего Литве, поскольку Ягайло становился польским королем. Польша вслед за Западной Русью вроде бы тоже становилась литовской. Но на самом деле получилось наоборот.

По условиям унии, Ягайло обязался принять католичество и способствовать переходу в эту религию его подданных-язычников. «Латинская вера» отныне становилась государственной религией Литвы. Литовская знать, совершившая крещение по римскому обряду, получала все права польской аристократии.

HEDVIGES REGINA POLONIÆ IAGELLO MAGNUS DUX LITHUANIÆ

Ягайло и Ядвига. *Скульптор О. Сосновский*

Литовцы и религия

Большинство литовских правителей относились к вопросу о смене религии с обычным для политеистов прагматизмом. Подумаешь: будет на одного бога больше – не жалко, а сколько выгод! Точно так же Рёрик Ютландский, которого некоторые историки идентифицируют с нашим Рюриком, в IX веке крестился, чтобы получить земли от императора франков, а потом снова стал язычником и даже заслужил прозвище Jel Christianitatis («Язва христианства»).

Основатель литовского государства Миндовг принял католичество, чтобы украсить себя королевским титулом; потом, через десять лет, из таких же мирских соображений (плохие отношения с крестоносцами) от христианства отказался.

Ольгерд, в основном занимавшийся русскими делами, принял православие – кажется, сугубо формально.

Ягайло крестился дважды: сначала по православному обряду и стал Яковом; потом еще раз по католическому – и стал Владиславом.

Витовт Великий за свою жизнь успел побыть язычником, затем католиком, затем православным, затем снова католиком, причем все три крещения произошли в течение четырех лет (1382–1386).

Однако по меньшей мере один из литовских великих князей является исключением. Он уверовал в Христа искренне и всерьез. Правда, закончилось это печально.

Сын Миндовга князь Войшелк (1223–1267) был, выражаясь по-современному, русофилом. В отличие от отца, крестившись по православному обряду, он крепко держался новой веры. Новгородцы дважды звали Войшелка к себе на княжение, но неофит так глубоко проникся набожностью, что принял постриг, совершил паломничество в Афон (большая

редкость для тех времен) и даже поступил иноком в русский монастырь.

После убийства Миндовга чернец на время забыл о христианском милосердии и отправился мстить за отца. Нашел и казнил виновных, занял отцовский стол, но земная власть была ему не мила. Вскоре Войшелк оставил Литву, отрекся от титула в пользу зятя и вновь скрылся в обители.

Политические враги, кажется, не поверили в божественность Войшелковых устремлений (или же предположили, что монах, однажды скинувший рясу, может проделать это еще раз) – и богомольный князь был убит. Даже странно, что этого новообращенного и искренне уверовавшего язычника, принявшего мученическую кончину, впоследствии не канонизировала православная церковь.

Памятник Витовту в Каунасе. *Скульптор В. Грибас*

С конца XIV века в элите великого княжества начался процесс полонизации: русский и даже литовский языки постепенно вытесняются польским, в моду входят польские обычаи и костюмы, всё большее количество князей и бояр (в том числе не язычников, а

православных) переходят в римскую веру. В конце концов бóльшая страна не присоединила к себе меньшую, а влилась в нее. Литва постепенно перестала быть русской и сделалась польской.

Поначалу казалось, что этот процесс еще обратим.

Противодействие польскому влиянию связано с личностью двоюродного брата короля Ягайло и его преемника на великокняжеском престоле Витовта (1392–1430). Формально признавая польского короля своим сюзереном, Витовт вел себя как независимый монарх, часто оппонировал своему кузену и, в противовес ему, делал ставку не на Запад, а на Восток. Роль Витовта в русской истории огромна. Однажды он даже чуть не подчинил себе московское государство, спасшееся лишь чудом.

Еще при жизни прозванный «великим», Витовт на протяжении нескольких десятилетий был самой заметной фигурой восточноевропейской политики. Но не все его громкие начинания и военные походы были успешны, а Москва становилась всё сильнее и не позволяла Литве расширяться дальше в восточном направлении.

Тем временем польский союз, скрепленный победой над тевтонами, получил дальнейшее развитие на сейме 1413 года, фактически превратившем две страны, которые доселе были связаны лишь династической унией, в единое государство (хотя формально конфедерацию провозгласят только полтора века спустя).

А теперь, получив общее представление о ситуации на западных рубежах Руси и о чужеземных правителях, чьи имена будут упоминаться при описании внутрирусских событий, давайте вернемся назад, в 1240 год, в только что завоеванную монголами страну, на руины государства, которого больше не существовало.

Иго

Читая исторические описания эпохи так называемого «татаро-монгольского ига», обычно датируемого 1237–1480 гг., сталкиваешься с двумя трудностями, которые мешают понимать логику и смысл событий этой тяжелой, противоречивой эпохи.

Во-первых, быстро становится ясно, что период монгольского владычества делится на два хронологически неравных, принципиально отличающихся друг от друга этапа.

Лишь первый из них, длившийся всего четверть века, можно с полным основанием считать «игом», то есть временем полного, бесконтрольного господства захватчиков, когда русская государственность полностью отсутствовала и бóльшая часть русославянских земель существовала на положении оккупированных территорий.

Затем, примерно на двести лет, установился более или менее регламентированный, не такой уж жесткий режим, при котором Русь превратилась в автономию, обладавшую определенными правами и даже пользовавшуюся привилегиями провинции могущественного монгольского государства. Объединять два очень разных этапа в один показалось мне неудобным и неправильным. Поэтому описание собственно «ига» и описание «автономного периода» я разделяю на два обособленных рассказа.

Вторая трудность заключается в том, что, если рассматривать русские события сами по себе, они предстают хаотичным нагромождением фактов. Мотивы поведения князей, их взаимоотношения, подъем одних областей и упадок других подчас кажутся трудно объяснимыми. Подобное впечатление, как мне кажется, возникает из-за неверной точки обзора.

В описываемую эпоху Русь – во всяком случае северо-восточная ее часть – была колонией Золотой Орды, которая, в свою очередь, на первых порах являлась вассалом великих ханов, обитавших далеко на востоке. В это время Русь формально входила в китайскую империю Юань.

Для того чтобы понимать ход русской истории этого периода, я намерен вести повествование «от головы»: сначала буду вкратце

рассказывать о том, что происходило в метрополии – при дворе великих ханов; затем, несколько детальнее, о событиях в «вице-королевстве» – Золотой Орде; и лишь после этого, уже подробно, о том, как «большая» и «средняя» монгольская политика отражались на жизни интересующей нас провинции великого азиатского царства – Руси.

Позднее Золотая Орда перестанет быть частью единой монгольской державы, вследствие чего иерархия повествования упростится. Каждый хронологический раздел будет состоять уже не из трех, а из двух глав: происшествия в Орде и затем происшествия на Руси – именно в такой последовательности.

В метрополии

Спор за престол

Итак, Европу избавила от завоевания смерть Угэдея, скончавшегося в конце 1241 года. Великий хан, кажется, был пьяницей и сладострастником, так что вполне мог умереть и от естественных причин (он был уже пожилым человеком), однако Плано Карпини сообщает, что правителя отравила не то родная сестра, не то сестра одной из жен – «тетка нынешнего императора», то есть Угэдеева преемника. «Кем бы ни была эта женщина, ее следует рассматривать как спасительницу Западной Европы», – пишет Г. Вернадский. Впрочем, вполне возможно, что слухи об отравлении были распущены специально – для расправы с соперничающей партией.

Дело в том, что на сей раз смена власти в Каракоруме прошла менее гладко, чем после смерти Чингисхана. Исполнительного, всеми уважаемого Толуя уже не было. Подозрительно быстро, в тот же год, умер и последний из «законных» сыновей основателя – Чагатай. Отравления в среде Чингизидов стали делом обычным. Так можно было избавиться от врага или конкурента, не вызывая политической смуты.

Борьбу за власть пришлось вести внукам Чингисхана, но ни у кого из них не было достаточно влияния и авторитета, чтобы все остальные беспрекословно подчинились.

По традиции, в период междуцарствия регентшей стала вдова Угэдея, ее звали Туракина-хатун. В отличие от мудрой Бортэ, это была женщина честолюбивая и вздорная. Она прогнала опытных министров (все они были иностранцами – монголы еще не научились гражданскому управлению) и посадила на их место своих ставленников.

В великие ханы Туракина прочила своего старшего сына Гуюка. Эта кандидатура и стала причиной конфликта.

Дело в том, что Гуюк, как мы помним, вернулся из Западного похода, где у него произошла ссора с Бату-ханом. Именно поэтому,

узнав о смерти Угэдея, завоеватель и кинулся назад, на восток. Он не мог допустить, чтобы на трон сел его злейший враг.

Чингизиды разделились на две партии: дети Угэдея и Чагатая стояли за Гуюка, дети Джучи и Толуя были против этой кандидатуры.

Подготовка великого курултая, который должен был выбрать следующего государя, растянулась на долгих четыре года.

В конечном итоге, как обычно, верх взял тот, кто находился ближе к центру принятия решений. Поддержка регентши, усердно интриговавшей в пользу Гуюка, и его физическое присутствие в Монголии, в то время как Бату не решался покинуть свои владения, заранее определили результат.

Хорошо понимая это, Бату-хан даже не поехал на съезд, наконец собравшийся в августе 1246 года, послав в качестве представителей своих братьев и великого владимирского князя Ярослава Всеволодовича (красноречивое свидетельство того, какую важность хан придавал своим новообретенным русским владениям). На курултай прибыли все основные вассалы империи: сельджукский султан, грузинские царевичи, брат армянского царя и так далее. Присутствовал даже посланник римского папы, уже знакомый нам Джованни дель Плано Карпини (понтифик мечтал обратить монголов в католичество и вернуть с их помощью Иерусалим, незадолго перед тем потерянный крестоносцами). Между прочим, Плано Карпини отмечает, что посланнику папы и Ярославу «всегда давали высшее место». Первому оказывали почести, потому что монголы надеялись через папу привести к покорности весь христианский мир; второго же, вероятнее всего, отличали как представителя Бату-хана.

Гуюка провозглашают великим ханом. *Рисунок из «Истории католических миссий», 1847*

Став великим ханом, Гуюк прежде всего решил устранить самого опасного соперника. Он потребовал, чтобы Бату лично явился засвидетельствовать новому государю почтение. После долгих переговоров, летом 1248 года, Бату-хан наконец выехал. Однако на середине дороги получил весточку от тетки, вдовы Толуя, что Гуюк отправился ему навстречу и, видимо, замышляет недоброе.

Тогда Бату повел себя загадочным образом. Вместо того чтоб повернуть назад, он разбил лагерь и стал ждать, когда прибудет Гуюк со своими людьми. Всего в неделе пути от ставки двоюродного брата великий хан внезапно заболел и умер. Если предположить, что его отравили агенты Бату, поведение последнего становится понятным.

Спор за престол между потомками Джучи и Толуя, с одной стороны, и потомками Угэдея и Чагатая, с другой, разгорелся с еще большей остротой.

Новая регентша Огуль-Гаймиш оказалась алчной, неумной и капризной (во всяком случае, такой ее изображает хроника, враждебная по отношению к Гуюковой вдове). К тому же царица уступала в ловкости предыдущей правительнице, вдове Угэдея. Проведенный ханшей Огуль-Гамиш курултай (1250 г.) не сумел выбрать великого хана, и этим не преминул воспользоваться Бату.

Он созвал другой курултай, на территории дружественного Толуева улуса. Противоборствующая партия своих делегатов не прислала, но это не помешало новому курултаю провозгласить великим ханом 42-летнего Мункэ, сына Толуя. Это был друг и соратник Бату-хана, вместе с ним участвовавший в Западном походе.

Выборы выглядели сомнительно и могли бы привести к гражданской войне, но Мункэ действовал быстро и не миндальничал. Он велел схватить вождей противоположной фракции, обвинив их во всех смертных грехах, включая отравление Угэдея. Все они были заточены в тюрьму, а затем преданы смерти. Не пощадили победители и регентшу, приговоренную к казни за колдовство.

Нам важно знать все эти монгольские неурядицы для того, чтобы понимать логику поведения Бату в сороковые годы: всё десятилетие хан был сосредоточен на проблемах метрополии, где решалась его личная судьба и судьба его улуса.

Двор хана Мункэ. *Персидская миниатюра*

Новые походы

С восстановлением твердой центральной власти политика державы изменилась. Мункэ был правителем способным и активным. Наведя порядок дома, он занял империю тем, для чего она и была создана: войной и расширением границ.

В это недолгое царствование монголы предприняли два мощных вторжения – в южнокитайскую империю Сун и на Ближний Восток. Несмотря на то, что от одного театра военных действий до другого было несколько тысяч километров, монгольская боевая машина работала безупречно: армии сами себя снабжали, сами подпитывались людскими ресурсами и шли от победы к победе.

Экспансия в Передней Азии, правда, не увенчалась успехом, но виноваты в этом были не монгольские воины, а очередной политический кризис в метрополии.

Начинался же поход блистательно.

К этому времени (1255 г.) монголы привели в вассальную зависимость закавказские царства и турков-сельджуков, обеспечив себе выход к восточному побережью Средиземного моря.

Брат великого хана выдающийся полководец Хулагу (1217–1265) привел из глубин Азии большое войско. Один только инженерный корпус, оснащенный всем необходимым для осады городов и строительства мостов, насчитывал четыре тысячи мастеров-китайцев. По всему пути следования интенданты заранее приготовили провиант и фураж.

Хашишины

Интересным эпизодом этой войны стала победа монголов над Орденом хашишинов, державшим в трепете всю Переднюю Азию.

Это своеобразное теократическое государство возникло в конце XI века из секты исмаилитов-низаритов (одно из ответвлений шиитского ислама). Шейх тайной организации

именовался «Старцем горы». Его приверженцы были фанатиками, следовавшими железной дисциплине и готовыми пожертвовать жизнью по малейшему слову духовного отца. По широко распространенной, но не доказанной версии, свои самоубийственные акции эти воины-федаи (от арабского слова «жертва») совершали, опьяненные гашишом, откуда и возникло прозвище «хашишины». В европейских языках это слово, превратившееся в «ассасин», стало синонимом профессионального убийцы.

Дело в том, что «старцы горы» построили свою державу на индивидуальном терроре. Они не держали больших армий, не устраивали сражений, а просто убивали правителей и министров, которые им мешали. За полтора века своего существования Орден умертвил таким образом около ста монархов, принцев, сановников, полководцев, религиозных вождей и губернаторов. Самыми известными жертвами хашишинов стали предводители крестоносцев Конрад Монферратский и Раймонд Триполитанский, а также знаменитый сельджукский государственный деятель Низам аль-Мульк.

Современников больше всего поражало то, что федаи убивали только кинжалом, глядя прямо в глаза, и никогда не пытались скрыться. Смерть они принимали бестрепетно, а, как известно, убийцу-фанатика, готового умереть, остановить очень трудно. К тому же у хашишинов были высоко поставлены навыки конспирации и подготовка профессиональных убийц. Прекрасно обученных бойцов охотно брали в телохранители – к тем самым владыкам и вельможам, кого им в будущем, возможно, предстояло умертвить.

Еще больше, чем сами убийства, помогал мистический ужас. Иногда было довольно угрозы покушения, чтобы иноземный владыка делался шелковым. Например, Санджар ибн Малик-шах, правитель восточной Персии, однажды, проснувшись, обнаружил у изголовья хашишинский кинжал – и немедленно заключил договор, которого от него добивался Орден.

Инфраструктура государства хашишинов держалась на нескольких десятках неприступных замков, для защиты которых было довольно очень небольших гарнизонов. Если бы монголы стали все их осаждать, на это ушли бы долгие годы.

Но Хулагу поступил иначе. Он начал с того, что внезапным нападением захватил правящего имама хашишинов. К этому времени титул уже передавался по наследству, и «Старец горы» Рукн ад-дин Хуршах был молод, да к тому же не слишком мудр. Он поверил, что хашишинам будет выгоднее поступить на службу великой империи, и велел всем цитаделям сдаться без боя. Но монголам с их сакральным отношением к власти фанатики, специализирующиеся на убийстве государей, были отвратительны. Поэтому все хашишины, включая «Старца горы», после капитуляции были перебиты.

Хашишин убивает Низама аль-Мулька. *Миниатюра XIV в.*

Справившись с этим необычным врагом, Хулагу-хан нанес удар по Багдаду, столице некогда могущественного, но пришедшего в упадок арабского халифата.

Богатый и многолюдный Багдад был взят штурмом в феврале 1258 года. Халиф Аль-Мустасим, последний отпрыск великой династии Аббасидов, попал в плен и был предан «уважительной» казни: его завернули в ковер и затоптали копытами коней, чтобы священная кровь потомка Пророка не пролилась на землю (как мы помним, монголы с почтением относились к чужим религиям). Жителей, посмевших обороняться от захватчиков, перебили – погибли по меньшей мере сто тысяч человек. Кроме того, в Багдаде произошла культурно-цивилизационная катастрофа: монголы уничтожили прославленные багдадские книгохранилища, в том числе библиотеку исламской академии «Дом мудрости», где находилась самая драгоценная коллекция рукописей всего тогдашнего мира. Невежественные степняки использовали книги, чтобы устроить переправу через реку Тигр.

Из Междуречья победоносный Хулагу пошел на Сирию, входившую в зону влияния сильного египетского султаната, власть в котором принадлежала мамелюкам – касте профессиональных воинов, которые набирались из мальчиков-рабов, в основном половецкого и кавказского происхождения.

Неизвестно, устояли бы мамелюки перед ударом главных монгольских сил, однако в 1259 году кампания хана Хулагу внезапно оборвалась. Он стоял уже под самым Дамаском, но в это время из Монголии пришла весть о смерти Мункэ – и повторилась история 1242 года, когда кончина великого хана спасла Европу. Только теперь от монгольского завоевания был избавлен Ближний Восток.

Захват Багдада монголами. *Миниатюра XIV в.*

Хулагу спешно ушел, взяв с собой самые лучшие части, которые должны были стать весомым аргументом при решении вопроса о власти. У нойона Китбуки (Кит-Буке), которому было поручено закончить поход, остались только второсортные отряды, укомплектованные кипчаками. Дамаск сдался без боя, но с подошедшей из Египта мамелюкской армией это слабое войско совладать не смогло и откатилось назад.

Так завершилась монгольская экспансия в Западной Азии.

Одновременно с этим великий хан Мункэ вместе с другим своим братом, Хубилаем, вели кампанию в южном Китае, имевшую для монгольской державы огромное значение.

Северное царство Цзинь пало двадцать лет назад, но империя Сун была еще населенней, еще богаче, еще развитее в культурном отношении. Это была самая главная страна тогдашнего человечества. Во всяком случае, именно так смотрели на Сун жители степей. С их точки зрения, покорение всего Китая мало чем отличалось от покорения всего мира.

Первая попытка была предпринята еще в царствование Угэдея, примерно в одно время с Западным походом, но тогда китайцы смогли выторговать мир, прельстив монголов невероятной данью: 200 000 штук шелка и 200 000 слитков серебра в год.

Внутренние раздоры среди монголов дали возможность китайской империи как следует приготовиться к неминуемому продолжению войны. Неисчислимые людские ресурсы и огромные богатства позволяли сунцам содержать гигантскую армию в миллион солдат (и это, кажется, не обычное летописное преувеличение, если учесть, что население Сун составляло пятьдесят, а по некоторым оценкам, и сто миллионов человек). Китайские крепости были прекрасно укреплены, в них стояли сильные гарнизоны. Война обещала быть долгой и трудной.

Не отваживаясь нанести лобовой удар, Мункэ применил обычную монгольскую тактику: пошел в наступление четырьмя отдельными корпусами, заставляя врага распылять силы.

Бой китайцев с монголами. *Персидская миниатюра*

Самых больших успехов добилось войско Хубилая, проявившего не только полководческий, но и административный талант. Царевич старался щадить гражданское население и оставлял на местах

китайское чиновничество, а кроме того выказывал явную симпатию к буддизму. Придворные интриганы настроили великого хана против удачливого и популярного брата. Над головой Хубилая собрались тучи. Он был обвинен в различных злоупотреблениях, некоторых его соратников казнили. Однако Хубилай обезоружил грозного Мункэ-хана, лично явившись к нему с изъявлениями покорности, после чего был прощен и полностью восстановлен во всех полномочиях.

В 1258 году война перешла в решающую стадию. Хубилаю было поручено вести наступление в Хэнани и Хубэе, сам же Мункэ возглавил основные силы, воевавшие в провинции Сычуань. Там в августе 1259 года он и умер, когда в монгольской армии началась жестокая эпидемия дизентерии.

Получив сообщение о смерти брата, Хубилай вначале повел себя нетипичным образом: вместо того чтобы спешить в Каракорум и бороться за престол, продолжил поход, чтоб довести его до победного конца.

Однако события в Монголии повернулись таким образом, что Хубилаю все-таки пришлось срочно заключать перемирие и возвращаться домой.

Пик могущества: Хубилай

К этому времени никто в Монголии уже не оспаривал главенство представителей Толуевой ветви Чингизидов, однако на этот раз конфликт возник внутри самого этого дома.

По обычаю, собственно монгольскими землями управлял самый младший из сыновей Толуя – Ариг-Буга. Точно так же, как его отец после смерти Чингисхана, он должен был гарантировать мирный переход власти к следующему великому хану, когда того изберет курултай. Первым по старшинству, по славе, по влиянию считался Хубилай. Однако Ариг-Буга решил сам стать государем и спешно созвал съезд, не дожидаясь возвращения старших братьев.

Хану Хулагу с Ближнего Востока до Монголии было добираться далеко и долго, а вот Хубилай находился гораздо ближе. Перед лицом столь явной угрозы он приостановил китайскую войну и заторопился на север. Собрал собственный курултай, провозгласивший его великим ханом. Ариг-Буга с этим решением не согласился.

Так, в 1260 году, через 33 года после смерти основателя империи, произошла первая открытая война между его потомками.

Она продлилась несколько лет, причем боевые столкновения чередовались с дипломатическими маневрами. Каждая из сторон пыталась обзавестись наибольшим числом сторонников. («Наши» монголы, из улуса Джучи, поддержали Ариг-Бугу, что имело важные последствия для Золотой Орды и, разумеется, для Руси.)

Верх в военно-дипломатическом противостоянии одержал Хубилай. Оставшийся без союзников Ариг-Буга сдался на милость победителя, был торжественно прощен и вскоре после этого очень кстати умер – согласно официальному извещению, от болезни.

Марко Поло на аудиенции у Хубилая. *Л. Бенетт*

Теперь империя могла вернуться к завоеванию царства Сун. В новой кампании участвовали силы всех областей великой державы, в том числе и русские воины, которые отправились в Монголию согласно закону об обязательной людской повинности, введенному оккупантами.

Став великим ханом, Хубилай взял за правило всюду, где возможно, действовать мирными средствами. Он не позволял грабить города, которые сдавались без боя; не использовал обычную тактику террора; старался не нарушать устоявшегося уклада местной жизни. Взяв в плен малолетнего сунского императора, хан обошелся с ним весьма почтительно.

Всё это означало, что Хубилай рассматривает Китай не как чужую территорию, а как самое ценное из своих владений – разорять его не следовало, равно как и антагонизировать население, будущих подданных.

Эта стратегия растянула завоевание на целых двенадцать лет, но зато, когда оно завершилось, великий хан стал полноправным китайским императором. Последний монарх династии Сун официально передал ему «Небесный Мандат», и огромная страна признала новую власть. Завоевание окончилось в 1279 году.

Монгольская династия китайских императоров взяла себе имя Юань («Изначальная династия»), что соответствовало истине: впервые за всю историю Поднебесная объединилась в одно государство.

Свою столицу Хубилай перенес в Пекин (который тогда еще так не назывался). Новый император мало что изменил в системе управления, сохранил большую часть бюрократии, принял буддизм, переустроил придворный церемониал по китайскому образцу.

Создание империи, о которой мечтал Чингисхан, завершилось. Как пишет Марко Поло, «от времен Адама, нашего предка, и доныне не было более могущественного человека, и ни у кого в свете не было столько подвластных народов, столько земель и таких богатств».

На пространстве в десятки миллионов квадратных километров установился единый закон и порядок. Караваны переправляли товары и технические знания с Востока на Запад и с Запада на Восток. Исправно собиралась дань. Все религии мирно сосуществовали, охраняемые властью. Богатели города. Вновь начало увеличиваться поредевшее в войнах население. Как ни странно это прозвучит, но в результате

монгольского завоевания Евразия на какое-то время (правда, ненадолго) обрела покой и достигла процветания.

Больше всего Хубилай, конечно, заботился о сердцевине своей державы – Китае. Он прокладывал дороги, проводил водные коммуникации (например, завершил строительство Великого канала протяженностью в тысячу семьсот километров), в неурожайные годы подкармливал подданных рисом.

Остаток своего царствования Хубилай прожил в покое и неге. Умер он в 1294 году глубоким стариком (ему было под восемьдесят).

Эволюция Хубилая

Биография человека по имени Хубилай по-своему символична и, в целом, повторяет этапы естественной эволюции всей монгольской империи.

Мальчиком он получил обычное монгольское воспитание, чуть не с младенчества приучившись сидеть в седле и владеть луком.

Предание сохранило занятный эпизод из детства Хубилая.

После первой «взрослой» охоты братьев Мункэ и Хубилая (старшему было одиннадцать лет, младшему девять) Чингисхан совершил положенный по обычаю обряд – смазал царевичей жиром и кровью убитых животных. При этом оба сжали деду палец – Мункэ почтительно, а Хубилай так сильно, что хан шутливо воскликнул: «Этот стервец оторвал мне палец!». Летописец пересказывает этот анекдот, желая подчеркнуть свойственную Хубилаю ухватистость и цепкость.

Но кроме того Хубилай был еще переимчив, он быстро обучался новому и не держался за старину.

В юности он был назначен наместником одной из китайских провинций и поначалу не мешал своим помощникам вести дела «по-монгольски», то есть грабить и притеснять местное население. Но когда увидел, что люди

разбегаются и земли пустеют, взял управление в свои руки, упразднил произвол – и увидел, что доходы увеличились. Царевич хорошо усвоил этот урок.

Во время войны с царством Дали (1253 г.), союзным Сунской империи, монголы, как водится, сначала послали парламентеров, а неразумные далийцы – что, как мы знаем, случалось часто – посланцев убили. Поразительно то, что, взяв вражескую столицу, Хубилай, вопреки Чингисхановым заветам, не устроил резни, а пощадил горожан, взятый же в плен царь был оставлен губернатором.

Как уже говорилось, с той же сдержанностью Хубилай вел себя и в Китае. Это явно был Чингизид нового поколения и новой формации. Вскоре и в других улусах империи монголы станут относиться к покоренным народам мягче – если уместно так выразиться, цивилизованнее.

Сев на китайский престол, Хубилай и сам охотно сделался китайцем. Неутомимый, расчетливый и напористый в бытность завоевателем, он быстро пристрастился к роскоши и сибаритству. Растолстел, обрюзг, пил много вина, в старости еле передвигался из-за подагры. Марко Поло с восхищением описывает огромные дворцы Хубилая (один – с оградой длиною в 16 миль), его гарем из отборных красавиц, стада белоснежных коней, полчища слуг и прочие излишества, которые вряд ли одобрил бы Чингисхан.

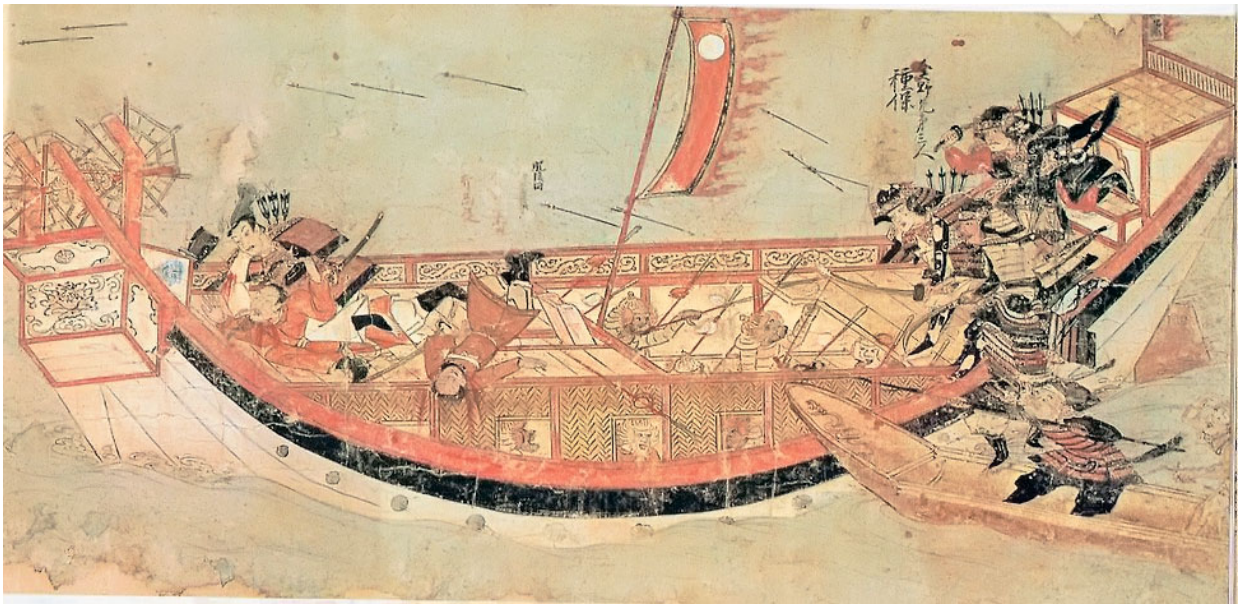
Характерно, что военные начинания Хубилая в этот период перестали быть успешными. Зачем-то ему захотелось покорить бедные и малонаселенные (по сравнению с Китаем) японские острова, куда он дважды отправлял огромный флот – и оба раза потерпел поражение. Японцев спасла суровость их родной природы: «Божественный ветер», ужасный тайфун, разметал монгольскую эскадру, потопив большинство кораблей.

Таким же фиаско закончилась попытка захвата Индонезии.

Сталкиваясь с трудностями, империя Юань отступалась, чего никогда не делал Чингисхан. Но у Хубилая и его преемников, в общем-то, не было нужды в новых землях, да и

деньги можно было израсходовать с куда большей приятностью.

Могучая степная сила преодолела все преграды, подавила всякое сопротивление, но не выдержала испытания комфортом и расслабленной жизнью.



Битва монголов с японцами. *Японские рисунки XIII в.*

Для нас с вами в переменах, случившихся в эту эпоху при дворе великих ханов, важнее всего то, что, начиная с Хубилая, они отказываются от идеи продолжить завоевание Европы.

Зачем было тратить на это силы, когда им и так принадлежала Поднебесная, основная часть вселенной? Европейские дела, в том числе далекая Русь, вообще перестали интересовать монгольских государей.

Фактически империя повернулась к Западу спиной. Есть основания полагать, что на Руси это никого не опечалило.

Распад империи

Великая империя начала распадаться почти одновременно с тем, как достигла своего наибольшего размера. Завоевание царства Сун стало последней общемонгольской акцией, в которой участвовали контингенты всех чингизидских властителей.

Главенство Хубилая над остальными тремя улусами было уже номинальным, фактически они сделались независимыми государствами, и между ними уже шли войны.

После смерти завоевателя Китая не осталось и формального единства. Представители других улусов никакой роли при избрании очередного великого хана уже не играли, да, кажется, и не стремились к этому. Кто сидит на троне в далеком Пекине, для них отныне не имело особенного значения. В каждом ханстве происходили собственные

курултаи, где никто не интересовался позицией юаньского императора; китаизированных потомков Хубилая остальные монголы за единоплеменников больше не держали.

Причины недолговечности «океанической державы», основы которой заложил Чингисхан, очевидны.

Опираясь на одну только военную силу, можно завоевать огромные пространства, но для прочного государства требуется более надежный фундамент.

Для того чтобы управлять таким количеством народов из единого центра, даже самой быстрой конной почты было недостаточно.

Большинство регионов не имели между собой никаких экономических связей, принадлежали к разным культурам, исповедовали каждый свою религию.

То обстоятельство, что монголы, элита империи, были немногочисленны и к тому же почти всюду уступали по цивилизационному уровню завоеванным странам, неминуемо приводило к тому, что правящее сословие постепенно теряло этнокультурную идентичность и подвергалось культурной ассимиляции, даже утрачивало родной язык (например, наша Золотая Орда довольно быстро перешла с монгольского на тюркский). Некоторая «монголизация» подчиненных народов, конечно, происходила, но еще активнее шла «размонголизация» самих победителей.

Превосходная армия, хребет монгольского владычества, еще долгое время сохраняла свои боевые качества и оставалась лучшей в мире, но с развитием феодальной системы и формированием наследственной аристократии, в войске стал нарушаться основополагающий принцип меритократии, то есть всеобщего равенства и выдвижения самых достойных. Командные должности стали доставаться сыновьям ханов и князей: чем выше рождение, тем выше чин. В XIV веке возникнет целая плеяда выдающихся военных вождей, которые из-за недостаточно знатного происхождения не смогут рассчитывать на большую карьеру и потому будут брать судьбу в свои руки – устраивать перевороты или создавать собственные царства.

Ну и, конечно, серьезной проблемой являлась придуманная Чингисханом система перехода верховной власти через выборы на

великом курултае. Как мы видели, кончина государя каждый раз приводила к затяжному кризису и порождала раскол внутри династии.

Первая трещина в теле империи возникла из-за гражданской войны начала шестидесятых годов XIII века, когда Чингизиды разделились на сторонников Хубилая и сторонников Ариг-Буги. Победа первого не привела к консолидации, а наоборот зафиксировала раскол.

В последнюю треть столетия наметился распад империи на четыре больших государства, каждому из которых предстояло идти дальше собственной дорогой.

Северо-западный сегмент, находившийся под контролем Бату и включавший в себя Русь, иногда называют Кипчакским ханством, поскольку основную часть его территории занимала Кипчакская степь. Сами татары обычно употребляли старое наименование «Улус Джучи».

Бывшие владения Хорезмского царства превратились в Чагатайское ханство, поскольку там правили потомки Чагатая. Это монгольское государство оказалось самым недолговечным. Его одолевали внутренние распри, и оно развалилось в первой половине XIV столетия.

Ненамного прочнее оказалась и держава, созданная победителем арабов грозным Хулагу. Его преемники назывались ильханами (по-тюркски «правитель народов»), а само государство в западной историографии называют Ильханатом. Пестрое и многоплеменное, оно включало в себя Персию, Афганистан, Закавказье, часть Малой Азии и одно время даже Кипр, но в середине XIV века стало распадаться.

В мощном древе, некогда посаженном Чингисханом, роль ствола досталась улусу Толуя, превратившемуся в империю Юань. По культурному уровню и богатству «ствол» намного превосходил «ответвления», а по населению был больше, чем все они вместе взятые. Однако, погруженный в собственные проблемы, бывший центр оставил попытки контролировать другие чингизидские государства. Проблем этих от года к году становилось всё больше.

Распад монгольской империи на улусы. *М. Руданов*

Крах монгольской династии

Судьба монгольского Китая после Хубилая, когда держава великих ханов перестала быть для Руси метрополией, напрямую не связана с русской историей, однако всё же хочется хотя бы вкратце рассказать о том, как меньше чем за сто лет выродилась и зачахла великая империя Юань.

Преемники Хубилая могли называться монголами лишь с натяжкой. Они говорили по-китайски, сочиняли китайские стихи, придерживались буддийских обрядов. Жизнь в роскоши быстро отучила их от навыков походной жизни.

При этом народ по-прежнему считал их чужаками и узурпаторами. По мере ослабления военной мощи династии, в войске которой этнические монголы составляли незначительное меньшинство, она утрачивала контроль над

огромной страной. Страх перед степными воинами понемногу забывался.

Порядка становилось всё меньше, дороги кишели разбойниками. Неурожаи приводили к голоду, голод вызывал крестьянские восстания. Время правления императоров сокращалось – их свергали соперники, которые затем, в свою очередь, становились марионетками в руках собственного окружения.

Конец империи положило мощное народное движение, вошедшее в историю как восстание Красных Повязок (по цвету головных платков мятежников). Как и большинство народных движений в истории, оно свергло одну династию лишь для того, чтобы посадить на ее место новую.

В 1368 году монгольская империя окончательно прекратила свое существование.

Как ни странно, самой живучей ветвью Чингисханова древа оказался беднейший из улусов – Кипчакское ханство, оно же Золотая Орда, просуществовавшее дольше остальных.

Причина заключалась в том, что это государство в значительной степени сохранило изначальные степные законы и бытовые привычки, а стало быть и воинские навыки. Золотая Орда до конца оставалась военной державой. Даже в XV веке ее армия все еще была грозной силой, поэтому Русь освободилась от монгольского владычества много позднее других колоний бывшей империи Чингисхана.

История возникновения и развития Золотой Орды для нас чрезвычайно важна, поскольку неразрывно связана с биографией Руси и русского государства.

В Орде

Степное государство

Название «Золотая Орда» – позднего происхождения. Вероятно, оно возникло благодаря парадной золотой юрте хана Узбека (1313–1341), которая своим ослепительным сиянием производила большое впечатление на современников. Однако в те времена название это, кажется, широко не употреблялось, и в русских источниках впервые попадается только в «Истории о Казанском царстве» (ок. 1564 г.), когда Золотой Орды уже не существовало. На Востоке в средние века улус Джучи был известен как Дешт-и-Кыпчак (Кипчакская Степь), русские же именовали его просто «Орда». Слово это монгольского происхождения и первоначально означало ближний круг хана или вождя – его ставку, в которой жили родственники, охрана и прислуга.

Бывший улус Джучи при Бату-хане расширился далеко на запад, вобрав в себя Поволжье, Северное Причерноморье и половину русских земель. Территория Золотой Орды и ее колоний простиралась от Литвы до Сибири и от Белого моря до Кавказа – на несколько миллионов квадратных километров (точнее сказать невозможно, поскольку государственных границ, особенно в малонаселенных краях, тогда еще не существовало).

В эпоху расцвета, в середине XIV века, население державы, по-видимому, составляло не менее 15 миллионов человек – больше, чем в любой европейской стране. Однако этнических монголов было очень мало, максимум несколько десятков тысяч.

В пестром конгломерате племен, входивших в состав собственно Орды (за вычетом вассальных государств), больше всего было тюрков – половцев и других менее крупных племен; язык булгар и башкиров тоже относился к этой языковой семье, поэтому со временем даже монгольская верхушка перешла на тюркский. В XIV–XV веках для бóльшей части Азии и половины Европы тюркский был языком международного общения.

Золотая Орда при хане Узбеке. *М. Руданов*

Политическую самостоятельность улус Джучи обрел в 60-е годы тринадцатого столетия – после того как в споре за престолонаследие сделал ставку на царевича Ариг-Бугу, а не на Хубилая и оказался проигравшей стороной.

Но столица империи была очень далеко, а новый великий хан интересовался только китайскими делами, поэтому фактическое обособление Кипчакского ханства в самостоятельное государство произошло без осложнений. Юридически Золотая Орда сохраняла статус вассала по отношению к империи вплоть до самого распада последней, то есть еще лет сто, но эта принадлежность была сугубо формальной.

Хан избирался на собственном курултае из числа потомков Джучи – этот рискованный способ перехода власти будет обходиться Орде так же дорого, как и всей монгольской империи. Но курултай, в который входили самые родовитые и влиятельные люди государства, был и постоянным органом – чем-то вроде думы или совета, где принимались все важные решения.

Высшая аристократия состояла из князей-джучидов и вельможнойонов (впоследствии вместо этого монгольского слова стало употребляться тюркское «бек»). С переходом к преимущественно оседлому образу жизни хан начал одаривать ближних людей земельными угодьями, тем самым превращая их в феодалов.

По монгольскому обычаю, важную роль в управлении, особенно в периоды междуцарствия или малолетства государей, играли ханши (хатун) – об этом пишут все путешественники, посещавшие Орду.

Государство было прежде всего военным и держалось на войске, продолжавшем жить по уставу Чингисхана.

Административная структура степного государства тоже строилась по армейскому принципу, что облегчало управляемость и обеспечивало высокую степень контроля. Страна делилась на военные округа, каждый из которых при мобилизации выставлял тумен, десять тысяч воинов; округа состояли из районов-«тысяч»; потом шли волости-«сотни» и наконец самые мелкие ячейки – «десятки». При необходимости армия собиралась очень быстро, полностью готовая к походу. При этом темник, тысячник, сотник, десятник одновременно являлись начальниками своего административного участка. Государство было армией, а армия – государством.

Казна ханства на первом этапе его существования пополнялась главным образом за счет дани, поборов, а то и просто грабежа, но государство довольно скоро перешло от этого паразитического образа жизни к созданию собственной экономики. Налоги, которыми облагались вассальные территории, по-прежнему составляли значительную статью дохода, однако их сбор был упорядочен, для чего пришлось создать целую чиновничью иерархию.

Не меньшую прибыль государству приносила торговля. Сама Орда производила немного товаров, пригодных для экспорта, но зато она находилась на пересечении торговых путей и получала большой доход от таможенных сборов и посредничества. Власти относились к купцам бережно, обеспечивали безопасность дорог и сохранность товаров. Русские «гости» скоро научились извлекать пользу из своего ордынского подданства, которое давало немало преимуществ. Со временем приспособится к новым рыночным реалиям и русское

хозяйство. Орда была богата стадами, но нуждалась в поставках зерна. Именно в период татарского господства Русь, раньше часто вынужденная закупать хлеб у соседних булгар, постепенно стала превращаться в житницу всего региона.

Кочевой народ, у которого в Монголии не было даже деревень, на новом месте и в новых условиях существования быстро обзавелся собственными городами, без которых было бы невозможно управлять государством и вести серьезную торговлю.

Население степей в своей массе жило скотоводством и сохраняло кочевой образ жизни, поэтому городов было немного, но их богатство и величина вполне соответствовали блеску Золотой Орды.

Первый монарх Бату в 1254 году, то есть всего через двенадцать лет после завершения большого похода, основал столицу своего царства в нижнем Поволжье – город получил имя Сарай-ал-Махруса (Богохранимый Дворец), но чаще его называют Сарай-Бату. Однако хану Берке это место чем-то не понравилось, и через восемь лет он построил неподалеку от современного Волгограда другой город. Известный как Новый Дворец или Сарай-Берке, он в скором времени превратился в один из главных центров всего Востока.

Великолепный Сарай

Город стоял на перекрещении двух великих товарных магистралей – Волжской речной и северной ветви Шелкового Пути. Будучи резиденцией могущественного владыки и важным промежуточным рынком, город стремительно рос и к началу четырнадцатого столетия стал самым крупным мегаполисом всего европейского континента – больше хиреющего Константинополя, Парижа, Лондона или Рима, не говоря уж о Новгороде или Владимире. По оценкам историков, в Сарай-Берке жило не менее ста тысяч человек.

Правда, в рассказах о великолепии ордынской столицы немало легендарного. Кладоискатели до сих пор роют землю в поисках двух золотых коней в натуральную величину, якобы украшавших въезд в город. Существовали кони или нет, неизвестно, однако раскопки, начавшиеся еще в первой

половине XIX века, показали, что город по масштабам того времени был просто гигантским. Вместе с предместьями он был растянут в длину чуть не на сотню километров.

Разделенный на 75 кварталов, Сарай был украшен дворцами и храмами всех религий, базарами, банями, караван-сараями и мавзолеями. Главные улицы были прямыми и широкими, на площадях били фонтаны. Дворцы и мечети сверкали разноцветными изразцовыми стенами, а дома обывателей в основном строились из кирпича.

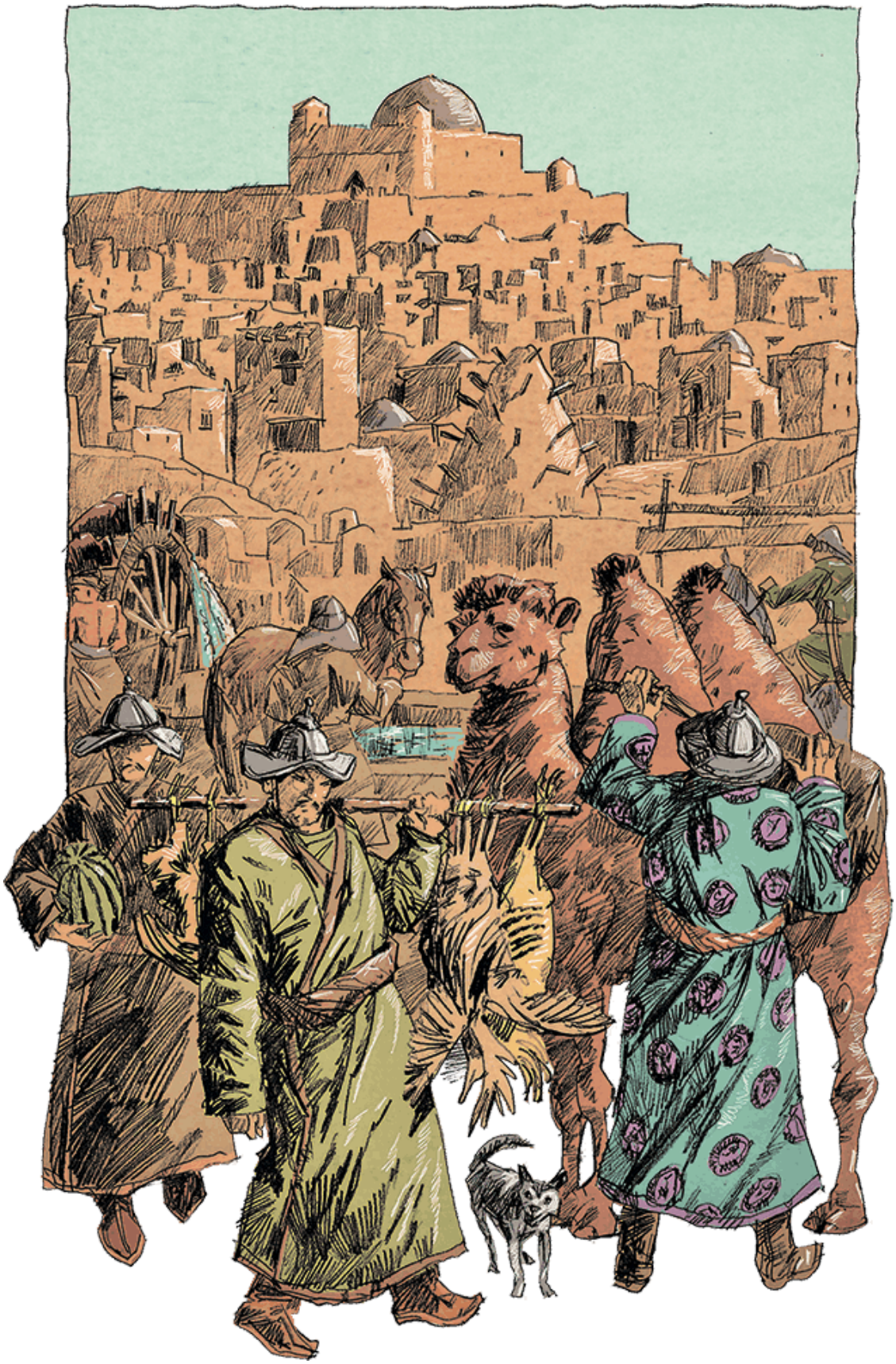
В городе была сложная система арыков и прудов, имелись водопровод и канализация. Во дворцах даже существовало водяное отопление.

Знаменитый арабский путешественник Ибн-Баттута, повидавший много столиц, называет Сарай-Берке одним из красивейших городов земли. Он также пишет, что чужеземцы и представители подвластных Орде народов (среди которых упоминает и русских) жили каждый в своем районе и имели по собственному базару. Разноплеменные мастера ковали оружие и доспехи, обрабатывали кожи, делали ткани из шерсти и среднеазиатского хлопка. Произведенная в ордынской столице бронзовая и медная посуда поступала на рынки Азии и Восточной Европы.

Необычной для средневекового города особенностью Сарая-Берке было отсутствие крепостных стен. Ханам Золотой Орды было не от кого прятаться, некого опасаться. Кто бы посмел напасть на их столицу?

Отсутствие укреплений в конце концов и погубило прекрасный город. Когда государство ослабело и стало ареной междоусобиц, враждующим феодалам было трудно удержаться от того, чтоб не разграбить это гигантское, ничем не защищенное хранилище всевозможных богатств.

Сарай-Берке процветал всего несколько десятилетий, а затем, разоренный гражданскими войнами, пришел в запустение и исчез.



Так, вероятно, выглядел Сарай-Берке. *И. Сакуров*

Еще одним важным центром, уже не административным, а исключительно торговым, был Малый Сарай, или Сарайчик, расположенный в северо-западном Казахстане, на тогдашней дороге в Хорезм. Несмотря на несолидное название, это был огромный город-рынок, надолго переживший оба «больших» Сарая.

При этом нельзя сказать, чтобы ханы, князья и вельможи полностью превратились в городских жителей. Половину года они перемещались вместе с пасущимися стадами, живя в юртах; в города же переезжали зимой. Этот полукочевой-полуоседлый образ жизни сохранялся у ордынских владык до самого конца.

Первый хан

«Иго», то есть период жесткого угнетения завоеванных русских земель, продолжалось до тех пор, пока Кипчакская Степь оставалась на положении автономного «вице-королевства», которое должно было переправлять в метрополию значительную часть собранной дани и насильно изъятых людей (рекрутов, ремесленников, просто рабов).

С превращением улуса в независимое царство поведение ханов меняется. Из надсмотрщиков они становятся хозяевами и начинают вести себя более рачительно. Именно в этом – если совсем упрощенно и коротко – состоит главная причина того, что иго сменилось более мягким режимом.

Исследователь Золотой Орды В. Похлебкин предпринял попытку разобраться в весьма запутанном вопросе о преемственности ханской власти и составил хронологическую таблицу царствований. Он перечисляет 48 государей (не считая всякого рода мятежников и сепаратистов смутных времен), но в этой длинной череде не так много имен, оставивших важный след в отечественной истории. В эпоху автономии бывали длинные периоды, когда ханы почти не вмешивались в русские дела.

Однако на начальном этапе русско-монгольских отношений, во время оккупации и перехода от оккупации к автономии, личность правителя Орды имела для Руси огромное и даже определяющее

значение, поэтому с тремя первыми ханами нам придется познакомиться поближе.

И прежде всего, конечно, с основателем Кипчакского царства.

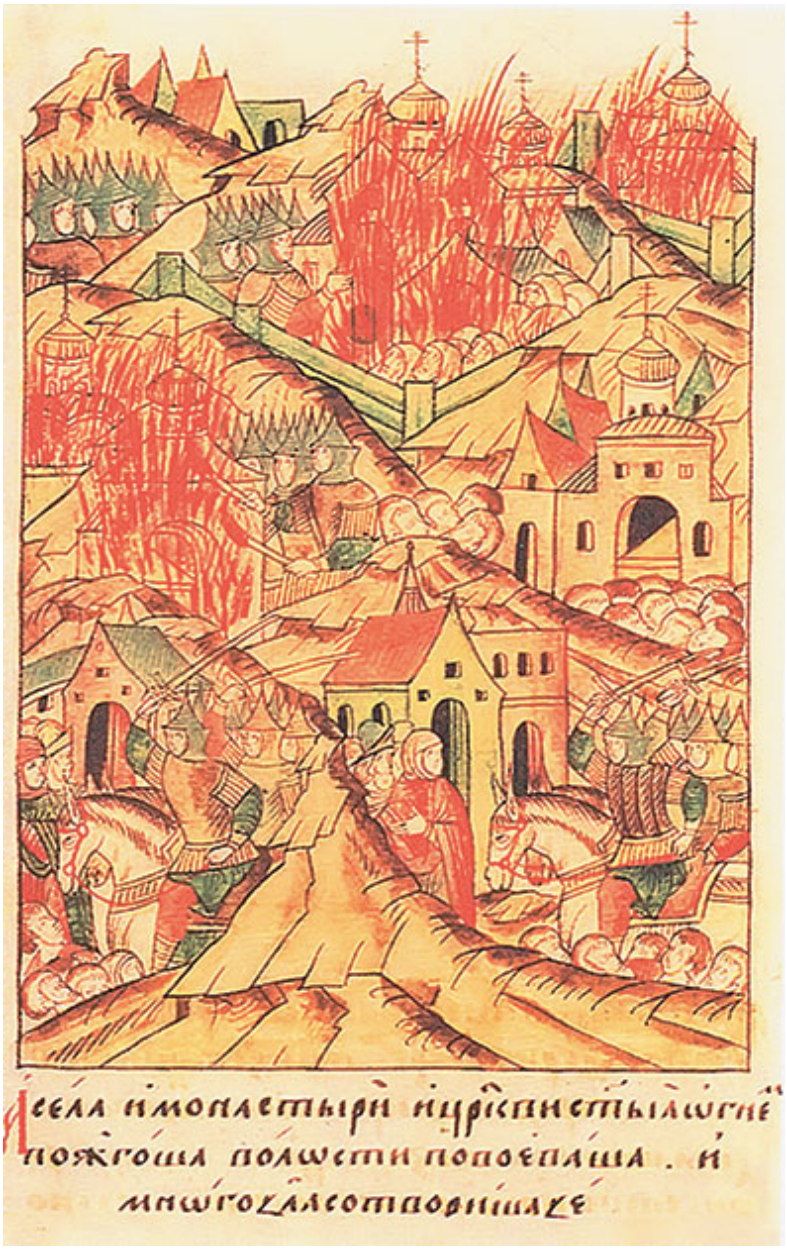
Хан Бату является одной из ключевых фигур всей русской истории. Вероятно, этот Чингизид может считаться таким же отцом-основателем российской государственности, как князь Олег, создатель Киевского княжества. (Впрочем, это вопрос дискуссионный; мы рассмотрим его в заключительной главе.)

Во время нашествия Бату был еще молод, что-то под тридцать лет, и подлинным главнокомандующим, как мы помним, являлся великий полководей Субэдей. Сам Бату-хан, по-видимому, особенной воинственностью не отличался. По окончании Западного похода он уже не пытался захватить новые территории и в основном занимался внутренними монгольскими проблемами – участвовал в борьбе за престолонаследие.

Спокойная жизнь для Бату наступила лишь после 1250 года, когда на Каракорумском троне утвердился дружественный хан Мункэ.

Политика Бату-хана в отношении Руси была примитивно хищнической. Заинтересованный в хороших отношениях с Каракорумом, хан старался послать туда побольше ценностей и людей, выжимая из колонии все соки: постоянно присылал баскаков, сборщиков дани, взымал экстраординарные выплаты.

В наших источниках, знающих Бату-хана как кровавого завоевателя и сурового притеснителя, он зовется «безбожным» (что с христианской точки зрения правда), а также «лживым и немилосердным» (что справедливо лишь отчасти). Лживым он точно не был, ибо всегда действовал по правилам Великой Ясы. С «немилосердием» тоже не всё так просто. В тюркских легендах и восточных хрониках за Бату утвердилось прозвище Саин-хан, что означает нечто прямо противоположное: милосердный, великодушный государь.



В памяти русских Бату-хан остался как кровавый завоеватель. *Миниатюра XVI в.*

Противоречия здесь нет. Бату был жесток с чужими и добродушен со своими. Когда русские перестали быть врагами и сделались подданными, он и к ним начал относиться, в общем, по-доброму. В те времена это, разумеется, означало доброе отношение не к народу, а к князьям.

После того как хан собрал у себя в Сарае восточнорусских Рюриковичей, привел их к присяге и выдал ярлыки на княжение, он

рассматривал их как своих вассалов и никакой дискриминации не подвергал. Ярослава Всеволодовича, назначенного великим князем владимирским, держал в особой милости и – знак высокого доверия – в 1246 году даже отправил на великий курултай.

Великодушно обошелся он и с Даниилом Галицким, который пытался оставить свои обширные владения вне зоны оккупации и даже позволил себе биться с монгольскими отрядами. Бату удовольствовался тем, что принял от Даниила личные изъявления покорности, после чего оставил Волынь и Галицию в покое.

Памятник Бату есть только в Монголии

Очевидцы про хана Бату

В зрелые годы Бату жил мирно. Плано Карпини, посетивший его двор, пишет: «Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они

королю венгерскому… На средине, вблизи входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питье в золотых и серебряных сосудах, и ни Бату, ни один татарский князь не пьют никогда, если пред ними не поют или не играют на гитаре. И когда он едет, то над головой его несут всегда щит от солнца или шатерчик на копье».

Побывавший в Орде семь лет спустя де Рубрук находит хана уже живущим в очень большом городе (Сарае-Бату), правда, пока еще состоящем из юрт. Однако пышность «шатерчиком на копье» уже не ограничивалась.

«Сам же он [хан] сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа. Мужчины же сидели там и сям направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату [всего их у хана было двадцать шесть], заполняли мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла при входе в палатку. Итак Бату внимательно осмотрел нас, а мы его; и по росту, показалось мне, он похож на господина Жана де Бомона (в оригинале: «et il me parut qu’il etait de la taille de Jean de Beaumont»), да почиет в мире его душа. Лицо Бату было покрыто красноватыми пятнами».

Предпоследняя фраза была бы очень интересна как единственное сохранившееся описание внешности завоевателя – если б мы, подобно адресату Рубрука, знали, как выглядел покойный маршал французского короля Жан-Гийом де Бомон. Очевидно, его рост был необычен – или очень мал, или очень велик.

Коротышка или верзила с красными пятнами на лице – к сожалению, это всё, что мы знаем о внешности человека, сыгравшего роковую роль в судьбе Руси.

Умер Бату не дожив до пятидесяти, в 1255 или 1256 году. Ему наследовал сын Сартак, чье царствование сулило Руси много хорошего. Царевич был христианином и дружил с Александром Ярославичем (Невским). Но Сартак не поладил со своим дядей Берке, человеком

бывалым и хитроумным. Скоропостижная смерть нового хана безусловно выглядит подозрительно. К этому времени Чингизиды отлично научились использовать яд для решения политических споров.

Маленький Улагчи, сын Сартака, и его бабка-регентша тоже продержались недолго. Мальчик внезапно умер, а с хатун Берке уже не церемонился – велел схватить и убить.

Берке

Погодок Бату-хана, Берке, кажется, сильно отличался от старшего брата характером – был властен, честолюбив, коварен, жесток не только с чужими, но и со своими.

Важные перемены во внешней политике Орды произошли и вследствие того, что Берке отошел от религии предков и принял ислам, не сделав его, однако, официальной религией государства (это произошло позднее, в правление хана Узбека).

Отряды Кипчакского ханства участвовали в походе Хулагу на Ближний Восток, но при этом Берке выказывал явную симпатию к последователям Пророка. Считается, что причиной ссоры с Хулагу стало убийство калифа багдадского, возмутившее Берке как правоверного мусульманина. В дальнейшем Берке поддерживал уже не Хулагу, а противостоящий ему мамелюкский Египет.

Впрочем, более вероятным объяснением межмонгольского конфликта является территориальный спор из-за Азербайджана, на который зарился Берке, Хулагу же не желал расставаться с этими богатыми землями.

Эпизод с умерщвлением ханши Боракчин, регентши при малолетнем Улагчи, тоже связан с противостоянием двух властителей. После смерти внука она бросилась за помощью к Хулагу, однако люди Берке догнали ее и предали казни.

Когда разгорелась борьба за трон между Хубилаем и Ариг-Бугой, Хулагу и Берке, естественно, оказались в разных лагерях, что довело их вражду уже до вооруженного столкновения.

Хан Хулагу преследует хана Берке. *Европейская миниатюра XV в.*

Боевые действия развернулись в Закавказье и шли с переменным успехом. Смерть Хулагу в 1265 году не привела к миру, Берке продолжал воевать и со следующим ильханом. Но в 1266 году в Тифлисе старый хан заболел и умер, после чего ордынское войско вернулось домой.

Помимо войн (Берке еще ссорился с Византией и с сельджуками) этот хан много строил. В Новом Сарае, затмившем своим великолепием столицу Бату, он возвел множество дворцов и в особенности мечетей, при этом, однако, не нарушая принципов веротерпимости. За всё это хану Берке симпатизирует Карамзин, которого всегда приятно процитировать: «Сей Батыев преемник любил Искусства и Науки; ласкал ученых, художников; украсил новыми зданиями свою Кипчакскую столицу и позволил Россиянам, в ней обитавшим, свободно отправлять Христианское богослужение».

Для нас же существенней всего то, что, активно занятый войнами и дипломатией, Берке почти не занимался Русью, где в годы его правления мало что изменилось.

Иго продолжалось.

Менгу-Тимур

Ослабело оно при следующем правителе Менгу-Тимуре (1266–1282?). Этот хан был внуком Бату (Берке сыновей не оставил).

Новый правитель придерживался традиционных монгольских верований, союз с мусульманским Египтом он разорвал и заключил мир с ильханом.

Менгу-Тимур больше интересовался торговлей, чем войной. При нем важным рыночным центром стал Крым, где хан покровительствовал генуэзским купцам, которые создали в Каффе (Феодосии) главный пункт всей черноморской коммерции, соперничавший с Константинополем.

Особое внимание Менгу-Тимур проявлял к Новгороду, северному пункту волжско-балтийского транзитного пути. Хан, с одной стороны, следил за тем, чтобы новгородцы не выходили из-под контроля владимирского великого князя, ближнего вассала Орды, с другой стороны, не давал Владимиру слишком притеснять купеческую республику.

Русская летопись говорит, что в 6774 году (1266) умер царь татарский «Беркаи» и «бысть ослаба Руси от насилия бесермен» – очень важное сообщение, означающее, что с этого времени Иго заканчивается.

В царствование Менгу-Тимура отношение Орды к русским землям действительно изменилось. Они перестают восприниматься как зона грабежа.

В положении самостоятельных монархов, фактически независимых от великого хана, ордынские правители становятся бережливее ко всем областям своей державы, не только к русским. Ханской казне требовался регулярный и стабильный доход; для этого было нужно, чтобы подвластные территории не истощались, а богатели. Если прежде взимание податей на Руси поручалось откупщикам (например, купцам-мусульманам, являвшимся в сопровождении монгольских отрядов), то теперь казенными сборами стали ведать чиновники. В середине семидесятых годов Менгу-Тимур провел в русских провинциях новую перепись, чтобы упорядочить налогообложение и рекрутский набор.

Может быть, самым главным симптомом изменения ордынской политики на Руси явился ханский ярлык, предоставивший православной церкви ряд льгот.

Духовное сословие освобождалось от воинской повинности; переставало платить дань; оскорбление священника или святыни каралось смертной казнью. Привилегированное положение духовенства побудило его лояльнее относиться к ханам (тем более что, согласно христианскому догмату, всякая власть от Бога), а кроме того постепенно превратило русскую церковь в чрезвычайно богатую и политически влиятельную организацию, каковой в домонгольские времена она не являлась.

Военные предприятия Менгу-Тимура носили сугубо прагматический характер.

Он заставил Византию, где после полувека западноевропейской оккупации восстановилась власть греческих императоров, обеспечить хорошие условия для крымской торговли; приструнил активизировавшуюся Литву; вернул к покорности аланов, которые, пользуясь ссорой хана Берке с ханом Хулагу, отложились от Орды и препятствовали движению караванов через Кавказ.

Рубленое серебро, «рубли» – основная денежная единица для уплаты податей

Изменение статуса Руси обозначилось и в этих походах. Если прежде монголы просто забирали мужчин в рекруты, превращая их в ордынских воинов, то теперь русские князья со своими дружинами присоединялись к татарскому войску в качестве вассалов.

Однако переход от режима оккупации к режиму автономного существования свершился не только благодаря переменам в монгольском мире. Большую роль сыграло поведение великих князей:

Ярослава Всеволодовича и в особенности Александра Ярославича, которому, вероятно, принадлежит главная заслуга избавления Руси от Ига.

На Руси

После катастрофы

В сохранившемся фрагменте сочинения, которое было написано сразу после завоевания, «Слове о погибели Русской земли», уничтоженная страна описывается поэтически: «О, светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, реками и кладязьми месточестьными, горами, крутыми холми, высокыми дубравоми, чистыми польми, дивными зверьми, различными птицами, бещислеными городы великыми, селы дивными, винограды обителными [монастырскими садами], домы церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о прававорьная вера хрестияньская!»

Конечно, жанр панегирика предполагает идеализацию и украшательство – домонгольская Русь была не землей «светло светлой», а государством, мучительно переживавшим раздробленность со всеми присущими такому периоду проблемами. И всё же это был регион довольно высокой культуры, со множеством населенных городов, с развитыми ремеслами, удивительным для Средневековья уровнем грамотности и к тому же безусловно принадлежавший к европейскому миру.

В результате Батыева нашествия, прошедшего двумя волнами, древнерусская цивилизация была разрушена – «всё изъобнажено и поругано», как говорится в Новгородской первой летописи.

Правда, могло быть и хуже.

Напомню, что к этому времени монголы уже не уничтожали и не угоняли в рабство поголовно всё население, и Русь избежала горестной судьбы цветущего Хорезма.

Количество людских потерь во время войны 1237–1240 годов тем не менее было огромно. Достоверно оно неизвестно, но историки предполагают, что монголы убили около полумиллиона русославян. Население домонгольской Руси, опять-таки по реконструкциям, оценивается от 8 до 10 миллионов человек (первую цифру называет историк демографии Джосайя Рассел, вторую убедительно

обосновывает Георгий Вернадский – я приведу его расчеты чуть ниже). Если прибавить к погибшим десятки тысяч угнанных в неволю, получается, что Русь лишилась 5–6 процентов обитателей. Это очень болезненный урон, но, например, Венгрии вторжение обошлось намного тяжелее: предположительно всего за год она потеряла около четверти населения.

Татарский набег. *А. Васнецов*

Зато Венгрия осталась независимой и потому быстро возродилась. На Руси же произошло много необратимых перемен – на первых порах

исключительно к худшему.

Убитые были убиты, вместо них рождались новые люди, но во времена Ига существовала обязательная рекрутская повинность, согласно которой каждый десятый мужчина забирался в монгольское войско и навсегда исчезал, отправленный воевать куда-нибудь в Китай или на Ближний Восток. Таким образом, пятипроцентная убыль населения становилась константой. При этом нация теряла сильных, молодых, здоровых мужчин. Это приводило хозяйство в упадок, а заодно ослабляло ресурс сопротивления.

Почти все главные города были сожжены и опустели; церкви и монастыри, очаги культуры, разрушены; большинство доблестных князей пали; воинские дружины, поддерживавшие в стране порядок, полегли.

Деревни пострадали меньше, да и восстанавливать их было легче, а вот для городской культуры нашествие стало сокрушительным ударом. Отныне Русь перестает быть «Страной городов», как ее именовали в прежние времена, и становится страной деревень.

Исчезнувшее искусство: произведения русских мастеров домонгольской эпохи

Бывший стольный Киев, один из первых городов Европы, после резни 1240 года превратился в село. Плано Карпини, проезжавший мимо шесть лет спустя, пишет: «Мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что:

едва существует там двести домов, а людей тех держат они [монголы] в самом тяжелом рабстве».

Ужасающе понизился уровень грамотности. Большинство книг сгорели, школ больше не было. Читающие и пишущие люди скоро станут редкостью и будут почти исключительно из духовного сословия.

Монголы, которым вечно не хватало металла, отбирали у населения железные инструменты, вплоть до топоров – это отразилось на низовом, домашнем производстве.

Страшный урон русскому хозяйству нанесла монгольская тактика изъятия всех искусных мастеров, которых переправляли в далекую Монголию. В результате этой потери на Руси вовсе исчезли или очень нескоро возродились целые ремесла и направления прикладного искусства. Б. Рыбаков и Г. Вернадский включают в этот перечень изготовление скани и перегородчатой эмали, чернения, глазированной цветной керамики, ювелирных изделий – всего, чем славились древнерусские мастерские. Остановилось даже собственное производство тканей – не стало ткачей. Ичезает каменная резьба, благодаря которой так нарядно выглядели храмы. Каменное строительство вообще прекратилось почти повсеместно (за исключением не тронутого Северо-Запада). Те же ремесла, которые уцелели, сильно деградировали. Без опытных мастеров утратились тонкие технологии, изделия стали примитивнее.

Зато обогатилась культура монгольской столицы Каракорум, куда попадали русские мастера, выжившие после длинной, полной лишений дороги.

> Плано Карпини рассказывает про «некоего русского именем Косма», златокузнеца и гравера, любимого ханом Гуюком. Этот человек очень помог монахам. «Мы, как полагаем, умерли бы, если бы Господь не оказал нам помощи через кого-нибудь другого», – с благодарностью пишет итальянец. Косма показал гостям сделанную им императорскую печать, а также изготовленный им трон. «Трон же был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни, если мы хорошо помним, и перлы». Такие вещи отечественные художники вновь научатся делать лишь лет через триста.

Наконец – и это непосредственно касается заглавной темы моего сочинения – рухнула старая система управления. Единого государства давно уже не существовало, но в каждом княжестве, даже маленьком, соблюдался какой-никакой порядок, действовали законы, базирующиеся на установлениях «Русской правды». Власть могла быть непрочной и часто бывала несправедливой, но в глазах населения она была легитимной, «испокон веку». Выше удельного князя – великий князь, выше великого князя – только Бог.

В первое время после нашествия на завоеванных территориях образовался вакуум власти и самое страшное, что только может случиться в стране: хаос.

Никто не соблюдал законов, никто не защищал от разбойников, повсюду бродили и творили что пожелают монгольские отряды. Столицы княжеств превратились в пепелища.

Из этих обломков с огромным трудом, с неимоверными затратами, с тяжелыми ошибками пришлось складывать некое иное государственное сооружение – по иным принципам, навязанным извне.

Страх и трепет

Эти слова, взятые из Лаврентьевской летописи («И бе видети страх и трепет, яко на христьяньске роде страх, и колебанье, и беда упространися»), красноречивее всего описывают состояние, в котором пребывала Русь во время Ига.

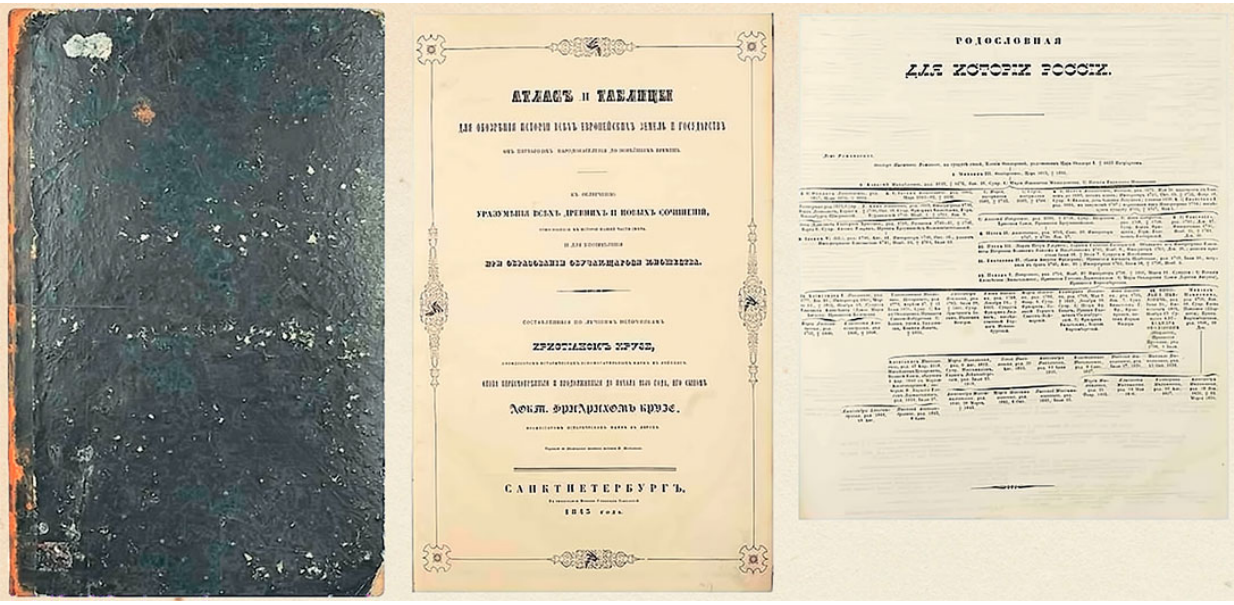
> Кстати говоря, термин «иго» у нас вошел в употребление не сразу и является переводным. Впервые он встречается в латинском сочинении польского историка и церковного деятеля Яна Длугоша, который пишет, что государь Иоанн Васильевич сбросил *iugum barbarum* (варварское иго) – причем пишет в 1479 году, когда формально разрыв с Ордой еще не произошел.
>
> После этого слово «иго» долгое время попадается почти исключительно в иностранных текстах, а в России становится общепринятым только в XIX веке. Его можно встретить уже у Карамзина, который утверждает, что «россияне вышли из-под *ига* более с европейским, нежели азиатским характером» (в

заключительной главе я попытаюсь этот тезис оспорить), однако словосочетание «татаро-монгольское иго» утвердилось несколько позднее, заимствованное из немецкого исторического атласа, который составил некий лейпцигский профессор Христофор Крузе, кажется, ничем более не знаменитый.

Карамзин дает и другую формулировку, не менее образную. «Отечество наше рабствовало от Днестра до Ильменя», – пишет он.

Однако идеи отечества в XIII веке еще не существовало, да и «рабствовали» русские области по-разному.

После 1240 года Русь оказалась поделенной – не административно, а фактически – на четыре «зоны», и в каждой завоеватели вели себя особым образом. Задача при этом преследовалась одна и та же: собирать побольше дани и обеспечивать выполнение «людской повинности», но достигалась эта цель неодинаковыми средствами.



Атлас Христофора Крузе, где впервые использован термин «татаро-монгольское иго»

В самое тяжелое положение попал юго-восточный регион, где оккупанты фактически упразднили прежние властные институты и осуществляли прямое военное управление. Эти земли находились ближе всего к Степи и контролировать их оттуда было легче.

Основная часть Руси – центр и восточная половина – сохранила своих князей, которые превратились в бесправных «холопов» хана и полностью зависели от прихоти его представителей на местах. При этом и здесь некоторые районы остались в прямом подчинении оккупантов, выведенные из-под княжеской власти.

Особый статус был у Новгородчины, избавленной от разорения. Подход к этой богатой, стратегически важной в торговом отношении области у победителей был сугубо прагматический: купеческой республике позволялось жить более или менее по-своему, но под жестким присмотром и, разумеется, на условии выплаты очень больших налогов.

Наконец, имелась юго-западная «зона» – обширные владения Даниила Галицкого, тоже мало затронутые войной. О том, как сложилась историческая судьба этих земель, было рассказано в предыдущем томе, поэтому здесь лишь коротко напомню о развитии событий.

> Понимая невозможность прямого сопротивления, гордый Даниил, который вскоре провозгласит себя «королем Русов», смиренно поехал в ставку к Бату и «холопом назвался» – то есть признал себя вассалом Орды. Хан принял его милостиво. Судя по летописи, самое страшное унижение, которому подвергся Даниил, заключалось в том, что ему пришлось «опоганиться» чашей кумыса. Ловкий князь сумел понравиться старшей хатун, улестив ее дарами, и сохранил все свои владения, которые превратились в нечто вроде протектората: платили дань, но обладали самоуправлением. Как уже говорилось, после поездки в Орду князь переустроил свою дружину по монгольскому примеру, что повысило ее боеготовность и даже позволило дать вооруженный отпор наместнику соседней, оккупированной монголами области, когда тот стал своевольничать.

Разделение на «зоны» разной «строгости» имело огромное значение для дальнейшей истории русославянской прото-нации, которая через некоторое время, приблизительно по тем же границам, распадется на новые нации: восточную великорусскую, включившую и новгородцев; северо-западную белорусскую; юго-западную

малороссийскую. (О том, как и почему произошло разделение западных русославян на два отдельных этноса, речь пойдет в томах, описывающих события XVI–XVII веков.)

Сохранив православную веру (но не церковное единство), эти народы обретут каждый свои уникальные черты. В XVIII–XX веках они вновь окажутся жителями одной страны, но сейчас существуют как три самостоятельных государства.

Три Руси

«Великой Русью» (Великороссией) нашу страну впервые назвали еще в середине XIV столетия: в константинопольском указе, предписывавшем церкви всей Руси, как «Великой», так и «Малой», повиноваться одному митрополиту. Понятие «Малая Русь» возникло несколько раньше – вероятно, еще в XIII веке, потому что в 1303 году уже появляется отдельная митрополия «Микроросии» (по-гречески Μικρα Ρωσια), включавшая Волынскую, Галицкую и Туровскую области. Галицкий князь Юрий Болеслав (1323? – 1340) польско-литовского происхождения, но православного вероисповедания именовал себя «герцогом Малой Руси» (dux Russiae Minoris).

Этимология названия Беларусь менее ясна. Предполагается, что вначале часть западной Руси стала именоваться «Белой» в противопоставление Черной Руси – землям бывшего Полоцкого княжества, отошедшим к литовцам еще во времена Миндовга. Со временем «Белой Русью» стали звать весь регион, включая и прежнюю Черную Русь.

«Растроение» Руси официально закрепилось с XVII века, когда московские цари стали титуловаться Всея Великой, Малой и Белой Руси государями.

В центре нашего внимания будет жизнь второй и третьей из перечисленных выше «зон», которые со временем превратятся в «Великороссию» и станут колыбелью российской государственности.

Итак, эта часть Руси после завоевания сохранила самоуправление, но оно сильно ограничивалось постоянным вмешательством ордынских эмиссаров, чья власть была выше княжеской.

Поскольку монголов в этот период занимала только максимально возможная эксплуатация материальных и людских ресурсов, великий хан приказал провести перепись населения.

Переписных кампаний, собственно, было несколько, и проходили они негладко. Эта трудная работа, начавшаяся еще в 1250-е годы, продолжалась с перерывами лет двадцать. Впоследствии – до самого конца своего владычества – при расчете дани и иных поборов Золотая Орда опиралась на статистические данные, полученные в эпоху Ига.

Баскаки. *С. Иванов*

Принцип фискального деления был тот же, по которому жила вся империя. Для сборщиков налогов Русь состояла из туменов, которые, в свою очередь, дробились на тысячи, сотни и десятки. Большие города в эту систему не входили и облагались данью индивидуально.

В каждом тумене (по-русски «тьме») был свой сборщик. Он назывался тюркским словом «баскак» или монгольским «даруга» и имел в своем распоряжении отряд воинов. Главный фискал Владимирского великого княжества именовался «великим баскаком». По сути дела, он являлся наместником всей области. По его требованию князь был обязан при необходимости выделять в помощь монголам дополнительные войска, так что мятежи и восстания русских людей в основном подавлялись русским же оружием.

Помимо баскаков, представлявших власть хана на местах, в самой Орде были чиновники, ведавшие разными русскими княжествами. Являясь в ставку, князь должен был обращаться к своему «куратору».

Мало того что все области и большие города должны были вносить установленный «выход» (общее название дани) деньгами и рекрутами, но хан мог еще по собственному усмотрению объявить «запрос» – единовременный экстраординарный побор, и это требование нужно было исполнять. Плано Карпини рассказывает о баскаке, который брал дань по одному «меху» с каждого мужчины и мальчика, а кто не мог заплатить – угонял в рабство; кроме того он уводил всех неженатых и незамужних, всех нищих и бездомных, а также «каждого третьего сына». Хотя эти нормы явно нарушали правило о взимании десятины, никакой защиты от произвола не было.

В таких невыносимо тяжелых условиях восточнорусские земли существовали весь первый период монгольского владычества.

Монгольская перепись

С какими бы грабительскими целями завоеватели ни проводили свои фискальные переписи, историки должны сказать оккупантам спасибо. Расчеты налогообложения дают нечастую для Средневековья возможность довольно точно оценить численность населения страны в описываемую эпоху. Эту реконструкцию подробно и убедительно осуществил Г. Вернадский в своей замечательной работе «Монголы и Русь» (1953 г.).

Восточную Русь ордынские чиновники разделили на 27 туменов: пятнадцать относились к Владимирскому великому

княжеству, по пять – к Тверскому и Нижегородскому; два – к Рязанскому. Еще 16 туменов насчитывалось в западной Руси. По предположению Вернадского, в одном тумене должно было проживать 200 тысяч человек, поскольку для монголов обычным было соотношение военнообязанных к общей численности населения 1:20. Если так, то на территории 43 «туменов» обитали 8,6 миллиона человек. Нужно прибавить сюда жителей Новгородчины и Псковской области, больших городов, а также районов, находившихся в прямом подчинении оккупантов. Получается, что население Древней Руси в это время было не меньше десяти миллионов – очень большая цифра.

Сохранились сведения и о том, сколько дани собирали монголы с русских – правда, данные относятся к концу XIV века.

Одна «соха» (большая крестьянская семья) должна была платить полтину серебра в год. «Выход» с Владимирского княжества составлял 85 тысяч рублей, а со всей восточной Руси за исключением Новгорода – 145 тысяч, то есть примерно 30 тонн серебра!

Орда и князья

По установленному завоевателями обычаю, князем мог считаться лишь тот, кто получил в Орде ярлык. Хан давал это звание по своей воле и мог когда угодно его отобрать.

Для того чтобы получить титул и затем не потерять его, нужно было регулярно наведываться в ставку: всем кланяться, дарить подарки, заручаться поддержкой различных покровителей и прежде всего влиятельных хатун. В. Похлебкин подсчитал, что в среднем такие верноподданнические визиты совершались раз в два-три года и, конечно, превращались для княжеств в очень серьезный дополнительный расход.

Поездки в Орду эволюционировали в особый род искусства, в котором имелись свои виртуозы. На протяжении двух с половиной веков русские князья оттачивали это своеобразное мастерство, сочетавшее гибкость позвоночника с умением защищать свои

интересы, подкуп с тонким психологизмом, доскональное знание закулисных механизмов с нюхом на политическую конъюнктуру. Истинным волшебником ордынской дипломатии был Иван Калита, благодаря изворотливости и ловкости которого столицей нашего государства сегодня является Москва, а, скажем, не Тверь.

Извивы российской дипломатии европейцы позднейших времен будут называть византийством, но это не так. Хитрость и прагматизм московские цари и дьяки Посольского приказа переняли по наследству у своих предшественников, умевших побеждать силу изворотливостью и считавших, что лучше перекланяться, чем недокланяться. (Не могу здесь удержаться от комментария, к которому еще вернусь в финальной главе: одним из самых негативных последствий ордынского периода нашей истории, на мой взгляд, является неразвитость понятия о чувстве личного достоинства. Унижаясь сами перед ханами, московские правители считали тем более нормальным унижать своих приближенных, а те, в свою очередь, поступали таким же образом с нижестоящими.)

Русский князь в татарской ставке. *В. Верещагин*

Плано Карпини рассказывает отвратительную историю о том, как Бату-хан обошелся с черниговскими князьями.

Сначала по ложному обвинению он казнил правящего князя Андрея Мстиславича, а когда вдова и младший брат убитого явились просить о снисхождении, «сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю Татар». Эта традиция, у монголов действительно распространенная и даже обязательная, с русской точки зрения выглядела чудовищным кощунством и кровосмесительством. Юный княжич (ему было 12 лет) заявил, что лучше умрет, чем повинуется. Однако Бату не привык, чтобы ему перечили, и не считался с нравственными запретами покоренных народов. «Хотя оба отказывались, насколько могли, – сообщает францисканец, – их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их совокупиться сочетанием не условным, а полным».

Среди ездящих в Орду находились не только умельцы маневренности, но и неудачники, которые из-за своей неловкости или недостаточной искательности лишались княжества, а бывало, что и жизни. При общении с ханами всякая принципиальность, моральная твердость становились опасны. К чести Рюриковичей нужно сказать, что среди них попадались и люди с чувством собственного достоинства, предпочитавшие смерть унижению.

Вот несколько самых известных имен из мартиролога русских князей, погибших в Орде.

Ордынские мученики

Михаил Всеволодович, владевший Черниговом, вслед за другими отправился в ставку Бату-хана просить подтверждения своего статуса.

По обычаю всякий, кто являлся к монгольскому государю, должен был прошествовать меж двух костров, а затем почтительно поклониться какому-то изваянию (вероятно, Чингисхана или бога Тенгри). Этот ритуал, по убеждению степняков, оберегал хана от злых помыслов. Ничего нарочито унизительного в этом обряде не было, через него проходили все, но набожный Михаил Всеволодович, узрев в странной процедуре огнепоклонство вкупе с идолопоклонством, решительно отказался. «Тебе, царь, кланяюсь, потому что Бог поручил тебе царствовать на этом свете. А тому, чему велишь поклониться, – не поклонюсь», – согласно русскому «Сказанию» якобы молвил хану князь, хотя это вообще-то маловероятно, потому что к Бату после столь подозрительного отказа его никто бы не подпустил.

Монголы, естественно, вообразили, что русский не хочет подвергнуться сакральной проверке, поскольку замышляет недоброе, и предали его немедленной смерти. Впрочем, здесь неважно, что стороны друг друга неправильно поняли, – важно, что Михаил Черниговский обладал твердыми убеждениями, которые были для него дороже жизни. Православная церковь канонизировала его как мученика за веру, каковым он безусловно и являлся.

Четвертью века позднее, в 1270 году, в правление Менгу-Тимура, Роман Олегович Рязанский прогневил хана тем, что бранил языческую веру монголов. Уважительно относясь к чужим религиям, ордынцы тем более требовали почтительного отношения к своей. Они стали добиваться от хулителя вероотступничества: «начаша нудити его к вере их». В Никоновской летописи рассказывается, что Роман Олегович ответил: «Христианин есмь, и воистину христианскаа вера – свята есть, и ваша Татарскаа вера – погана есть!» Неудивительно, что после этого его предали истязаниям и лютой казни. Он тоже был канонизирован.

Если рассказ о непреклонном Романе Олеговиче похож на благочестивое предание, то в летописном рассказе о гибели Дмитрия Михайловича Грозные Очи нет никакой назидательности, и тут всё исторический факт (я опишу

обстоятельства этого важного события в своем месте). Молодой князь Дмитрий был сыном Михаила Тверского, убитого в Орде по оговору Юрия Московского. Встретив своего врага в ставке хана Узбека, Дмитрий вспылил, выхватил меч и зарубил интригана на месте. Это было неслыханной дерзостью, за которую смельчак поплатился жизнью.

Фантазийно-героизированное изображение твердости Михаила Черниговского. *В. Смирнов*

Самый страшный и мучительный период монгольского владычества, который с полным основанием можно называть «игом», завершился с того момента, когда захватчики начали передоверять сбор «выхода» местным князьям. Эта перемена впервые наметилась в середине 1260-х годов – в то время, когда Золотая Орда сама превратилась из улуса великой империи в самостоятельное государство.

С этой поры хаос на Руси заканчивается и начинается медленный, трудный, непоследовательный – два шага вперед, шаг назад – и все же бесповоротный путь к возрождению.

Князья Рюриковичи погубили Древнюю Русь своими раздорами, алчностью и борьбой честолюбий. Но из этой же среды вышли правители, избавившие страну от ига.

Ярослав Всеволодович

Третий сын Всеволода Большое Гнездо и брат владимирского великого князя Юрия, павшего на реке Сити, Ярослав (1191–1246) до Нашествия жил так же, как другие князья: ссорился с родственниками и, норовя занять стол побогаче, все время перемещался с места на место.

Еще ребенком он стал номинальным правителем Переяславля Южного, но был изгнан оттуда соперником; в подростковом возрасте уже участвовал в междоусобице; юношей управлял немаленьким Рязанским княжеством; затем получил от отца стратегически важное княжество Переяславль-Залесское, которое отныне превратилось в основную базу этой ветви потомков Большого Гнезда.

Женившись на дочери известного нам Мстислава Удатного, Ярослав успел и подружить, и повраждовать с этим неугомонным авантюристом. Некоторое время побыл великим князем киевским, однако ушел оттуда, когда в 1238 году освободилось владимирское княжение – Киев давно уже стоял ниже Владимира.

Несмотря на все эти метания, главным интересом Ярослава в течение всей его жизни являлся Новгород, с которым князя связывали очень непростые отношения. Четырежды правил он в этом богатом, но своенравном городе. Его приглашали в князья, потом изгоняли за покушение на местные вольности, потом, когда Новгород нуждался в

защитнике, приглашали вновь. При всей неровности отношений с купеческой республикой он не только до конца своих дней оставался главным ее покровителем, но и на целый век обеспечил своим потомкам фактическую монополию на новгородское княжение.

Ярослав Всеволодович заново отстраивает Русь. *Б. Чориков*

Ярослав Всеволодович перед Христом. *Фреска*

Ярослав славился воинской доблестью. Защищая Новгородчину, он одержал несколько побед над литовцами, финнами и немцами. Самой крупной и славной победой был описанный в одной из предыдущих глав разгром Ордена меченосцев в сражении на Омовже в 1234 году.

В 1238 году, после гибели старшего брата и разорения великого княжества, Ярослав приехал на пепелище – как пишет Карамзин, «господствовать над развалинами и трупами».

Наследство было незавидное. Города лежали в руинах, деревни стояли пустые, потому что люди были убиты, угнаны в рабство или попрятались по лесам. О сопротивлении монголам думать не приходилось – всё войско погибло, сражаться было некому.

Первым из русских князей Ярослав понял, что единственный выход – наладить отношения с победителями. Право на наследование великокняжеского стола, полагавшееся Ярославу по старшинству, в новых условиях ничего не значило. Требовалось просить ярлык в Орде.

Ярослав приехал к Бату-хану раньше всех, был милостиво принят и объявлен старшим средь русских князей. «Так Государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров», – сетует Карамзин. Однако можно взглянуть на дело и иначе. Благодаря тому, что Ярослав оказался умнее прочих Рюриковичей, именно его род получил меж ними первенство и впоследствии возглавил российское государство, добыв себе царский венец. Иного же пути кроме как «склонить выю» в тех обстоятельствах у русских князей все равно не было.

Мы уже знаем, что Ярослав сумел завоевать симпатию и уважение хана, который даже послал его на великий курултай, где выбирали Гуюка и куда сам Бату ехать поопасался.

Перед самым отъездом из Каракорума в обратную дорогу великий князь внезапно умер. Его тело странно посинело, и поползли слухи, будто Ярослава отравили. Об этом, в частности, пишет Плано Карпини, сообщая, что все подозревали в злодеянии «мать императора» (знаменитую Туракину-хатун), которая якобы дала князю прощальную чашу из своих рук. Версия эта выглядит сомнительной. Дистанция между великой государыней и вассалом ее вассала была столь огромна, что при желании ханша могла сделать с князем что угодно, не прибегая к подобным ухищрениям. «Моголы, сильные мечом, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых», – резонно замечает Карамзин. Если Ярослава Всеволодовича и отравили, то не ханша, а кто-нибудь рангом пониже.

Вероятно, если бы Ярослав, исполнив свою дипломатическую миссию, благополучно вернулся в ставку Бату, он сумел бы добиться для Руси перехода от оккупационного режима к автономии и монгольское иго закончилось бы много раньше. Положение Батыева

любимца облегчило бы Ярославу эту задачу. Но князь умер и облегчения не произошло.

Историческая заслуга Ярослава Всеволодовича исчерпывается тем, что он обозначил стратегию, которую развил и довел до завершения его великий сын.

Александр Ярославич Невский

У Ярослава было еще больше сыновей, чем у Всеволода Большое Гнездо, – в летописях упоминаются десять. Старшим из доживших до зрелого возраста был Александр, родившийся в 1221 году.

У Александра в массовой культуре и общественном сознании сложилась репутация, искажающая представление об истинном историческом значении и главном достижении этого выдающегося исторического деятеля. Прежде всего он воспринимается как великий полководец, победитель шведов и немцев. Орден Александра Невского – единственный знак отличия, существовавший и в Российской империи, и в Советском Союзе, а теперь перенесенный в наградную систему Российской Федерации. Предназначался он в первую очередь для военачальников.

Высоко чтим этот князь и православной церковью, которая канонизировала его еще в 1547 году – это год знаменательный, когда русские монархи начали именовать себя царями. Совпадение неслучайно: ведь они были прямыми потомками Александра Невского. «Святым благоверным» князь был провозглашен за то, что защитил православную веру от крестоносцев. Он считается покровителем воинов (а также российской Федеральной Службы Безопасности).

Три ордена Александра Невского: российский, советский и снова российский

Однако в историческом масштабе победы Александра над европейскими агрессорами, пожалуй, не столь уж существенны. Мы видели, как многочисленны были нескончаемые военные конфликты русских с западными соседями – не с Невского начались и не им закончились. В длинной этой истории случались виктории и крупнее, чем небольшой бой на Неве или битва на Чудском озере.

По личным своим качествам князь, как мы увидим, тоже был весьма далек от святости – и жесток, и склонен к этическим компромиссам.

Величие и заслуга Александра совсем в другом. Этот правитель в неимоверно тяжелой исторической ситуации проявил мудрость и предвидение, которые спасли Русь от гибели.

Лев Гумилев в своей спорной, но замечательно интересной книге «Древняя Русь и Великая Степь» изображает Невского политическим лидером, который вел дела с Ордой чуть ли не на равных. Мол, лишь военная помощь Александра дала возможность Бату справиться с Гуюком и посадить на трон своего союзника Мункэ, дружба же Невского с Ордой объяснялась геополитическим расчетом: это был единственный способ спасти Русь от немецкого завоевания («крестоносного нашествия»). К сожалению, всё было, по-видимому, проще и печальнее. С Орденом и шведами Александр отлично справлялся и без татар, но военной мощи Орды он противостоять не

мог и потому в отношениях с ней руководствовался не силой, а умом и гибкостью.

Александр Ярославич был наделен тем редким и трудным видом мужества, которое побуждает государственного деятеля жертвовать личными чувствами, добрым именем и даже честью ради блага своей страны. И в отечественной, и в мировой истории немного подобных фигур. Борьба Александра с братом и с собственным сыном – высокая драма шекспировского накала, которая должна была бы подать пример последующим российским государям, как обязан вести себя властитель, обладающий чувством долга и исторической ответственностью.

Но начну я рассказ об Александре все-таки с его воинских достижений, действительно впечатляющих – особенно с учетом возраста полководца.

Все свои знаменитые победы князь совершил в юности.

Пятнадцатилетним он был посажен княжить в Новгороде – когда его отец ненадолго сделался великим князем киевским.

В боях с монголами Александр участия не принимал, в это время он сам оказался в очень тяжелой ситуации. Как мы помним, с ослаблением Руси активизировались ее западные соперники, надеявшиеся теперь расширить свои владения. Главный союзник Новгорода и Пскова, владимирское княжество, было разгромлено и прийти на помощь не могло.

Первыми удар нанесли шведы, конфликтовавшие с русскими из-за финских земель. Летом 1240 года довольно большая флотилия вошла в Неву, «хотяче всприяти Ладогу… и Новъгород и всю область Новгородьскую» – то есть, если верить хронике, шведам одной Финляндии было уже мало.

Впрочем, в преданиях о шведском походе и Невской битве немало легендарного. Многие авторы, пользуясь позднейшими источниками, пишут о том, что десантом командовал сам ярл Биргер, тогдашний правитель Швеции, которого Александр якобы ранил в поединке («възложи печать на лице острым своим копием»), однако этого произойти никак не могло, поскольку ярл Биргер в это время находился дома и ни в каких экспедициях не участвовал. Судя по всему, инициатором агрессии был шведский епископ, собравший отряд из

скандинавских воинов и финнов (летопись поминает кроме «свеев» еще «мурман, и сумь, и емь»).

Невская битва. *Гравюра с картины А. Кившенко*

Двадцатилетний новгородский князь со своей маленькой дружиной и новгородским ополчением атаковал вражеский лагерь внезапно, что и стало залогом победы. Произошла жестокая сеча, о размерах которой можно судить по летописному упоминанию о новгородских потерях: пало двадцать «мужей», то есть людей именитых; простых ратников должно было погибнуть больше, но в любом случае счет шел максимум на сотни.

Застигнутый врасплох неприятель был разбит. Хроника сообщает, что пал епископ и какой-то воевода с нешведским именем Спиридон (или так послышалось летописцу). По-видимому, враг был сильно потрепан, но не полностью разгромлен, поскольку в ночь после боя

шведы смогли похоронить своих убитых, знатных покойников погрузили на две ладьи и лишь затем «посрамлени отъидоша».

Большая историческая слава, доставшаяся Александру за сравнительно небольшой бой, объяснялась тем, что в эту печальную для Руси пору других побед не было, и юный новгородский князь спас честь русского оружия. За сражение на Неве он получил почетное прозвание Невского – правда, не от современников, а от потомков.

Дальнейшее поведение новгородцев выглядит черной неблагодарностью: в тот же самый год они прогнали Александра с княжения. Это была обычная, много раз повторявшаяся история. Входя в силу, всякий князь пытался увеличить свою власть над Новгородом – и наталкивался на сопротивление местной элиты, ревниво охранявшей свои права. В мирное время нужда в военном вожде отпадала, и Новгород мог себе позволить с ним расстаться.

Последующее развитие событий тоже было вполне традиционным. Очень скоро над северо-западной Русью вновь нависла беда, и практичные новгородцы как ни в чем не бывало опять стали просить великого князя Ярослава прислать к ним боевитого сына.

На сей раз опасность была еще острее. Влившись в мощный Тевтонский орден, братья-меченосцы окрепли и осмелели. Они без труда захватили Псков, посадив туда наместником своего ставленника, но не удовлетворились этим и стали занимать новгородские волости. Их отряды появлялись уже неподалеку от самого Великого Новгорода.

Обиженный Александр не хотел идти воевать, и Ярослав сначала предложил республике другого своего сына, Андрея, но новгородцы требовали Невского и в конце концов тот повиновался воле отца. «В лето 6749 (1241 г.) приде Олександр князь в Новъгород, и ради быша новгородци», – сообщает летопись.

Действовал Александр со своей всегдашней решительностью. Отбил у немцев захваченные пограничные крепости, а затем взял и Псков, давшийся ему нелегко и не сразу – понадобилось ждать подкреплений, которые привел брат Андрей.

Теперь пришлось иметь дело с основными силами Ордена, собравшего для генерального сражения немалое войско.

Битва состоялась 5 апреля 1242 года на поверхности Чудского озера, куда Александр отступил («въспятися»), по-видимому

намеренно, выманивая рыцарей в их тяжелых доспехах на весенний лед. Но лед выдержал, и бой сначала складывался не в пользу русских: немцы «прошибошася свиньею сквозь полк, и бысть сеча ту велика». В «Житии Александра Невского» (80-е годы XIII века) говорится, что «не бе видети леду, покры бо ся кровию». Тем не менее новгородцы выстояли, а обходной маневр Александра решил исход дела. Меченосцы бежали семь верст, преследуемые и избиваемые.

Ледовое побоище. *Кадр из фильма «Александр Невский» (© РИА Новости)*

Размеры армий, участвовавших в Ледовом побоище, и число потерь являются предметом ожесточенных споров между историками. Советские авторы, склонные преувеличивать масштаб и значение этой битвы, писали, что немцев вместе с их финскими союзниками насчитывалось десять и даже двенадцать тысяч, а новгородско-владимирская рать состояла из пятнадцати или семнадцати тысяч воинов.

Однако это маловероятно. Разбитый в пух и прах Орден, согласно ливонской хронике, лишился только двадцати шести рыцарей (из них шесть попали в плен). Наша летопись, вряд ли склонная преуменьшать потери противника, говорит, что немцев пало четыреста и «чюди бещисла», пленных же взято пятьдесят – маловато для сокрушительной победы над десятитысячным войском и долгого преследования. Вероятно, на Чудском озере сошлись не двадцать пять и не тридцать тысяч человек, а в несколько раз меньше.

В 1245 году Александру Невскому довелось защитить Новгород еще раз, теперь от литовского вождя Миндовга. Князь опять одержал победу, не менее трудную и не менее славную, чем предыдущие, однако она не вызвала интереса у российских историков. История как наука сформировалась у нас во времена, когда словосочетание «война с литовцами» не воспринималось как нечто серьезное или интересное. А между тем, полководческий талант Александра в этой кампании был явлен во всем блеске.

Миндовг захватил города Бежецк и Торопец – бывшие владения Александрова деда Мстислава Удатного. Невский пришел из Новгорода и нанес неприятелю поражение, причем битва, по-видимому, была значительной: согласно летописи, у литовцев было убито «боле восьми» князей. После этого Александр пошел дальше с одной личной дружиной, отпустив новгородцев домой – очевидно, те считали, что, отбив нападение, свою задачу выполнили. Но князю хотелось дать агрессивному соседу урок, который тот нескоро забудет. Александр догнал отступающего врага близ озера Жизца и добил: «не упусти их ни мужа». Невскому и этого показалось мало. С «малой дружиной» он напал на еще один литовский отряд под Усвятом – «и ту ему бог поможе, и тех изби». После череды поражений литовцы на несколько лет оставили пограничные новгородские земли в покое, чего и добивался Александр.

На этом, в двадцать четыре года, его полководческая карьера заканчивается. Если в противоборстве с Западом главным оружием Александра Ярославича был меч, то в своей восточной политике он будет пользоваться методами исключительно дипломатическими, и очень эффективно. (Кстати говоря, святой Александр считается еще и покровителем российской дипломатии, что справедливо.)

На следующий год после литовской войны в далеком Каракоруме скончался Ярослав Всеволодович, которому, согласно еще не окончательно упраздненной старинной традиции «лествичного права», должен был наследовать не сын, а младший брат Святослав Всеволодович.

Русские традиции однако теперь мало что значили – требовался ханский ярлык, и напористые сыновья Ярослава не собирались уступать дяде владимирский стол без борьбы. Двое – Александр и Андрей – поступили умно: поехали в Орду. Их младший, совсем юный брат Михаил по прозвищу Хоробрит (Храбрец), княживший в маленькой и незначительной Москве, пошел напролом. Он попросту выгнал Святослава, очевидно, не обладавшего авторитетом и силой, из столицы и уселся на его место, однако в следующем году сложил свою отчаянную голову в бою с литовцами, которые хоть больше и не трогали Новгородчину, но продолжали беспокоить другие русские области.

Изгнанный Святослав помчался жаловаться на племянников к хану, но Александр с Андреем давно уже находились там и сумели добиться расположения Бату. Дядя остался ни с чем.

Кажется, вначале Бату-хан больше благоволил Андрею. Тот получил владимирское великое княжение, Александру же достался звучный, но обесцененный титул великого князя киевского. В опустошенный Киев Невский даже не поехал, остался на севере.

Андрей Ярославич, заняв престол, повел себя независимо. Он женился на дочери Даниила Галицкого, сохранившего автономность и имевшего сильное войско. В ханскую ставку Андрей ездить отказывался. Вероятно, он рассчитывал выступить против Орды в союзе с тестем.

И здесь Александр совершил поступок, который с точки зрения обычной морали выглядит весьма непривлекательно – отправился в ханскую ставку, демонстрируя, что не одобряет поведение брата.

Монголы послали на Андрея карательную экспедицию. Расчеты великого князя на помощь тестя не оправдались – Даниил Галицкий был прагматиком и воевать с Ордой поостерегся. Андрей дал бой, был

разгромлен и бежал за рубеж, в Швецию. Освободившийся великокняжеский стол достался Невскому.

Сложные взаимоотношения Александра и Андрея вряд ли следует объяснять одной лишь борьбой за власть (хотя наверняка было и это). Здесь столкнулись два принципиально различных взгляда на то, как следует вести себя с монголами. Порывистый и эмоциональный Андрей мечтал о том, чтобы скинуть ненавистное иго силой оружия. Рассудительный Александр понимал, что в сложившихся условиях это невозможно. Когда противник был по силам – шведы, немцы или литовцы, – Невский воевал и делал это превосходно; если же враг был неизмеримо могущественней, князь предпочитал маневрировать. И, хоть его поведение во многих случаях выглядит неприглядно, в то же время есть безусловное величие в том, как Невский жертвовал своей репутацией ради страны. Это замечательно сформулировал Карамзин: «Александр любил отечество более своей княжеской чести»; Андрей же «хотя имел душу благородную, но ум ветреный и неспособный отличать истинное величие от ложного».

К тому же героический порыв младшего брата длился недолго. Помыкавшись на чужбине, он вернулся каяться. Александр выпросил у хана прощения для Андрея и дал ему богатые уделы: городецкий, нижегородский и суздальский.

Если возникала необходимость, Невский без колебаний воевал вместе с татарами против собственных соотечественников – только так он мог сохранить доверие Орды. Соображения политической целесообразности для князя были важнее родственных чувств.

Еще один его брат, Ярослав, был приверженцем Андрея и вместе с ним бился против монголов. Во время штурма Переяславля ордынцы, союзники Невского, убили жену Ярослава, а его детей забрали в заложники – Александр безропотно стерпел это.

Не пожалел он и собственного сына, когда тот посмел идти против ханской воли.

Произошло это в 1257 году.

Василий, первенец Невского, был наместником в Новгороде, когда монголы затеяли тотальную перепись населения, чтобы упорядочить систему налогообложения. Дело было неслыханное, непонятное, от татар люди ничего хорошего не ждали, поэтому поползли всякие панические слухи, и народ заволновался. В других областях Руси,

парализованных воспоминанием об ужасах Нашествия, перепись прошла более или менее спокойно, но непуганые новгородцы заупрямились. Они отказались пустить к себе монгольских переписчиков, устроили мятеж и убили посадника, пытавшегося их урезонить. Не послушались они и самого великого князя Александра Ярославича. Сказали, что они не бунтовщики, власть уважают и дадут хану щедрые дары, однако переписывать себя не позволят. На сторону горожан встал и Василий Александрович.

Невский отлично понимал, чем всё это закончится, если не принять срочные меры, – и принял их. Действовал он безжалостно. Родного сына прогнал прочь, а его ближних людей покарал с невиданной жестокостью: «овому носа урезаша, а иному очи выимаша». Прежде на Руси калечащих и вообще мучительных наказаний в обычае не было. Глаза выкалывали только князьям, да и то исключительно из «милосердия», чтоб вывести конкурента из борьбы, не нарушая христианской заповеди «не убий».

Попремногу же мужьственъ бы. яко и его
хранимыи отецъ его Ярославъ. по сем
послѣдуя стопамъ его. издаваше напа
нникехъ много злата и серебра. посылаше
ко царю Батыю во Орду. за плѣненыхъ
рускiа люди. иже бяху плѣнени от безбожныхъ
татаръ. и хужени скупаше и избавляше от
лютыя работы. и от многихъ бѣдъ и
напастеи.

Невский приводит Новгород к покорности. *Миниатюра XVII в. (© РИА Новости)*

Суровость Невского произвела впечатление и на новгородцев, согласившихся на перепись, и на монголов, увидевших, что их решительный союзник способен решить проблему собственными силами.

Однако, когда через год монгольские чиновники начали подсчет, горожане все-таки взбунтовались – не захотели «дати числа». Хорошо зная новгородцев, Александр был к этому готов. Он пришел, взяв кроме собственных воинов дружины своих братьев Андрея Суздальского (к этому времени уже присмиревшего) и Бориса Ростовского. Если бы не предусмотрительность великого князя, мятежники истребили бы переписчиков, и тогда Орда наверняка уничтожила бы непокорный город. «И нача окаянныи боятися смерти, – пишет новгородская летопись, – рече Олександру: «Даи нам сторожи, ать не избьють нас». Александр защитил монголов и быстро подавил восстание. Опасная ситуация разрешилась – не без жертв, но все-таки малой кровью.

Новый кризис разразился в 1262 году, когда в удельном Ростовском княжестве вспыхнуло восстание против баскаков и откупщиков. Один из них, притом русский, но отказавшийся от христианской веры, некто Изосим, особенно лютовал, превосходя в жестокости монголов. Его и многих других податных сборщиков убили, остальных прогнали. Бунт распространился на Переяславль, Суздаль и даже перекинулся в столицу – Владимир.

Невский сам справился с мятежом, однако за убийство чиновников следовало ожидать неминуемой расплаты – Орда подобных преступлений не прощала. Александр Ярославич поспешил к хану Берке, провел в ставке несколько месяцев и каким-то чудом сумел отговорить его от акции возмездия: «Поиде князь Олександр в Татары, и удержа Берка, не пустя в Русь». (Возможно, хан дал Александру себя уговорить, поскольку в это время был всецело занят войной с Хулагу и не желал рассеивать силы.)

Спасение Владимиро-Суздальской земли от карательного похода стало последним деянием Невского. «Приде князь Олександр ис Татар велми не здравя, в осенине, и приде на Городець, и постриже́ся в 14

месяца ноября, на память святого апостола Филипа. Тои же ночи и преставися», – сообщает хроника. Великому князю, так много сделавшему за время своего правления, было 42 года.

Потомки редко бывают благодарны государственным деятелям, которым выпала горькая участь править в эпоху поражений и национального унижения. Александр Невский здесь отрадное исключение. Несмотря на суровость и даже жестокость, которую он проявлял к соотечественникам, несмотря на его верную службу ненавистной Орде, о князе сохранилась добрая память. Это означает, что еще при его жизни люди понимали разумность и благотворность подобных действий.

Так изображали Невского в XIX веке, в эпоху возрождения интереса к отечественной истории. *В. Шебуев*

Очевидно, перемены к лучшему начали происходить сразу же после прихода Александра к власти. В летописи за 1254 год имеется уникальная для того ужасного периода запись: «В лето 6762. Добро бяше християном» («Хорошо было христианам»). Карамзин пишет: «Подданные, ревностно славя его память, доказали, что народ иногда справедливо ценит достоинства Государей и не всегда полагает их во внешнем блеске Государства». В «Житии Александра Невского», созданном вскоре после кончины князя, о нем проникновенно сказано: «И красив он был, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лицо его – как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его – как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую».

Обладая незаурядным дипломатическим талантом, Александр сумел найти общий язык не только с добродушным (по тогдашним меркам) Бату и его сыном-христианином Сартаком, но и с немилосердным Берке. От последнего Невский добился не только отмены карательной экспедиции, но еще и милости поистине исторического значения. Отныне русские князья начинают сами собирать дань и доставлять ее в Орду. Каким-то образом Александр смог убедить хана, что для татар это во всех отношениях выгоднее: не нужно держать лишних чиновников и воинов; сбор установленной дани гарантируют князья, которых всегда легко привлечь к ответственности; наконец, подавление возможных мятежей – тоже обязанность местных властей.

С этой коренной переменой Иго, собственно, и закончилось.

Нечего и говорить, что новое положение дел для Руси было еще выгодней, чем для татар. Постепенно исчезли грозные баскаки, прекратились опустошительные походы за недоимками, а главное – восстановилась структура государства, причем на более прочной основе, чем в домонгольский период. Тогда звание великого князя совершенно необязательно означало реальную власть. Теперь же, благодаря системе ордынских ярлыков, возникла четкая иерархия: появился старейшина, поставленный над остальными в качестве

высшей инстанции. Это стало важной предпосылкой для последующей централизации страны. Наконец, самостоятельно собирая дань, князья получили возможность «греть руки», оставляя часть собранного себе. Чем бóльшим «выходом» облагалось княжество, тем богаче становилась его казна. Особенно выгодно в этом смысле сделалось положение великих князей, собиравших для Орды дань не только со своих владений.

Но самым важным вкладом Александра в российскую историю было решение сделать ставку не на антагонизм с Ордой, а на симбиоз с ней. В этом отношении «двуединость» нашего государства, соединяющего в себе европейские и азиатские черты, следует возводить к Невскому.

Эту мысль в свое время очень точно сформулировал Н. Костомаров: «Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания, качества, совершенно противоположные свойствам тогдашних русских, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за нее, еще не умели сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось и самим усвоить их качества». Этим и будут заниматься московские государи, потомки и наследники Александра Невского: учить свой народ «монгольской премудрости» – сплоченности, повиновению, безгласности и терпению. Иного рецепта они не знали.

А Невскому отечественная история должна быть благодарна за то, что в самую горькую для Руси пору он заложил основу будущего возрождения: добился автономии и создал предпосылки для централизации. Тем он и велик.

Автономия

В Орде

Двоевластие

Глава про жизнь «метрополии» в этой части нам уже не понадобится. Начиная с последней трети XIII столетия события, происходящие при дворе великих ханов, утрачивают для русских областей значение. Метрополией для них становится Золотая Орда.

После смерти Менгу-Тимура (не позднее 1282 г.) там начались неурядицы, и ордынцам на время стало не до Руси – а это самое лучшее, что могло произойти для страны, недавно избавившейся от оккупации.

Тут, пожалуй, не обошлось без Божьей помощи, причем помог Руси не христианский Бог, а мусульманский.

Брат покойного хана Туда-Менгу, выбранный курултаем в преемники, оказался весьма необычной личностью. Вскоре после воцарения он отказался от монгольской веры и принял ислам, да не номинально, как это обычно делали владыки в погоне за земными выгодами, а искренне и истово. Из всех направлений этой религии хану пришелся по душе суфизм, проповедующий отречение от плотских и суетных радостей, бедность и милосердие – весьма экзотичный набор ценностей для ордынского государя. Тем не менее, именно так новый владыка и попробовал править. К сожалению, летописи не сохранили подробностей царствования Туда-Менгу. Арабский историк XIV века Ибн-Хальдун пишет, что хан «сделался отшельником и отказался от царства; он вполне отдал себя сообществу шейхов-факиров». Всецело поглощенный духовными исканиями и мистическими озарениями, государь совершенно отстранился от государственных дел.

Долго так, конечно, продолжаться не могло. Возник заговор. Благочестивого хана объявили сумасшедшим и в 1287 году свергли. Другой историк, Вассаф аль-Хазрат, с восточной цветистостью сообщает: «Вследствие распущенности… упрятали его, как вышедшую из обращения золотую монету, на дно мошны отставки».

Следующим ханом стал племянник несчастного суфиста Тула-Буга (в русских летописях Телебуга), но власть его была непрочной, поскольку к этому времени государство оказалось разделенным на две

части. Главной фигурой в ордынской политической жизни уже давно был не хан, сидевший в Сарай-Берке, а темник по имени Ногай.

«Толстый Пёс»

Ногай был праправнуком Чингисхана, но происходил из младшей ветви Джучидов и потому не мог претендовать на престол. Родился он около 1235 года и прожил долгую, бурную жизнь, на пике которой сделался самым могущественным властелином во всей Восточной Европе.

Про Ногая известно, что он был одноглаз (следствие боевой раны) и тучен. Г. Вернадский полагает, что именно он изображен в русских былинах под именем «собака Калин-хан»: «калин» по-тюркски значит «толстый», а «Ногай» по-монгольски значит «пёс». Степняки любили собак, и ничего зазорного в таком прозвище не было. Например, одну из дочерей могущественного хана Узбека звали Иткутчук, что означает «Маленькая Собачка» – очень милое имя.

Царевич был доблестным воином и хитроумным политиком. Славу полководца он завоевал еще в молодости, когда в 1263 году одержал на реке Терек блестящую победу над армией ильхана Хулагу.

Всю последнюю треть XIII века Ногай занимался европейскими делами. Его орда кочевала в степи северного Причерноморья, постепенно расширяя свои владения. Он успешно воевал с Византией, так что император был вынужден ради мира отдать «безбожнику» в жены свою дочь.

В зоне влияния Ногая оказались Болгария и Сербия. Он держал в страхе Венгрию, ходил походами на Польшу и Литву. Формально являясь подданным ордынских ханов, Ногай был намного сильнее их.

Ногай превратил свои владения в отдельное от Золотой Орды государство еще в правление Туда-Менгу. При этом между двумя центрами существовало соперничество. Каждый пытался взять Русь под свой контроль, чем, как мы увидим, пользовались для собственной выгоды русские князья, лавируя между этими полюсами.

При пассивном и набожном хане Туда-Менгу могущество столицы ослабело, и Ногай почувствовал, что может подчинить себе всё царство – если не занять трон самому, то посадить на него своего ставленника.

Он сделал ставку не на Тула-Бугу, свергнувшего прежнего хана, а на его двоюродного брата Тохту, сына Менгу-Тимура.

От Тула-Буги коварный Ногай избавился очень легко: пригласил на переговоры и захватил в плен, после чего предал почтительной «бескровной» смерти, уготованной для Чингизидов: велел переломить бедняге хребет. Государем же был провозглашен Тохта. Произошло это около 1291 года.

Сначала всё шло гладко. Тохта вел себя смирно, безропотно пожаловал Ногаю Крымский полуостров с богатыми торговыми городами. Однако новый хан не был намерен вечно оставаться марионеткой в руках старого темника.

Михаил VIII Палеолог, тесть Ногая. *Византийская миниатюра*

Тохта-хан

Это был человек осторожный, расчетливый и твердый. Он держался старой монгольской веры и заветов Чингисхана. Понемногу копя силы и увеличивая число сторонников, Тохта собрал хорошее войско и тогда продемонстрировал крутость нрава.

Начал хан с Руси, князья которой за время ордынского двоевластия «отбились от рук»: стали привозить меньше дани, да и ту предпочитали платить более сильному Ногаю.

В 1293 году ордынские войска опустошили все северо-восточные русские земли – впервые за сорок лет, после подавления мятежа

великого князя Андрея Ярославича.

Восстановив господство над непослушной провинцией и тем самым повысив свой авторитет в Орде, Тохта почувствовал себя достаточно сильным, чтобы избавиться от Ногая.

Однако старый «пёс» оказался молодому хану не по зубам. В ожесточенном сражении Тохта был разгромлен и еле унес ноги от преследователей. Ему пришлось оставить свои владения и бежать далеко на восток.

И здесь Ногай совершил роковую ошибку. Недооценив противника, он не стал гнаться за ним, чтобы окончательно уничтожить, как непременно поступил бы Чингисхан (помните, как в погоне за хорезмшахом его тумены прошли несколько тысяч километров?).

Тохта же проявил и волю, и упорство. Через два года он вернулся с новой армией.

Битва произошла в 1299 году на реке Кагамлык (неподалеку от современной Полтавы). В разгар битвы Ногай был убит, и его павшее духом войско потерпело поражение.

Сразил грозного полководца русский воин (в ордынской армии из-за рекрутской повинности таких было много). Он принес хану отрезанную голову заклятого врага, рассчитывая на щедрую награду. Но Тохта возмутился, что какой-то простолюдин осмелился поднять руку на великого человека и к тому же Чингизида. Убийца Ногая был казнен.

Это сражение стало важной вехой русской истории. Оно означало, что раскол в Орде закончился, там снова установилась единая власть, притом твердая. Времена послаблений для Руси закончились.

Ханы четырех царств. Тохта – второй справа. *Испанская миниатюра XIV в.*

Несколько лет победитель был занят приведением в порядок внутренних дел и выстраиванием дипломатических отношений с соседями.

В Золотой Орде установился мир. По дорогам вновь двинулись купеческие караваны, заработала ямская почта.

Все русские князья поспешили засвидетельствовать новому государю свою покорность. Но Тохте этого было мало.

Он придавал своим русским владениям больше значения, чем его предшественники. Это и естественно. Период экспансии степной державы завершился, и оказалось, что Русь – самая населенная и самая богатая провинция Золотой Орды. Тохта намеревался заняться западными областями лично. Ничего хорошего эта заинтересованность русским княжествам не сулила.

Рашид-ад-Дин пишет, что в 1312 году хан отправился вверх по Волге, чтобы произвести осмотр русских областей. Никто из ордынских ханов еще не затевал ничего подобного (да и в будущем последователей у Тохты не найдется). Неизвестно, чем закончилась бы эта неслыханная инспекция, но по дороге хан заболел и умер.

Должно быть, вся Русь вздохнула с облегчением.

Узбек

Воцарившийся затем хан Узбек (1313–1341) приходился Тохте племянником. Годы его правления стали пиком могущества Золотой Орды, и само это название, как я уже писал, вероятно появилось благодаря шатру, в котором государь давал аудиенции. Арабский путешественник Ибн-Баттута рассказывает: «Одна из привычек его, что в пятницу, после молитвы, он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками». Это невиданное великолепие поражало чужеземцев.

Мечеть в Старом Крыму, построенная при хане Узбеке

При Узбеке, который был мусульманином, ислам стал официальной религией Золотой Орды. Последующие ханы к старой монгольской вере уже не возвращались, да и вообще с этого времени в

жизни степного государства остается очень мало монгольского. Пожалуй, пора начать называть новую нацию, сформировавшуюся из разноплеменных, в основном тюркских этнических элементов, татарами.

Воинственностью Узбек не отличался. Он, правда, попробовал вернуть контроль над Балканами, утраченный после гибели Ногая, и поддержал болгар в конфликте с византийцами, но особенных успехов не достиг и в дальнейшем жил с Константинополем в мире.

Русским владениям хан придавал важное значение, однако, в отличие от Тохты, кажется, намеревавшегося управлять Русью напрямую, то есть превратить ее в ордынскую провинцию, Узбек рассматривал эти области как колонию: норовил вытянуть побольше дани, не вмешиваясь во внутреннюю политику местных феодалов. Зато хан очень внимательно следил за самими феодалами, держа их в трепете. При малейшем подозрении или недовольстве требовал князей к ответу, лишал ярлыка, а то и казнил. В царствование Узбека в Орде погибло больше всего Рюриковичей.

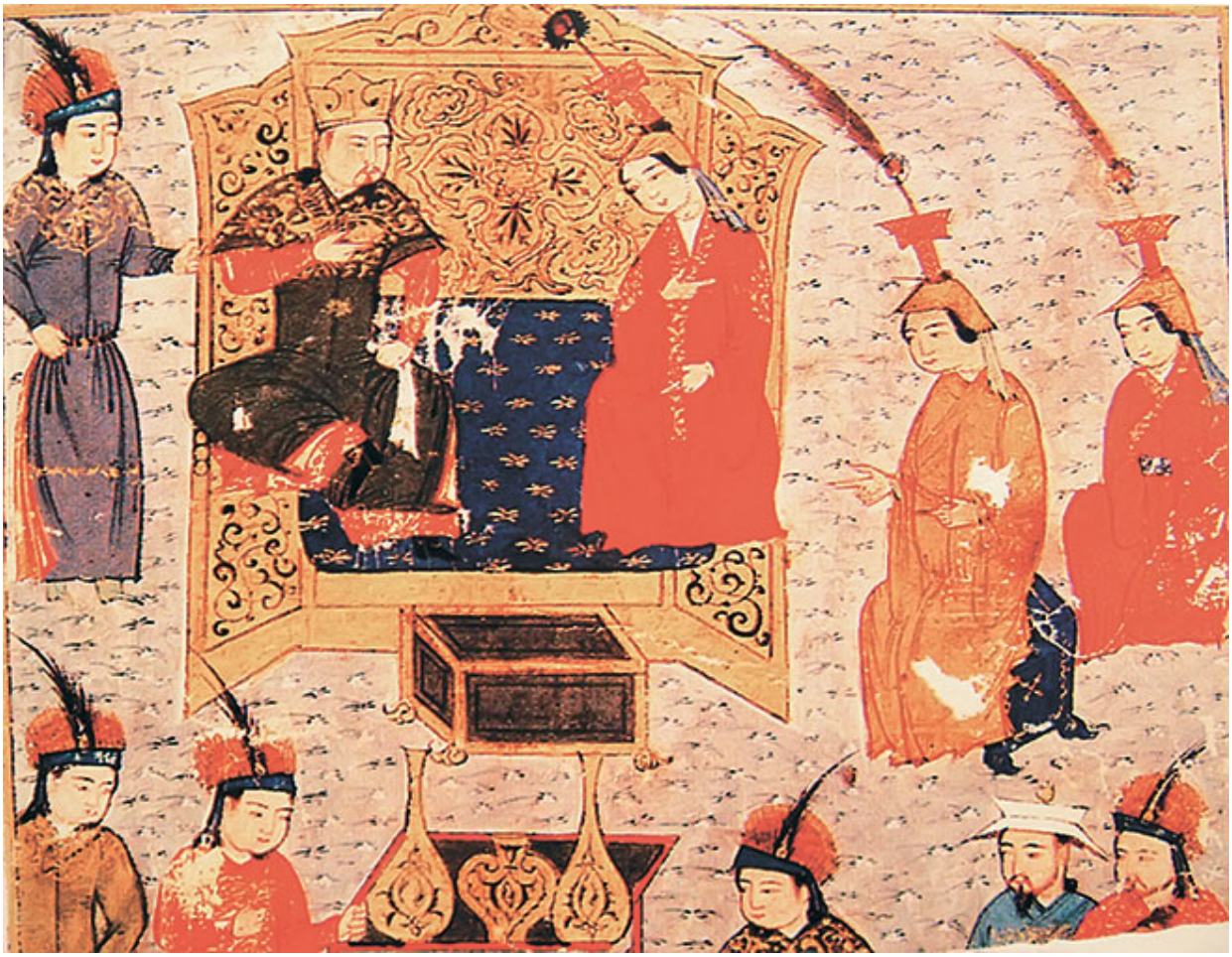
Курс хана по отношению к Руси следовал древнему принципу «разделяй и властвуй». Хан хорошо понимал опасность центростремительных тенденций в этой большой стране и всячески им препятствовал.

Сначала он сделал было великим князем владимирским сильного и независимого Михаила Тверского, однако затем передал ярлык слабому Юрию Московскому и вообще начал покровительствовать Москве в противовес более древним и сильным княжествам. Хан не пресекал и, кажется, даже поощрял вражду между Рюриковичами – она не давала Руси окрепнуть. В середине XIV века именно с этой целью – помешать русскому единству – татары дали статус великих княжеств Рязани, Твери и даже Суздалю.

Ордынское государство процветало. Торговые караваны пересекали его огромную территорию из конца в конец, не опасаясь разбойников. Для коней и вьючных животных на всех путях был заготовлен корм; купцам было где остановиться на отдых.

Столица Узбека достигла таких размеров и такой пышности, что с ней не мог соперничать ни один город европейского континента. Как я уже писал, Сарай-Берке был разделен на «районы», отведенные представителям разных народов. Районов насчитывалось шесть, одним

из самых больших был русский (пять остальных – монгольский, кипчакский, черкесский, аланский и греческий).



Хан и хатун. *Персидская миниатюра XIV в.*

Золотой век Золотой Орды

Сохранилось немало свидетельств, описывающих великолепие ордынского двора и семейную жизнь хана Узбека. Примечательней всего здесь высокий статус ханш, сохранившийся у Чингизидов и после того, как они перешли в ислам. Монгольские традиции – во всяком случае, на первых порах – оказались сильнее религиозных предписаний. Супруги монарха не сидели взаперти, на женской половине, активно участвовали в государственных делах и вообще вели

себя с поразительной для средневекового Востока независимостью.

Ибн-Баттута, близко наблюдавший придворную жизнь, оставил два интересных рассказа, иллюстрирующих эту примечательную особенность ордынских нравов.

Первый повествует о ханше Байялун, дочери византийского императора Андроника III. Эта женщина была своеобразным трофеем, доставшимся Узбеку после войны с империей в качестве залога добрососедских отношений. Царевне пришлось перейти в ислам, что во времена могущества Константинополя было бы совершенно невообразимо, а в новую эпоху уже никого не удивляло.

Некоторое время пожив со своим татарским мужем, хатун заявила, что желает навестить отца, – и была отпущена прокатиться в Константинополь. Ибн-Баттута, сопровождавший царицу в поездке, пишет: «У Султанши была дорожная мечеть, которую ставили на каждой станции, и она в ней молилась, но в Матули мечеть была брошена, умолкли голоса муэдзинов, и на обеде Султанши появилось вино; мне сказывали, будто она ела даже свинину; по крайней мере, на молитву она и свита ее не являлись более». Добравшись до родного города, Байялун заявила, что к мужу не вернется. И обоим государствам пришлось смириться с решением этой волевой дамы. Ее ордынская свита была отправлена обратно с почетом и подарками.

Очень вероятно, что гордая императорская дочь не пожелала мириться со своим положением при ханском дворе, где ей достался всего лишь ранг третьей жены. Первой же супругой, которую Узбек любил, ценил и отличал перед другими, была Тайдула, которую называли «великая хатун».

«Что касается Тайтуглы, – (так Ибн-Баттута именует главную ханшу), – то она царица и самая любимая из них у него. Он идет к ней навстречу до двери шатра, приветствует ее и берет ее за руку, а когда она взойдет на престол и усядется, тогда только садится султан». Путешественника поражает столь невиданная галантность, и он (впрочем, вообще большой сплетник) находит ей следующее

объяснение: «Сообщил мне (один) из заслуживающих доверия знакомых с рассказами об этой царице, что султан любит ее за одну свойственную ей особенность, которая в том, что каждую ночь он находит ее как бы девственницей». На самом деле Тайдула была незаурядной и сильной личностью. Она и при Узбеке участвовала в обсуждении политических дел, а после его смерти некоторое время фактически правила государством.

Влияние Тайдулы сохранялось и в краткое царствование ее старшего сына хана Тинибека (1341–1342), и при следующем государе, тоже сыне Тайдулы, могущественном Джанибеке (1342–1357). Впрочем, к энергичной хатун мы еще вернемся.

Всё это время Золотая Орда продолжала сохранять свое первенствующее положение в восточноевропейском регионе. Ханы больше не пытались подчинить себе Балканы и сохраняли хорошие отношения с Византией; поддерживали они и союз с мамелюкским Египтом, куда поставляли множество рекрутов из числа русских и половецких рекрутов.

Около 1346 года на густонаселенную крымскую провинцию Золотой Орды обрушилась страшная беда – эпидемия чумы, видимо, привезенная индийскими или китайскими купцами. Крым почти обезлюдел, там умерло 85 тысяч человек. Оттуда «черная смерть», переносчиками которой были трюмные крысы, распространилась на Средиземноморье, Европу и таким кружным путем через несколько лет добралась до Новгорода, охватив русские владения Орды.

Это событие, пожалуй, было единственным серьезным потрясением, которое Золотая Орда испытала за всю первую половину XIV века. Мощь державы казалась несокрушимой, власть беспредельной, вероятность восстановления русской независимости абсолютно нереальной.

И тем не менее всего через двадцать лет после смерти блистательного хана Джанибека объединенная Русь осмелится открыто выступить против Орды – и одержит свои первые победы.

Как же удалось разделенной, *несуществующей* стране преодолеть внутренние противоречия и консолидировать свои силы?

Процесс был долгим и трудным.

На Руси

Стыдное время

Итак, в последней трети XIII века – в значительной степени благодаря трудам Александра Невского – самый тяжелый период монгольского владычества закончился. По выражению летописи, «бысть ослаба Руси от насилия татарского».

Вскоре вслед за тем обнаружилось одно отрадное обстоятельство, о котором часто забывают, живописуя ужасы «ига». Оказалось, что в положении ордынского протектората есть и свои выгоды. Русь включилась в оживленный товарооборот большого государства и – шире – всего евразийского пространства. В Орде можно было купить и сбыть всё что угодно; изделия русских мастеров и продукция русского хозяйства беспрепятственно достигали самых отдаленных рынков. Оживилась речная торговля, стало крепнуть купеческое сословие. В особенно выигрышном положении были новгородцы, находившиеся между Европой и Азией; с защитным ханским ярлыком они развозили пришедшие через Балтику товары по всей ордынской территории, не тратясь на охрану караванов.

Плюсы монгольского подданства стали очевиднее всего, когда в Орде закончился период двоевластия и установился порядок. Русские города и князья начинали богатеть.

Эти годы были бы еще тучнее, если б не беды, которые навлекали на Русь отнюдь не татары, а собственные правители.

К сожалению, последующие великие князья не обладали мудростью и жертвенностью Александра Ярославича. Их алчность, недальновидность, слепое властолюбие дорого обходились стране, замедляли ее развитие.

Почти вся северная и восточная Русь к этому времени находилась во владении потомков Всеволода Большое Гнездо – его внуков и правнуков. Лишь княжество Рязанское принадлежало другой ветви Рюриковичей, так называемым Святославичам, ведшим род от Святослава Ярославича (1027–1076).

Владимирский великокняжеский стол не был закреплен ни за одной из этих линий и был постоянным объектом соперничества.

Кончились времена, когда великий князь непременно переезжал во Владимир, – теперь, получая в Орде ярлык, новый «первый среди равных» оставался жить в собственном княжестве.

Больше всего шансов на лидерство имела сильная Тверь, доставшаяся брату Невского – Ярославу Ярославичу. Он и унаследовал титул.

Правление Ярослава (1264–1272) ничем не примечательно. Он безуспешно пытался подчинить себе Новгород и всё время ссорился с Василием Ярославичем Костромским. Братья ездили интриговать друг против друга в Орду. На обратном пути после одной из таких поездок Ярослав умер, и владимирское княжение перешло к Василию (1272–1276).

Новый правитель был не лучше прежнего. Он тоже тщетно пробовал утвердиться в Новгороде, где ему пришлось конкурировать с сыном Невского переяславльским князем Дмитрием. При необходимости великий князь без малейших колебаний пользовался помощью татарских отрядов, которые грабили русские земли, убивали людей или угоняли их в рабство.

«Враг под стенами». *А. Максимов*

Мало что изменилось и когда после смерти Василия на престол воссел Дмитрий Переяславльский. Снова последовали попытки прибрать к рукам богатый Новгород – и снова безрезультатно. Республика четырежды принимала Дмитрия и четырежды прогоняла его вон.

Главным врагом Дмитрия Александровича был родной брат Андрей, князь Городецкий, которого Карамзин называет «недостойным сыном Александра Невского», хотя вообще-то оба родственника друг друга стоили. Пользуясь тем, что Орде в это время возникло два центра силы, Александровичи отчаянно ябедничали один на другого, причем Дмитрий сделал ставку на могущественного Ногая, Андрей же – на хозяев Сарай-Берке: Менгу-Тимура, потом Туда-Менгу и Тохту.

Нечего и говорить, что ордынцам эта склока была очень выгодна. Оба князя привозили подарки и давали взятки, получали за это татарские войска и водили их грабить русские земли. Сыновей

Невского, по-видимому, совершенно не смущало, что тем самым они предают заветы отца, шедшего на любые жертвы, лишь бы уберечь Русь от ордынского разорения.

Все перипетии этой свары пересказывать неинтересно и незачем. Постоянно повторялась одна и та же история: то Дмитрий явится с воинами Ногая и займет престол, то нагрянет Андрей с татарами из волжских степей и выгонит брата. Всякий раз разбойные полчища оставляли на своем пути трупы и пепелища.

В прошлой главе уже рассказывалось, как решительный хан Тохта, желая досадить Ногаю, в 1293 году отправил на Русь для поддержки своего клеврета Андрея Городецкого большую армию. Ее возглавил царевич Тудан, которого наши летописи называют Дюденем. Нашествие было ужаснее всех предыдущих и разорило дотла всю владимирскую и всю тверскую область. Дмитрий Александрович бежал и вскоре после этого умер, так что никто уже не оспаривал прав Андрея Александровича на великое княжение. Престол достался этому правителю кровавой и постыдной ценой. Он прожил еще десять лет, до 1304 года, продолжая ссориться с родственниками и интриговать в ханской ставке.

Нужно сказать, что весь этот период отечественной истории вообще смотрится весьма неприглядно – прежде всего из-за поведения князей. Они постоянно грызутся между собой, кляузничают ордынцам, вероломствуют, без зазрения совести подставляют единоплеменников под татарские сабли. Следствия ордынского владычества – раболепство и привычка к изворотливости – не способствовали появлению крупных личностей. В течение полувека после смерти Александра Невского ни одной так и не возникнет – вплоть до Ивана Калиты, который, хоть был далеко не ангелом, но по крайней мере обладал размахом и государственным предвидением.

Родственнички

Сделаю небольшое отступление, чтобы на одном частном примере показать княжеские нравы той негероической эпохи.

На Черниговщине, разделившейся на маленькие княжества, правили Ольговичи – потомки Олега Святославича, печально памятного тем, что в конце XI века он привел на Русь половцев.

И вот двое мелких князей, Олег и Святослав (первый владел двумя волостями, Рыльской и Воргольской, второй – Липецком), решили избавиться от татарского чиновника, посаженного в Курск следить за сбором дани. Этот Ахмат сильно досаждал обоим князькам: всячески бесчинствовал, да еще выстроил себе два больших села, куда согнал жителей со всей округи.

Воевать с Ахматом родственники, конечно, не собирались. Они поступили благоразумнее – поехали жаловаться в Орду. Хан Тула-Буга выслушал челобитчиков, признал их правоту и разрешил спалить незаконно выстроенные села, а людей забрать себе. Справедливость хана несомненно объяснялась тем обстоятельством, что Ахмат ориентировался не на Сарай-Берке, а на Ногая. К Ногаю баскак и обратился за помощью. Привел татарское войско. Доблестные Ольговичи, не вступая в бой, убежали: Святослав спрятался в лесах, Олег нашел убежище в Орде.

На следующий год Святослав, который, видимо, был посмелее, напал из засады на небольшой отряд Ахматовых людей, по преимуществу русских (летопись сообщает, что были убиты двое татар и 25 русских). Когда от Ахмата прибыл парламентер – убил и парламентера.

Эти события очень напугали Олега, который знал, что бывает за подобные поступки. Он немедленно отмежевался от бывшего союзника, взял у хана воинов, пошел с ними на Святослава и убил родственника.

Тем дело не закончилось. Вскоре после этого брат убитого, князь Александр, напал на Олега и прикончил его, а заодно умертвил и княжича.

Ничего особенно примечательного в этой коллизии летописец не находит, лишь вздыхает о падении нравов, сетуя, что «створися радость Диаволу».

Впрочем, князья и князьки этой эпохи довольно редко обнажали оружие. Обычно всё исчерпывалось угрозами и демонстрацией силы, а решающим аргументом становилась поддержка ханской ставки. Соловьев посчитал, что за первый век монгольского владычества на Руси было несколько десятков междоусобных войн, однако лишь пять из них привели к кровопролитию (убийства мирных жителей, которых истребляли и свои, и татары, не в счет). Войны чаще всего выглядели так: князья собирали войско, сходились и потом как-то договаривались, целуя крест и давая торжественные клятвы, которые затем очень легко нарушались.

Борьба за первенство

С начала XIV века это броуновское движение понемногу упорядочивается, начинает обретать новые черты. Возникают большие княжества, которые становятся всё влиятельней, собирают вокруг себя союзников и вассалов, вступают в борьбу за первенство.

Самым сильным после смерти Андрея Городецкого (1304) было княжество Тверское, выгодно расположенное на торговом пути в Новгород. Там сидел Михаил Ярославич, имевший все основания претендовать на великокняжеский титул.

Однако в это время, вследствие одного совершенно случайного обстоятельства, на политической карте Руси возник новый центр притяжения – городок Москва, прежде никакой важности не имевший.

Незначительная эта волость досталась самому младшему сыну Невского, Даниилу. Как и другие дети великого Александра, этот не блистал никакими талантами. Когда старшие братья, Дмитрий и Андрей, воевали между собой, он переходил из лагеря в лагерь, примыкая к сильнейшему – иного пути у слабого удельного правителя, вероятно, и не было.

Но в 1302 году на Даниила обрушилась нежданная удача. Его родственник, владевший богатым Переяславлем, умер бездетным и завещал свои земли московскому князю. К этому времени волость уже не переходила от брата к брату, как во времена «лествичного восхождения», а превратилась в «отчину», то есть личную собственность, и могла передаваться по завещанию.

Присоединив Переяславль, Даниил Александрович разом перешел из категории мелких феодалов в средние. Правда, своему новому положению радовался он недолго – вскоре после этого умер.

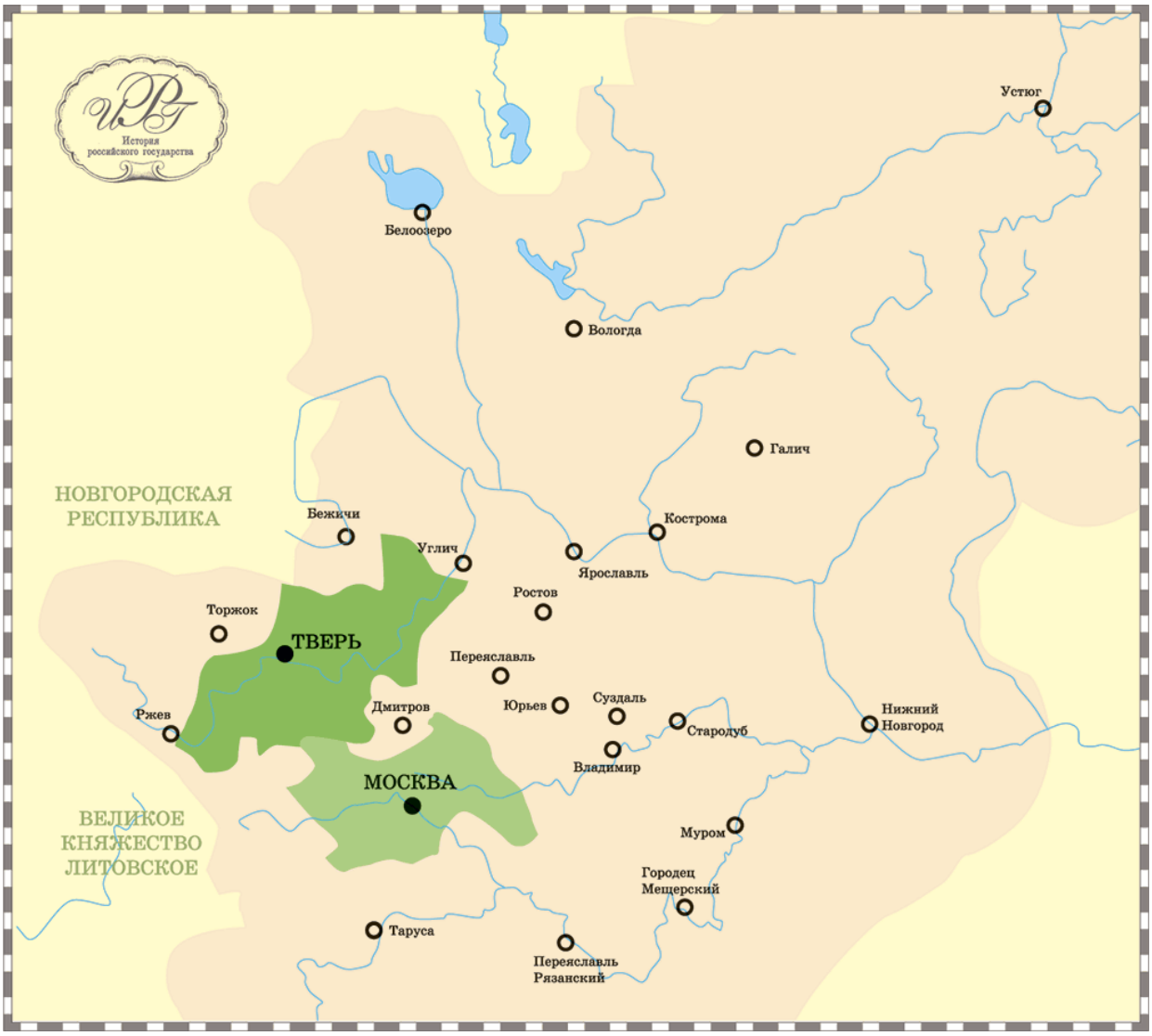
Его сын Юрий Данилович, едва заняв отцовское место, сделал еще один шажок: присоединил княжество Можайское, попросту отобрав его у тамошнего князя, которого привез в Москву и посадил в темницу.

Теперь Москва сделалась достаточно большой и сильной, чтобы поспорить с Тверью, тем более что как раз освободился великокняжеский стол: Андрей Городецкий умер.

Борьба Москвы с Тверью на время становится главным сюжетом русской политики.

Поначалу казалось, что у московских князей мало шансов на успех: соперник был и богаче, и крупнее, и боевитей.

Но споры теперь решались не силой оружия, а иными средствами. Оба претендента, Михаил Тверской и Юрий Московский, помчались в Орду, где начался торг. Татарам было все равно, они обещали ярлык тому, кто больше заплатит. У Москвы денег не хватило. Великим князем стал Михаил Ярославич.



Московское и Тверское княжества в 1300 г. *М. Руданов*

Но Юрий с этим не смирился, и началась междоусобная война, в которую ордынцы не вмешивались, руководствуясь всё тем же принципом «разделяй и властвуй». Война шла с переменным успехом, то затихая, то вновь разгораясь, однако свергнуть Михаила с престола московский князь так и не сумел.

Случай представился в 1313 году, когда умер Тохта и Михаилу нужно было подтвердить свой ярлык у нового хана Узбека.

Юрий поспел в Орду раньше. Пожил там, освоился, задарил всех подарками, да еще и сумел жениться на ханской сестре царевне Кончаке, которая, перейдя в православие, взяла имя Агафья. К тому же московский князь заключил союз с новгородцами – они опасались

сильного тверского князя, владения которого находились в опасной близости от Новгорода.

Из ханской ставки Юрий ехал в сопровождении татарского вельможи Кавгадыя и, очевидно, рассчитывал, что Михаил не осмелится напасть на него при таком сопровождении. Однако тверской князь воспользовался тем, что Кавгадый со свитой встали отдельным лагерем, и, не трогая татар, напал только на москвичей. Юрий был разгромлен и еле спасся, бросив жену, которая попала в плен к тверичам.

Пришлось ему просить мира. Враги договорились ехать в Орду на ханский суд, что не сулило Юрию ничего хорошего, так как у Узбека не было никаких оснований отбирать у действующего великого князя ярлык.

И тут Юрию несказанно повезло. Плененная Кончака-Агафья умерла в тверском плену. Тароватый московский князь сообразил, что может обратить свое поражение в победу.

С помощью Кавгадыя, то ли подкупленного дарами, то ли раздраженного дерзостью Михаила, он выставил перед Узбеком смерть сестры в весьма подозрительном свете. Тверской князь обвинялся по меньшей мере в недостаточной заботе об ордынской царевне, если не в ее отравлении.

Теперь Михаилу нужно было ехать уже не за ярлыком, а на суд, и суд этот обещал быть суровым. В 1318 году после долгого разбирательства Михаил Ярославич был казнен по доносу Юрия Московского, который таким образом не только избавился от давнего соперника, но и получил заветный ярлык на великое княжение – без войны, одним лишь интриганством.

Гибель Михаила Тверского. *В. Верещагин*

«Черная душа»

В русской истории хватает несимпатичных персонажей, и Юрий Данилович Московский – один из самых отвратительных. Даже по меркам своего не слишком нравственного времени он отличался редкостной неразборчивостью в средствах. По аттестации Карамзина, он «по качествам черной души своей заслужил всеобщую ненависть и, едва утвердясь на престоле наследственном, гнусным делом изъявил презрение к святейшим законам человечества». Имеется в виду коварство, с которым Юрий добился своего первого триумфа – заточение можайского князя и захват его владений. Еще хуже Юрий поступил с

Константином Рязанским: велел его убить, рассчитывая прибрать к рукам и Рязань. Правда, из этой затеи ничего не вышло, и Рязань еще долго сохраняла независимость от Москвы – Юрию пришлось довольствоваться пограничной Коломной.

Погубив Михаила Тверского, Юрий вернулся из Орды не только с ярлыком, но и с телом казненного, которое отдал родным для погребения только после долгого торга.

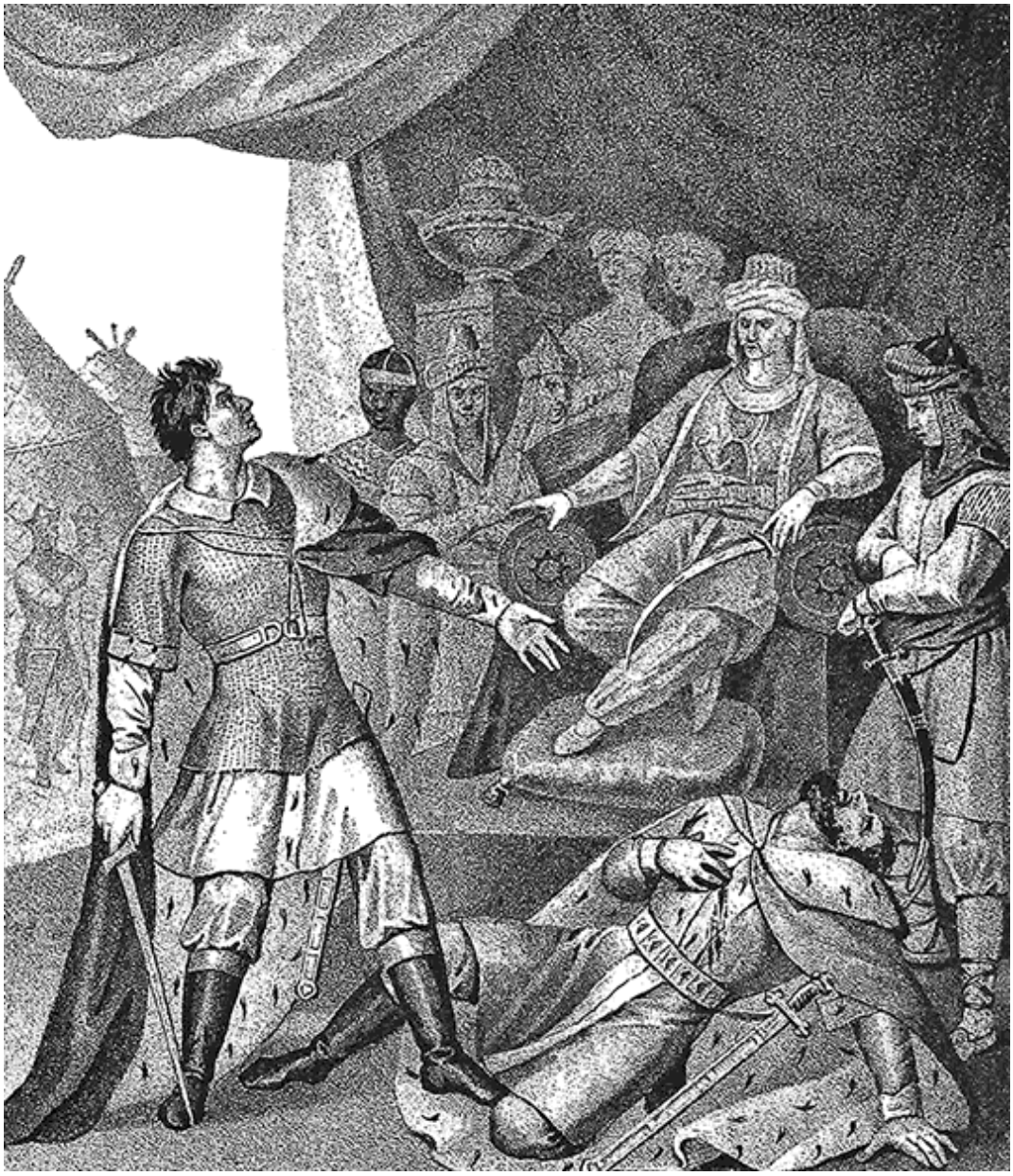
Сын погибшего Михаила князь Дмитрий должен был признать первенство Москвы и к тому же передать Юрию собранную для татар дань – 2000 рублей. (Кажется, это первое упоминание в русских письменных источниках о новой денежной единице, куске рубленого серебра весом не то 100, не то 200 грамм – мнения историков расходятся.) Немалую эту сумму Юрий должен был доставить в Орду.

Однако он был не только коварен и жесток, но еще и алчен. То, как московский князь обошелся с «казенным» капиталом, выглядит на удивление современно: он решил сначала пустить деньги в оборот через новгородских купцов, заработать проценты, а там видно будет.

Жадность Юрия и погубила. Дмитрий Тверской воспользовался методикой своего врага: поехал в Орду и донес там о проделках московского князя. Хан Узбек рассердился и передал ярлык Дмитрию.

Неугомонный Юрий засобирался в ставку доказывать свою невиновность. Узнав об этом, поспешил в Орду и Дмитрий, опасаясь, что москвич его переловчит.

Там, на очной ставке, увидев перед собой погубителя отца, молодой тверской князь, которого за гневливость прозвали Грозные Очи, выхватил меч и зарубил лютого врага. Так окончилась малопочтенная карьера первого из «московских» великих князей.



Дмитрий Грозные Очи убивает Юрия Московского. *Б. Чориков*

За свою дерзость Дмитрий поплатился головой (был казнен по ханскому приказу), но Тверь все равно осталась в выигрыше. Очевидно, решив, что Москва чересчур усилилась, Узбек передал ярлык не Ивану Даниловичу, брату Юрия, а брату храброго Дмитрия – князю Александру Михайловичу. Это случилось в 1325 году.

Таким образом, могло показаться, что в двадцатилетнем противостоянии Москвы и Твери верх взяла последняя.

Однако брат и наследник убитого Юрия оказался личностью недюжинной.

Иван Калита

Известно, что такое «калита» – большой кошель, который носили на поясе; но почему современники дали Ивану Даниловичу такое прозвание, не совсем ясно. Есть разные версии. Одна из них почтительная: князь носил при себе калиту, чтобы щедро раздавать милостыню. Другая, более распространенная, объясняет прозвище иначе: Иван Данилович рачительно, одну за одной, собирал русские земли, будто в мошну складывал. Однако скорее всего князя назвали «калитой», потому что главным его оружием были деньги; он умел их добывать и с пользой тратить.

По своим человеческим качествам Иван мало чем отличался от брата Юрия – был и коварен, и безжалостен к соотечественникам, и угодлив перед татарами. И все же этот правитель сыграл в эволюции русского государства большую и безусловно позитивную роль. В истории часто случается, что малопривлекательная личность приносит стране благо. Хватает и противоположных примеров, когда приличный человек оказывался ужасным правителем, приводя свой народ к катастрофе.

Младший брат был умнее и дальновиднее старшего. Калита никогда не погнался бы за малой выгодой, рискуя потерять все. Он аккуратно и точно строил свои планы, безукоризненно их исполнял и за относительно недолгое время правления (1325–1340) вывел свое княжество в неоспоримые лидеры. Со времен Калиты первым среди русских городов становится Москва.

Управлять московским княжеством Иван начал еще при жизни Юрия – тот почти все время проводил в Новгороде. Начинал Калита с малого: прикупал отдельные села и городки, иногда целые волости. Следил, чтоб в его владениях был порядок и ничто не мешало торговле. Люди московского князя жили сытнее и покойнее, чем у соседей. Очень часто князь наведывался в Орду, где его принимали как желанного гостя. Никто не раздавал таких щедрых подарков и взяток, как Калита.

На великокняжеский стол Иван Данилович до поры до времени не претендовал – ждал своего часа. И когда такая возможность

предоставилась, ее не упустил.

В 1327 году великий князь Александр Михайлович совершил роковую ошибку. К нему в Тверь приехал некий Чолхан (в русских летописях – Щелкан) – за очередными поборами. Вел себя ханский посланник с какой-то особенной беспардонностью, так что даже привычные к татарским бесчинствам горожане зароптали. Пошли разговоры, что Чолхан, который приходился Узбеку не то родственником, не то свойственником, в общем принадлежал к высшей ордынской знати, собирается сам усесться на великое княжение, а всех христиан насильно обратит в басурманство. Вспыхнуло народное восстание, к которому примкнул и сам Александр Михайлович, очевидно, встревоженный нехорошими слухами.

Вокняжение великого князя Ивана Даниловича Калиты. *«Жизнь Сергия Радонежского» (© РИА Новости)*

Дьяконова кобылица

Отечественные авторы, особенно советского периода, иногда описывают тверское восстание как героический эпизод народной национально-освободительной борьбы против татаро-монгольского ига, чуть ли не пролог грядущей Куликовской битвы. На самом деле бунт произошел

спонтанно, по совершенно нелепому поводу. Летописный рассказ о том, как всё случилось, настолько простодушен, что имеет все признаки достоверности.

Рано утром 15 августа некий дьякон по имени Дудко вел к Волге на водопой свою молодую, превосходно откормленную кобылицу. Навстречу попались какие-то татары, которым лошадь понравилась, и они стали ее отбирать. Дьякон отдавать не хотел, начал кричать и звать на помощь. Завязалась драка, которая перешла в массовую потасовку. Обнажились мечи.

Кто-то ударил в колокол, звон подхватили другие церкви, и скоро восстал весь город. Захваченных врасплох ордынцев убивали по всей Твери, не разбирая, кто воин, а кто купец. Чолхан с приближенными заперся в тереме, но тут подоспел князь Александр с дружинниками. Двор подожгли и всех татар, включая ханского посла, умертвили.

Народные восстания, повлекшие за собой эпохальные исторические перемены, чаще всего именно так и происходили. Когда всё клокочет, довольно самой незначительной искры, чтобы разгорелся испепеляющий пожар. Из-за такой же ерунды – скандала в очереди за хлебом – в феврале 1917 года рухнет Российская империя. То есть, конечно же, не из-за этого, а по серьезным, роковым, объективным причинам, однако же бывает очень интересно пройти по цепочке событий, чтобы определить изначальный толчок, вызвавший мощное землетрясение.

Если рассматривать историю как хаотический процесс, в котором всё случайно, генеалогию московского государства вполне можно возвести к тучной кобыле дьякона Дудко. Если б она не была такая упитанная, на нее не позарились бы татары, не завязалась бы драка, не убили бы ханского посла, Тверь не накликала бы на себя беду, этим не воспользовался бы Калита – и так далее.

Тверское восстание. *Миниатюра XVI в.*

Есть основания полагать, что ловкий Иван Данилович одним из первых кинулся к Узбеку с вестью о страшном преступлении. Во всяком случае, именно московскому князю разъяренный Узбек доверил сопровождать карательную экспедицию. И Калита извлек из этого поручения всю возможную пользу.

Польза заключалась в том, чтобы разорить и ослабить все области, не входившие в число московских владений. Летопись сообщает, что князь «просто рещи [попросту говоря] всю землю Русскую положиша

пусту». Города и села Калита сжег, людей увел к себе. Всё вокруг пришло в запустение, нетронутой осталась только Москва.

Благодаря своей оборотистости и безжалостности Иван Данилович добился двойной выгоды: во-первых, обеспечил своему княжеству экономическое и политическое первенство; во-вторых, получил в награду от Узбека великокняжеский ярлык, отобранный у бежавшего прочь Александра.

С этого времени, 1328 года, московские князья стараются не выпустить великокняжеский титул из своих рук.

Конфликт с Александром Михайловичем на том еще не закончился. Беглец несколько лет тихо сидел в Пскове, ожидая, когда пройдет гнев Узбека. Потом выпросил себе прощение и получил назад тверское княжество – видимо, хан захотел создать противовес быстро усиливающейся Москве.

Сев в Твери, Александр немедленно принялся враждовать с Калитой, но тот решил проблему испытанным манером, по-московски: вместо того чтоб воевать, поехал в ханскую ставку с доносом. В этих делах Иван Данилович был мастер. Узбек потребовал к ответу Александра вместе с сыном и предал обоих жестокой казни.

Этот триумф стал для Калиты последним – в следующем году он скончался, оставив наследнику мощное, богатое княжество, значительно расширившее свои границы.

Победа Москвы над Тверью теперь стала окончательной. Тверские князья обладали генеалогическим старшинством и искуснее воевали, но в первой половине XIV столетия действеннее оказались «московские» методы: дипломатические и коррупционные. Помогло Москве и то, что самая богатая русская область, Новгородчина, предпочитала ориентироваться не на воинственную Тверь, а на прагматическую Москву.

В общем, ум и хитрость взяли верх над силой и смелостью. Поясной кошель оказался действенней меча.

Когда обстоятельства переменятся и сила станет важнее хитрости, московские князья выучатся отлично воевать, но это произойдет уже на следующем историческом этапе.

Возвышение Москвы

Пришло время рассмотреть причины и обстоятельства превращения захолустного городка Владимиро-Суздальского княжества в политический центр обновленного русского государства.

Выбор столицы – событие огромного значения для любой страны; в особенности для страны, которой предстояло превратиться в империю, то есть сверхсильное государство жесткой вертикальной конструкции, где облик и дух главного города в значительной степени определяют судьбу и жизнь всего огромного организма. Достойные и недостойные качества московских правителей, привычки и традиции столичного населения, выгоды и невыгоды географического положения города – всё это сказалось на облике страны, которую на протяжении нескольких веков называли Московией, а ее обитателей московитами.

Как обычно случается в истории, город стал колыбелью новой государственности вследствие соединения случайных и неслучайных факторов – причем первых явно больше.

В предыдущем томе было рассказано, что этот населенный пункт начинает упоминаться в летописях с середины XII столетия. Москов или Кучково (по имени владельца боярина Кучки, от которого впоследствии сохранился топоним «Кучково поле») был пограничной крепостцой Владимиро-Суздальского государства.

Строительство стен Кремля в XII веке. *А. Васнецов*

Долгое время городок не являлся даже центром удельного княжества. Сюда сажали, всегда временно, самых младших сыновей. Младшим сыном был и Даниил Александрович, который после смерти Невского стал первым постоянным московским князем. Сорок лет он прозябал в своей волости, не имея никакой политической важности, пока по удачному стечению обстоятельств не получил в наследство от бездетного родственника Переяславль-Залесский.

На этом цепь счастливых для Москвы случайностей не закончилась. Сыновья Даниила – Юрий и в еще большей степени Иван – оказались хваткими собирателями земель. Оба отлично владели искусством дипломатии и подкупа, много времени проводили в Орде, где умели переинтриговать своих соперников. Любопытно звучит суждение о русских араба Ибн-Баттуты, который при дворе Узбека видел, должно быть, посольство Калиты (1334 г.) и составил по нему мнение обо всем народе: «Русские, христиане, народ с рыжими волосами и голубыми глазами, весьма хитрый и коварный».

В конце концов Ивану Калите ценой доноса и разорительного похода против собственного отечества (но не своей отчины) удалось

войти к хану в милость и получить ярлык на великое княжение (1328), который так и остался за Москвой.

К этому времени звание великого князя Владимирского вновь обрело важность. Дело было не в верховной власти (она принадлежала Орде) и не в чести (об этом тогда особенно не заботились), а в мотиве сугубо практическом: праве собирать «выход» для татар.

Калита добился полномочий на сбор дани и с других русских княжеств, что стало для Москвы могучим инструментом экономического и политического влияния. В. Ключевский называет великого князя «простым ответственным приказчиком хана по сбору и доставке дани», но эта должность открывала перед ловким политиком богатые перспективы. Всегда можно было дать послабление послушным и посильнее прижать непокорных; прямые контакты с Сараем давали возможность очернить врага в глазах высшей власти; ну и, конечно, часть собранного, как водится, прилипала к рукам «приказчика», делая его всё богаче (мы видели, как Юрий Данилович от жадности утратил осторожность и поплатился за это).

Конечно же, Иван Калита заботился не о благе страны, которой еще не существовало, а, так сказать, лишь о собственной калите, но от его оборотистости в выигрыше оказалась вся московская область, центральная часть русских земель. При этом князе и его преемниках, следовавших тем же курсом, в их владениях царил мир. Богатели города, развивалось хозяйство, быстро росло население.

Причин тому было две: во-первых, после победы над Тверью у Москвы не осталось опасных соперников; во-вторых, не трогали Русь и татары, вполне удовлетворенные исполнительностью своих московских вассалов.

Помимо экономического развития происходил еще один процесс, менее очевидный, но в историческом смысле более важный: за несколько спокойных десятилетий в московской Руси выросло новое поколение, которое не испытало ужаса татарских набегов и потому обладало большей волей к сопротивлению, чем отцы и деды.

Так стала возможной первая попытка освобождения от чужеземного владычества, произошедшая через сорок лет после Калиты.

За полтора века в тридцать раз

Интересно, что методика приращения земель, которую использовал Калита, оказалась продуктивнее вооруженной экспансии. Иван Данилович не размахивал мечом – он платил, благо деньги были. Так оно получалось надежней и беспроблемней.

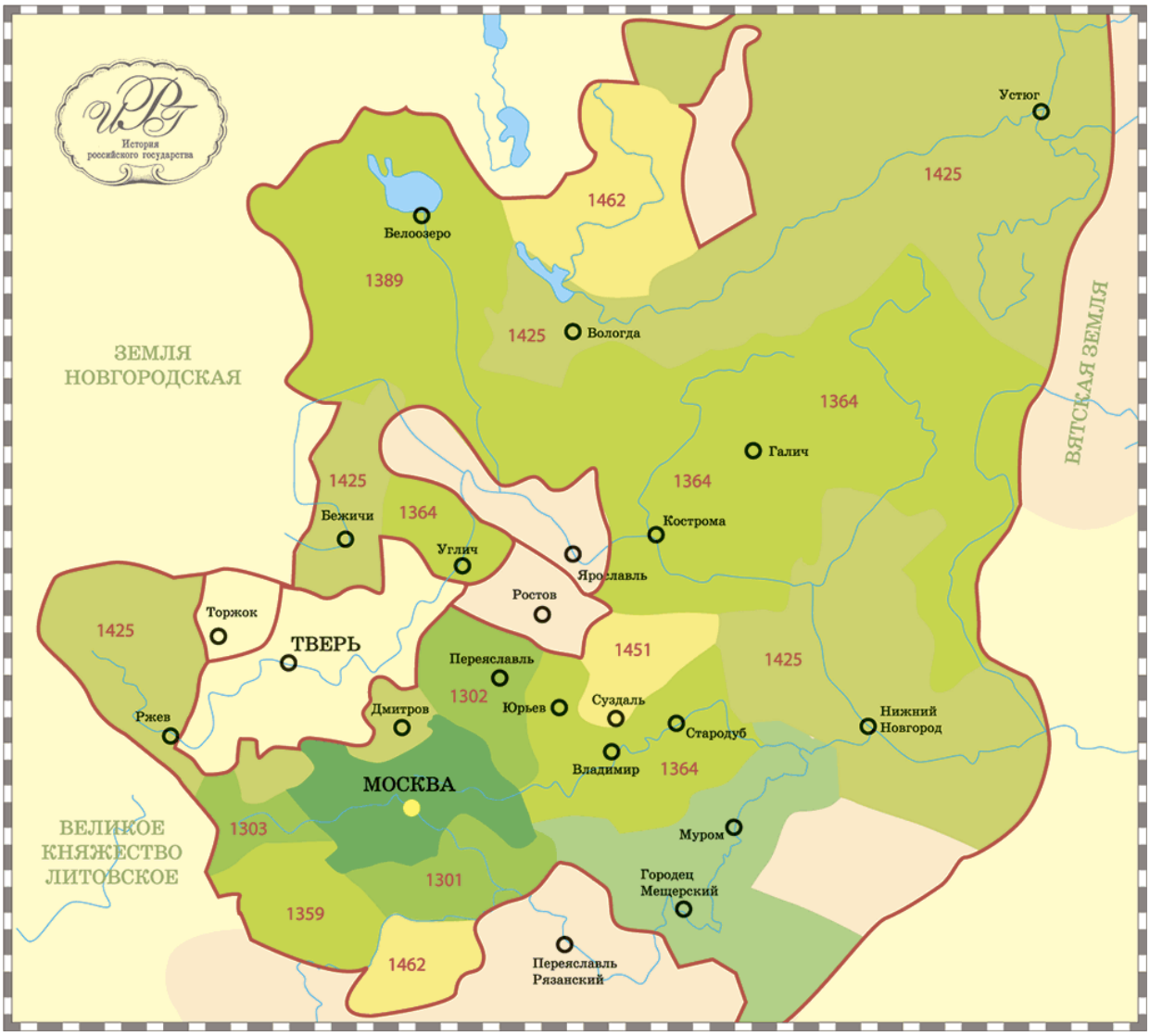
Калита покупал по кускам и кусочкам отчины бедных князьков и захудалых бояр, от которых разбегались голодающие крестьяне, потом приводил туда собственных людей, и через некоторое время жизнь в новом московском владении начинала налаживаться.

Территория княжества до Калиты была намного меньше современной Московской области, всего с четырьмя маленькими городами (еще Можайск, Коломна и Звенигород). В раннем завещании Ивана Даниловича (от 1327 года) городков уже семь – прибавились Серпухов, Радонеж и Руза. Потом Калита прикупил Белозерск, Углич и Галич Мерьский с уездами (хотя в последнем еще некоторое время сохранялись местные князья).

Его наследники продолжали собирать территории. Однако чем сильнее становилась Москва, тем чаще она действовала не деньгами, а силой. Дмитрий Донской, общепризнанный лидер всей Руси, попросту выгонял неугодных ему мелких князей, забирая их земли себе.

Не пренебрегали московские властители и традиционными дипломатическими (а по сути дела коррупционными) способами, получая в Орде ярлыки за мзду. Так были присоединены Нижний Новгород (пока еще неокончательно), Муром и Таруса.

По карте видно, как раздулось Московское государство всего за полтора века. При Василии Темном, то есть в конце периода, охваченного данным томом, великое княжество занимало территорию в тридцать раз бóльшую, чем при первом князе Даниле Александровиче.



Московское княжество (1300–462). *М. Руданов*

То, что в XIV веке Москвой владели несколько деятельных правителей, – фактор случайный, и одного его для решения столь важного вопроса, как выбор центральной точки огромного государства, было бы, наверное, недостаточно (тем более что непосредственные преемники Калиты, как мы увидим, талантами не блистали). Однако для возвышения Москвы существовали и вполне объективные причины.

Город был очень выгодно расположен – сразу в нескольких смыслах.

Москва непосредственно не граничила с «опасными» соседями: от татар ее прикрывали рязанское и нижегородское княжества, от литовцев – княжество смоленское. Враги, истощавшие набегами области, которые находились восточнее или западнее, часто попросту не добирались до Москвы. Между 1293 годом, когда край разорила карательная экспедиция хана Тохты, и до 1368 года, когда город чуть не захватил литовский князь Ольгерд, то есть в течение трех четвертей столетия, московская земля жила, не подвергаясь опустошению.

Другая выгода географического положения заключалась в том, что Москва находилась на пересечении торговых путей. Три больших товарных магистрали проходили через этот район: речная от Волги к Новгороду, «великая владимирская дорога» и путь на юг, к Чернигову и Киеву. Это преимущество, конечно, нельзя счесть уникальным, поскольку Тверь или Нижний Новгород, не говоря уж о Великом Новгороде, были расположены не менее удачно, однако чем спокойнее становилась жизнь в московских пределах, тем охотнее купцы выбирали именно этот маршрут следования.

Относительная безопасность, в которой существовали подданные московских князей, стимулировала постоянный приток переселенцев. С востока, юга и запада сюда тянулись крестьяне, заселяя пустующие земли и развивая сельское хозяйство. Росли и города. Московские правители очень хорошо понимали, что богатство государства напрямую зависит от численности населения, и не жалели для этого средств: давали новым жителям податные льготы, строили слободы и села, даже выкупали пленных в Орде. В XIV веке прежде скудный людьми лесной регион постепенно превращается в самую населенную область Северной Руси.

Очень важно было то, что в Москву потянулись не только крестьяне, но и аристократия, военно-административный костяк государства. С разоренного междоусобицами юга и с измученного литовскими набегами запада приезжали со своими дружинами князья и знатные люди, получали земли и должности, становились вассалами московских великих князей. Так сформировалось боярское сословие, которое в XIV и XV веках было опорой престола. В смутные времена гражданских войн и татарского господства боярская аристократия не раз спасала молодое государство от краха.

Однако главные причины, по которым Русь постепенно стала «собираться вокруг Москвы», пожалуй, были не политико-экономического, а психологического свойства: ни одно прочное государство не возникает без того, чтобы в народе не утвердилось ощущение *правильности* этого объединения. Победа московских государей над соперниками, выражаясь современным языком, прежде всего произошла на уровне массового сознания. Этому способствовали два ключевых обстоятельства.

Во-первых, московские князья, пользуясь выгодами ордынского покровительства, сумели превратить свои владения в оазис относительного порядка и покоя. Здесь было меньше разбойников, меньше произвола, здесь действовали хоть какие-то законы. Постепенно за Москвой закрепилась репутация земли, которая устроена крепче и справедливее, чем другие. Вследствие этого в элите соседних княжеств стали возникать промосковские партии, а в нижних слоях общества развивались промосковские настроения. Мы увидим, что иногда большие регионы присоединялись к Москве безо всякого сопротивления, добровольно.

Во-вторых, московским государям удалось сделать своим твердым союзником православную церковь и всё духовное сословие. В XIV веке авторитет великого князя смыкается с авторитетом митрополита; кто противится воле Москвы, тот оказывается в конфликте с церковью, то есть бунтует против Бога.

Но роль православной церкви в создании московского государства настолько велика, что этой теме необходимо посвятить отдельную главу.

Церковь становится московской

Повторю, что к началу XIV века ни государства, ни страны Русь не было. Сохранялось некое этнокультурное пространство, жители которого пока еще говорили на одном языке, но принадлежали к разным политическим и даже цивилизационным зонам. Русославянская прото-нация готовилась разделиться.

Однако сохранялась единая вера, а до поры до времени и единая церковная организация, не дававшая Руси окончательно распасться и

поддерживавшая само понятие «русскости» – вскоре оно станет неразрывно связано с православной конфессией.

Русское духовенство. *Миниатюра XVI в.*

В результате монгольского завоевания общественная роль церкви не уменьшилась, а наоборот возросла. В экономическом смысле это объяснялось льготами, которые духовенство получило от татар: освобождением от податей и повинностей, привилегированным положением, защитой ордынского закона, оберегавшего священнослужителей. Епархии, церкви, монастыри и приходы богатели. Бывало, что отряды степных хищников, разорявшие всё вокруг, церковного имущества не трогали. «Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею было еще возвышение нашего Духовенства, размножение монахов и церковных имений», – стараясь быть объективным, пишет Карамзин.

Но много важнее материального обогащения был рост духовного влияния православия. Тяжелые испытания и беды всегда дают толчок народной религиозности. Человеку, чья жизнь находится в постоянной опасности, свойственно обращаться к Богу. Если в прежние времена многие русские люди, внешне исполняя обряды, в своей массе продолжали придерживаться старинных языческих верований, то теперь идеи христианства начали проникать в народное сознание уже не поверхностно, а глубоко. Слово пастыря обрело вес и силу. Крестьяне воспринимали местного попа как жизнеучителя, чернецов из соседнего монастыря – как заступников перед Господом; точно так же относились князья к епископам, архимандритам и, конечно, к митрополиту.

Вот почему огромное значение приобрел вопрос о местонахождении митрополичьей кафедры. Московские князья поняли это первыми и потому оказались в выигрыше.

Оставаться в разоренном, пришедшем в ничтожество Киеве главе церкви стало невозможно. Еще в XIII веке митрополиты, хоть и продолжали именоваться киевскими, часто наведывались во Владимир и проводили там больше времени, чем в «матери городов русских». Митрополит Максим (ум. 1305), по происхождению грек, переселился на север окончательно, со всем своим двором.

Следующий митрополит (1305–1326) был из русских, именем Петр. Ему во Владимире не нравилось. Великокняжеская столица была

нехорошим, опасным местом, эпицентром борьбы за власть. В то время и сами великие князья уже предпочитали не сидеть в беспокойном Владимире, а оставались жить в собственной отчине – так было безопасней. К тому же митрополиту, в чьем ведении по-прежнему находились все русские земли, очень уж далеко было отсюда совершать пастырские поездки в западные и южные края.

Поэтому Петр охотно воспользовался приглашением Ивана Калиты побольше времени проводить в Москве. Здесь было мирно, да и к Киеву поближе. В Москве митрополит, имевший славу чудотворца и впоследствии канонизированный, провел последние дни своей жизни и был погребен.

Став местом упокоения всеми чтимого святителя, город обрел новый, более высокий статус. Как-то само собой вышло, что следующий митрополит Феогност (1328–1353) сделал Москву своей постоянной резиденцией. Другим князьям это не понравилось, но над волей митрополита они были не властны и ничего изменить уже не могли.

С этих пор Москва и митрополия становятся тесными союзниками.

В татарскую эпоху власть и авторитет главы русской церкви стали значительно выше, чем во времена независимости. Контакты с Константинополем, где находился патриарх, были нерегулярны, а иногда, в периоды ордынско-византийских войн, вовсе прекращались. Митрополит фактически сделался самостоятельным церковным владыкой. Все чаще кафедру занимали не греки, а русские, которым были хорошо понятны и близки интересы родной земли.

Православное духовенство твердо стояло за Москву и по практическим, и по идеологическим причинам. На территории княжества у церкви появлялось все больше земельной и иной собственности, даримой государями или приобретаемой на средства, которые накапливались от спокойной, не нарушаемой междоусобицами жизни. Митрополия как крупный землевладелец была заинтересована в еще большем укреплении московского государства.

К резонам экономического свойства присовокуплялись (и вероятно имели даже бóльшую важность) соображения идейно-религиозного порядка.

Византийская церковная традиция, в отличие от римско-католической, была вся построена на концепте богоустановленности земной власти и сотрудничества с нею; патриархи являлись идеологами самодержавия – властитель на земле, так же как на небе, мог быть только один. И, раз выбрав в качестве претендента на эту роль московского князя, церковь считала своей миссией и своим долгом привести его к единовластию, для чего, по выражению С. Соловьева, направила против врагов этого государя свой «меч духовный».

Общественная функция церкви с четырнадцатого века кардинальным образом меняется. В эпоху раздробленности главным своим делом архипастыри считали увещевание вечно грызущихся Рюриковичей и поддержание мира между княжествами. Теперь же митрополиты перестали демонстрировать объективность – они активно вмешивались в события, не скрывая своей московской «партийности». Если использовать спортивную терминологию, церковь, которой надлежало бы оставаться беспристрастным судьей, начала подыгрывать одной из команд и тем самым обеспечила ей победу.

Первый случай прямого участия церкви в совершенно светском, политическом конфликте, произошел на следующий же год после того, как Калита добыл себе в Орде великокняжеский ярлык.

В 1329 году Александр Михайлович Тверской, потеряв владимирский стол, нашел убежище в Пскове. Иван Данилович двинулся на своего врага с ратью. Воевать Калита не любил и рассчитывал, что псковитяне, устрашившись, прогонят от себя беглеца. Однако горожане твердо стояли за Александра и готовились к битве.

Митрополит Феогност и князь Александр. *Б. Чориков*

Тогда изобретательный Калита применил до того невиданное средство: он уговорил митрополита Феогноста вмешаться. Тот, даже не попытавшись примирить двух земных владык, попросту пригрозил всему Пскову отлучением, если город не покорится воле московского государя. После этого Александру оставалось только уехать. Благодаря

помощи митрополита Калита одержал важную победу безо всякого кровопролития.

В дальнейшем подобные демарши становятся явлением вполне ординарным.

Святой как государственник

В мою задачу не входит изложение истории русского православия, однако участие церкви и церковных деятелей в политической жизни напрямую связано с заглавной темой, поэтому позволю себе сделать небольшое отступление и коснуться весьма интересного предмета: образа русского национального святого как активного государственника. При этом речь пойдет не о канонизированных церковью митрополитах и епископах, которые по своему высокому положению вряд ли могли бы уклониться от участия в государственных делах, а о подвижниках и аскетах, казалось бы, призванных заниматься лишь духовными исканиями.

Особенность пантеона русских святых, относящегося к этой эпохе, заключается в том, что самые чтимые из них – те, кто считал своим долгом выходить из молитвенного уединения и даже покидать тихие «пустыни», если государство нуждалось в их помощи.

Самым ярким и известным из плеяды «праведников-государственников» XIV столетия несомненно является Сергий Радонежский (1321? – 1391).

Сын разорившегося боярина, он с юности был монахом и вел отшельническую жизнь в глухом лесу. Постепенно вокруг стали селиться другие иноки, привлеченные слухами о его благочестии и творимых им чудесах.

Так возникла Троицкая обитель, которая прославилась на всю Русь своим строгим уставом и набожностью. Ученики и ученики учеников Сергия расходились по всей Руси, основывая новые скиты и монастыри. В нестаром еще возрасте Радонежский, занимавший скромную должность настоятеля, обладал духовным влиянием и авторитетом не

меньшим, чем сам митрополит Алексий (1354–1378), один из величайших деятелей всей русской церковной истории.

Всю свою жизнь стремясь лишь к духовным исканиям и неохотно от них отвлекаясь, Сергий Радонежский несколько раз приходил на помощь московскому государству в решении проблем сугубо земных.

Мы все помним, как он благословил Дмитрия Донского на битву с Мамаем, дав князю двух богатырей из числа своих послушников – Пересвета и Ослябю, хоть это и вступало в противоречие с православным каноном, который запрещал священнослужителям участвовать в боевых действиях. Этот акт, разумеется, имел не военное, а символическое значение, демонстрируя, что грядущее сражение будет не обычным кровопролитием, а духовным подвигом.

Однако троицкий игумен не отказывался помогать земной власти и в делах не столь эпохальных, берясь за поручения, более уместные для дипломата.

Например, в 1356 году Москва вмешалась в земельный спор между сыновьями суздальско-нижегородского князя Константина, которые никак не могли поделить Нижний Новгород. Там сидел и не хотел съезжать Борис Константинович, Москва же поддерживала Дмитрия Константиновича. Посредником, уполномоченным решить эту проблему, был определен Сергий. В деле нецерковном и нерелигиозном он повел себя как прямой агент московского государя: велел затворить все нижегородские храмы и не служить в них до тех пор, пока Борис не согласится уступить волость брату. Нижегородскому князю пришлось смириться.

Почти тридцать лет спустя, в 1385 году, Сергий опять исполнил для Москвы важное дипломатическое поручение. В то время Дмитрий Донской находился в очень тяжелом положении. Его земли были разорены татарским нашествием, а тут еще давний враг Олег Рязанский нанес поражение московским полкам и никак не желал заключать мир. Престарелый настоятель отправился в Рязань вести переговоры и провел их с блестящим успехом. Олег не только

помирился с Дмитрием, но еще и вступил с ним в союз, женив своего сына на дочери Донского.

Совершенно очевидно, что Сергий, человек духовной жизни, не испытывал никаких сомнений относительно благости всяких действий, направленных на усиление московского государства. Должно быть, именно поэтому Радонежский впоследствии столь высоко чтился русской православной церковью, следовавшей византийской традиции солидарности с монархией. Этот святой олицетворял собой «правильное» отношение к государю и власти.

Святой Сергий и дикие звери. *Миниатюра XVI в.*

Непрямым, но весьма действенным (и, пожалуй, специфически русским) способом внедрения идеи централизованного государства стало создание системы монастырей, которые в эту эпоху строились повсеместно.

Монашеские общины у нас появились еще в XI веке, при Ярославе Мудром, однако в домонгольские времена их было немного – на всю Русь десятка два. Располагались они в больших городах либо неподалеку, и главная их функция была духовно-просветительская.

В период татарского господства приобретает популярность идея «спасения» в тихой обители, подальше от ужасов мира. Новые монастыри теперь обычно строились в глухих местах, куда не добирались шайки татарских и отечественных грабителей. Число монахов (от греческого слова «монос», «одинокий») все время возрастало. Многие беглецы прятались за монастырскими стенами, защищенными татарским законом, не столько ради спасения души, сколько ради спасения тела – здесь было безопаснее, да и сытнее.

В первое время каждый инок должен был кормить себя сам, но затем стало появляться все больше так называемых «общежительных» обителей, которые вели свое хозяйство и обычно владели собственными землями.

Подсчитано, что на протяжении четырнадцатого века в среднем возникало по одному новому монастырю в год. Чем больше обживалась срединная часть северной Руси, тем дальше на восток и на север забирались иноки, которые искали уединения и покоя. В краях, где местные племена придерживались язычества, монастыри становились не только миссионерскими центрами, но и подготавливали почву для будущей русской колонизации, которая затем, как правило, совершалась вполне мирно.

В скором времени некоторые монастыри, пользуясь привилегиями духовного статуса, превратились в заметные хозяйственно-экономические центры, каких прежде на Руси не бывало. В их собственности находились обширные угодья, села и деревни, многочисленные крестьяне. Самому богатому монастырю домонгольской эпохи, Киево-Печерскому, принадлежало всего пять деревень; основанная Сергием обитель, впоследствии названная Троице-Сергиевой лаврой, владела десятками сел (к 1700 г. ей будет принадлежать более двадцати тысяч крестьянских дворов).

Старцы в монастыре. *Миниатюра XVI в. (© РИА Новости)*

Почти всякий большой монастырь, переполняясь братией, начинал «почковаться», то есть учреждать новые «филиалы»; некоторые из них

потом тоже разрастались и, в свою очередь, давали новые «побеги». Но вся эта разветвленная инфраструктура находилась в строгом иерархическом подчинении московскому митрополиту, что естественным образом насаждало идею столь же стройного светского мироустройства, на верхушке которого находится московский великий князь.

К середине XIV века политическое разделение Руси на «татарскую» и «литовскую» зоны зашло так далеко, что организационное единство русской церкви стало явным анахронизмом. Несомненная промосковская позиция митрополии отталкивала от нее духовенство и князей западных областей, которые должны были ориентироваться на иных государей.

Управление всей огромной территорией из Москвы было невозможно или, во всяком случае, очень затруднено и по причине слишком больших расстояний.

Поэтому еще в начале века, когда бывшие киевские митрополиты, сохраняя это название, фактически поселились во Владимире, Константинополь попробовал учредить для западной Руси отдельную Галицкую митрополию, которая то упразднялась, то возникала вновь.

Окончательно русская церковь разделится на две самостоятельные части только в середине XV столетия, но уже веком ранее московские митрополиты в значительной степени потеряли административный контроль над епархиями, оказавшимися под властью литовских и польских властителей.

Великие князья московские от этого только выиграли. У них появилась ясная и политически достижимая цель: увеличить размеры своего государства до таких пределов, чтобы оно охватило всю территорию, находящуюся в юрисдикции московской митрополии, – то есть целиком северную и восточную Русь. Здесь интересы светской власти полностью совпадали с интересами церкви.

Нельзя хотя бы коротко не упомянуть о другой сфере церковной деятельности, еще более ценной, чем участие в государственном строительстве. Я имею в виду деятельность культурную.

С XIV века началось воскрешение русского искусства, которое в эту эпоху было исключительно религиозным и патронировалось

церковью. О становлении великой русской иконописной школы и о возрождении русского зодчества я рассказывать не буду, поскольку эта отрадная тематика находится за рамками политической истории, однако есть область культурной жизни, напрямую связанная с развитием государственных институтов: ученость и грамотность.

«Житие Бориса и Глеба»

Вся «книжность» теперь стала монополией духовенства. Только это сословие умело читать и писать, а значит, как выразились бы сегодня, было способно *поставлять кадры в аппарат административного управления*; монахи хранили память о прошлом и писали хроники для потомства; иерархи пропагандировали и аргументировали божественную природу единовластия.

Культурное влияние церкви на протяжении всей русской средневековой истории не просто велико – оно всеобъемлюще; мало что остается за его пределами.

Тесное слияние церковных интересов с интересами власти, полное подчинение закону политической целесообразности стали залогом не только силы, но и слабости русского православия. Но теневая сторона

этой ангажированности проявится еще не скоро. Пока же, на начальном этапе воссоздания государственности, этот союз для формирующейся страны был безусловно благотворен.

Попытка освобождения

В Орде

Великая Замятня

Во второй половине XIV века в Орде произошла череда событий, вследствие которых власть Сарая существенно ослабла, и у быстро крепнущего, но еще очень далекого от единства русского государства появилась надежда на освобождение.

При хане Узбеке Золотая Орда казалась несокрушимой. Все соседи, как азиатские, так и европейские, признавали ее могущество; обширная держава процветала, питаясь торговлей и соками своих колоний.

Первый сильный удар по Орде нанесла уже поминавшаяся пандемия чумы. Она затронула и Русь, но в меньшей степени, чем центр татарской державы, куда зараза проникла несколькими годами раньше, с азиатских рынков. «Черная смерть» не только унесла множество жизней, но и причинила огромный ущерб торговле.

Вскоре после этого в ханстве разгорелась борьба за престол, с перерывами растянувшаяся на два десятилетия. Русские летописцы назвали ордынскую смуту «Великой Замятней».

Инициатором междоусобицы стала знакомая нам Тайдула, вдова Узбека. Эта сильная, предприимчивая женщина, еще при жизни мужа пользовавшаяся огромным влиянием, теперь решила забрать в свои руки всю полноту власти. Она покровительствовала младшему сыну Джанибеку. Вместе они умертвили конкурента – царевича Хызрбека, сына от другой жены Узбек-хана, но этого оказалось недостаточно. Курултай провозгласил государем Тинибека, который был старше Джанибека.

Но Тайдулу недаром называли «великой хатун». Она организовала новый заговор – и опять успешный. Тинибек был убит, а ханом стал Джанибек. Его мать сделалась фактической соправительницей.

Легенда о чудесном исцелении

На Руси хорошо известно предание о том, как великая хатун призвала в Орду митрополита Алексия, известного своим целительским даром, потому что страдала глазным недугом и надеялась, что святой человек ее вылечит.

Митрополит, конечно же, поспешил в ставку и то ли благодаря своему врачебному искусству, то ли с помощью Божьей исцелил татарскую царицу. За это Тайдула даровала русской церкви различные привилегии.

Карамзин рассказывает о триумфальном возвращении святителя в Москву: «Великий Князь, его семейство, Бояре, народ встретили добродетельного Митрополита как утешителя Небесного, и – что было всего трогательнее – осьмилетний сын Иоаннов, Димитрий [будущий Донской], в коем расцветала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви к Алексию, проливая слезы, говорил ему с необыкновенною для своего нежного возраста силою: «О Владыко! Ты даровал нам житие мирное: чем изъявим тебе свою признательность?» Столь рано открылась в Димитрии чувствительность к заслугам и к благодеяниям государственным!»

Всё это звучит очень трогательно, однако у историков есть более любопытная версия, объясняющая поездку Алексия, действительно опытного лекаря, в Орду. Согласно этой версии, великая хатун была здоровехонька, а недужил ее сын хан Джанибек – у него были какие-то проблемы с психикой, что делает логичным приглашение именно духовной особы. Однако болезнь государя следовало держать в секрете от подданных, поэтому как официальный предлог была использована «глазная скорбь» ханши. Тайдула, судя по ее активному образу жизни, до конца своих дней отличалась отменным здоровьем, а вот ее сын и в самом деле вскоре после этого скончался.

Вероятно, во время своего медицинского визита Алексий на время облегчил состояние хана, за что и был пожалован.

В память об этой ответственной поездке и в благодарность Всевышнему митрополит заложил в Кремле знаменитый Чудов монастырь.

Святитель Алексий исцеляет Тайдулу. *Я. Капков*

В 1357 году Джанибек умер. Тайдула посадила на трон его сына и своего внука Бердибека и продолжала править страной. (По некоторым сведениям, Джанибек не просто умер, а был убит Бердибеком. Если это правда, то Тайдула не могла не участвовать в заговоре.)

Новый хан поспешил истребить всех возможных конкурентов – он будто бы отправил на тот свет двенадцать родственников, включая младенцев. И все-таки оказался недостаточно предусмотрителен.

Два года спустя другой царевич, Кульпа, убил Бердибека, занял престол и отстранил Тайдулу от власти. Великая хатун с этим не примирилась. Еще через год она устроила новый заговор, свергла Кульпу, умертвив его вместе с сыновьями, и сделала ханом некоего Навруса. Историки не очень понимают, в каких отношениях этот

Наврус был с Тайдулой: то ли приходился ей внуком, то ли (есть и такая версия) происходил из какого-то другого ответвления Чингизидов, либо же вовсе являлся самозванцем и был взят великой ханшей в мужья. Так или иначе энергичная хатун со своим внуком или супругом вновь оказалась у кормила государственной власти.

На сей раз, правда, ее правление длилось недолго. В 1361 году против неугомонной Тайдулы объединились татарские вельможи, предложившие трон царевичу Хизру, представителю младшей линии Джучидов. Произошел новый переворот, в ходе которого Наврус и вся его семья были преданы смерти. Была убита и великая хатун, которая после смерти Узбека в течение двадцати лет оставалась главной фигурой ордынской политической жизни.

«Замятня» этим не закончилась. Хизр очень скоро пал, свергнутый собственным сыном Темир-ходжой, который, в свою очередь, продержался всего один месяц.

Теперь Орда осталась без единого правителя и распалась на части. Три претендента на престол, не сумев ни договориться между собой, ни победить соперников, фактически поделили державу на отдельные улусы. Один захватил Сарай, другой – Крым, третий – территорию бывшей волжской Булгарии. Между собой они враждовали, и ни один не имел контроля над Русью, что безусловно было на руку тамошним князьям и в первую очередь Москве.

В это время по авторитету Золотой Орды был нанесен еще один чувствительный удар, который подорвал уже не политический, а военный престиж татарского государства, считавшийся незыблемым и неоспоримым.

В 1362 году непобедимая армия Чингизидов потерпела первое крупное поражение в открытом бою с русским войском. Правда, победу над татарами одержали не «восточные», а «западные» русские, но в психологическом отношении это было все равно.

Великий князь литовский Ольгерд решил воспользоваться ордынской междоусобицей и занял среднее течение Днепра. Неподалеку от устья реки Буг его армия, в основном состоявшая из русских воинов, сошлась с большой татарской силой – и разгромила ее.

Синие Воды

Битва у Синих Вод примечательна еще и тем, что Ольгерд выиграл ее не числом, а умением. Он сумел переманеврировать признанных мастеров маневренного боя, тактически переиграть их.

Великий князь разделил силы на шесть подвижных полков, что не позволило татарам применить их обычный прием охвата и окружения противника. Как обычно, степная конница попыталась расстроить вражеские ряды, засыпая их стрелами. Когда это не получилось, ринулась в наступление. Литовско-русские полки расступились и ответили контратаками с флангов. В последовавшей за этим резне татары были разгромлены, причем погибли все три командовавшие ими царевича.

Впоследствии на Куликовом поле Дмитрий Донской добьется победы таким же тактическим приемом: не лобовым столкновением, а заранее спланированным фланговым ударом.

Династия Джучидов, правившая Ордой больше ста лет, явно приходила в упадок. Среди ее представителей долгое время не находилось ни одного вождя, который обладал бы полководческими талантами или государственной мудростью.

Битва у Синих Вод. *П. Грюсис*

Но военная и экономическая сила степной державы по-прежнему была велика, а власть не терпит вакуума. В этой ситуации, как всегда в периоды смуты и нарушения сложившейся иерархии, наверх стали подниматься «люди, которые сделали себя сами» – сильные лидеры нецарского или даже откровенно плебейского происхождения.

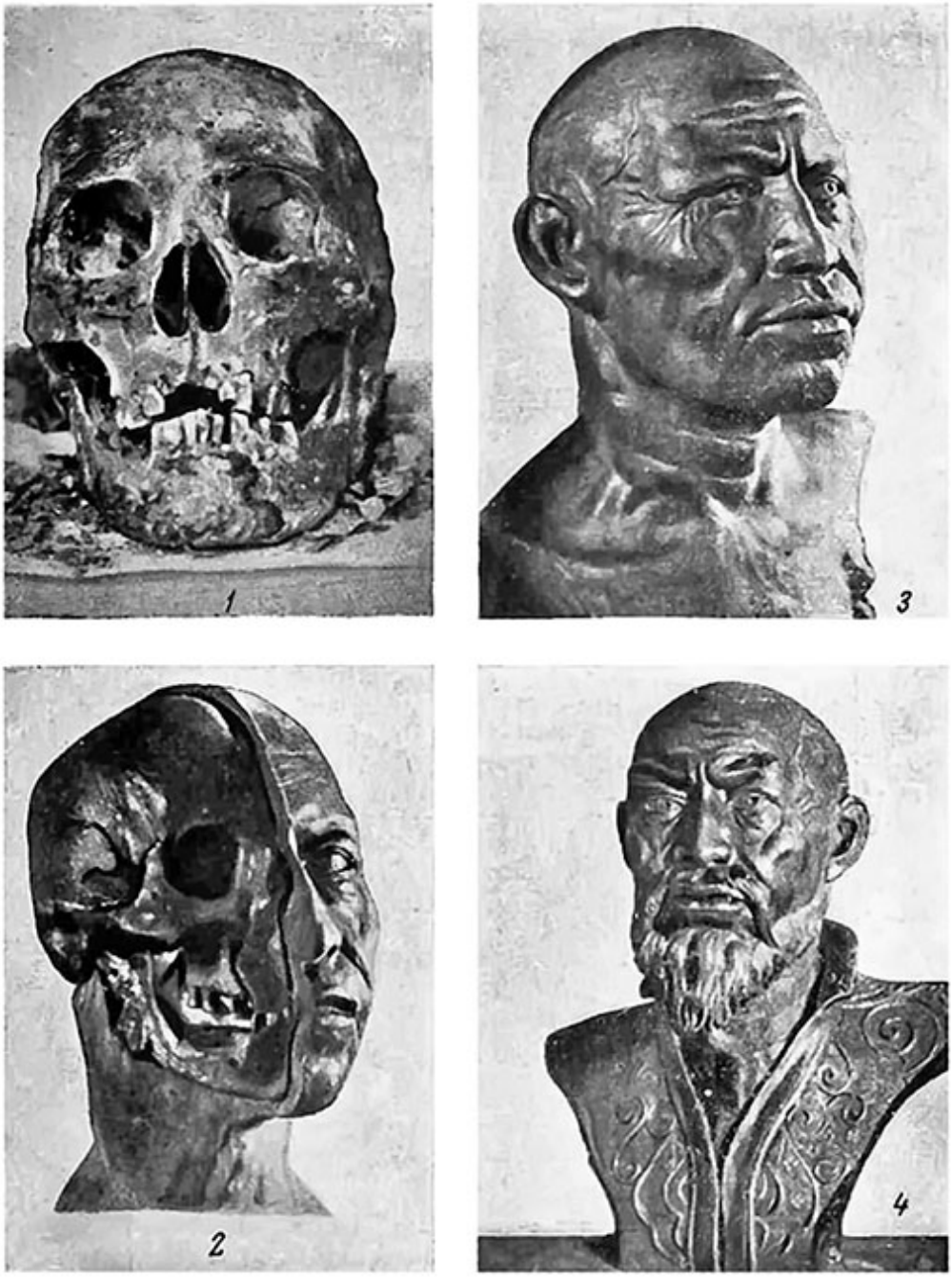
Новые вожди

Чтобы понимать перипетии ордынской борьбы за власть и значение этих потрясений для русской жизни, нам придется разобраться в запутанных взаимоотношениях четырех военных вождей, которые сыграли важную роль в отечественной истории: Тимура, Мамая, Тохтамыша и Едигея.

Всё это были яркие личности; судьба каждого захватывающе интересна, хоть историческое их значение неравнозначно.

Наиболее крупной фигурой – не регионального, а мирового масштаба – конечно, был великий завоеватель Тимур (1336–1405), которого европейцы называли Тамерланом, искажая прозвище Тимур-Ленг (Железный Хромец).

Этот человек происходил из древнего монгольского рода, но не был Чингизидом, то есть ни при каких обстоятельствах не мог рассчитывать на престол. Он будет называть себя «эмиром» («повелителем»), а женившись на девушке царской крови, примет титул «гуркана» (ханского зятя), но так и не объявит себя монархом.



Восстановление облика Тимура по черепу. *Мастерская М. Герасимова*

Родился Тимур в Средней Азии, которой правили отпрыски Чагатая, раньше других монгольских ханов развалившие свое государство. К середине XIV века улус распался на области, враждовавшие между собой.

Потомки чингисхановых воинов здесь, как и в Золотой Орде, утратили родной язык и тюркизировались, перемешавшись с местным населением. Не сохранили они и прежней веры, перейдя в мусульманство. Создавая собственную империю, Тимур провозгласит себя «Мечом Ислама».

Начинал он предводителем небольшого отряда, по сути дела шайки разбойников, жившей набегами и грабежом. Около 1360 года Тимур стал владетелем небольшого города Кеш, находившегося неподалеку от Самарканда, вступил в борьбу за власть над Мавераннахром, обширной и богатой областью, включавшей в себя часть современного Узбекистана, Таджикистана, восточного Туркменистана и южной Киргизии.

Прозвище «Хромец» он получил после того, как был ранен в одной из многочисленных стычек. (Вскрыв мавзолей Тамерлана и эксгумировав его останки, ученые действительно обнаружили, что колено скелета повреждено – вероятно, вследствие удара копьем.)

> Археологическое исследование гробницы было начато в июне 1941 года. С давних пор говорили, что, если потревожить дух великого убийцы, разразится страшная война. Через три дня после того, как антрополог М. Герасимов вскрыл благоухающий саркофаг (тело правителя было умащено индийскими ароматами), Германия напала на Советский Союз, что породило весьма популярную среди любителей мистики легенду о «проклятии Тимура».

Уже покорив Мавераннахр и сделав своей столицей Самарканд (это произошло около 1370 г.), Тимур долгое время, с переменным успехом, воевал с властителем другого крупного осколка чагатаевского улуса – Чингизидом Урус-ханом, чьи владения охватывали территорию нынешнего Казахстана.

Первое время Урус-хан был явно сильнее, и Тимур действовал в основном интригами, постепенно переманивая к себе вассалов соперника. Так в его лагерь перешли молодые военачальники Тохтамыш и Едигей.

Тимур держал при себе в качестве номинальных монархов ханов царской крови, сам же произвел себя из эмиров в «великие эмиры». В течение тридцати пяти лет Железный Хромец выковывал свою державу,

размеры которой в конце концов почти сравнялись с империей Чингисхана. Тамерлан завоевал Хорезм, Персию, Афганистан, Малую Азию, Индию и только смерть помешает ему присоединить Китай.

Держава Тамерлана. *М. Руданов*

В конце XIV века это безусловно был самый могущественный государь тогдашнего мира. Тимур водил в поход армии доселе невиданного размера. Известно, что перед войной с султаном Баязетом, желая устрашить турецких послов, Тимур выстроил на поле 140 тысяч человек – и это не обычное для летописей преувеличение, а достоверный факт.

Я не буду рассказывать о многочисленных войнах великого полководца, поскольку большинство из них происходили вдали от границ Руси. Тамерлана, кажется, мало интересовала эта небогатая колония Золотой Орды. Иное дело – контроль над самой Золотой Ордой. Один раз, в ходе этой борьбы, Тимур все же отправит свои рати

на северо-восток, и тогда только чудо спасет Русь от полного уничтожения.

Три других монгольских вождя, чьи имена часто встречаются в наших летописях – Мамай, Тохтамыш и Едигей, – были каждый по-своему связаны с Железным Хромцом. Их действия и поступки во многом зависели от «большой азиатской политики», которая определялась в далеком Самарканде.

Из этой плеяды самым важным для нашей истории персонажем несомненно является Мамай (ок. 1335–1380).

Это был искатель приключений, кажется, не принадлежавший к знати. Храбрец и удачливый военачальник, он дослужился до высокого звания темника, а затем, как и Тимур, сделался гурканом, «ханским зятем», женившись на дочери ордынского царя Бердибека. Хоть в наших источниках Мамая иногда и называют «царем», на самом деле он никогда таковым не являлся, формально занимая должность беклярбека (главного военачальника). Все шестидесятые годы он был одним из самых активных участников «Великой Замятни», пытаясь посадить на трон своего ставленника, что ему в конце концов удалось.

Сначала марионеткой Мамая был крымский Чингизид Абдулла, потом (в 1370 году) беклярбек объявил ханом Мухаммед-Булака, восьмилетнего ребенка. Но над всей территорией Золотой Орды установить свою власть Мамаю так и не удалось. Даже в период наибольшего усиления он контролировал лишь западную часть державы – ту, что примыкала к русским землям.

Хан Мамай (поверженный) на памятнике 1000-летия Руси в Новгороде

Странные перепады в отношениях Мамая с Русью в 70-е годы объясняются шаткостью его положения. Так, в 1372 году он вообще потерял власть в Сарае, изгнанный оттуда Урус-ханом, который пришел из казахских степей с большим войском и объявил себя правителем Золотой Орды.

Мамаю тогда помог мавераннахрский великий эмир Тимур, который послал против Урус-хана одного из самых способных своих полководцев – Тохтамыша.

В отличие от остальных вождей той эпохи Тохтамыш был Чингизидом, но из захудалых, без каких-либо видов на престолонаследие. Его отец принадлежал к окружению Урус-хана. Из-за своего «августейшего» происхождения Тохтамыш рано выдвинулся и, будучи еще совсем молодым человеком, уже командовал крупными воинскими соединениями. Положение царевича оказалось под угрозой,

когда его отец попал в немилость и лишился головы. Тохтамыш перешел к Тимуру, который принял беглеца с почетом и дал ему войско.

Хан Тохтамыш. *Книжная гравюра XVI в.*

Мстя за отца, Тохтамыш вторгся во владения Урус-хана, который был вынужден спешно оставить Сарай, вновь доставшийся Мамаю. Сражение произошло раньше, чем Урус-хан вернулся в Среднюю Азию.

В кровопролитной битве пал его сын, но Тохтамыш потерпел поражение и отступил.

Пожалуй, самым ярким качеством Тохтамыша было упорство. Не отличаясь большим полководческим талантом, он не раз бывал разбит на поле брани, но никогда не опускал рук и умел быстро восстанавливать силы. Так произошло и в этот раз.

Тохтамышу помогло одно благоприятное обстоятельство. Урус-хан, по-видимому, плохо умел привязывать к себе людей. Еще один его темник по имени Едигей в это же время перешел на сторону Тимура. Новый перебежчик был примерным ровесником Тохтамыша, то есть молодым военачальником, но не царского, а просто знатного рода.

Тимур породнился с Едигеем, взяв в жены его сестру, и сделал шурина одним из своих эмиров.

До сих пор двое правителей Средней Азии, Урус-хан и Тимур хоть и враждовали между собой, но избегали прямой конфронтации. Как мы видели, Тимур предпочитал действовать чужими руками. Но теперь столкновение стало неизбежным. Урус-хан потребовал выдачи обоих беглых темников, получил отказ, и началась война. Неизвестно, чем бы она закончилась, ибо Урус-хан все еще был сильнее Тимура, но в следующем году главный соперник Хромца умер. Его наследник был слабее, дал себя оттеснить дальше в степи и потом уже не претендовал на первенство. Потомки Урус-хана впоследствии владели казахским ханством.

Вот какой была ситуация в монгольском мире накануне большой войны между Русью и Золотой Ордой.

Тимур находился в Самарканде, готовясь к завоеванию мира. Прежнее царство Урус-хана досталось Тохтамышу, вассалу Хромца. Едигей тоже служил Тимуру, но собственного улуса пока не имел. В Сарае, в наибольшей близости к русским землям, окончательно утвердился беклярбек Мамай, правящий Золотой Ордой от имени марионеточного монарха.

На Руси

После Калиты

Начиная с княжения Ивана Даниловича, рассказывать о событиях отечественной истории становится удобнее. Власть всё больше централизуется, а при монархическом образе правления это означает, что она делается *олицетворенной*, то есть приобретает черты, соответствующие личным качествам государя. Опять, как в эпоху величия Киева, достоинства и недостатки великого князя, только теперь московского, в значительной степени определяют течение государственной жизни.

В этом смысле Москве не слишком повезло с двумя правителями, следовавшими за Калитой, – Семеном Ивановичем Гордым (1341–1353) и Иваном Ивановичем Красным (1353–1359). Из ведущих отечественных историков, пожалуй, лишь С. Платонов относится к обоим этим князьям одобрительно, отдавая должное их кропотливой практичности. Н. Карамзин скупо хвалит первого («умел пользоваться властию, не уступал в благоразумии отцу и следовал его правилам: ласкал Ханов до уничижения, но строго повелевал Князьями Российскими») и кисло отзывается о втором («оставил по себе имя *кроткого*, не всегда достохвальное для Государей, если оно не соединено с иными правами на общее уважение»). В. Ключевский считает и того, и другого посредственностями. Н. Костомаров аттестует их вполне безжалостно: «Оба князя ничем важным не ознаменовали себя в истории. Последний как по уму, так и по характеру был личностью совершенно ничтожной».

Семен Иванович, старший сын Калиты, унаследовал богатое княжество, первенствовавшее на Руси, и без каких-либо осложнений получил в Орде ярлык. За время правления он успел пять раз съездить в Сарай, где всем кланялся, оставлял дорогие подарки и давал взятки, то есть вел себя совершенно «по-московски». Зато на Руси держался повелительно и заставлял всех перед ним унижаться, за что и получил прозвище «Гордого» – в Орде он гордым отнюдь не был. По выражению С. Соловьева, Семен Иванович превратил остальных

русских князей в «подручников», то есть зависимых владетелей, отданных Ордой ему «под руку». Тверь больше не смела оспаривать верховенство Москвы; тамошний князь Всеволод отдал за Семена свою сестру и вел себя смирно.

Благодаря хорошим отношениям с татарами Русь почти не подвергалась набегам – только однажды (в 1347 году) какой-то «князь Темир Ординский приходи ратью ко граду Олексину… и посад пожже», то есть город не взял, а лишь разграбил предместья.

Но в правление Семена Ивановича пришла другая беда. «Черная Смерть» какое-то время покружила у русских пределов – сначала восточных, потом западных – и с задержкой на несколько лет проникла-таки на Русь через Новгород: «вниде смерть в люди тяжка и напрасна». Летопись зафиксировала симптомы смертельной болезни: «харкнеть кровью человек и до треи день быв да умрет». Чума была не такой опустошительной, как в Европе (сказалась меньшая скученность населения и относительное малолюдство городов), но все же унесла множество жизней. Скончался и великий князь, а вместе с ним оба его сына, в результате чего престол достался младшему брату Семена князю Ивану Ивановичу, который запечатлелся в памяти потомков лишь тем, что был «кротким» и «красным» (красивым).

«Черная смерть» на Руси. *Б. Чориков*

Это короткое бесцветное княжение отмечено всего одним важным событием: хан Джанибек не только выдал молодому московскому государю ярлык, но и даровал ему право разбирать тяжбы остальных князей, то есть фактически пожаловал судебную власть над ними.

Правда, у князей осталась возможность жаловаться на Москву непосредственно хану.

Умер кроткий Иван, при котором всеми делами заправляли ближние бояре, всего 31 года от роду, оставив двух малолетних сыновей – Дмитрия и Ивана, причем последний скончался в отрочестве.

В эту историческую эпоху Москве решительно всё шло на пользу, даже печальные обстоятельства: и то, что двое бездарных сыновей Калиты недолго правили, и то, что оставили так мало потомства. Земли Московского княжества не дробились на мелкие уделы, как это происходило в других областях. Воистину не было счастья, так несчастье помогло.

Девятилетнему Дмитрию Ивановичу, будущему Донскому, досталось большое и *неразделенное* государство. Так, по стечению случайных обстоятельств, в фундамент будущего московского царства лег еще один камень.

Две опоры Москвы

Когда на московском престоле оказался ребенок, притихшие было соседи осмелели. Дмитрий, по малолетству, не мог явиться в Орду, чтобы отстаивать там свои права, да и вряд ли хан поставил бы великим князем мальчишку.

Зато остальные Рюриковичи сразу кинулись в Сарай, надеясь получить заветный ярлык. Он достался Дмитрию Константиновичу Суздальскому (1322–1383), который немедленно перебрался во Владимир, вышедший из-под московского управления.

Потеря формального старшинства и важной области, конечно, ослабила Москву. Но соперники не смогли воспользоваться этим обстоятельством и малолетством Дмитрия Ивановича, чтобы растащить по частям наследие Калиты. Хоть московский князь был мал, его сила держалась на двух опорах, которые доказали свою прочность в эту трудную пору.

До тех пор, пока Дмитрий не вошел в возраст, государством вполне успешно управляли глава церкви и московские бояре.

Фактическим правителем в пятидесятые и шестидесятые годы являлся митрополит Алексий, сам родом московский боярин. Это был волевой, энергичный человек, живший не столько духовными, сколько

государственными интересами – в первую очередь московскими. Огромный авторитет Алексия, его широкая известность, распространявшаяся за пределы Руси (вспомним историю с вызовом к ханше Тайдуле), превратились в мощный инструмент московской политики. До самой своей смерти в 1377 году, уже при зрелом Дмитрии Ивановиче, митрополит продолжал оставаться самой крупной фигурой русской жизни.

Алексий Московский. *Икона XVIII в.*

Неимоверно возросшее влияние православной церкви имело, впрочем, и свою оборотную сторону. Став проводником сугубо светских, мирских интересов, церковь и сама оказалась в центре ожесточенной борьбы за власть. Пост митрополита обрел такое политическое значение, что решение вопроса о том, кто будет главой церкви, стало для русских правителей вопросом ключевой важности. Доверять выбор митрополита внешней силе, какой являлся Константинопольский патриархат, было слишком рискованно.

Всякий раз, когда в жизни церкви земные мотивации начинали преобладать над небесными, добром это не заканчивалось. После кончины великого Алексия произошла череда неблагостных событий, совершенно невообразимых в прежние времена. Платой за богатство и политическое возвышение церкви стал тяжелый духовный кризис.

Суета вокруг митрополичьего престола

Когда Алексий состарился, Дмитрий Иванович начал заранее подбирать ему преемника – такого, чтоб был верным союзником и помощником. Ждать, кого пришлют из Византии, князь был не намерен.

У Дмитрия был кандидат, который устраивал его во всех отношениях: некий поп Михаил по прозвищу Митяй. Он состоял при князе духовником, а кроме того являлся еще и ближним советником, то есть был напрямую вовлечен в государственные дела. «Сей убо поп Митяй бысть возрастом [статью] велик зело и широк, высок и напруг [мускулист], плечи велики и толсты, брада плоска и долга, и лицем красен, – рожаем и саном [представителен, величав] превзыде всех человек: речь легка и чиста и громогласна, глас же его красен зело; грамоте добре горазд: течение велие имея по книгам и силу книжную толкуя, и чтение сладко и премудро, и книгами премудр зело». Кроме того, Митяй был еще и щеголь: «По вся дни, ризами драгими изменяшесь, и сияше в его одеяниях драгих якож некое удивление. Никтоже бо таковыя одеяния ношаше и никтоже тако изменяшесь по вся дни ризами драгими и светлыми».

В общем, кандидат был во всех отношениях солидный и князю приятный, но с одним недостатком, который вроде бы начисто лишал Митяя шансов на митрополичий сан: это был белый священник, не монах. Однако государя такой пустяк не остановил. Утром Митяя постригли в чернецы, а к вечеру того же дня он уже стал архимандритом столичного Спасского монастыря, тем самым войдя в высший круг духовенства.

Дряхлый Алексий долго не хотел соглашаться на такого преемника, но с его привычкой следовать политической целесообразности в конце концов, кажется, написал завещательную грамоту в пользу Митяя. Этот документ еще не делал преемника митрополитом, но обеспечивал последующее утверждение в Константинополе.

Но когда Алексий умер, оказалось, что православные иерархи такого первосвященника признавать не желают. Для них он был чужим, к тому же слишком чванливо держался. Между тем, двумя годами ранее патриархия уже назначила Алексию Московскому наследника – болгарина Киприана, который пока митрополитствовал в Киеве, окормляя «литовскую» половину Руси. Киприан представлял интересы литовского великого князя Ольгерда, давнего врага Москвы, и с такой кандидатурой князь Дмитрий, конечно, ни за что не согласился бы.

У высшего русского духовенства появился еще и свой собственный представитель, получивший поддержку иерархов: суздальский епископ Дионисий, которому покровительствовал самый уважаемый из отцов церкви – Сергий Радонежский (сам он не пожелал идти в митрополиты, хоть его и уговаривали).

Оба русских кандидата, Митяй и Дионисий, засобирались в Константинополь; каждый рассчитывал склонить патриарха на свою сторону. У первого имелись очень сильные аргументы – богатые дары, полученные от князя; второй, видимо, надеялся на свое красноречие и заступничество церковной верхушки. Хоть позиция Дионисия Суздальского выглядела слабоватой (константинопольские

патриархи охотно брали мзду), московский государь все же решил не рисковать и поместил почтенного иерарха под стражу. Тот поклялся, что никуда не поедет, был выпущен под поручительство Сергия Радонежского – и сразу же кинулся догонять Митяя.

Но тот был уже далеко, близ Цареграда. Казалось, победа Митяя гарантирована. Но тут он внезапно, еще не сойдя с корабля, скончался. Возможно, смерть была естественной, однако ее скоропостижность и острота ситуации, конечно, выглядят подозрительно. Без пяти минут митрополита вполне мог отравить агент одной из противоположных партий, затесавшийся в его окружение – очень уж высоки были ставки в игре.

Дальше развернулись события, уместные разве что в плутовском романе.

Свита умершего Митяя, опасаясь приезда Дионисия, совершила подлог. Наскоро посовещавшись, московские послы вписали в княжескую «хартию» с просьбой об утверждении митрополита другое имя – переяславльского игумена Пимена, находившегося здесь же, на корабле.

Патриарху, чья казна вечно пустовала, было все равно, кого назначать, – лишь бы хорошо заплатили. Так совершенно случайный человек сделался законным и официальным митрополитом всей Великой Руси, а киевский Киприан остался попечительствовать над Русью Малой (эти названия уже начинали входить в обиход).

Однако своевольство послов не пришлось по нраву князю Дмитрию Ивановичу. Он знать не хотел никакого Пимена, назначенного без его санкции. Новопоставленного митрополита задержали, не дав въехать в Москву, и отправили в заточение.

Столь же бесцеремонно обошелся государь и с Киприаном, когда тот прибыл в Москву предъявить свои права. Митрополита малороссийского схватили, подвергли «хулам, наруганиям, насмеханиям и граблениям», а потом «нагого и голодного» с позором прогнали прочь.

Всё это означало, что отныне московские государи не будут признавать митрополитов, назначенных одной только церковной властью, без согласования с властью светской.

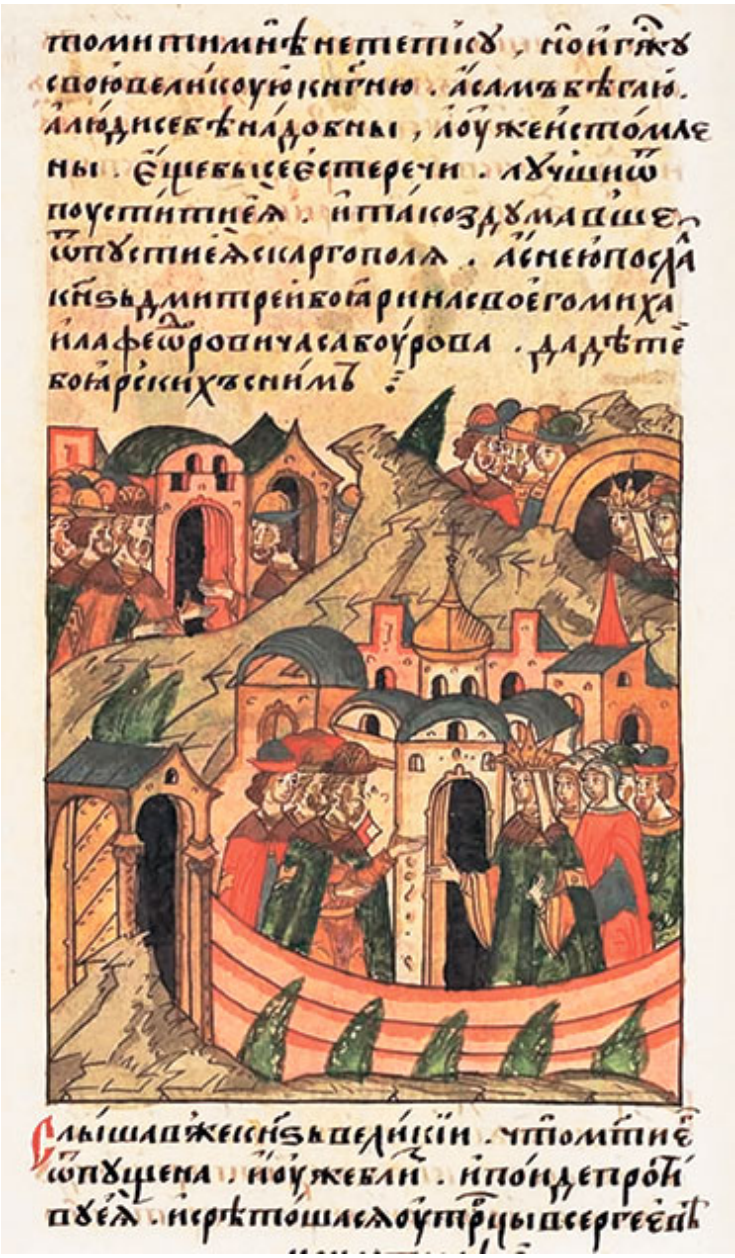
Примечательно, что впоследствии все три неугодных претендента – и Киприан, и Пимен, и Дионисий – каждый в свое время побывают на московской митрополичьей кафедре, но для этого им придется сначала заручиться поддержкой государя.

Смерть Митяя. *И. Сакуров*

Вторым столпом, на котором держалась Москва, было боярство. Эта аристократическая партия из крупных землевладельцев, занимавших важные посты в администрации и войске, была

заинтересована в укреплении государства не меньше, чем великокняжеская семья и митрополия.

Те бояре, кто были потомками старших дружинников или княжеских придворных, стояли за государя по традиции, связанные с его родом общей историей и экономическими интересами. Но много было и бояр «пришлых», перешедших на службу к Москве со своей челядью, а то и с целой дружиной. Великие князья всячески привечали таких иммигрантов, находили для них почетные должности и одаряли землями, так что новые вассалы служили не менее ревностно, чем старые. По русскому закону, переходя от одного сюзерена к другому, боярин сохранял свои вотчины, то есть земли, находившиеся у него в личной собственности, поэтому с особой охотой московские государи переманивали к себе бояр из соседних княжеств – это позволяло расширить территорию.



Князь с боярами. *Миниатюра XVI в.*

Значение боярства особенно возрастало в правление князей слабых и нерешительных, к числу которых относился Иван Красный. Он даже взял супругу не из другой ветви Рюриковичей, как происходило обычно, а женился на девице из сильного боярского рода Вельяминовых, тем самым укрепив связи с московской знатью.

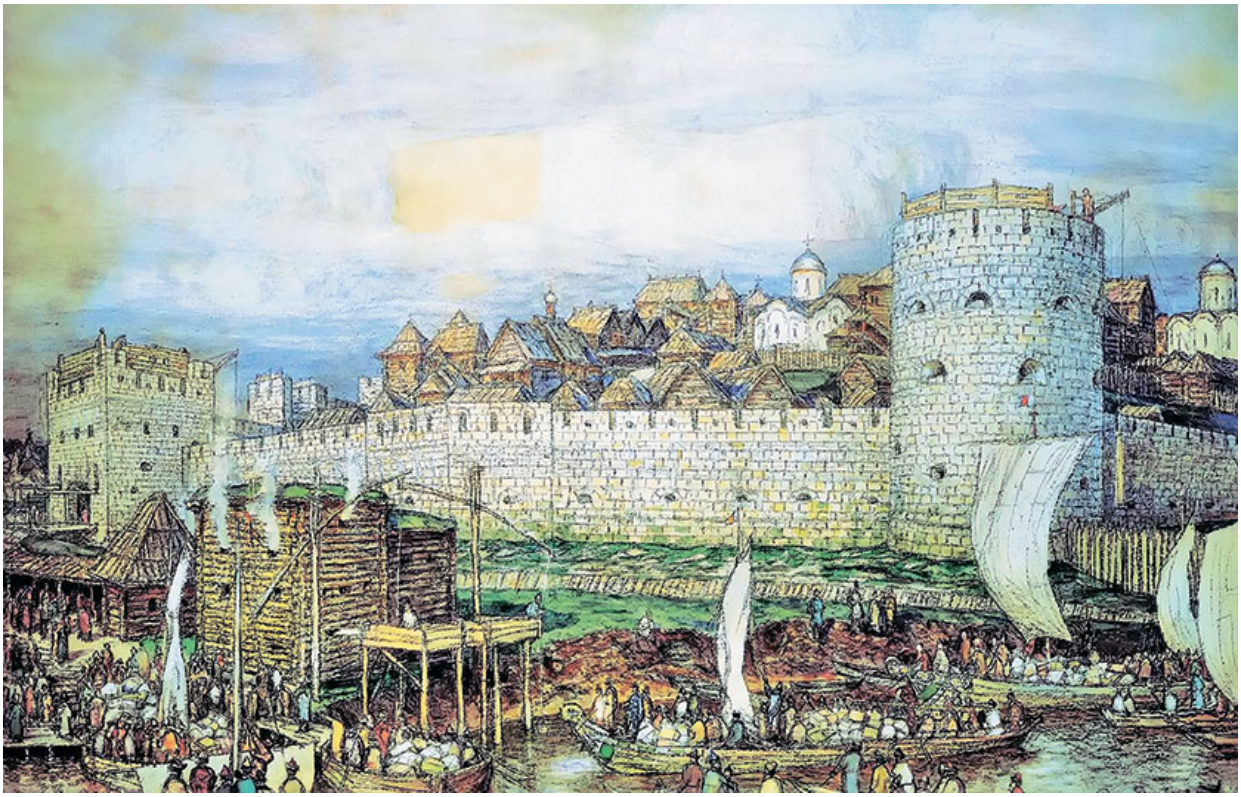
Когда же на престоле оказался его сын, ребенок, бояре сплотились вокруг него и митрополита, чтобы не дать соседям воспользоваться ситуацией.

Сохранить за маленьким Дмитрием владимирское великое княжение было невозможно, оно перешло к Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Однако вскоре в Золотой Орде началась междоусобица, и московские бояре не преминули ей воспользоваться. Они отправили посольство к одному из претендентов на власть, царевичу Мюриду, и тот за хорошую мзду охотно пожаловал будущему Донскому желанный титул. Теперь можно было объявить Дмитрия Суздальского узурпатором.

Бояре собрали сильное войско (у суздальцев такого не было), посадили своего князя-подростка в седло и отобрали Владимир. С 1362 года московский государь вновь становится великим владимирским князем. Год спустя (тоже не бесплатно) бояре обзавелись ярлыком и от другого ордынского претендента, значительно усилившегося царевича Абдуллы, за которым стоял темник Мамай. Мюрид было обиделся и снова назначил великим князем Дмитрия Суздальского, но тот продержался всего двенадцать дней и был разбит москвичами, которые разорили родовые земли незадачливого конкурента. Тот попытался собрать антимосковскую коалицию, но закончилось тем, что Москва забрала себе владения враждебных князей – Стародуба и Галича Мерьского (в Костромском крае).

Когда в 1365 году новый ордынский хан опять прислал ярлык суздальскому князю, Дмитрий Константинович, наученный горьким опытом, благоразумно отказался, отдав за Дмитрия Ивановича свою дочь и получив в награду нижегородскую область.

Все эти события продемонстрировали очевидный факт: мощь Москвы была уже столь велика, что государство могло успешно существовать даже с номинальным правителем – во всяком случае, при конфликте с другими русскими князьями.



Вероятный вид на Кремль Дмитрия Донского. *А. Васнецов*

Каменный Кремль

Богатство и сила молодой державы так возросли, что в 1367 году Москва затеяла невиданное по масштабу и затратности дело: строительство каменной цитадели. Незадолго перед тем в деревянном городе произошел очередной пожар, после которого осталось одно пепелище. Каменные стены длиной около двух тысяч метров должны были защищать центральную часть столицы, Кремль, от «огньобразной кары», чаще начинавшейся с хаотично застроенных посадов. Еще важнее была оборонительная функция: осадные орудия той эпохи были бессильны против камня.

На Руси каменных кремлей не было нигде, кроме богатых этим строительным материалом Новгорода и Пскова. Самостоятельно принять столь важное решение юный Дмитрий, конечно, не мог – в летописи сказано, что он,

«погадав с [двоюродным] братом своим с князем с Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими и сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслиша, то и сотвориша».

История со строительством каменной крепости – проявление типично московского прагматизма, которым руководствовались Калита и его потомки. Скажем, Тверь в период своего наибольшего расцвета предпочла возвести пышный собор с мраморными полами и медными вратами, а на скучные каменные стены тратиться не пожелала (за что потом и поплатилась). А вот Дмитрий Иванович, хоть и был набожен, но на церковном строительстве экономил – при нем обветшали московские каменные соборы, поставленные Калитой. Зато на укрепления князь не поскупился, и затраты эти очень скоро себя оправдали.

Белый камень (известняк), очевидно, брали из мячковских каменоломен, расположенных примерно в 25 километрах от Кремля. Зимой строительный материал доставляли на санях, летом по Москве-реке. Такие грандиозные работы, конечно, длились не один год, однако, судя по тому, что уже в 1368 г. крепость смогла выдержать серьезную осаду, строительство велось по какому-то искусному плану, позволявшему не ослаблять прежней оборонительной системы. Возможно, каменные стены были заложены сразу по всему периметру и надстраивались постепенно, а наверху еще долго сохранялся бревенчатый частокол.

Мы мало что знаем о первом каменном Кремле – от него ничего не сохранилось. По данным археологии, известно лишь, что площадь цитадели (23 гектара) почти равнялась современной. Хрестоматийная картина Аполлинария Васнецова (с. 269) честно названа: «Вероятный вид на Кремль Дмитрия Донского».

Должно быть, именно в это время прорыли ров от речки Неглинной до Москвы-реки, замкнув вокруг крепости треугольник водных препятствий. Кремль превратился в

настоящую твердыню. Теперь его стены нельзя было ни пробить, ни спалить.

Князь Дмитрий Иванович

Если в первые годы княжения Дмитрия Донского (который, разумеется, еще так не звался) Москвой управляли митрополит Алексий и старшие бояре, то примерно с 1367 года в московской политике всё явственней начинают проступать личные качества одного из самых прославленных русских государей. Однако следует помнить о том, что свою огромную славу Дмитрий стяжал благодаря единственному (хоть и очень важному) свершению – Куликовской битве, а на престоле он находился целых тридцать лет, и далеко не всё в эти годы было гладко. Кроме взлетов случались и сокрушительные падения.

Жизненный путь Дмитрия Донского столь извилист, что за этими зигзагами не так просто разглядеть живого человека. Во всяком случае, он несомненно был натурой противоречивой. Н. Костомаров, оценивая Донского по его делам, высказывает следующее суждение: «Личность великого князя Димитрия Донского представляется по источникам неясною… Летописи, уже описывая его кончину, говорят, что он во всем советовался с боярами и слушался их, что бояре были у него как князья; так же завещал он поступать и своим детям. От этого невозможно отделить, чтó из его действий принадлежит собственно ему, и чтó его боярам; по некоторым чертам можно даже допустить, что он был человек малоспособный и потому руководимый другими; и этим можно отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые бросаются в глаза, то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством, что выражается во всей его истории». Боюсь, что мнение историка справедливо, – ничем иным кроме изъянов характера князя нельзя объяснить печальный итог его правления, долгое время казавшегося блистательным.

Дмитрий Донской. *«Царский титулярник»*

Личных сведений о Дмитрии Ивановиче сохранилось не так уж много – если учитывать важность этой фигуры для отечественной истории.

Известно, что он родился 12 октября 1350 года; что по матери был породнен с первым по знатности боярским родом, Вельяминовыми; что образования не получил. «Аще и книгам неучен беаше добре», – сказано в житии, то есть, если и знал грамоту, то не крепко. В том же хвалебном жизнеописании превозносятся благочестие, незлобивость и строгая целомудренность князя. Последнее, кажется, было правдой.

Дмитрий женился в пятнадцать лет на дочери своего тогдашнего соперника, князя суздальского, то есть брак был сугубо политическим. Однако семейный союз оказался прочным и счастливым. Супруги жили, «яко златоперсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица», произведя на свет двенадцать детей. В своем завещании Донской пишет: «А вы, дети мои, слушайте своее матери во всем, из ее воли не

выступайтеся ни в чем. А который сын мой не имет слушати свое матери, а будет не в ее воли, на том не будет моего благословенья».

Внешность у князя была представительная: «Бяше крепок и мужествен, и телом велик, и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело, брадою ж и власы черн, взором же дивен зело». Рослый, очень толстый, чернобородый, остроглазый – вот каким был Куликовский победитель.

В чем ему уж точно нельзя отказать, так это в энергичности и последовательности. После двух вялых правителей Москва получила государя, который неустанно расширял ее владения, а те русские области, которые оставались самостоятельными, стремился подчинить своему влиянию.

При нем Владимирщина стала рассматриваться не как принадлежность великокняжеского ярлыка, а как наследственная вотчина московских государей.

Дмитрий взял на себя роль арбитра в спорах между другими князьями, формально независимыми от него, вмешивался в их внутренние конфликты и стремился вести себя как общерусский государь. Поэтому в миг решающего столкновения с Ордой ему и удалось собрать вокруг себя войска многих областей – главенство Москвы в 1380 году воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Судя по описанию, реальный Донской был примерно таким. *И. Сакуров*

Тем разительнее контраст с последними годами Дмитриева княжения, которое в конце концов не подняло Москву, а наоборот уронило ее политическое значение.

Но главное деяние Донского, победа на Куликовом поле, было так эпохально для самосознания народа, для общерусской истории, для взаимоотношений Востока и Запада, что этот триумф в глазах потомков заслонил все неудачи Дмитрия.

Он – первый из великих князей, кто осмелился разговаривать с Ордой языком не дипломатического маневрирования и коррупции, а военной силы.

К лобовому столкновению с грозным врагом, полтора века державшим Русь в страхе, Дмитрий Иванович шел долго и постепенно.

Большой, главной войне предшествовали другие, без которых не было бы никакой Куликовской битвы.

Малые и средние войны

Ранние успехи, выпавшие на долю Дмитрия, не были его заслугой – их следует приписать уму митрополита Алексия и предприимчивости московских бояр.

Первым самостоятельным шагом юного князя стала попытка окончательно подчинить Тверь. И попытка эта оказалась не слишком удачной. Семнадцатилетний Дмитрий поступил недальновидно, плохо рассчитал риски.

Михаил Александрович Тверской сам по себе был не особенно силен, но он приходился зятем могущественному Ольгерду, который немедленно вступился за свойственника – это давало литовскому правителю законную возможность распространить свою власть на русские земли.

Противник был грозный, незадолго перед тем одержавший при Синих Водах славную победу над самими ордынцами. Получилось, что Дмитрий ввязался в тяжелый, затяжной конфликт, длившийся с перерывами целых восемь лет. Маленькое столкновение с Тверью обернулось московско-литовской войной.

С самого начала всё пошло не так. Михаил привел из Литвы большое войско, и пришлось с ним мириться.

Дмитрий рассудил, что, раз не получилось одолеть противника в открытом бою, имеет смысл испробовать традиционное «московское» средство: коварство. И церковь помогла своему верному покровителю в этом неблаговидном деле.

На следующий год Михаила почтительнейше пригласили к митрополиту на разбирательство тяжбы в Москву. Там тверского князя и всю его свиту схватили, да и посадили в темницу.

Но Дмитрий опять плохо рассчитал. В Москву из Орды была направлена своего рода инспекционная поездка, в которой участвовали три ордынских князя. Испугавшись, что придется держать ответ за самоуправство (у Михаила ведь был ханский ярлык на княжение), москвичи отпустили пленников. Правда, в качестве выкупа забрали себе одну тверскую волость.

Расплата за эту невеликую прибыль оказалась дорогой. Михаил побежал к тестю жаловаться, и теперь Ольгерд засобирался в поход уже всерьез.

Этот опытный полководец отлично владел искусством внезапного нападения. Его стремительное вторжение в московские земли застало Дмитрия Ивановича врасплох. Времени собирать большое войско не было.

Ольгерд поочередно разбил посланные против него отряды, причем разгром был тотальным. Погибло несколько вассальных московских князей, немало воевод и бояр. Литовцы шли прямо на Москву, сжигая села и городки. Уже очень давно эти земли не подвергались вражеским нашествиям, и вот Дмитрий необдуманным поступком навлек на свой народ беду.

Надежда оставалась только на каменные стены Кремля. За ними Дмитрий и заперся, предварительно спалив предместья, чтобы литовцам негде было укрыться.

Ольгерд у стен Москвы. *Миниатюра XVI в.*

Тут-то и оказалось, что огромные расходы на новые укрепления были не напрасны. Ольгерд три дня постоял под несокрушимыми стенами, увидел, что крепость не взять, и повернул обратно.

Но кампания была проиграна. Пришлось вернуть Михаилу захваченные владения.

После этого примерно с год Дмитрий отстраивал сожженные дома и копил силы. Летом 1370 года он снова напал на Тверь. Как и прежде, Михаил уклонился от боя, ретировался в Литву – просить помощи.

Однако Дмитрий умел учиться на своих ошибках и на сей раз очень грамотно выбрал момент. Незадолго перед тем Ольгерд потерпел тяжелое поражение в войне с тевтонскими рыцарями, и ему сейчас было не до зятя.

Москвичи основательно похозяйничали на беззащитных тверских землях: дома пожгли, людей и скот перегнали к себе.

Но Дмитрий пока лишь научился выбирать правильное время для начала войны; предвидеть долговременные последствия своих действий он еще не умел.

Настала зима. Ольгерд собрал новую армию, к которой кроме тверской дружины присоединилась еще и смоленская (тамошний князь зависел от Литвы больше, чем от Москвы). Биться с таким большим войском Дмитрий Иванович поостерегся, да и зачем? У него ведь была неприступная каменная крепость. В ней он и заперся – это было мудро.

Ольгерд оказался в тупике. Взять Кремль он не мог, для зимней осады не имел припасов, поэтому был вынужден попросить мира. Михаил смог вернуться в Тверь.

Так закончился очередной раунд этой довольно бестолковой войны – вничью.

Но теперь Михаил понимал, что его в покое не оставят, и решил поискать поддержки с другой стороны: отправился в Орду. Весной 1371 года он вернулся из Сарая, от Мамая, с ярлыком на великое княжение Владимирское, а чтобы Дмитрий не посмел ослушничать, Михаила сопровождал ханский представитель Сары-ходжа.

В прежние времена этого было бы вполне достаточно, чтобы соперник покорился. Но истощенная «Великой Замятней» Орда была уже не та; не та стала и Москва.

Дмитрий Иванович пренебрег ханской волей и Владимира не отдал. Это было совершенно небывалое событие, означавшее коренной перелом в отношениях русских с Золотой Ордой.

Впрочем, до войны дело не дошло. Было использовано верное и привычное средство: подкуп. Дмитрий зазвал к себе Сары-ходжу, умаслил его обильными дарами, и посол пообещал замолвить словечко перед беклярбеком за щедрого московского князя.

Свое обещание посол исполнил. Вскоре Дмитрий наведался в Сарай, задарил там и Мамая, и марионеточного хана, и всех кого только можно, в результате чего вернулся обратно с ярлыком. Следует учесть еще и то, что Мамаю в этот момент было не до русских дел, зато деньги ему пришлись очень кстати – из восточных степей на него надвигался могущественный Урус-хан.

В 1372 году начался новый этап войны между Москвой и литовско-тверским союзом, причем Дмитрий Иванович продемонстрировал новое умение, которого за ним до сих пор не замечалось, – полководческое. На этот раз он не уклонился от боя с литовцами и разгромил их авангард, лично командуя войском. Впечатленный Ольгерд не решился на генеральное сражение. Две армии долго стояли одна напротив другой и в конце концов заключили перемирие на выгодных для Москвы условиях: Михаил должен был очистить несколько волостей.

После этого в 1375 году была еще одна военная кампания, теперь уже последняя. Ее инициатором выступил Михаил, который решил воспользоваться одним удачным для него обстоятельством.

В московском государстве издавна существовала должность тысяцкого, нечто вроде первого министра. Это место на протяжении нескольких поколений занимали представители семейства Вельяминовых, старинного рода, ведущего свое происхождение еще от варягов. Тысяцкий Василий Вельяминов пользовался огромным влиянием и уважением, князь Дмитрий именовал его своим дядей (они действительно состояли в родстве, поскольку мать Донского была из Вельяминовых).

Однако, когда Василий Васильевич умер, государь не сделал его сына тысяцким, а упразднил эту должность, обладавшую слишком большими полномочиями. Должно быть, войдя в возраст и силу, молодой Дмитрий Иванович стал тяготиться своей зависимостью от аристократической партии и решил несколько урезать ее власть.

Иван, сын покойного, воспринял это как страшное оскорбление и уехал из Москвы в Тверь «со многою лжею и льстивыми словами». Вместе с Иваном Вельяминовым к Михаилу переметнулся богатый

купец Некомат по прозванию Сурожанин – то ли он был родом из Сурожа (нынешний Судак), то ли вел торговлю с Крымом.

Вельяминов и Некомат бегут из Москвы. *И. Сакуров*

«Многая лжа», о которой поминает летописец, видимо, заключала в себе какие-то секретные сведения, которые могли опорочить Дмитрия в глазах Орды. Ценных перебежчиков Михаил послал к Мамаю, а сам поехал в Литву договариваться о помощи. Он рассчитывал, что на этот раз Москва окажется под двойным ударом с востока и запада – и не устоит.

План вроде бы сработал. Миссия доносчиков увенчалась успехом. Мамай поверил им, причем оставил Вельяминова при себе, а Некомата со специальным ханским послом отправил к Михаилу, передав ему владимирский ярлык. Пообещал подмогу и Ольгерд.

Обнадеженный, Михаил начал военные действия. Однако вскоре выяснилось, что воюет он в одиночку.

Мамай еще не закончил борьбы с Урус-ханом и никаких войск на Русь отправить не мог. Очевидно, он полагал, что довольно будет отрядить посла, – история с Сары-ходжой беклярбека ничему не научила.

Не торопился, памятуя о поражении 1372 года, и Ольгерд – должно быть, ждал, не выступят ли татары.

Зато Дмитрий Иванович терять времени не стал. Он собрал дружину, призвал удельных князей, заключил союз с новгородцами, давними врагами тверичей, и ударил по Михаилу с разных сторон. Тот засел в своей столице, всё надеясь на подмогу.

Литовцы действительно выступили в поход, однако, узнав, какую большую рать собрала Москва, повернули обратно.

Михаил доблестно оборонялся, отбил приступ и даже сделал удачную вылазку, но скоро понял, что ни от Мамая, ни от тестя помощи не дождется.

Тогда он признал свое поражение и поклонился Дмитрию. По условиям договора Михаил признал себя «младшим братом» московского князя, отказался от всяких претензий на Владимир и Новгород, обязался поставлять Москве войско и – самое главное – расторг союз с Ольгердом, самым опасным противником Дмитрия Ивановича.

Изматывающее противостояние между Москвой и Тверью наконец завершилось.

Я счел полезным пересказать довольно однообразные перипетии этой длинной малоинтересной войны, потому что они дают возможность проследить за эволюцией будущего куликовского победителя, который постепенно превращался из самоуверенного, нерасчетливого юнца в искусного стратега и умелого полководца.

Дело Вельяминова

На истории с Иваном Вельяминовым нужно остановиться подробнее. Она примечательна сразу в нескольких отношениях.

Итак, беглый сын последнего тысяцкого остался в Орде. В последней тверской войне он не участвовал, однако по-прежнему жаждал отомстить своему обидчику. Два года спустя поймали лазутчика, какого-то попа, который по заданию Вельяминова направлялся в Москву с мешком «злых зелеи лютых» – отравить князя. Впрочем, возможно, это было позднейшей выдумкой, призванной очернить Ивана в глазах москвичей.

Дело в том, что вскоре после этого, в 1378 году, Вельяминов попытался тайно проникнуть в Тверь, вероятно, рассчитывая затеять новую смуту, однако попался и был доставлен в Москву на суд.

Событие было беспрецедентное. Как именно проходил суд, мы не знаем. Скорее всего, Дмитрий Иванович решил участь Вельяминова единолично.

Ивана казнили на Кучковом поле, при большом стечении народа, причем «мнози прослезишась о нем и опечалишась о благородстве его и величестве его».

Тут всё было внове. Во-первых, сама публичная казнь, прежде на Руси не практиковавшаяся (в «Русской правде» вообще не было высшей меры наказания). Во-вторых, неслыханным делом была расправа с членом такой важной фамилии. В-третьих, князь не только предал боярина смерти, но перед этим еще и конфисковал его имущество, а это являлось прямым нарушением древнего обычая, согласно

которому боярин, отъезжая к другому властителю, сохранял свои вотчины.

Все эти новшества означали, что отныне воля государя будет стоять выше закона и традиций и что боярам не следует вести себя слишком вольно – поблажки и пощады за преступление не будет.

Внове было и то, что преступлением был объявлен переход к другому князю, прежде бывший в порядке вещей. Так на Руси впервые появилось понятие «государственной измены».

Правда, казнь одного из Вельяминовых не навлекла опалы на других членов этого разветвленного рода. Они продолжали и в дальнейшем занимать в государстве важные военные и административные посты.

Параллельно с тверской войной Дмитрий Иванович вел еще одну, на юго-восточной границе – против Рязани.

Там с 1350 года правил сильный князь Олег Иванович, тоже носивший титул великого и не желавший покоряться Москве. Государство у него было небольшое, географически расположенное неудачно: с одной стороны хищная Орда, с другой – не менее хищная Москва. Но Олег был ловок и гибок, он все время пытался балансировать между двумя противоборствующими силами, примыкая то к одной, то к другой. Несмотря на жертвы, поражения и испытания, этот феноменально живучий феодал сумел продержаться в невозможно трудных условиях более полувека.

Первая публичная казнь за государственную измену. *И. Сакуров*

В 1371 году Дмитрий впервые попытался завоевать Рязань, отправив против нее сильное войско. Олег вступил в бой, но был разбит и еле унес ноги. Его княжество было оккупировано москвичами, однако ненадолго: через два года он вернулся и восстановил свою власть.

Это было лишь самое начало конфликта, который растянется еще на более долгий срок, чем московско-тверской.

Москва бросает вызов Орде

После отпора, данного великому Ольгерду, после победы над Тверью и первых успехов в борьбе с Рязанью, Дмитрий Иванович

почувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов самой Орде.

Русь наконец была готова сразиться за восстановление независимости – после полутора веков существования на положении колонии или вассальной территории. У московского князя имелись веские основания надеяться, что его государство справится с этой величественной задачей.

Во-первых, Москва превратилась в обширную, богатую, хорошо устроенную державу, сильную в военном отношении.

Во-вторых, от гражданских войн заметно ослабела Орда, чем русские князья успешно пользовались. Когда Дмитрий объявил, что будет платить меньше дани, чем прежде, Мамаю пришлось согласиться – в ту пору его противостояние с Урус-ханом находилось в самой острой фазе.

В-третьих, выросли новые поколения русских людей, не ведавшие ужаса перед татарской конницей. Со времен последнего крупного карательного похода Орды на Русь (1293 г.) прошло вдвое больше времени, чем понадобилось Моисею, чтобы его народ забыл о рабстве.

В-четвертых, дал трещину миф о татарской непобедимости – его развеял Ольгерд своей победой в битве у Синих Вод, а Дмитрию, в свою очередь, удалось одолеть и Ольгерда.

В-пятых, в последнее время русские тоже одержали несколько побед над татарами. Победы, правда, были небольшие, но зато свои.

Маленькие победы

Во время «Великой Замятни» некоторые татарские князьки и просто предводители воинских отрядов повадились ходить за добычей в русские приграничные области. Поскольку с точки зрения Сарая это всё были мятежники, им можно было оказывать сопротивление, не опасаясь ханской кары.

В 1365 году князь Тогай, утвердившийся в Мордовии, напал на Рязань, спалил город и увел в полон много мирных жителей. Олег Рязанский настиг врага и разбил наголову, отбив назад пленников и добычу.

Два года спустя другой татарский царек, Булат-Тимур, захвативший Булгарию, вторгся в нижегородскую землю – и тоже был разгромлен в бою тамошним князем.

В 1373 году уже «законные» татары, из Мамаевой орды, решили пограбить рязанские владения. Но в это время княжество было временно занято Москвой, и Дмитрий Иванович преградил хищникам путь: встал на берегу Оки с войском. В бой не вступил, но и на Русь не пропустил – ордынцы ушли с пустыми руками.

Через год русские пошли еще дальше. Ханский посол Сары-ака, которого наша летопись именует Сарайкой, пришел с отрядом в полторы тысячи воинов на нижегородчину. Князь Дмитрий Константинович (тесть Дмитрия Московского) напал на татар и перебил всех без остатка.

В 1376 году произошло нечто уж совсем небывалое: Дмитрий Иванович отправил войско в Булгарию, то есть во внутренние ордынские земли. Русские осадили Казань и вынудили тамошних князей, Асана и Магомет-султана, выплатить большую контрибуцию – пять тысяч рублей, да еще и обложили казанцев данью, оставив в городе своего сборщика податей.

Схватка русских с татарами. *С. Архипов*

Все эти события, каждое из которых по отдельности большой важности не представляло, означали, что ситуация коренным образом переменилась. Отношения Дмитрия Московского с Сараем были безнадежно испорчены. Война стала неизбежной.

Мамай, наконец справившийся со своими соперниками, теперь тоже был готов сразиться за права, которые татары считали своими исконными. С их точки зрения, поведение русских являлось мятежом против законной власти.

Большая война началась в 1378 году с пробы сил.

Мамай начал с нижегородского князя, который несколькими годами ранее истребил отряд «Сарайки».

Дмитрий Константинович был не готов сразиться с таким большим войском и предложил татарам отступного, чтобы они не трогали Нижний Новгород. Но это был не поход за добычей, а карательная экспедиция. Татары выкуп не взяли, город сожгли и разорили его окрестности.

После этого военачальник, мурза Бегич, важный ордынский вельможа, приходившийся родственником самому Мамаю, пошел дальше на запад. Очевидно, он получил задание наказать и рязанцев, и москвичей.

Дмитрий повел себя не как его предки, только радовавшиеся, когда татары истребляли соседей, а как защитник всей русской земли. Он собрал большую рать и встретил татарское войско на рязанской территории, у берегов реки Вожи, притока Оки.

Это было первое крупное сражение русских с монголами за сто сорок лет, после битвы на Сити (1238), где погиб со всей своей дружиной владимирский великий князь Юрий Всеволодович, двоюродный прапрапрадед Дмитрия Ивановича.

Битва на Воже

Татарского военачальника погубила самоуверенность. Очевидно, он был невысокого мнения о боевых качествах русских и о полководческих способностях московского князя.

Несколько дней он постоял на противоположном берегу, видимо, рассчитывая, что русские устрашатся и уйдут сами. Потом Дмитрий Иванович применил довольно простую хитрость – сделал вид, будто отступает, и очистил берег. Это было 11 августа 1378 года.

Вообразив, что противник дрогнул, Бегич немедленно начал переправу, что было весьма неосторожно.

Русские вытянулись подковой, оставив фланги на местах, и, когда мокрая татарская конница, расстроив ряды, стала выбираться на сушу, ударили с трех сторон. Сам Дмитрий атаковал в центре, князь Даниил Пронский и воевода Тимофей Вельяминов – с боков.

Татары не ожидали от русских такого дружного и яростного натиска. Они кинулись назад в воду, многие перетопли. После этого Дмитрий форсировал реку и довершил разгром. В бойне погибли сам Бегич и еще четверо мурз. Весь татарский обоз достался победителям, «А татарове

тако и побегоша еще сущи с вечера и чрес всю нощь бежаху», – с торжеством сообщает летопись.

Битва на реке Воже. *Лицевой летописный свод*

Это была уже не маленькая местная победа над малозначительным татарским отрядом, а серьезный успех русского оружия. Дмитрий прославился на всю Русь и несомненно ощутил прилив уверенности, которая была ему очень нужна, потому что теперь предстояла встреча со всей силой Золотой Орды.

Орда и Русь готовятся к генеральному сражению

«И разгнева же ся зело Мамай и взъярися злобою», – сказано в «Повести о битве на реке Воже». Правитель Золотой Орды начал приготовления уже не к карательному походу, а к полномасштабному нашествию – как во времена Батыя.

У беклярбека, собственно, не оставалось выбора. Главная колония сильно сократившейся в размерах Орды открыто взбунтовалась. Речь шла не столько о наказании мятежников, сколько о выживании степного царства. Оно не могло существовать без русского «выхода», очень важного источника наполнения казны.

После поражения на Воже татарский властитель очень хорошо понял, с каким серьезным врагом имеет дело. К следующему этапу войны он подготовился неспешно и обстоятельно.

Прежде всего Мамай позаботился о союзниках, продемонстрировав недюжинные дипломатические способности. В результате переговоров, продолжавшихся весь следующий год, против Москвы составилась грозная коалиция.

Старый Ольгерд, заклятый враг Дмитрия Ивановича, в 1377 году умер, но новый литовский монарх Ягайло весьма охотно согласился на союз, который должен был раздавить чрезмерно усилившегося восточного соседа. Договорились, что литовцы приведут в донские степи большое войско, соединятся с татарами и потом пойдут на Дмитрия вместе. Всем было ясно, что судьба этой войны решится не маневрированием и не демонстрацией силы, а генеральным сражением.

Третий участник союза, рязанский князь Олег, не мог выставить в помощь Мамаю большой военной силы, зато обеспечивал проход через свои земли и снабжение. Историки спорят о мотивах Олега Ивановича, который, с точки зрения последующих поколений, повел себя как предатель национальных интересов. Преобладает мнение, что Мамай принудил рязанского князя к пособничеству запугиванием. Однако не нужно забывать о том, что для Олега московские агрессоры были опаснее Орды, а понятия «национальных интересов» в ту эпоху еще не существовало. Скорее всего, Рязань была только рада грядущему разгрому Москвы, который в этих обстоятельствах казался неизбежным.

Впрочем, для победы над Москвой ордынскому владыке должно было хватить и собственных сил. Окончание междоусобицы и

восстановление порядка позволило беклярбеку собрать армию, какой у Золотой Орды давно уже не бывало.

В конце XIV века в военном деле возникли новые веяния – всё большее значение стала приобретать регулярная пехота. Хорошо обученные и согласованно действующие копейщики эффективно противостояли тяжелой кавалерии. У татар традиция пешего боя была развита слабо, но, согласно одной из версий, Мамай нанял в Крыму кондотьера, который привел генуэзских наемников *солдати* (от слова soldo – «плата»), лучшую пехоту того времени. Они должны были остановить натиск конной дружины, главной ударной силы русского войска.

И все же Мамай, видимо, был не очень уверен в победе – или же хотел обойтись без потерь. Уже изготовившись к выступлению, он отправил к Дмитрию Ивановичу послов с требованиями, исполнение которых позволило бы избежать сражения. Условия были довольно умеренными. Мамай хотел формального изъявления покорности и выплаты дани в прежних размерах, как было при ханах Узбеке и Джанибеке, – то есть речь шла о восстановлении статус-кво, существовавшего до «Великой Замятни».

Памятник князю Олегу в Рязани. *Скульптор З. Церетели*

Дмитрий на это не согласился (о чем впоследствии ему пришлось горько пожалеть). Желая выиграть время, он отправил к Мамаю собственное посольство, настаивая на соблюдении договоренностей 1375 года, но беклярбек не был расположен играть в дипломатические игры. В августе 1380 года он выступил с войском в поход. Двинулся в путь и Ягайло. Счет пошел на дни.

Пока враг готовился к решающему столкновению, Дмитрий, конечно, тоже не сидел сложа руки. Он присоединил к своей дружине ополчение, заручился поддержкой почти всех князей и собрал –

впервые со времен злосчастной Калкинской битвы – общерусское войско, что само по себе являлось событием огромного значения, свидетельством зарождения нации.

Сбор был назначен на середину августа в Коломне, у рязанской границы. 20-го числа армия выступила в поход. Десять дней спустя переправилась через Оку и 6 сентября достигла берегов Дона.

Князь собрал военный совет, на котором спросил: «Зде ли пакы пребудем или Дон перевеземся?». Это очень характерно для Дмитрия и вообще государей раннемосковского периода – они не принимают ключевых решений, не посоветовавшись с боярами.

Мнения разделились. Одни говорили, что реку нужно форсировать, другие возражали: это слишком опасно, потому что татары наверняка уже соединились с литовцами и рязанцами.

Дмитрий послушался двух литовцев – сводных братьев и заклятых врагов Ягайло, Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского, перешедших на сторону Москвы. По их сведениям, Ягайло еще не успел дойти до Мамаева лагеря, однако находился близко, поэтому времени терять было нельзя. Выдвинули они и еще один веский аргумент: если у русских воинов за спиной будет река, отступать станет некуда, придется биться до последнего.

Переправились.

8 сентября армия вышла на равнину, расположенную между Доном и речкой Непрядвой. Это открытое пространство длиной восемь и шириной шесть с половиной километров называлось Куликовым полем.

С утра в низинах стелился туман, который постепенно рассеялся. Ближе к полудню на дальних холмах показалось татарское войско.

Противники двинулись навстречу друг другу. Начиналось сражение, по своему значению и масштабу не имевшее прецедентов в русской истории.

Победа

Не очень понятно, почему Мамай ввязался в бой, не дождавшись литовцев, находившихся всего в одном переходе. Возможно, татарский полководец не рассчитывал встретить русскую армию на этом берегу Дона, и теперь отступать было поздно.

Битва разворачивалась неспешно.

Сначала, по древнему обычаю, в поединке сошлись два конных богатыря – русский чернец Пересвет, присланный Сергием Радонежским, и татарский витязь, которого наша летопись называет Челубеем. Они кинулись друг на друга с таким пылом, что оба погибли, то ли пронзенные копьями, то ли просто от столкновения. Двойная смерть предвещала ожесточенную и кровопролитную схватку. (Впрочем, не исключено, что этот картинный поединок является позднейшей легендой.)

Поединок Пересвета с Челубеем. *М. Авилов*

Утро на Куликовом поле. *А. Бубнов*

Авангарды («сторожевые полки») армий сошлись лоб в лоб, причем Мамай по монгольскому обычаю руководил войсками из своей ставки, а Дмитрий Иванович, по обычаю русскому, сражался в первых рядах, подавая воинам пример храбрости. Личной смелости Донскому было не занимать.

После первой сшибки князь вернулся под свое знамя и передал командование воеводе Михаилу Броноку, заодно нарядив его в свои золоченые доспехи. Сам же надел обычную кольчугу и дальше бился с мечом в руке, как рядовой воин. В этом странном с полководческой точки зрения решении, вероятно, проявилась набожность Дмитрия Ивановича, который счел, что уже сделал всё возможное; теперь остается лишь смиренно довериться Божьей воле.

В самом деле, после того как сражение началось, изменить что-либо было уже трудно. Единственное тактическое распоряжение, в конечном итоге определившее исход баталии, Дмитрий Иванович сделал заранее: еще до подхода татар разместил в дальней роще близ берега Дона отборный отряд под командованием своего двоюродного брата Владимира Серпуховского и опытного военачальника, безземельного князя Дмитрия Боброка, родом из Волыни, то есть из литовских краев. Вроде бы не бог весть какая хитрость, но для

военного искусства той эпохи – настоящий прорыв. Во всяком случае Мамай от русских ничего подобного не ждал.

Основное сражение началось после полудня и длилось часа четыре. «И много руси побиени быша от татар, и от руси – татаре. И паде труп на трупе, паде тело татарское на телеси христианском; индеже видети бяше русин за татарином гоняшеся, а татарин русина стигаше». Летопись рассказывает, что многие погибали не от оружия, а под конскими копытами или просто от ужасной тесноты. Под князем Дмитрием были убиты одна за другой две лошади.

В седьмом часу дня стало ясно, что ордынцы одерживают верх. Сказывалось отсутствие опыта и выучки у ополченцев, составлявших большинство русского войска. Некоторые пустились в бегство, татары их преследовали. Описание этого момента битвы – самый драматичный пассаж «Сказания о Мамаевом побоище», подробного описания событий, составленного в начале следующего столетия: «Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские, и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены, – так звучит этот рассказ в переводе на современный язык. – И самого великого князя ранили сильно, и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще…».

Всё это время засадный полк не трогался с места, что, конечно, требовало от его командиров огромной выдержки. Менее опытный Владимир Серпуховской рвался в бой, но Боброк-Волынский его удерживал, говоря, что время еще не пришло и что сильный ветер дует воинам в лицо (это имело большое значение для стрельбы из луков). Но вот направление ветра переменилось, и Боброк дал приказ атаковать.

Удар во фланг свежими силами застал усталых татар врасплох и разом повернул ход событий. В ордынском войске началась паника. Мамай сразу понял, что битва проиграна, и вместе со своими приближенными пустился в бегство. Разбитая армия последовала за своим командующим. Русская конница гнала врага на протяжении тридцати километров и захватила татарский лагерь со всеми припасами.

Победа была сокрушительной, но это была Пиррова победа.

Вернувшись после преследования, Владимир Серпуховской «стал на костях» (то есть посреди усеянного трупами поля) и велел дудеть в

трубы, созывая уцелевших. Собрались немногие, и среди них не оказалось ни Дмитрия Ивановича, ни командующего Михаила Бренока. Последний был вскоре найден мертвым, а великого князя искали долго и в конце концов обнаружили под срубленным деревом без сознания, в иссеченных доспехах. Он оказался жив и ранен не так уж серьезно. Государя привели в чувство и сообщили ему о великой победе.

Понадобилось целых восемь дней, чтобы похоронить павших, причем на татарские тела времени не тратили: «Христианскаа телеса в землю покопаша, а нечестивых телеса повръжена зверем и птицам на расхыщение».

Схема Куликовской битвы. *М. Руданов*

Споры о цифрах

Летописные сведения о числе воинов, участвовавших в Куликовской битве, противоречивы и – все без исключения – сильно преувеличены. Значение события для Руси было очень велико, и хроникерам хотелось его еще больше возвысить, а

точных подсчетов, особенно если войско было разномастным и многосоставным, в ту эпоху не вели.

«И от начала миру не бывала такова сила рускаа князей руских, якоже при сем князи беаше. А всее силы и всех рати числом с полтораста тысящ или с двесте», – сказано в летописной повести о Куликовской битве. Другие источники доходят до трехсот и даже до четырехсот тысяч. Еще более фантастичны предположения о «полчище» Мамая – ведь чем больше размер разгромленной вражеской армии, тем славнее победа.

В отечественных учебниках истории обычно писали, что татар было триста тысяч, а русских – сто пятьдесят. Однако уже С. Соловьев в середине позапрошлого столетия относился к таким цифрам скептически: «Относительно числа войск в описываемое время у нас еще менее точных известий, чем даже в период предшествовавший. Правда, мы имеем известие о числе русского войска, сражавшегося на Куликовом поле, но это известие почерпнуто из украшенных сказаний, и есть еще другие причины сомневаться в его верности».

Правдоподобные сведения, иногда всё же встречающиеся в хрониках XIV–XV столетий, создают совсем иное представление о реальной численности участников тогдашних битв.

Например, в новгородской летописи описана «сеча большая» между немцами и псковитянами, состоявшаяся в мае 1343 года близ Нового Городка (Нейгаузена) в Прибалтике. Русские помолились Святой Троице, поклялись не опозорить отцов, простились друг с другом – и одолели немцев. В сражении с нашей стороны погибло семнадцать человек.

Тот же С. Соловьев приводит данные о другом крупном сражении, уже из эпохи междоусобиц Василия Темного (первая половина пятнадцатого века) – между новгородцами и объединенным войском московского, можайского, верейского и серпуховского князей: армия республики, «великая вельми»,

насчитывала 5000 воинов; с другой стороны бились полторы тысячи человек.

Конечно, в Куликовской баталии участников было намного больше, ведь сошлись вся мобилизованная ордынская сила и ополчение, собранное из многих русских областей, но всё же некоторые известные подробности сражения исключают счет на сотни тысяч.

Если верны сведения о том, что важным компонентом татарской армии была генуэзская пехота, вряд ли многочисленная (с учетом относительной малонаселенности итальянского Крыма), это косвенно подтверждает неастрономические размеры Мамаева войска. Точно так же «засадный полк» Боброка-Волынского, решивший участь битвы, не сумел бы оставаться незамеченным в течение долгого времени, если б был очень велик. В прибрежном бору вряд ли спрятались бы больше одной-двух тысяч дружинников – иначе ими было бы невозможно управлять.

Многие историки пытались сделать реалистичную, обоснованную оценку действительных масштабов Куликовского сражения. Приведу одно такое суждение, принадлежащее Г. Вернадскому. Основываясь на данных татарской переписи русского населения и некоторых логических выводах (сроках мобилизации, необходимости поддержания гарнизонов, обеспечения коммуникаций и т. п.), он приходит к выводу, что у Дмитрия Донского было максимум 30 000 воинов – и примерно столько же у Мамая.

В «Сказании о Мамаевом побоище» есть любопытный эпизод, из которого можно заключить, что русских было больше, чем татар. К Мамаю возвращаются разведчики и сообщают, что «князей русскых въинство четверицею болши нашего събраниа». «Он же нечестивый царь, разжен диаволом на свою пагубу, крикнув напрасно, испусти гласу: «Тако силы моа, аще не одолею русскых князей, то како имам възвратитися въсвоаси? Сраму своего не могу тръпети».

Но даже если у Дмитрия Ивановича и было количественное преимущество, это никак не умаляет его славы. Русское войско, в основном состоявшее из пеших,

бескольчужных, непривычных к бою ополченцев, в качественном отношении сильно уступало татарскому, и столь убедительная победа над ним была сродни чуду.

Не менее затруднительно определить количество жертв. Ясно лишь, что оно было громадно. Русское войско, по разным данным, потеряло от половины до двух третей своего состава – ужасная и даже, казалось бы, маловероятная пропорция. Убитых ратников, конечно, никто не считал, однако известно, сколько погибло людей именитых. Судя по этому перечню, данные о людских потерях русской армии не так уж преувеличены. Из двадцати трех князей пали двенадцать и почти пятьсот бояр, лишь некоторые из которых перечислены, «а прочих бояръ и слуг оставих имена и не писах множества ради имен, яко число превъсходит ми, мнози бо на той брани побиени быша».

Если такова была убыль в победившей армии, то разгромленные татары в ходе сражения и преследования безусловно потеряли еще больше людей. Мамай вернулся из похода всего с горсткой всадников, а номинальный хан Золотой Орды юный Мухаммед Булак, видимо, был убит в бою или во время погони – с этого момента его имя из хроник исчезает.

«Сказание о Мамаевом побоище»

Неизвестно, выдержала ли бы ослабленная потерями русская армия еще одну битву – с литовцами, находившимися совсем близко, однако те были так потрясены разгромом союзника, что поспешили убраться. С ними бежал и оставшийся без покровителей Олег Иванович, которому Дмитрий разрешил вернуться лишь после того, как рязанский князь согласился признать себя московским вассалом.

Таким образом, Куликовская битва стала не просто победой в сражении, но и победой во всей войне, которая грозила Руси полным уничтожением.

Однако значение виктории, одержанной 8 сентября 1380 года, этим не ограничивалось. Разбив в генеральном сражении главные силы Золотой Орды, русские навсегда избавились от застарелого страха перед монгольским оружием. Казалось, полуторавековому владычеству татар теперь наступит конец.

Если бы это случилось, независимое русское государство воскресло бы намного раньше, чем это произошло в действительности,

и наша история наверняка сложилась бы иначе.

Однако освобождение произойдет еще очень нескоро.

Поражение

Великая, небывалая победа вскоре обернулась тяжелым поражением. Орда сохраняла свою власть над Русью еще целый век после Куликовской битвы, которая осталась славным и психологически важным, но, в общем, бесплодным эпизодом русской истории.

Рассказывать о том, что последовало за триумфом 1380 года, очень обидно. Слишком уж легко, почти без сопротивления была обесценена победа, давшаяся огромным напряжением сил и большой кровью. Такое ощущение, что все силы возрождающейся страны были потрачены на один подвиг, а на дальнейшую борьбу энергии уже не осталось.

Очередность событий была следующая.

Все радовались великому чуду и оплакивали погибших. Князь Дмитрий, вошедший в историю под прозванием Донского, наслаждался славой. «И бысть тишина в Руской земли. И тако врази [враги] его посрамишася. Иныя же страны, слышаще победы даныа ему на врагы от Бога, и вси под руце его поклонишася», – сказано в «Житии».

Однако врази посрамишася ненадолго, а тишина очень скоро нарушилась. Не прошло и двух лет, как произошла катастрофа, причины которой через столько веков проанализировать не так просто.

Должно быть, Дмитрий Донской, почивая на лаврах, проявил излишнюю самоуверенность и беспечность – не ожидал, что татары оправятся от ужасного поражения так быстро.

Кроме того, из-за огромных потерь в Куликовской битве существенно ослабела военная мощь Руси. Погибло множество храбрых воевод и воинов, заменить их было некем.

Главная же причина, как мне кажется, заключалась в том, что великий князь с недостаточным вниманием следил за перипетиями внутритатарской борьбы за власть – или же неверно оценил ее результат.

После разгрома Мамай, положение которого в Орде и так было двусмысленным (то ли беклярбек, то ли узурпатор), едва не лишился

власти, но всё же сумел одолеть своих противников, поскольку был вождем решительным и энергичным. Более того, он начал собирать новое войско, чтобы снова идти на Русь и взять реванш.

Но здесь на Мамая обрушилась напасть с другой стороны. Молодой хан Тохтамыш, вассал Тамерлана, захвативший земли Урус-хана, захотел прибрать к рукам и Золотую Орду. Еще не оправившийся от Куликовского поражения Мамай представлялся Тохтамышу не особенно опасным противником.

Битва между двумя армиями состоялась в 1381 году на реке Калке, совсем неподалеку от рокового для Руси места. Мамай был разбит, потерял власть над Ордой и бежал в Крым, к генуэзцам. Те сначала приняли беглеца, а потом умертвили. Скорее всего, Мамая погубило то, что он успел увезти из Сарая свою казну. На нее-то генуэзцы и позарились. Русский летописец прокомментировал гибель свергнутого ордынского правителя философски: «И так окончилось во зле зло Мамаевой жизни».

Вероятно, именно в этот момент Дмитрий Донской решил, что опасности больше не существует: грозный враг уничтожен, а с Тохтамышем у Москвы конфликта не было. В ту эпоху воевали друг другом не страны или народы, а государи, поэтому Дмитрий Иванович считал своим врагом не татар, а конкретного предводителя. И вот его не стало.

Но с победой Тохтамыша расстановка сил кардинально изменилась, и не в лучшую для Руси сторону.

После более чем двадцатилетнего раскола бывший улус Джучи вновь объединился; его западная и восточная части воссоединились, так что Золотая Орда теперь занимала ту же территорию, что в период своего расцвета.

К тому же новый хан был личностью очень сильной – и, в отличие от Мамая, принадлежал к царскому роду, так что мог править от своего собственного имени.

Совершенно естественно, что Тохтамыш, поставив задачу воссоздания золотоордынской державы в ее прежних пределах, не мог допустить, чтобы главная татарская колония, Русь, была независимой.

Когда хан известил Дмитрия Донского о своем воцарении, московский князь прислал ему подарки и поздравления (вне всякого

сомнения, искренние), однако явиться на поклон, чтобы попросить ярлык, и не подумал. Дмитрий Иванович вел себя с новым ордынским государем, как равный с равным.

Даров и поздравлений Тохтамышу было недостаточно. Он отправил в Москву посла с требованиями признать власть Орды и платить дань. Посла не пустили дальше Нижнего Новгорода.

Тогда хан понял, что увещеваниями от Дмитрия ничего не добьешься, проблему можно решить только силой. И стал готовиться к войне, внешне никак не проявляя враждебности. Куликовская битва показала, что, если Руси дать время на мобилизацию, одолеть ее будет трудно.

Тохтамыш был мастером внезапных ударов, не раз приносивших ему победу. Он сумел скрытно собрать большую армию и выступил в поход, не объявляя войны. В «Повести о нашествии Тохтамыша», которая, разумеется, начинается с рассказа об очередном скверном небесном предзнаменовании («звезда некаа, аки хвостата и аки копейным образом»), о тактике татарского полководца говорится: «Ведяше же рать внезапу из невести умением тацем [таким] злохитрием – не дающи вести преди себе, да не услышано будет на Руси устремление его».

Тохтамыш под Москвой (обратите внимание на пушку). *Миниатюра XVII в.*

Пограничные русские княжества были застигнуты врасплох. Не только Олег Рязанский, давний враг Дмитрия Донского, но даже его тесть Дмитрий Суздальско-Нижегородский склонились перед

Тохтамышем: первый дал ему проводников, указал броды через Оку и тем самым уберег свои земли от разорения; второй отправил в татарский стан двух своих сыновей. Тверской князь Михаил, хоть и находился в стороне от пути следования Тохтамыша, предпочел занять нейтральную позицию.

Москва осталась одна.

Полный успех нападения объяснялся не только его неожиданностью, но и растерянным, даже малодушным поведением куликовского триумфатора.

Дмитрия будто подменили. Кажется, что стремительная вражеская атака парализовала великого князя, лишила его воли.

Вступить с татарами в сражение он и не пытался – для этого у него было слишком мало воинов. Но Дмитрий не остался и за каменными стенами Кремля, как делал прежде, во время нашествий Ольгерда, хотя у Тохтамыша осадной техники с собой не было – она замедлила бы скорость конного рейда.

Донской поспешно отступил к Костроме, бросив в Москве жену Евдокию Дмитриевну и митрополита Киприана. Возможно, князь рассчитывал, что этим укрепит волю гарнизона к сопротивлению, но расчет оказался неверным. Бегство государя повергло горожан в уныние. «Бяху людие смущени, яко овца, не имуще пастуха», – говорит летопись.

Когда великая княгиня с митрополитом и знатными людьми тоже захотели покинуть столицу, там начались беспорядки. Москвичи убили некоторых бояр, пограбив их имущество, и затворили крепостные ворота. После долгих уговоров выпустили только княгиню и митрополита, но вынудили их оставить казну. Евдокия отправилась к мужу, а Киприан, возмущенный поведением Донского, отъехал в другую сторону – в Тверь (и вплоть до конца правления Дмитрия Ивановича в Москву уже не возвращался).

Город остался без военачальника, предоставленный собственной участи. Своим боярам москвичи теперь не доверяли и поставили воеводой чужака – литовского князя Остея, кажется, Ольгердова внука, который не побоялся в это грозное время приехать в Москву. Остей кое-как приготовился к обороне (обычным образом – сжег посады) и частично восстановил порядок, хотя бесчинства и грабежи прекратились не полностью.

23 августа 1382 года к Москве подошли передовые отряды татар. Спросили, на месте ли Дмитрий. Узнали, что князя нет, но не ушли, а осмотрели окрестности и стали ждать подхода основных сил: «И пакы стояху, зряще на град».

Москвичи осмелели, вообразив, что это и есть всё вражеское войско. Начали бахвалиться со стен, насмехаться над татарами, «некаа словеса износяще, исплънь укоризны и хулы». Но назавтра подошел Тохтамыш со всей ордой, и веселье прекратилось.

Сразу же началась осада, продолжавшаяся без перерыва три дня и три ночи. Татары вели обстрел, нанося гарнизону немалый урон: «одоляху бо татарскыа стрелы паче, нежели гражанскыа [городские], бяху бо у них стрелци горазди вельми». Москвичи в долгу не оставались – отстреливались из самострелов, камнеметов и даже «тюфяков», то есть пушек или ружей, которые здесь упоминаются русскими летописцами впервые. Когда осаждающие попытались штурмовать стены, приступ был отбит.

На четвертый день Тохтамыш понял, что каменной крепости не возьмет или же что это слишком дорого ему обойдется, и сменил тактику. Хан отправил в город парламентеров, обещая уйти, если ему дадут выкуп, притом скромный («малые дары»). Здесь-то и пригодились сыновья нижегородско-суздальского князя, которых москвичи, по-видимому, хорошо знали – ведь они были родными братьями великой княгини.

Княжичи поклялись, что хан гневается только на Донского, а против Москвы зла не держит. Если жители окажут ордынскому владыке почтение и поклонятся ему, он уйдет и не причинит городу вреда.

Оборона Москвы от Тохтамыша. *А. Васнецов*

Князь Остей при всей своей храбрости, видимо, большим умом не отличался. Он не только открыл ворота, но и вышел за стены сам, во главе торжественной процессии.

Татары накинулись на князя и воевод, всех их перебили и ворвались в город. Произошла чудовищная резня. Тохтамыш хотел не просто наказать Москву, а уничтожить ее. Горожан убивали без разбора: «ти вси посечени бышя, а друзии огнемь изгореша, а инии в воде истопоша, а инии множайшии от них в полон поведени быша и в работу поганскую [языческое рабство]».

Потом победители разграбили дома и церкви, забрали княжескую и митрополичью казну. Напоследок город был предан огню, в котором, о чем особенно скорбит летописец, погибло множество книг. «Была Москва град велик, град чюден, град многочеловеченъ… – и видети его нечего, разве токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупиа мертвых многа лежаща, и святыа церкви стояще акы разорены, аки осиротевши, аки овдовевши».

Добившись того, чего хотел, Тохтамыш повернул назад, на обратном пути все-таки ограбив княжество рязанское – видимо, Олег Иванович помогал татарам меньше, чем они требовали.

На этом короткая война, собственно, и закончилась. Донской то ли не собрал достаточно войск в своей Костроме, то ли совсем пал духом. К тому же, узнав о сожжении Москвы, осмелел тверской князь Михаил. Он отправил к Тохтамышу посольство с дарами и в награду получил подтверждение своего ярлыка.

Обесславленный, брошенный всеми союзниками, Дмитрий вернулся на московское пепелище и стал хоронить покойников. Известно, что средства на погребение он выделил из расчета по рублю на 80 тел и потратил 300 рублей. Значит, при взятии города погибло 24 тысячи человек, а скольких татары угнали в неволю – неизвестно.

Единственное утешение, которое Донской мог позволить себе в этих условиях, – месть Олегу Рязанскому. Это было нетрудно и безопасно, поскольку тот тоже пострадал от нашествия и лишился ордынского покровительства. Московские отряды прошли по татарскому следу и опустошили Рязанщину еще раз.

После этого Дмитрий Иванович смиренно запросил у Тохтамыша мира.

Мир был дарован, но на очень тяжелых условиях. Во-первых, пришлось выплатить тяжкую контрибуцию – по полтине с каждого селения. Во-вторых, был восстановлен «выход», да не по мамаевской ставке, а по прежней, времен хана Джанибека (если учесть, что население после войны сильно сократилось, подушно пришлось платить чуть не вдвое больше). В-третьих, Русь вновь обложили рекрутской повинностью – мужчины должны были отправляться в Орду и служить в армии Тохтамыша. Княжича Василия, наследника, забрали в Сарай заложником.

В общем, горе побежденным.

Итоги правления Дмитрия Донского

Последние годы княжения Дмитрия Ивановича были печальны. Не будет преувеличением сказать, что этот монарх после всех свершений и

побед оставил государство в очень тяжелом, даже критическом состоянии.

Соседние князья вышли из московского подчинения. Правители Твери, Рязани и Суздаля перестали признавать Дмитрия «старшим братом». Даже с дважды разоренной Рязанью московский князь совладать уже не мог. В 1385 году Олег Иванович накопил сил и сам, первым, напал на Донского. Захватил Коломну, разбил Дмитриеву дружину в бою и чуть не взял самое Москву.

Донской был вынужден умолять рязанского князя о мире – еще несколько лет назад такая ситуация была бы совершенно невообразима. Олег Иванович ни в какую не соглашался. Положение, как я уже рассказывал, спас престарелый Сергий Радонежский, который по просьбе Дмитрия покинул свою обитель и уговорил рязанского князя сменить гнев на милость. Донской был вынужден отдать свою дочь за Олегова сына.

Единственным успешным предприятием Донского в этот унылый период можно считать поход 1386 года на Новгород – но не для завоевания, а по необходимости: новгородцы задержали выплату ордынского «выхода», а отвечать за это перед Ордой должен был великий князь. Дмитрий Иванович собрал войско и заставил республику выплатить неустойку в размере 8000 рублей. Этим не слишком славным походом военная карьера куликовского героя и завершилась.

Умер Дмитрий в 1389 году, не дожив до тридцати девяти. В «Житии» его кончина описывается следующим образом: «Разболеся и прискорбен бысть вельми, потом же легчае бысть ему; и паки [снова] впаде в большую болезнь и стенание прииде к сердцю его, яко торгати внутрьним его, и уже приближися к смерти душа».

Памятник Дмитрию Донскому в Коломне. *Скульптор А. Рукавишников*

Из отечественных историков к Дмитрию Ивановичу безжалостней всех Н. Костомаров, который винит в катастрофе 1382 года, уничтожившей надежду на освобождение, единственно малодушие великого князя и заявляет: «Княжение Димитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа».

Это утверждение слишком категорично хотя бы потому, что, как уже говорилось, психологическое значение Куликовской битвы оказалось важнее ошибок и несовершенств Дмитрия Донского, а память об этой победе в конце концов позволила Руси скинуть татарское владычество без нового кровопролитного сражения. Однако,

если смотреть на ситуацию не в исторической перспективе, а в рамках 1380-х годов, выходит, что Костомаров прав.

Правление Донского не просто не привело к избавлению от чужеземного господства (хотя шанс на это был), но отбросило Москву, а вместе с нею Русь как минимум на полвека назад – во времена, когда о независимости не приходилось и мечтать.

Альянс русских земель распался. Нужно было заново начинать трудную работу по сплочению других княжеств вокруг Москвы.

Нарушился и союз с церковью. Митрополит переехал сначала в Тверь, а затем, поскольку по титулу он продолжал именоваться «киевским», и еще дальше, в Киев, находившийся под властью Литвы. Это было очень чувствительным ударом по авторитету и значению Москвы.

Столица Дмитрия Донского лежала в руинах, ее нужно было отстраивать заново. Обезлюдевшие села требовалось заселить новыми жителями. Всё это стоило больших денег, а казна была пуста.

В конце 1380-х годов казалось, что централизованного государства на Руси в обозримом будущем возникнуть не может, а времена Москвы заканчиваются.

Как ни странно, от окончательного падения Москву спас тот самый человек, который нанес по ней тяжкий удар: Тохтамыш.

В 1382 году Михаил Тверской, бывший у хана в милости за свою лояльность, стал просить ярлык на владимирское великое княжение. Если бы просьба была удовлетворена, вполне возможно, что Москва уже не оправилась бы и политический центр Руси переместился бы в Тверь. Однако Тохтамыш поступил на первый взгляд странно: подтвердил права Михаила на его собственное княжество, но Владимир оставил за опальным Дмитрием Донским.

Впрочем, ничего странного в этом решении не было. В ходе войны Москва была приведена в ничтожество и ослаблена, Тверь же осталась нетронутой. Хан вовсе не хотел, чтобы Михаил Александрович сделался еще сильней. Кроме того, Дмитрий Иванович, с точки зрения Тохтамыша, был виноват лишь в одном проступке: что не пустил на Русь ордынского посла. В боевых действиях близ Москвы князь не участвовал, а победа над татарами в Куликовской битве скорее шла ему в плюс – ведь он разбил злейшего Тохтамышева врага Мамая.

В результате Дмитрий Донской хоть и был разорен войной, но сохранил все свои обширные владения. После его смерти раны Москвы постепенно зажили, город отстроился, потихоньку начал возрождаться, а вместе с ним поднялась и вся Русь. Без новых военных побед над татарами, без выдающихся правителей и великих свершений – словно бы по волшебству, как феникс из пепла.

И действительно, без чудес не обошлось.

Русские авторы очень любят сетовать на беды и злосчастья исторической судьбы своего отечества. Злосчастий в самом деле хватало. Но справедливости ради следует заметить, что произошло и немало счастливых случайностей, когда стране исключительно, почти сказочно везло.

В описываемый период таких подарков Фортуны (некоторые из них церковь объявит Чудом Божьим) случилось, один за другим, сразу три.

Чудо первое

Придется на время вернуться к делам внутритатарским. После гибели Мамая здесь остались два сильных лидера – Тамерлан в Самарканде и Тохтамыш в Сарае (еще один, Едигей, пока держался тихо, оставаясь в тени Железного Хромца).

Царство Тамерлана, хоть еще не превратилось в паназиатскую империю, но уже простиралось от границ Китая до Каспия. Правда, великий завоеватель находился на значительном расстоянии от русских границ. Зато Тохтамыш, который, объединив Золотую Орду, сделался соперником своего бывшего сюзерена, был рядом и держал Русь в трепете.

При всех своих ошибках Дмитрий Донской безусловно был выдающимся государственным деятелем, чего никак не скажешь о его преемниках, правителях слабых, недаровитых и к тому же (в отличие от преемников Ивана Калиты) правивших очень подолгу. Два следующих московских монарха в общей сложности просидели на престоле семьдесят три года.

Особенно бесцветен был первый из них, Василий Дмитриевич (1389–1425), и если при нем Москва не погибла, причиной тому было внешнее обстоятельство: на грозного Тохтамыша сыскалась управа.

Тимур давно уже был недоволен своим вассалом, которому доверил управление царством побежденного Урус-хана. После восстановления власти над Русью золотоордынский хан стал вести себя вызывающе. Он подчинил себе Хорезм, стал претендовать на Азербайджан, начал вести переговоры с египетскими мамелюками, враждовавшими с Тамерланом, и даже посмел чеканить монету со своим именем, что было равносильно декларации независимости.

Войско Тамерлана в сражении. *Персидская миниатюра XVI в.*

В 1385–86 годах Тохтамыш предпринял большой поход в Персию, входившую в зону влияния Тамерлана. Точно таким же приемом, как в 1382 году Москву, – неожиданным рейдом – хан захватил и сравнял с землей главный персидский город Тебриз.

Здесь терпение среднеазиатского властителя лопнуло, и на следующий год он пошел на Тохтамыша войной. Армии встретились в Дагестане, но сражение закончилось вничью. Осторожный Тимур решил отступить. Началась затяжная война, поглотившая все силы Тохтамыша, которому теперь стало не до Руси.

Он нанес удар по врагу с другой стороны – через Волгу, реку Урал и великую пустыню на Мавераннахр, самое сердце Тимуровой державы. Дошел до Бухары, но взять хорошо укрепленный город не сумел и отступил.

В ответ Тамерлан разорил Хорезм и уничтожил богатый город Ургенч, центр караванной торговли.

На следующий год в наступление опять перешел Тохтамыш, который вторгся в Среднюю Азию с сильным войском, включавшим в себя и отряды русских вассалов. Близ реки Сыр-Дарьи состоялось большое сражение – и снова, как в прошлый раз, не выявило победителя, но если на Кавказе отступил Тамерлан, то теперь отойти пришлось золотоордынскому хану.

Следующий этап войны двух татарских исполинов состоялся в 1391 году, когда Тамерлан повел на противника свои основные силы (как уже говорилось, он мог мобилизовать чуть ли не двести тысяч воинов). У Тохтамыша столько людей не было, он попятился, но Железный Хромец настиг его на Волге, близ нынешней Самары и разгромил.

Это была победа, но еще не окончательная. Тохтамыш потерял всю восточную половину своих владений, но сохранил Сарай и Поволжье, а значит, и власть над Русью. Более того, очень скоро этот упорный полководец собрал новое войско и вторгся на Кавказ. Война возобновилась.

Княжич Василий, содержавшийся в Орде заложником, еще в 1386 году воспользовался ситуацией и сбежал – не к отцу, что было бы слишком опасно, а в Валахию и оттуда в Литву, где в то время утвердился Витовт. Великий князь Литовский, соперничавший со своим

кузеном, новоиспеченным польским королем Ягайло, нуждался в союзниках. Он обручил с московским наследником свою шестнадцатилетнюю дочь Софью и помог ему вернуться на родину. В 1389 году, когда умер Дмитрий Донской, Василий без осложнений получил ярлык – Тохтамыш был теперь не в том положении, чтобы ссориться с Москвой.

После поражения 1391 года хану пришлось в корне изменить всю свою русскую политику. Принцип «разделяй и властвуй», согласно которому Тохтамыш старался сохранить равновесие между четырьмя сильными княжествами (московским, тверским, нижегородским и рязанским), больше не соответствовал золотоордынским интересам. Хан сделал ставку на самую большую из русских автономий, отдав предпочтение Василию Дмитриевичу. Тот не преминул этим воспользоваться и попросил отдать ему Нижний Новгород. Приехал в ханскую ставку с щедрыми подношениями – и получил ярлык. (Как именно Москва захватила нижегородское княжество, я расскажу позже.)

Столь же легко Тохтамыш отдал Василию еще несколько менее крупных удельных владений.

Так в начале девяностых годов Москва вновь стала подниматься и расти – исключительно благодаря выгодам позиции «третьего радующегося».

А в 1395 году Русь вдруг вообще освободилась от своего угнетателя.

Тамерлан опять выступил со всей своей армией на Золотую Орду и в сражении на реке Терек нанес Тохтамышу поражение, от которого тот уже не оправился. Как мы увидим, он долго еще вел борьбу, но из Сарая ушел и больше туда не вернулся.

Один хищник, дальний, избавил Русь от другого, ближнего. Разве это было не чудо?

Чудо второе

В первое время после разгрома Тохтамыша, правда, показалось, что вместо одной беды на Русь пришла другая, еще худшая.

Расправившись со сторонниками изгнаного хана, Тамерлан не вернулся в центральную Азию, а двинулся на север.

Он явно намеревался провести новую кампанию, на сей раз против Руси.

Решение было вполне логичным. Преемники Тохтамыша вполне могли вновь оказаться в конфликте с Тамерланом, и оставлять нетронутой главную колонию, которая снабжала бы их материальными и людскими ресурсами, было недальновидно.

Страшней всего то, что «Меч Ислама», кажется, намеревался не завоевать Русь, которая находилась слишком далеко от его державы, а уничтожить: дочиста разорить весь край и умертвить как можно больше жителей. Если бы Тимур осуществил свой план, исход был бы ужасней, чем во времена Батыева нашествия.

А силы, которая могла бы помешать Хромцу, не существовало. Его армия не имела себе равных во всем мире по численности и боевым качествам. Оставив десятичный принцип организации, введенный еще Чингисханом, Тамерлан ввел множество усовершенствований, соответствовавших новой эпохе.

Войско делилось на семь корпусов, каждый из которых следовал собственным маршрутом, причем два все время оставались в резерве, при главнокомандующем, и он быстро перебрасывал их туда, куда требовалось. Победить Золотую Орду великому полководцу помогло то, что он отказался от сугубо кавалерийского состава армии и завел у себя хорошо обученные пехотные части. От атак конницы пехоту защищали саперы, рывшие перед полками траншеи и ловушки.

У дружин и ополчения русских князей было мало шансов выдержать удар Тимуровой махины.

И уж нет совсем никаких сомнений, что, вторгнувшись в русские земли, Тамерлан превратил бы их в выжженную и безлюдную пустыню. Опыта в таких делах у него хватало.

Жестокость Железного Хромца

Имя «Тамерлан» недаром стало в истории нарицательным. Подобно Чингисхану, этот завоеватель использовал массовый террор как обычное средство психологической войны, деморализации противника, но заходил в зверствах еще дальше.

История походов Тимура изобилует рассказами о массовых казнях, которым он подвергал целые города, чтобы покарать их за непокорность или просто уничтожить, поскольку они чем-то ему мешали.

Во время персидской кампании 1387 года он занял Исфахан и поначалу обошелся с городом довольно милостиво, поскольку гарнизон капитулировал без сопротивления. Однако вскоре жители восстали, недовольные слишком обременительной данью, и убили сборщиков налогов. Летописец Гийасаддин Али цветисто пишет: «Они перебили отряд войска его величества, что был вне города, крепко заперли ворота, высунули руки из рукава бунта, а ноги поставили на арену сопротивления его величеству». Тогда Тимур приказал перебить всё население. «Столько пролилось крови, что воды реки Зиндаруда, на которой стоит Исфахан, вышли из берегов, – сказано далее в хронике. – Из тучи сабель столько шло дождя крови, что потоки ее запрудили улицы. Поверхность воды блистала от крови отраженным красным цветом, как заря в небе, похожая на чистое красное вино в зеркальной чаше. В городе из трупов нагромоздили целые горы, а за городом сложили из голов убитых высокие башни, которые превосходили высотою большие здания». Всего таких башен получилось двадцать восемь, в каждой по полторы тысячи голов, а общее число погибших составило не то сто, не то двести тысяч человек.

Во время индийского похода (1398) «Меч Ислама» и вовсе не церемонился, поскольку имел дело с «неверными». Около ста тысяч индийских воинов, сдавшихся Тимуру в плен, были перебиты. В Дели резня продолжалась три дня и три ночи. Здесь победители тоже воздвигли множество башен из мертвых голов. Лишь век спустя население города достигло численности, какую имело до нашествия.

Той же участи в 1401 году Хромец подверг Багдад. Каждый воин получил приказ принести по две отрубленных головы – и выполнил его.

Вот какая судьба ожидала Русь и русских.

Башня из голов. *И. Сакуров*

В июле 1395 года полчища Тамерлана добрались до Рязанской земли. Без труда взяли Елец, убив тамошнего удельного князя и умертвив либо угнав в плен поголовно всех обитателей.

Василий Московский собрал кого мог, выступил в поход, но остановился на Оке, перед рязанской границей. Стал ждать. Он не двинулся навстречу неприятельской армии, как это сделал пятнадцать лет назад его отец, но и без боя пускать татар на московскую территорию не собирался.

На силу оружия великий князь не надеялся и уповал лишь на божье заступничество.

Из владимирского собора с великой церемонией вынесли старинную реликвию – образ Богоматери. Когда-то эту икону, считавшуюся чудотворной, привез из Киева основатель Владимиро-Суздальского государства Андрей Боголюбский (правил в 1157–1174 гг.). С тех пор она пользовалась в северо-восточной Руси особым почтением. И вот святыню решили перенести в Москву, под защиту каменных стен тамошнего Кремля.

В тот самый день, когда москвичи вышли встречать икону, вдруг пришла весть, что ужасный «Темирь-Аксак-царь» (так летописи именуют Тамерлана) по непонятной причине повернул вспять и ушел прочь, оставил русскую землю в покое.

Впечатление, которое это совпадение произвело на русских людей, не поддается описанию. «Оле преславное чюдо! О превеликое удивление! О многое милосердие к роду крестьяньскому [христианскому]!» – восклицает летописец.

Распространился слух, что татарскому царю во сне явилась Богоматерь в пурпурном одеянии с неисчислимой небесной ратью, и «вниде страх в сердце его и ужас в душю его, вниде трепет в кости его, и скоро отвержеся и охаби [передумал] воевати Руские земли».

Вне зависимости от того, приснилась Богоматерь «царю Темирь-Аксаку» или нет, Руси несказанно повезло. Если оставить в стороне сверхъестественную версию случившегося, остается предположить, что Тамерлан узнал какую-то тревожную весть, заставившую его отказаться от дальнейшего похода. Скорее всего, причиной был всё тот же непотопляемый Тохтамыш, который умел с невероятной быстротой

оправляться от поражений. Уйдя из волжских степей, бывший золотоордынский хан переместился на восток и принялся там сколачивать себе новое царство. Должно быть, гонец принес Тимуру известие об очередном наступлении Тохтамыша – это единственное правдоподобное предположение.

Тогда получается, что сначала Тамерлан спас Русь от Тохтамыша, а потом Тохтамыш спас Русь от Тамерлана.

На месте встречи («сретения») чудотворной иконы москвичами был основан Сретенский монастырь, а сама реликвия во времена монархии хранилась в главном храме страны, Успенском соборе Кремля. Сейчас она находится в Третьяковской галерее

Одно великое чудо наложилось на другое. Как и надлежит всяким истинным чудесам, оба, можно сказать, достались даром. И блага для Руси от них вышло больше, чем от кровавой Куликовской битвы.

По дороге домой Тимур совершил еще одно благодеяние – стер с лица земли великий город Сарай-Берке, долгое время высасывавший из Руси соки. Заново отстроить свою столицу ордынские ханы уже не смогут.

Чудо третье

Но чудеса на этом не закончились. Вскоре произошло еще одно. И снова надвинувшуюся грозу отогнала внешняя сила, без каких-либо усилий с русской стороны.

На сей раз опасность шла не с востока, а с запада. В Орде-то для Руси обстоятельства складывались неплохо. Там утвердился новый хан Тимур-Кутлуг, из людей Тамерлана. Этот правитель русским пока не докучал, поскольку его положение было шатким.

Он испортил отношения со своим сюзереном. Тимур-Кутлуг и уже знакомый нам Едигей (они были в союзе), больше не желая служить Хромцу, ушли от него со своими воинами. Едигей, хоть формально звался беклербеком при Тимур-Кутлуге, фактически основал в восточных золотоордынских землях собственную державу; сам же Тимур-Кутлуг взял себе западную половину бывших земель Тохтамыша, к которым примыкала Русь.

Стоило Тамерлану уйти из Поволжья, как там немедленно объявился Тохтамыш и вступил с Тимур-Кутлугом в борьбу за власть. Потерпел поражение, но, как обычно, не угомонился, а отправился в Литву к Витовту, который к этому времени вошел в большую силу и был непрочь расширить свои владения за счет ослабевших татар.

Великий князь литовский охотно взял Тохтамыша под свое покровительство и пообещал помощь. Если б свергнутый хан вернул себе престол, Золотая Орда стала бы литовским протекторатом и вся

Восточная Европа попала бы под контроль Витовта. Русь оказалась бы зажата между его владениями с запада, юга и востока. Ослабевшая Москва была бы вынуждена уступить Литве роль собирательницы русских земель, и вся история нашей страны пошла бы совсем по другому вектору. При этом завоевание скорее всего совершилось бы бескровно и выглядело бы родственным воссоединением. Литовцы не воспринимались русскими как чужаки. Они были той же веры, большинство из них говорили на том же языке, а Витовт приходился Василию Дмитриевичу тестем.

Пожалуй, эта угроза была еще более серьезной, чем нашествие Тамерлана, – если не для Руси, то для Москвы. Азиатский завоеватель разорил бы страну и в конце концов ушел бы; Витовту уходить было незачем. Государство, ведущее свою генеалогию от Владимиро-Суздальского княжества и затем переориентировавшееся на Москву, могло закончить свое существование в 1399 году. Это казалось неизбежным.

Витовт был намного сильнее Тимур-Кутлуга. Он собрал большую армию, в которую кроме русских и литовских полков вошли польские и немецкие рыцарские отряды. Одних лишь князей было около полусотни. Часть прежнего войска сохранил и Тохтамыш. Общая численность союзной армии – не по преувеличенным летописным сведениям, а по реконструкции современных историков – составляла 25–30 тысяч человек. У ордынского хана таких сил не было.

Поэтому Тимур-Кутлуг попробовал договориться миром. С. Соловьев излагает историю этих переговоров следующим образом: «Тимур-Кутлуг послал сказать Витовту: «Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих». Витовт велел отвечать: «Бог покорил мне все земли, покорись и ты мне, будь мне сыном, а я тебе буду отцом, и давай мне всякий год дани и оброки; если же не хочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся орда твоя будет предана мечу». Испуганный хан согласился на все требования Витовта, который, видя такую уступчивость, начал требовать, чтоб на деньгах ордынских чеканилось клеймо литовского князя; хан просил три дня срока подумать».

Очень возможно, что Тимур-Кутлуг хотел просто выиграть время. Ему на подмогу спешил Едигей.

Витовт тоже не торопился начинать сражение – возможно, уверенный в своем превосходстве, он хотел разгромить всех противников разом. В результате ему пришлось иметь дело с объединенным татарским войском.

Сражение на Ворскле

Битва, произошедшая 12 августа 1399 года, своими масштабами и историческими последствиями не уступала Куликовской.

Началось всё точно так же – с поединка двух витязей. Литовский православный рыцарь по имени Сырокомля сразил в схватке татарского мурзу. Воодушевленное этой победой, войско Витовта начало форсировать реку Ворсклу. Оно было хорошо оснащено, даже имело на вооружении пушки, а для обороны от татарской конницы главный лагерь отгородился кольцом из повозок.

Особенности такой диспозиции и привели к катастрофе.

Когда конница Витовта и Тохтамыша пошла в атаку, Едигей и Тимур-Кутлуг сымитировали отступление, дали вражеской кавалерии отдалиться от укрепленного лагеря, а потом ударили по ней со всех сторон, отрезав от пехоты. Витовт, находившийся в первых рядах, был ранен и покинул поле боя; бежал и разбитый Тохтамыш.

Главная часть союзной армии, запертая внутри лагеря, осталась без командования. Оборону возглавил было некий князь Дмитрий (по одной из версий, тот самый Боброк-Волынский, герой Куликовской битвы), но скоро пал в бою. Сражение превратилось в побоище, в котором погибло не меньше двадцати литовско-русских князей.

Этим избиением не окончилось. Татары преследовали бегущих целых пятьсот километров, до самого Киева, а затем рассыпались по литовским землям, грабя беззащитные селения.

Витовт был вынужден отказаться от плана покорения Орды и прогнать от себя Тохтамыша (который, впрочем, и

после этого не отказался от борьбы).

Битва на Ворскле (1399). *Лицевой летописный свод*

Хоть в сражении на Ворскле погибло много русских воинов, само это событие для московской Руси безусловно было спасением, и спасением чудесным. В условиях, когда оба опасных соседа – и Орда, и Литва – истощили друг друга войной, московское государство получило передышку, которая позволила ему постепенно выйти из кризиса.

Никаких чудес

Везение и чудеса – это замечательно. Всякое давно существующее государство не обошлось в своей истории без удачливости. Однако подобного сорта явления безусловно относятся к категории факторов случайных, которые, как я уже писал, способны подстегнуть или задержать естественное развитие событий, максимум – перенаправить их в иное русло, но кардинально изменить ход истории они не могут.

Думается, что становление русского государства было исторической закономерностью, которая так или иначе осуществилась бы, даже и без чудес.

Руси пришло время централизоваться.

В стабильности, безопасности, установлении общего порядка, прочности торговых связей, подчинении областей единому управлению были заинтересованы все слои общества: и церковь, и боярство, и новое служилое сословие – будущие дворяне (о социальной структуре зарождающейся страны будет рассказано позже); этого хотели горожане, этого хотели крестьяне, составлявшие основную часть населения и больше всех страдавшие от незащищенности, от набегов и междоусобиц.

К концу XIV века вся логика событий складывалась так, что центром русского государства должна была стать именно Москва.

На протяжении ста лет в этой точке концентрировалась политическая, церковная, торгово-экономическая и военная мощь. Здесь сформировалась сильная элита, которая подстраховывала власть во время правления слабых государей. Соседние княжества и крупные города, несмотря на всю сложность взаимоотношений с Москвой, привыкли смотреть на нее снизу вверх, и, конечно, вся Русь помнила о Куликовской победе, которая была одержана под предводительством московского государя.

В этом отношении весьма характерна история присоединения Нижнего Новгорода. Я уже говорил, что ярлык на это княжество Василий Дмитриевич выпросил у Тохтамыша, когда тот очень нуждался в помощи Москвы, однако здесь интересны подробности.

Князь и бояре

В Нижнем Новгороде сидел Борис Константинович, имевший титул великого князя, как и Василий. Узнав о решении ордынского хана, Борис встревожился, собрал своих бояр и стал призывать их к верности – «помнить крестное целование» и его доброту. Главный боярин Василий Румянец (родоначальник прославленного рода Румянцевых), разумеется, ответил, что все бояре готовы за князя головы положить.

Тут подошли москвичи в сопровождении татарских посланников. Борис велел затворить перед ними ворота. Тогда Румянец принялся его уговаривать: мол, впусти их, окажи уважение, зачем затевать войну, а мы все за тебя горой.

Борис послушался.

Москвичи стали звонить в колокола, собрали на площади горожан и объявили им, что отныне они – подданные великого князя московского.

Борис созвал своих бояр, рассчитывая на их поддержку, но тот же Румянец объявил ему: «Мы уже теперь не твои и не с тобою, а на тебя». Выяснилось, что он и другие нижегородские вельможи давно уже сговорились с Василием Дмитриевичем. Бориса Константиновича взяли под стражу, и его княжество безо всякого сопротивления перешло под руку Москвы.

Этот эпизод свидетельствует не столько о коварстве нижегородских бояр (хоть и о нем тоже), сколько об общей заинтересованности русского аристократического сословия в усилении московского центра.

Верный Румянец. *И. Сакуров*

Время военно-паразитических степных империй вроде Золотой Орды заканчивалось.

Они стали экономически, политически, социально и административно архаичными. Даже появление такой выдающейся личности как Тамерлан не привело с созданию прочной державы. Она рассыпалась вскоре после смерти великого полководца – в отличие от империи Чингисхана, которая продолжала расти и после кончины своего основателя.

Вряд ли могла Русь и сделаться – или надолго остаться – «литовской».

То, что Витовт проиграл битву на Ворскле, конечно, было случайностью. Но даже если б литовский правитель посадил своего

ставленника в Орде и привел в вассальную зависимость московского зятя, эта экспансия не была бы прочной. Главной проблемой Литвы являлся Тевтонский орден, борьба с которым требовала от нее напряжения всех сил и крепкого союза с Польшей. Недаром Витовт после метаний между православием и католичеством отдал предпочтение латинской вере – этого требовали политические интересы и общий вектор литовской государственности. Инославному государю сохранить власть над Русью было бы совершенно невозможно.

Так – отчасти вследствие удачных обстоятельств, но главным образом в силу объективных причин – Москва сумела пережить тяжелый период, наступивший после разгрома 1382 года, и досуществовать до времен, когда Золотая Орда пришла в окончательный упадок.

На пути к независимости

В Орде

Последний монгольский герой

Мощь Золотой Орды подорвала не освободительная борьба порабощенных ею народов, а война с Тамерланом, после которой степная империя так и не оправилась. Это и было главной целью Тимурова похода: он хотел разрушить основы ордынской экономики, которая держалась на взимании дани (прежде всего русской) и на прибылях от торговли. Если «чудо Владимирской богоматери», в чем бы ни состояли его причины, помешало завоевателю до конца реализовать первую задачу, то вторая была успешно выполнена. Разрушив Сарай-Берке и другие центры ордынской торговли, Хромец не только уничтожил местные ремесла, но и, что важнее, сместил товарные маршруты, которые отныне стали проходить много южнее, через владения самого Тамерлана.

Этот удар оказался для Золотой Орды смертельным, хотя развалилась она не сразу.

В первое десятилетие пятнадцатого века в Орде на первое место выходит эмир Едигей. Подчинив себе сначала восточную часть улуса Джучи, он постепенно берет под контроль и западную. Закаленный в боях и уже немолодой (ему было около пятидесяти) вояка, происходивший из татаро-монгольского рода мангытов, но не бывший потомком Чингисхана, он принял, подобно Мамаю, звание беклярбека, а правил через своих ставленников – ханов царской крови.

До поры до времени у Едигея не доходили руки заняться «русской проблемой», он был слишком поглощен внутренними проблемами своей обширной, но разоренной Тимуровым нашествием и нескончаемыми междоусобицами державы.

Тохтамыш всё продолжал упорную борьбу, надеясь на реванш. Уйдя из Литвы, он переместился далеко на восток, в район современной Тюмени, и постоянно нападал оттуда на Едигея. Опасней всего было то, что Тохтамыш попробовал заключить союз с Тамерланом, готовый забыть прежние обиды ради победы над тем, кто захватил власть в Золотой Орде.

В 1405 году Железный Хромец умер, и война двух менее крупных хищников, Едигея и Тохтамыша, стала главной коллизией татарской политической жизни. У свергнутого хана было гораздо меньше людей и ресурсов, но зато имелось в избытке энергии и настырности.

Лишь в шестнадцатом по счету сражении Тохтамыш, наконец, сложил свою упрямую голову.

> Арабский хронист того времени Ибн-Арабшах описывает последний бой Едигея с Тохтамышем так красиво, что грех не процитировать: «…он [Едигей], сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночною ездою и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока наконец добрался до него [Тохтамыша], ничего не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он [Тохтамыш] очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей схватили его и змеи копий да ехидны стрел уязвили его».

Так Едигей наконец развязал себе руки и смог заняться Москвой, которая, пользуясь татарскими раздорами, не платила установленного «выхода».

Осенью 1408 года беклярбек выступил в поход, соблюдая полную секретность. Орда была уже недостаточно сильна, чтобы нападать на Русь с предварительным объявлением войны. Если бы московский великий князь имел время для военных приготовлений, он собрал бы войско много больше татарского.

Но повторить успех рейда 1382 года Едигею не удалось. У Василия Дмитриевича в Орде имелись свои агенты, и один из них, некий мурза, послал в Москву гонца с тревожным известием.

Мобилизовать все силы Василий не успевал и, как в свое время отец, ушел к Костроме, куда стали стягиваться отряды из разных русских областей. В Москве же остался его двоюродный дядя Владимир Серпуховской – тот самый, что вместе с Боброком-Волынским командовал засадным полком в Куликовской битве. Старый князь был опытным военачальником и носил почетное прозвание «Хоробрый».

Едигей подошел к столице, ограбил окрестные деревни, несколько недель постоял у каменных стен и понял, что взять Кремль не сумеет.

Начались переговоры. Поторговались-поторговались и сошлись на выкупе в три тысячи рублей – для Москвы сумма не слишком разорительная. Получив серебро, Едигей ушел, видимо, не слишком довольный, но дожидаться, когда великий князь приведет от Костромы большую армию, беклярбек не захотел.

Этот карательный поход с сомнительным исходом показал, что Орда хоть в военном отношении еще и сильна, но даже под руководством такого выдающегося полководца как Едигей уже не может привести Русь к полной покорности. Баланс сил необратимым образом изменился.

Нашествие Едигея. *Лицевой летописный свод*

Покладистость Едигея объяснялась еще и тем, что он, даже окончательно одолев Тохтамыша, не очень прочно держался у власти. Ханы-марионетки были ненадежны.

Знакомый нам Тимур-Кутлуг, попавший в полную зависимость от Едигея после того, как тот спас его от Витовта, кажется, был пьяницей; в 1400 году он умер (по другим сведениям, Едигей велел его убить за строптивость). На трон правитель усадил Шадибека, который поначалу

интересовался только пирами и развлечениями, но через несколько лет захотел избавиться от своего покровителя. Произошла короткая война, в результате которой Едигей прогнал слишком много о себе возомнившего хана и поставил на его место другого, Пулада. Еще через три года посадил на трон Тимур-хана (сына Тимур-Кутлуга), предварительно женив молодого человека на своей дочери.

Вскоре (в 1411 году) зять восстал на тестя и сумел от него избавиться – Едигей был вынужден уйти в степи. Однако Тимур недолго радовался победе. На него напали сыновья Тохтамыша, и один из них, Джелал-ад-Дин (русские звали его «Зелени-Салтан Тохтамышевич») сделался ханом. После этого началась свара и между отпрысками Тохтамыша.

Едигей еще несколько лет кочевал по Великой Степи, пытаясь восстановить свою власть. В конце концов, уже почти семидесятилетний, он пал в битве с одним из сыновей Тохтамыша, которому таким образом удалось отомстить за смерть отца.

> Ибн-Арабшах так описывает последнего героя монгольской эпохи: «Был он очень смугл, среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами и факирами, беседовал с ними в самых ласковых выражениях и шутливых намеках, постился и по ночам вставал, держался за полы шариата, сделав Коран и сунну да изречения мудрецов посредниками между собою и Аллахом всевышним… Дни его были светлым пятном на челе веков, и ночи владычества его – яркою полосою на лике времен».

С последним утверждением вряд ли согласились бы многочисленные враги Едигея, однако фактом является то, что после ухода с исторической арены этого выдающегося вождя, погибшего в 1419 году, Золотая Орда фактически прекратила свое существование и больше никогда уже не была единым государством.

Конец Золотой Орды

Распад начался практически сразу же и продолжался в течение нескольких десятилетий. Огромное государство распалось сначала на несколько больших и продолжало дробиться дальше.

Вдоль реки Урал поселилась Ногайская Орда (она же Мангытская), в которой главенствовали потомки Едигея и его род мангытов, но большинство составляли кипчаки и другие тюркские народности.

К северо-востоку образовалось Сибирское ханство, где правили Шибаниды – потомки Шибана, пятого сына Джучи.

В степях Центральной Азии возникли еще два крупных тюркских союза: сначала Узбекское ханство, а за ним Казахское. Оба самоназвания – узбеки и казахи – означают приблизительно одно и то же.

«Свободные люди»

Слово «özbäg» примерно переводится как «сам себе хозяин». «Казах» – «свободно перемещающийся (от глагола «казмак» – «бродить») человек». Того же происхождения и смысла русский этноним «казак».

Эпоха строго регламентированной жизни, в которой, согласно заветам Чингисхана, каждый житель считался находящимся на службе у империи, закончилась. В Великой Степи наступили времена разброда, дезорганизации и хаоса. Этим и объясняется то, что множество разных людей объявили себя свободными.

Отцом русского и украинского казачества, по-видимому, следует считать литовца Витовта. В 1412 году этот великий князь, стремясь оградить свои западные границы от разбойных набегов, выстроил по правому берегу Днепра, с севера на юг, до самого Черного моря, цепочку крепостей и застав. Нужно было откуда-то взять гарнизоны для этих опорных пунктов. По степи бродили вольные отряды (курени) татар, называвших себя «свободными людьми», то есть никому не служившие. Их-то Витовт и призвал. Затем к этой иррегулярной сторожевой вольнице стали присоединяться и

славянские искатели приключений. Они переняли тюркское название и тоже стали зваться «казаками».

Центром оборонительной линии литовского государства была крепость Черкассы, поэтому украинских казаков, которые с течением времени стали играть всё большую роль в степных войнах, русские будут называть «черкасами».

Первое упоминание о казаках встречается в летописной записи от 1445 года. В это время татарский царевич Мустафа напал на Рязанщину и стал ее грабить. Московский государь выслал против ордынцев часть своей дружины, к которой присоединились «казаки». Боевое крещение прошло успешно. Татары были разбиты наголову, а их предводитель убит. Примечательно, что, поскольку время было зимнее, казаки сражались не верхом, а на лыжах.

Точно такой же процесс разложения происходил и в западной части Золотой Орды. За короткое время татарские владения, непосредственно примыкавшие к русским землям, были поделены между несколькими государствами.

В Нижнем Поволжье, в придонских степях и на Северном Кавказе сохранился центральный кусок прежней страны, правители которого считали себя наследниками Золотой Орды и верховной властью – с чем отнюдь не были согласны прочие ханы. Это государство чаще всего называют Большой Ордой.

Отдельно существовали Казанское и Крымское ханства, а позднее от Большой Орды откололось еще одно ханство, Астраханское.

Все эти воинственные государства постоянно ссорились и враждовали, ослабляя друг друга. Теперь настала очередь Степи переживать период раздробленности – в то самое время, когда Русь из него наконец выбиралась.

Распад Золотой Орды. *М. Руданов*

В середине XV века Руси пришлось иметь дело в основном с двумя татарскими ханствами: Большой Ордой и новым соседом Казанью, где обосновался весьма активный вождь Улуг-Мухаммед, доставивший русским много неприятностей.

Судьба этого, в общем, довольно злосчастного хана представляет собой череду взлетов и падений. Он был потомком одного из самых младших сыновей Джучи – эта ветвь Чингизидов долгое время находилась на второстепенных ролях. Всю жизнь Улуг-Мухаммед пытался сохранить за собой золотоордынский престол, ценность которого постоянно уменьшалась, – и никак не мог на нем удержаться.

«Улуг» – это, собственно, прозвище, означающее «старший», поскольку был еще и Кичи-Мухаммед («Младший Мухаммед»), злейший враг первого, оспаривавший у него первенство. Два эти Мухаммеда долго воевали с переменным успехом, поочередно прогоняя друг друга из разоренного Сарая.

Собственная орда Улуг-Мухаммеда была невелика. Известно, что во время Белевского похода 1437–38 годов, о котором речь пойдет

ниже, хан смог собрать всего три тысячи воинов.

После смерти Едигея этот царевич, ранее находившийся в Крыму, захватил Поволжье и объявил себя ханом; был изгнан соперником; обратился за помощью к Витовту; вернулся в Сарай; снова потерял его.

Гражданская война между Мухаммедами, в которой участвовал еще и третий претендент – Сеид-Ахмед, продолжалась до тех пор, пока около 1434 года они не договорились о разделе владений, причем Улуг-Мухаммед ушел из Сарая на запад, к русским рубежам. Стратегически это была выгодная позиция, позволявшая хану подкармливаться за счет Руси. Формально Улуг-Мухаммед продолжал считаться золотоордынским ханом и в этом качестве даже выдал очередному московскому государю ярлык на великое княжение. Получал он от Москвы и какую-то (кажется, небольшую и нерегулярную) дань. Впрочем, осторожная и богатая Москва кое-что подкидывала и двум остальным ханам – Мухаммеду Младшему и Сеид-Ахмеду.

В новом улусе Мухаммед-Старший продержался недолго, его вытеснил оттуда тогдашний правитель Казани. Тогда хан-изгнанник переместился в Крым, там тоже не задержался и в поисках земель пошел на север. Занял пограничный Белев, оттуда повернул на Казань, где в конце концов и обосновался, создав более или менее прочное ханство. Здесь, в центре древней Булгарии, он находился на отдалении от других ханов и мог чувствовать себя в относительной безопасности.

Страница из хроники «Хикайат», содержащая повествование об истории возникновения Казани

Но единственной возможностью наполнять казну была русская дань, поэтому отношения с Русью становятся для Казанского ханства приоритетными, а само оно превращается в главный источник внешних проблем московского государства.

Улуг-Мухаммед и Русь

Как уже было сказано, после чудесного избавления от суровой власти Тохтамыша, Русь перестала выплачивать татарам «выход» – во всяком случае, на регулярной основе. Князья почти перестали ездить в Орду с изъявлениями покорности и дарами, тем более что в условиях татарской междоусобицы не всегда было понятно, к кому ехать.

В 1412 году, вскоре после того как «Зелени-Салтан» (Джелал-ад-дин) вдруг одолел своего тестя, великого Едигея, Василий Дмитриевич, должно быть, вообразил, что в Орде появился сильный царь, и поспешил к нему на поклон с большой свитой и обильными подношениями. Но зря потратился – нового хана быстро свергли.

До конца 1430-х годов Русь пользовалась ордынским разбродом и отделывалась от татар какими-то эпизодическими выплатами.

Но Улуг-Мухаммед был настроен серьезно.

Еще до занятия Казани, в 1437 году он захватил Белевскую волость, расположенную в верхнем течении Оки. Этот район принадлежал Литве, но находился в опасной близости от Москвы, поэтому великий князь встревожился и попробовал выгнать оттуда нежеланного соседа, однако не сумел справиться с Улуг-Мухаммедом, который оставил этот плацдарм за собой.

Утвердившись в новом улусе и усилившись, хан немедленно потребовал от Руси признания своей власти, а когда этого не случилось, начал большую войну.

В 1439 году он взял Нижний Новгород и подошел к самой Москве. Великий князь Василий Васильевич, преемник Василия Дмитриевича, был не доблестнее своего отца. Как тот во время нашествия Едигея, он уклонился от битвы и отступил к Костроме. Повторилась та же история: татары десять дней постояли у каменных кремлевских стен, прорваться через них не сумели и отступили назад к Белеву.

Ущерб от вторжения был велик, однако Москва устояла и даже не заплатила выкупа, как во время предыдущего нашествия. Было очевидно, что Казанскому ханству не под силу справиться с окрепшим русским государством.

Этот факт получил несомненное подтверждение во время следующей войны, в которой Улуг-Мухаммеду, казалось бы, сказочно повезло.

В конце 1444 года он напал на Муром. Василий Васильевич сам повел войско против татар. Полководец из него был скверный, поэтому

война складывалась для Москвы неудачно, а следующим летом, вступив в бой с сыновьями хана, незадачливый великий князь угодил в плен.

Улуг-Мухаммеду улыбнулась фортуна. Совершенно неожиданно он оказался победителем и мог диктовать свои условия.

Плененный Василий Васильевич был на всё согласен: и расплатиться по старым долгам, и отдать огромный выкуп (25 тысяч рублей) лично за себя. Довольный хан выдал ему ярлык и отпустил восвояси, разумеется, приставив к князю своих людей для взимания обещанной суммы.

Московский государь, находясь в Орде, всех там задобрил, подкупил и прикормил. Хоть он находился на положении пленника, но вел себя как важный и щедрый гость, произведя на ханских приближенных большое впечатление своим богатством. Некоторые татарские царевичи и мурзы после этого решили перейти на московскую службу.

А для Улуг-Мухаммеда нежданная победа обернулась катастрофой. Его сын Махмудек, предвкушая получение колоссальной контрибуции, решил забрать ее себе. Он устроил заговор и убил отца, сев на его место.

В результате у Василия Васильевича появился предлог отказаться от уплаты выкупа. Он объявил, что не признает своим сюзереном отцеубийцу Махмудека, а лучше будет вассалом Сеид-Ахмеда, которому и заплатил какую-то небольшую дань.

В 1447 году Махмудек попытался было добиться своего при помощи оружия, но был отброшен.

Вся эта история лишний раз подтверждает, что случайное событие, каким явилось пленение московского государя, было не способно переломить естественное течение истории. Время Орды кончалось, и даже несказанная удача вместо того, чтобы укрепить татарское владычество, лишь ускорила его конец.

В последующие годы степняки часто нападали на русские земли – и с востока, из Поволжья, и с юга, из Крыма, – но уже не с целью завоевания, а для грабежа или вымогательства. Как правило, набеги встречали вооруженный отпор и отбивались без особенного труда.

В условиях кризиса Орды и ослабления татарской угрозы потомки Дмитрия Донского при всей скромности их дарований имели

возможность не торопясь обустроить и усилить свое государство. При более способных правителях Русь несомненно добилась бы независимости намного раньше. Дело шло небыстро и не слишком складно, но всё-таки продвигалось.

На Руси

Василий Первый

Сын и внук Дмитрия Донского, оба Василии, к сожалению, правили долго: первый тридцать шесть лет, второй тридцать семь. Как не без горечи пишет Н. Костомаров, «племя Всеволода Большое Гнездо вообще не блистало избытком выдающихся талантов, за исключением разве одного Александра Невского… Это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия. Во-первых, это очень мирные люди; они неохотно вступают в битвы, а вступая в них, чаще проигрывают их; они умеют отсиживаться от неприятеля за дубовыми, а с Димитрия Донского за каменными стенами московского Кремля, но еще охотнее при нападении врага уезжают в Переяславль или куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя в Москве для ее защиты владыку митрополита да жену с детьми… Это средние люди Древней Руси…». (Впрочем, как я уже писал, к Донскому этот историк слишком суров. Невзирая на все недостатки, Дмитрий Иванович может считаться действительно крупной личностью.)

Его наследникам государство досталось, с одной стороны ослабленным событиями 1382 года, с другой – сохранившим все качества, необходимые для роста и развития. С устранением внешней угрозы и ослаблением татарского давления, оно стало быстро усиливаться – иногда вопреки действиям правителей.

Начальная точка долгого периода, приведшего к восстановлению фактической независимости Руси (юридическая была зафиксирована позднее, уже во времена Ивана III), находилась очень низко. Централизационный процесс был нарушен, государство существенно регрессировало.

Однако в 1395 году, всего через шесть лет после того, как даже не сам Тохтамыш, а его посланник возвел Василия Дмитриевича на великокняжеский престол, власть Золотой Орды надломилась и больше в прежнем масштабе никогда уже не восстанавливалась. Вплоть до похода Едигея (как мы помним, не слишком триумфального),

небольшие татарские отряды всего трижды тревожили русское приграничье и всякий раз бывали отогнаны.

Василий Первый. *«Царский титулярник»*

Часто сменявшимся ханам, которые требовали «выхода», Василий Дмитриевич лгал, что Русь оскудела людьми и брать дань не с кого, сам же при этом стремительно богател, поскольку оставлял собранные средства в своей казне. Татары – за исключением короткой войны с Едигеем – не были для этого монарха главной проблемой. Гораздо больше его заботили сложности в отношениях с Новгородом и, в особенности, дела литовские.

Витовт, отец великой княгини Софьи Витовтовны, плохо ладил со своим зятем. Оба были алчны до чужих земель: Василий начал с того, что прибрал к рукам Нижний Новгород и Муром; Витовт в это время завладел Смоленском. Литовская территория расширилась на восток до течения Оки и до Можайска, Витовту принадлежала даже Тула.

Богатейшая новгородско-псковская земля, элита которой традиционно лавировала между различными политическими центрами, оказалась яблоком раздора между Литвой и Москвой.

Позиции последней усилились после того, как Витовт в 1399 году потерпел крупное поражение в войне с Ордой. Ему пришлось отказаться от претензий на Псков, куда с этих пор Москва начала сажать своих наместников. Василий Дмитриевич, в свою очередь, перестал претендовать на придвинский край, перешедший под управление Литвы.

Равновесие, однако, сохранялось недолго. В 1406 году началась большая русско-литовская война.

Причиной стала ситуация вокруг Смоленска.

Этот русский город, совсем недавно столица независимого великого княжества, присоединенного Литвой, не хотел забывать о вольных временах. Еще в 1401 году, когда Витовт не успел оправиться после разгрома на Ворскле, смоляне восстали, убили литовского наместника и призвали к себе своего бывшего князя Юрия Святославича.

Витовт дважды пытался вернуть себе город, но неудачно. Наконец в 1405 году он пришел с большим войском, осадил Смоленск по всей фортификационной науке, с использованием артиллерии, и сумел разрушить стены огнем орудий. Смоленск был вынужден покориться.

Новое оружие

Огнестрельное оружие стало распространяться в Европе, в том числе восточной, со второй половины XIV века. Главным образом оно использовалось при осаде и обороне крепостей.

Русские, по-видимому, впервые обзавелись пушками в конце 1370-х годов. Пороховые орудия могли быть завезены и

с Запада, и с Востока, где они появились несколько раньше, чем в Европе. Во всяком случае, во время трехдневной осады Москвы войсками Тохтамыша в 1382 году летопись упоминает не только пушки, но и *тюфяки* – примитивные ружья восточной работы (по-тюркски это слово значит «трубка»). В XV веке появились и *пищали*, нечто среднее между ручным и стационарным огнестрельным оружием (из пищалей обычно стреляли с крепостных стен).

Собственное производство новой военной техники на Руси началось не раньше середины пятнадцатого столетия – в Москве и в Твери. Активно развиваться пушечное дело стало лишь при Иване III.

Витовт придавал артиллерии большое значение и при пушечном литье не скупился на расходы. Известно, что во время очередной войны с Новгородом (в 1428 году) он привез для осады крепости Остров огромное орудие, изготовленное немецким мастером Николасом. Пушку тащили сорок лошадей, она называлась «Галка».

Заряд у этого чудища был такой мощи, что первый же выстрел не только разбил вдребезги крепостную башню, но разорвал саму пушку, переубивав всех, кто возле нее был, включая и мастера Николаса.

Ранние пищали. *Ф. Солнцев*

Окрыленный взятием Смоленска, Витовт пошел дальше, на Псковщину, тем самым нарушив договоренность с Москвой. Кроме

того, литовский правитель потребовал, чтобы Новгород принял к себе князем его двоюродного брата Лугвена.

Новгородцы послушались, но псковитяне обратились за помощью к Василию Дмитриевичу.

Война тянулась два с лишним года и закончилась безрезультатно. У каждой из сторон были свои удачи и неудачи.

Москве очень повезло, когда видный литовский князь Свидригайло, сын великого Ольгерда, ушел от Витовта к Василию. Тот на радостях наградил перебежчика обширными землями, пожаловав ему даже город Владимир.

Зато Витовт летом 1408 года пошел с войском прямо на Москву. До сражения дело, правда, не дошло. Тесть с зятем наконец подписали перемирие.

Как уже было рассказано, осенью того же года Москву чуть не взял ордынский правитель Едигей, но этому предшествовали некоторые интересные события.

Началось с того, что беклярбек предложил Москве свою военную помощь против Витовта, заклятого его врага. Василий Дмитриевич с благодарностью согласился, из Орды прибыл большой ордынский отряд, из-за чего литовцы, собственно, и были вынуждены прекратить войну.

После этого великий князь распустил армию, в которой теперь отпала необходимость. И тут выяснилось, что татарская помощь была частью большого коварного плана. Едигей готовился сам напасть на Русь, но не имел достаточно сил. Когда же Василий остался без войска, Едигей тайно выступил в поход, и чуть не повторилась трагедия 1382 года. Москву спасли два обстоятельства: ордынский доброжелатель, предупредивший великого князя о нападении, и умелая оборона Кремля, которой руководил князь Владимир Хоробрый, – сам-то государь, как мы помним, оказался не на высоте положения и предпочел уйти в безопасное место.

Оценивая фигуру этого монарха, С. Платонов называет его «человеком безличным и осторожным». Пожалуй, следует добавить, что Василий I не отличался дальновидностью в своей внутренней политике.

На первый взгляд, итоги длинного княжения Василия Дмитриевича кажутся блистательными или, во всяком случае, впечатляющими.

При нем Москва начала вести себя с Ордой много смелее и перестала платить ежегодный «выход»; территория великого княжества значительно расширилась на востоке, а на северо-западе его влияние укрепилось.

Всё так, однако нужно учитывать, что в этот период вокруг Москвы сложилась исключительно выгодная обстановка, когда ее враги истощали друг друга войнами. Золотая Орда фактически развалилась, а самый могущественный восточноевропейский государь Витовт тратил основные силы на войны с татарами и Тевтонским Орденом.

Будь Василий I поспособнее и порешительнее, он мог бы использовать такую ситуацию с большей пользой для своей страны.

Хуже всего было то, что в эти «тучные» годы созрела опасная внутрирусская проблема, которая перешла в критическую фазу при следующем государе – Василии Васильевиче.

Начало семейной ссоры

В процессе государственной централизации, который происходил на протяжении четырнадцатого и пятнадцатого столетий, следует разделять два основных этапа.

Сначала решалось, вокруг какой географической точки будет собираться Русь. Вследствие соединения случайных и неслучайных обстоятельств эта миссия досталась Москве.

В XV веке московского первенства всерьез никто уже не оспаривал, но возник другой конфликт – не *где*, а *кто*: какой ветви сложившейся правящей династии достанется власть, то есть разлад принял внутрисемейный характер.

У этой проблемы тоже было два аспекта – системный и личный.

Первый выражался в том, что ранее московское государство по сути дела представляло собой конгломерат автономных удельных княжеств. По сложившемуся обычаю, великий князь, умирая, завещал каждому из сыновей отдельное владение на правах вотчины. Старший сын и наследник получал львиную долю, но и остальным княжичам доставалось по изрядному куску земли. К тому же юридическое первенство старшего ничем кроме великокняжеского ярлыка не подкреплялось. Удельные князья обладали всей полнотой власти

внутри своих волостей, держали собственную дружину и, бывало, поворачивали ее против государя.

Следующим этапом развития государства должен был стать эволюционный переход от удельной структуры к полноценному единовластию, при котором младшие князья из полунезависимых феодалов превращаются в слуг монарха.

Василий Первый ничего не сделал для решения этой трудной задачи. При нем другие «околомосковские» князья, его близкие родственники, лишь увеличивали мощь своих уделов.

Когда к объективному дефекту государства приложился еще и субъективный, разразился политический кризис, который вылился в гражданскую войну, длившуюся с перерывами почти тридцать лет. Всю середину XV века Русь не столько восстанавливала независимость, сколько воевала сама с собой, истощая свои силы.

«Субъективным фактором», давшим толчок междоусобице, как это часто случалось в истории, было ослабление центральной власти. Дело в том, что, хотя Василий Первый правил очень долго и умер, по понятиям того времени, в возрасте пожилом, его старшие сыновья не дожили до зрелых лет и престол достался ребенку.

Повторилась ситуация с вокняжением Дмитрия Донского: тому было девять лет, Василию Второму – десять.

Этим немедленно воспользовался дядя мальчика Юрий Дмитриевич, владетель нескольких уделов, в том числе богатого и близкого к столице Звенигорода.

Завещание Дмитрия Донского, составленное еще до рождения сыновей Василия Дмитриевича, давало Юрию возможность претендовать на престол. Еще была жива память о древнем «лествичном» принципе наследования, согласно которому власть переходила от старшего брата к младшему. То, что со времен Калиты на практике осуществлялся обычай «отчества и дедства», то есть наследование от отца к сыну, объяснялось стечением обстоятельств: либо не было альтернативы, либо внешняя угроза заставляла московский княжеский род держаться заедино.

Но сейчас положение было иное. Москве никто не угрожал, новый князь был мал и слаб, и Юрий Дмитриевич решил предъявить свои права.

В этом конфликте вновь дала себя знать твердая позиция русской церкви и московского боярства, заинтересованных в сохранении установленного порядка.

Митрополит Фотий призвал Юрия Дмитриевича покориться племяннику, за которого выступили и бояре. Однако старый князь не подчинился. Он перебрался подальше от Москвы, в другой свой город, Галич (близ Костромы), и начал собирать войско.

Тогда, по уже сложившемуся обыкновению, в совершенно светское, политическое дело решительно вмешалась православная церковь. Митрополит отправился к Юрию Дмитриевичу с увещеваниями, а когда переговоры зашли в тупик, применил сильное средство: уехал прочь, отказавшись на прощанье благословить князя и его город. Тут в Галиче очень кстати начался какой-то мор, и суеверные горожане перепугались. Юрий Дмитриевич кинулся догонять Фотия и кое-как упросил его сменить гнев на милость. Договорились на том, что дядя не станет отбирать у племянника власть силой, а оба поедут в Орду: как решит хан, так и будет.

Каменный Успенский собор в Звенигороде, построенный при Юрии Дмитриевиче

Этот компромисс отлично устраивал Москву, поскольку к этому времени для нее власть ханов уже мало что значила и ехать в Орду на поклон никто не собирался.

Положение маленького Василия упрочилось, когда в 1428 году одним из его регентов стал Витовт, приходившийся князю родным дедом (права регентства литовскому государю предоставляло завещание Василия Первого). После этого Юрий Дмитриевич какое-то время вел себя смирно.

Но в 1430 году Витовт скончался, и звенигородско-галицкий князь сразу осмелел.

Теперь он сумел настоять на том, чтобы племянник отправился с ним в Орду, где в то время, в 1432 году, ненадолго утвердился знакомый нам Улуг-Мухаммед.

Он с удовольствием взял на себя роль третейского судьи (в дальнейшем, уже перебравшись в Казань, на этом основании он будет предъявлять свои права на верховную власть над Русью).

Юрий Дмитриевич был зрелым политиком и имел в ханской ставке влиятельных сторонников, что давало ему уверенность в победе над зеленым московским князем.

Но Василий Васильевич сам в разбирательстве не участвовал. Его права отстаивал боярин Иван Всеволож, хитрый и опытный дипломат. Он переиграл Юрия Дмитриевича при помощи интриг и казуистики (главный аргумент заключался в том, что воля великого хана выше каких-то завещаний и допотопных русских традиций).

Не исключено, что залогом успеха стало не мастерство Всеволожа, а все те же взятки: в этом смысле звенигородские возможности были несопоставимы с московскими. Да и ссориться с сильной московской партией слабому Улуг-Мухаммеду было не с руки.

Так или иначе, великокняжеский ярлык остался у Василия Васильевича, а Юрий Дмитриевич получил в утешение город Дмитров с волостью.

Поездка в Орду имела для Москвы еще одно полезное следствие.

Представитель хана впервые провел торжественную церемонию по возведению Василия в великокняжеское достоинство не во Владимире, а в Москве, которая таким образом сделалась не только фактической, но и юридической столицей государства.

Итак, на первом этапе противостояния верх вроде бы взяла московская партия. Однако главные события были впереди.

Война с дядей

Начинался крайне неприглядный период русской истории, когда законом политической жизни стали жестокость и вероломство. У большинства главных фигурантов, будто нарочно, были прозвища, похожие на уголовные клички: Темный, Косой, Шемяка. Они и вели себя, как бандиты, совершая всевозможные злодейства, еще более отвратительные из-за того, что обращены они были против близких родственников. При этом обе стороны вполне стоили друг друга.

Непристоен был и повод, из-за которого давно уже тлевшие угли вспыхнули яростным пламенем и соперники перешли от перебранки к кровопролитию.

Этот эпизод, один из самых известных в истории русского средневековья, связан с именем матери великого князя Софьи Витовтовны, личности во всех отношениях интересной.

Женщина с характером

Как уже говорилось, литовская княжна была просватана за московского наследника престола Василия Дмитриевича, когда тот, убежав из ставки Тохтамыша, нашел убежище у Витовта. Свадьба состоялась несколькими годами позже – Василий уже был на престоле.

Софья прожила богатую событиями и феноменально длинную для того времени жизнь – скончалась восьмидесяти двух лет. Родила девять детей: пять мальчиков (четверо умерли в раннем возрасте) и четырех девочек, одну из которых сделала византийской императрицей.

Пока был жив муж, великая княгиня – во всяком случае, явным образом – в государственные дела не вмешивалась, хотя скорее всего, учитывая ее темперамент и нерешительный нрав Василия Первого, вряд ли оставалась в стороне от принятия важных решений. Но в полную меру Софья Витовтовна проявила свои незаурядные способности, когда супруг умер и ей пришлось защищать интересы малолетнего сына.

Она очень похожа на другую выдающуюся женщину русской истории, киевскую княгиню Ольгу, которая тоже

была вынуждена взять в свои руки кормило власти, когда овдовела и должна была позаботится о будущем маленького Святослава.

В 1427 году, в разгар противостояния между Юрием Дмитриевичем и Василием Московским, великая княгиня совершила сильный ход: отправилась в Литву к отцу и убедила его принять со-регентство. Из-за этого галицкий князь, как мы помним, был вынужден на время отказаться от своих притязаний, что позволило Москве выиграть время.

По смерти отца Софье рассчитывать стало не на кого, а сын всё еще был мал. В этот трудный период она начинает править государством самостоятельно, добивается того, что великокняжеский ярлык остается за Василием, но и после этого, когда сын входит в возраст, продолжает активно участвовать в политике, хотя со временем ее роль и ослабевает.

В биографии великой княгини есть еще один эпизод, заставляющий вспомнить подвиги Ольги.

Точно так же, как та на старости лет в отсутствие Святослава сумела оборонить свою столицу от печенегов, Софья Витовтовна отстояла Москву от татар. В 1451 году «внезапу прииде на Русь» сын ордынского хана Сеид-Ахмеда царевич Мазовша, чтобы силой взять задолженность по дани. Великий князь по уже сложившейся неславной традиции ушел из Москвы, распоряжаться которой осталась его восьмидесятилетняя мать. Под ее руководством москвичи решили не отсиживаться за каменными стенами, а сами напали на осаждающих – ночью, внезапно. Ордынцы были разбиты, побросали награбленное и бежали прочь.

Однако, будучи человеком сильным и смелым, Софья Витовтовна в то же время отличалась крутым нравом и обладала несчастным даром без нужды оскорблять людей, которых лучше было бы против себя не настраивать.

По меньшей мере дважды своими необдуманными поступками она вовлекла московское государство в большую беду.

Первый раз это произошло в 1432 году вскоре после триумфального возвращения Василия Васильевича из Орды, где старший боярин Иван Всеволож одержал такую блистательную дипломатическую победу над Юрием Галицким. В благодарность князь обещал жениться на дочери Всеволожа.

Но Софья Витовтовна распорядилась иначе: велела сыну обвенчаться с дочерью удельного серпуховского князя. Этим обманом она страшно обидела Всеволожа. Главный московский боярин ушел к Юрию Галицкому и стал непримиримым врагом великокняжеской партии. Это была большая потеря. Юрий Дмитриевич приобрел в лице Всеволожа умного и предприимчивого союзника, который доставил Москве много неприятностей.

Второй необдуманный поступок Софьи Витовтовны имел еще более тяжелые последствия.

В следующем году в Москве праздновали свадьбу Василия II с невестой, которую ему выбрала властная мать. Дядя Юрий Дмитриевич не приехал (отношения с ним после того, как он принял к себе Всеволожа, были окончательно испорчены), но прибыли два его сына, Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Первый из них явился на пир, украсив свой наряд роскошным золотым поясом с драгоценными камнями («на чепех с камением»).

Один из бояр шепнул великой княгине, что это пояс из приданого жены Дмитрия Донского, в свое время украденный нечестными придворными. Софья Витовтовна вспылила. Не заботясь о приличиях и не задумываясь о будущем, она при всех сорвала с молодого княжича золотой пояс. Как сказано в летописи, «много зла с того почалося».

После такого публичного унижения оба Дмитриевича покинули Москву и помчались к отцу в Галич, требуя отмщения.

Софья Витовтовна на свадьбе Василия Темного. *К. Гун*

Юрия Дмитриевича долго уговаривать не пришлось. Иван Всеволож давно подбивал его идти на Москву, и план нападения был готов. Скандал, произошедший по ничтожному поводу, вылился в большую войну.

Софья Витовтовна так и не поняла, к чему может привести ее выходка. Наступление Юрия Дмитриевича застало Москву врасплох, собирать войско было некогда.

Сначала Василий Васильевич попробовал договориться с дядей миром и послал к нему бояр, но Иван Всеволож убедил Юрия проявить твердость: победа была близка.

В апреле 1433 года в этом до сих пор бескровном противостоянии наконец пролилась первая кровь: на реке Клязьме претендент разбил наскоро мобилизованную московскую рать. Василий попытался бежать, но был схвачен.

Юрий Дмитриевич занял столицу и провозгласил себя государем. Первый раунд войны закончился полной победой дяди.

Однако старый князь совершил ошибку. Он, кажется, был невысокого мнения о бойцовских качествах своего восемнадцатилетнего племянника и не послушался советов Всеволожа, который рекомендовал проявить суровость. Василий был отпущен на свободу и получил в удел Коломну.

Там, на недальнем расстоянии от Москвы, свергнутый великий князь сделался естественным центром притяжения для всех недовольных, а таковых нашлось немало. Столичное боярство и московские служилые люди не желали покоряться Юрию Галицкому, они предпочитали сохранить преемственность власти.

Скоро оказалось, что Коломна сильнее Москвы. В столице началось брожение и смятение. Василий Косой и Дмитрий Шемяка обвинили главного отцовского советника боярина Семена Морозова в измене, самовольно напали на него и убили прямо во дворце. После этого, устрашившись отцовского гнева, бежали, уведя свои дружины.

Увидев, что его оставили даже собственные сыновья, Юрий Дмитриевич сам вернул племяннику престол и удалился к себе в Галич. Он согласился признать себя «младшим братом» Василия Васильевича – такова была установленная формула подчинения. Кроме того старик поклялся разорвать отношения с Косым и Шемякой, продолжавшими борьбу.

Итак, во втором раунде победил племянник, но и его торжество вышло недолговечным.

Василий II послал против Косого и Шемяки войско. Произошла битва, в которой у братьев оказалось подозрительно много воинов, так что московская рать была разгромлена, а ее предводитель Юрий Патрикеевич, из литовских князей, попал в плен. Выяснилось, что дядя обманул – послал-таки в помощь сыновьям большой отряд.

За это Василий Васильевич решил его наказать. Пошел на Галич и сжег город. Тут Юрий Дмитриевич уже в открытую объединился с Косым и Шемякой. В 1434 году произошло еще одно сражение, и опять неудачное для Москвы. Василий II, никудышный полководец, потерпел неудачу и бежал в Новгород.

Его враги заняли Москву, причем захватили и жену великого князя, и суровую Софью Витовтовну, пожинавшую горькие плоды своей вспыльчивости. Слава богу, на Руси в ту пору не было принято мстить женщинам, и старуху никто не тронул – возможно, еще и потому, что роковой пояс, принадлежность великокняжеской казны, теперь вернулся к прежнему владельцу.

Изгнанник Василий помощи у новгородцев не выпросил, перебрался на Волгу, в Нижний, но и там ничего не добился. С отчаяния он уже собирался прибегнуть к последнему средству – поехать с жалобой в Орду, просить у хана войска против своих соотечественников. Но судьба уберегла московского государя от такого позора.

Юрий Дмитриевич совсем недолго порадовался своей победе – всего два месяца. В начале лета 1434 года он вдруг скончался.

Престол занял его старший сын Василий Косой, у которого сразу же начались трудности.

Война с Косым

Отношения между сыновьями Юрия Галицкого не были гладкими. Все они отличались конфликтностью и не очень-то любили друг друга. Двое младших, Дмитрий Шемяка и еще один Дмитрий, но с благозвучным прозвищем «Красный» (в те времена бывало, что братьев называли одинаково, если так выходило по святцам) объявили Косому, что отказываются ему подчиняться. Василий Юрьевич, судя по его дальнейшим поступкам, был личностью малоприятной, да и не хотелось братьям попасть под власть того, кого они привыкли считать себе ровней. Ревность оказалась сильнее семейной солидарности. У историков, впрочем, есть и иное предположение: младшие братья были дальновиднее старшего и понимали, что долго он в Москве не продержится. Однако непохоже, что Шемяка и Красный блистали умом, – их дальнейший жизненный путь такого предположения не подтверждает.

Как бы там ни было, но то ли по эмоциональным, то ли по рациональным соображениям Шемяка с Красным перешли на сторону Василия Васильевича. Косой остался без великого княжения и лишился своего удела. Ему пришлось бежать.

В следующем 1435 году претендент собрал войско и дал москвичам сражение, но был разбит и снова бежал.

Оправившись от поражения и набрав новых воинов, захватил Вологду. Это несколько усилило его позиции, так что Василий II предпочел обойтись без новой битвы и дал безземельному кузену в удел Дмитров.

Василий Косой. *Фрагмент картины П. Чистякова*

Пожив там недолгое время, Косой решил, что ему этого мало. Зимой он напал на крепость Гледен, на Вологодчине, где стоял

московский гарнизон. Взять не сумел, но договорился с воеводой князем Оболенским о почтенной капитуляции. И здесь произошло знаменательное событие: когда город открыл ворота, Косой умертвил воеводу и повесил нескольких великокняжеских слуг, а многих жителей поубивал. До сих пор кровопролитие было, так сказать, сугубо «боевым» – гибли воины, сражавшиеся с оружием в руках. Но с этого момента происходит эскалация ожесточения – как всегда случается в затяжных гражданских войнах. Теперь обыденным явлением становятся казни и расправа с безоружными. Дальше будет только хуже.

К этому времени младшие Юрьевичи успели рассориться и разошлись по разным лагерям. Дмитрий Шемяка присоединился к мятежному брату, Дмитрий Красный остался при Василии II.

У села Скорятина, в Ростовском крае, армии сошлись. Московское войско, разумеется, было многочисленней, и Косой, как прежде в Гледене, прибегнул к вероломству. Он предложил великому князю перемирие. Когда же тот отпустил часть отрядов для сбора продовольствия и фуража, Василий внезапно атаковал.

Но эта уловка ему не помогла, силы были слишком неравны. Оставшихся в московском стане войск хватило, чтобы выдержать первый натиск, а затем подоспели другие полки, и Косой был разгромлен. Его взяли в плен и отвезли в Москву.

Желая избавиться от надоедливого соперника, Василий Васильевич приказал выколоть ему глаза. Еще некоторое время назад такое было бы совершенно невообразимо: один внук Дмитрия Донского ослепил другого.

Градус жестокости всё повышался.

Война с Шемякой

Обезвредив столь зверским способом этого врага, Василий Второй через некоторое время приобрел другого, куда более опасного.

Шемяка был еще коварнее и упорнее своего старшего брата. Дмитрий Юрьевич сумел вовремя от него отречься и избежал ответственности за участие в мятеже. Удалившись к себе в Галич, он несколько лет просидел тихо, выжидая своего часа. И в конце концов дождался.

Удобный шанс на реванш (во всяком случае, Шемяке показалось, что удобный) представился в 1445 году, когда во время очередной, не особенно крупной стычки с татарами незадачливый Василий Васильевич вдруг угодил в плен к Улуг-Мухаммеду (об этом нелепом эпизоде было рассказано в предыдущей главе).

Шемяка решил, что настало время предъявить свои претензии на престол. Он послал хану кляузу «со всем лихом на великого князя» и отправил послом к Улуг-Мухаммеду одного из своих дьяков, прося отобрать у Василия ярлык.

Однако, как мы знаем, хан предпочел сговориться со своим богатым пленником и отпустил его восвояси.

Теперь Шемяка оказался в трудном положении. Он понимал, что Василий Васильевич, накопив сил после своего поражения и выплатив контрибуцию, захочет посчитаться со своим недоброжелателем. Платить, впрочем, и не пришлось, поскольку в том же году Улуг-Мухаммед был убит собственным сыном.

Над головой Дмитрия Юрьевича сгустились тучи. Однако и в Москве было неладно. При дворе великого князя зрело недовольство, вызванное появлением новой силы, которая отняла часть влияния у прежде всесильной боярской аристократии.

Дмитрий Шемяка. *Роспись Исторического музея в Москве*

Русские татары

Жизнь в плену подействовала на Василия Васильевича довольно неожиданным образом. Он полюбил татар и всё татарское.

К тому времени на Руси уже начало складываться важное сословие – «служилые татары». То были потомки знатных ордынцев, которые в период смуты оказались приверженцами проигравшей стороны и ушли из степей в поиске пристанища. Было немало и таких, кто просто счел более выгодным

служить богатому московскому государю, а не беднеющим и мельчающим Чингизидам.

Переселяясь на Русь, мурзы получали поместья, а царевичи – целые волости. Эта тенденция возникла еще в конце предыдущего столетия, когда Тамерлан разгромил Тохтамыша.

Но в 1445 году случилось целое татарское нашествие – только не военное, а мирное. Василий Васильевич привел с собой из плена около пятисот ордынцев, и речь, видимо, идет лишь о знатных людях, каждого из которых сопровождала челядь, а то и собственная дружина.

Государь дал всем им земли, а некоторым и видные должности. Увидев, как хорошо устроились на Руси переселенцы, за ними потянулись из Орды другие татары – и тоже встретили радушный прием.

Некоторые из новых московских подданных сразу же крестились, были и такие, кто еще долго сохранял верность исламу. Множество княжеских и дворянских родов позднейшей Российской империи вели родословную от ордынцев, гордясь своим древним и почтенным происхождением.

Самый известный из татар, прибывших с Василием II, – царевич Касим, сын Улуг-Мухаммеда. Он получил Городец Мещерский (после смерти царевича город в его честь был назван Касимовым). Там образовалось целое ханство, вассальное по отношению к Москве. Для престижа великого князя это имело немалое значение: родной брат нового казанского хана состоял в подданстве московского государя.

В это время при великокняжеском дворе входят в моду татарская одежда и обычаи, а также тюркский язык.

Надо сказать, что «служилые татары» стали огромным приобретением для молодого государства. Поощряя это сословие, Василий Васильевич поступил мудро, что с ним случалось нечасто.

Расселенные вдоль восточных русских рубежей «свои татары» стали хорошей защитой от «чужих татар».

Уже в 1449 году царевич Касим разгромил войско своих бывших соотечественников, явившееся пограбить русские земли. В дальнейшем такое происходило неоднократно.

Была от «русских татар» и еще одна государственная польза, в исторической перспективе, быть может, более существенная.

Исконные бояре слишком привыкли к древним вольностям. Поссорившись с великим князем, они могли уйти от него к другому государю, да и держались с верховной властью подчас чересчур независимо, памятуя о своих былых заслугах перед престолом.

У татарских вельмож была иная выучка. Они воспитывались в ордынских традициях, а там со времен Чингисхана каждый, от последнего пастуха до царевича, считался рабом хана. Воля государя была законом.

С такими слугами московскому великому князю жить было удобнее, чем со строптивыми боярами. Теперь появилось на кого опереться в случае конфликта со своим окружением.

Засилие чужаков, разумеется, вызвало у русских удельных князей и бояр недовольство. «Пошто еси Тотар привел на Русскую землю, и городы дал еси им, и волости в кормленье? – жаловались они. – А Тотар любишь и речь их любишь паче меры?»

Этим разбродом и воспользовался Дмитрий Шемяка. Операция, которую он осуществил в следующем 1446 году, на современном языке

называлась бы «государственным переворотом».

Сначала он запустил слух, что Василий во время пленения якобы пообещал татарам отдать всё московское государство, а взамен согласился получить в личное владение одно только тверское княжество. Потом Шемяка стакнулся с несколькими удельными князьями, приобщив их к заговору.

Нашлись у Шемяки тайные сторонники и в непосредственном окружении великого князя.

В феврале они сообщили Дмитрию Юрьевичу, что государь с малой свитой поехал молиться в Троицкую обитель и там его легко взять.

Первым делом, пользуясь отсутствием Василия Васильевича, Шемяка внезапным ночным ударом захватил столицу, где у него было немало сторонников. Бояр, оставшихся верными великому князю, арестовали; семью Василия взяли под стражу; забрали и государственную казну.

Той же ночью в монастыре был схвачен ни о чем не подозревавший Василий. Его доставили в Москву и поступили с ним так же, как он обошелся с Косым, – выкололи глаза. С этих пор к Василию пристало прозвание «Темный», с которым он и остался в истории.

Московские бояре и великокняжеские слуги поделились на тех, кто присягнул новому правителю, – и на тех, кто предпочел уехать прочь.

Дело Василия выглядело окончательно проигранным. Искалеченный, беспомощный, он был отправлен вместе с женой в Углич, под караул.

Сильно жалеть его трудно, поскольку по части злодейств он нисколько не уступал своим врагам. Например, весьма подозрительной выглядит ранняя смерть Дмитрия Красного, скоропостижно и очень удобно скончавшегося несколькими годами ранее. (Впрочем, если это было убийство, его вполне мог совершить и Шемяка, у которого с братом были свои счеты.)

Наконец Дмитрий Юрьевич добился того, к чему давно стремился. Теперь никто – ни Василий II, ни родные братья – не могли оспорить у него власть.

И все же в Москве новый великий князь чувствовал себя неуютно. Он был здесь для всех чужим. Окруженный людьми, большинство которых служили ему поневоле, Шемяка страшился измены. Верность он покупал, потакая удельным князьям и боярам, делая им щедрые подарки и идя на всевозможные уступки. Власть его была непрочной.

Ослепление великого князя Василия II. *Миниатюра из летописного свода. XV в.*

Чтобы не настраивать против себя сильных, он всегда брал их сторону, если возникала какая-нибудь судебная тяжба с людьми рядовыми, – возможно, именно с тех пор в русский язык вошло идиоматическое выражение «Шемякин суд».

Поскольку многие бояре симпатизировали несчастному Василию Васильевичу и ходатайствовали за него, Шемяка был вынужден пойти

им навстречу.

Осенью 1446 года он отправился в Углич с пышной свитой и устроил целое представление, прося прощения у слепого узника. Василий хорошо понимал цену этого покаяния и униженно кланялся, благодаря «государя» за милосердие: его-де, злодея и беззаконника, вообще надо было казнить смертной казнью, а всего лишь ослепили, спасибо большое.

«Глаголюще же к нему, слезам текущим от очию его», – умиленно описывает летописец эту трогательную сцену, кажется, забыв, что очей у Василия уже не было. Зрителям смирение низвергнутого монарха понравилось: «И плакахуся вси, смотряюще его».

Примирение сопровождалось пиром и некоторой торговлей, в результате которой Темный получил свободу и дальнюю Вологду в качестве вотчины, а взамен выдал «проклятые грамоты», что было обычной для подобных случаев практикой: подписавший такой документ объявлял, что в случае клятвопреступления на нем «не буди милости Божьей и Пречистые его Богоматере, и молитв великих чюдотворцев земли нашия», равно как и «благословениа всех епископ земли Русскиа».

Примирение Василия Темного с Шемякой. *В. Муйжель*

Как только бедный калека вышел на волю, его смирение бесследно исчезло. Прежде всего он заручился поддержкой тверского князя, пообещав женить на его дочери своего старшего сына (в ту пору семилетнего). Потом немного подождал, пока соберутся сторонники – бояре, не признавшие Шемяку или отошедшие от него, и пошел с войском на Москву. «Служилые татары», продолжавшие считать своим государем того, кто привел их на Русь, поддержали мятеж, или, вернее, реставрацию.

У Шемяки было время подготовиться. Он тоже вооружился и двинулся навстречу Василию Темному, совершив вечную ошибку некрепко сидящих правителей: оставил столицу без присмотра. Стоило небольшому отряду воинов Василия Васильевича проникнуть в город, и там немедленно поднялись сторонники свергнутого государя. Сопротивления не было. Слуги Шемяки разбежались, и Москва провозгласила верность Темному.

Оказавшись меж двух огней, Шемяка понял, что всё пропало. Его войско редело и разбегалось. Он ретировался в свою Галицкую вотчину, но увидел, что там ему тоже не удержаться, и отступил на север.

Дело его было проиграно. Вскоре ему пришлось просить мира. Он соглашался признать Василия «господином и старшим братом», вернуть всю казну, отдать все земли, захваченные в личную собственность во время московского княжения, и просил лишь сохранить за ним старые вотчины.

На том и срядились.

Шемяка и Софья Витовтовна

Интересны перипетии судьбы суровой Софьи Витовтовны, которая когда-то спровоцировала своим самодурством всю эту нескончаемую войну.

У Шемяки были все причины ненавидеть двоюродную тетку и опасаться ее энергичного, волевого характера. Поэтому мать великого князя во время февральского переворота сразу же взяли под караул и не спускали с нее

глаз. Отослав к Василию Темному в Углич жену, его мать Шемяка оставил при себе, под присмотром. Даже идя из Москвы воевать с восставшим Василием, Дмитрий Юрьевич не рискнул оставить грозную даму в городе, а взял ее с собой. И потом, уже пятясь на север, позаботился переправить Софью Витовтовну в дальнее надежное место – в Каргополь.

Всё этот выглядит так, как будто Шемяка хотел использовать мать своего врага как заложницу, но в те времена на Руси так не делали. Дмитрий Юрьевич просто боялся, что, оказавшись на свободе, старая княгиня принесет ему больше бед, чем ее невыдающийся сын.

Когда стало ясно, что Москвы уже не вернуть, Шемяка с облегчением избавился от тетки, должно быть, сильно ему надоевшей своей строптивостью. Собрав своих бояр, князь сказал им: «А сам бегаю, а люди себе надобныи, а уже истомленыи, а еще бы ее стеречи, лучши отпустити ея ис Каргопол». Бояре не возражали против того, чтобы утомительная старуха ехала на все четыре стороны, и Софья Витовтовна отправилась в Москву, к сыну.

Софья Витовтовна с Василием Первым. *Ф. Солнцев*

После этого Шемяка еще целых шесть лет не оставлял Василия Темного в покое. Забыв о клятвах (обычное для той эпохи дело), он продолжал именовать себя великим князем, то и дело затевал мятежи в разных областях страны, несколько раз пытался воевать, но ему все время не хватало сил.

В ходе этой долгой, опустошительной для народа войны, Шемяка постепенно лишился всех своих владений, но нашел прибежище в Новгороде – купеческая республика была встревожена усилением Москвы и дала приют самому стойкому ее врагу.

Междоусобица всё длилась и длилась, нравы продолжали ожесточаться. В летописи рассказывается, что в 1450 году, захватив Устюг, Шемяка приказал всех, кто отказывался ему присягнуть, топить в реке, привязав на шею камень. Для Руси это было чем-то неслыханным: убивали у нас легко, понемногу научились и казнить, но попросту, без изысков. Правда, двести лет назад, во время подавления новгородского бунта, Александр Невский резал смутьянам носы, но делал он это, видимо, для татар – хотел понятным им образом продемонстрировать свою лояльность и непреклонность. В недалеком будущем русские обучатся жестокости, но из чтения хроники возникает ощущение, что в середине XV века шемякинские казни еще выглядели чем-то необычным.

Многолетняя гражданская война, изобиловавшая вероломством и преступлениями, закончилась так же некрасиво, как началась.

Устав от происков Шемяки, москвичи решили избавиться от врага самым надежным способом. В Новгород, где в то время спасался Дмитрий Юрьевич, тайно приехал государев слуга с заданием «уморити князя Дмитрея» и сговорился с одним из Шемякиных бояр. Тот подкупил повара по имени Поганка, повар положил «смертно зелие» в курицу, князь съел отравленное кушанье, разболелся и 17 июля 1453 года умер. Посланец, привезший великому князю это приятное известие, был пожалован в дьяки.

Междоусобная распря, начавшаяся с первых же дней вокняжения Василия Васильевича, наконец завершилась.

Причина, по которой Василий Темный, правитель малоспособный, одолел дядю и двоюродных братьев, превосходивших его и энергичностью, и храбростью, представляется очевидной.

К этому времени объединительно-организующий процесс в московском государстве продвинулся так далеко, что всякое смещение центра силы стало невозможным. Никакие случайные сбои уже не могли переломить ход этой эволюции. Верхушке русского общества

было выгодно, чтобы власть переходила не к боковым династическим ветвям, а от отца к старшему сыну. Это не ломало сложившейся иерархии и позволяло избежать лишних потрясений – последнее было важно не только для боярства, но и для всех слоев населения. Страна желала стабильности и предсказуемости. В ту эпоху выполнить подобный запрос наиболее оптимальным образом могла только наследственная самодержавная монархия.

Василий Темный. Последние годы

Когда Дмитрий Шемяка приказал ослепить великого князя, рассчитывая, что тем самым выключит соперника из политической борьбы, он ошибся. Став «темным», Василий Васильевич не только восторжествовал над своим врагом, но и сделался намного более разумным государем. По выражению Карамзина, он стал править, «в слепоте оказывая более Государственной прозорливости, нежели доселе».

Вероятно в силу своей инвалидности великий князь теперь проявлял меньше активности и больше полагался на советников, среди которых было немало людей умных. Кроме того, подрастал наследник Иван, с ранних лет проявлявший недюжинные способности. Василий еще при жизни назначил сына соправителем.

В зрелые годы Василий Второй использовал свою дорого доставшуюся умудренность на пользу государства и успел сделать несколько важных дел. Этот правитель может считаться своего рода антиподом Дмитрия Донского. Тот долгое время шел от победы к победе, но на финальном отрезке всё проиграл и погубил, а его внук, наоборот, бóльшую часть княжения совершал ошибки и недостойные поступки, зато напоследок частично искупил свои вины и оставил московское государство в лучшем состоянии, чем оно было при Василии Первом.

В 1448 году, вскоре после реставрации, Василий Темный устроил в Москве съезд русских архиереев, самостоятельно избравших себе митрополита, без участия Константинопольской патриархии. На этом эпохальном для русской церкви и русского государства событии мы подробнее остановимся позже.

В 1449 году Василий Темный заключил с польским королем и литовским великим князем Казимиром IV дружественный договор, что надолго обезопасило западные границы Руси.

После этого государь занялся главной проблемой, из-за которой страну столько лет лихорадило, – удельной структурой московского государства, источником постоянных междоусобиц. Он поодиночке сокрушил двух сильнейших князей, автономия которых представляла для Москвы опасность.

С первым, Иваном Андреевичем Можайским, тоже внуком Дмитрия Донского, расправиться было легко и, наверное, даже приятно. Это был давний враг, активный сторонник Шемяки, ненавистный Темному еще и потому, что в 1446 году Иван Можайский лично захватил великого князя в Троицком монастыре и доставил в Москву на истязание.

Жители Можайска покоряются Василию. *Б. Чориков*

Василий Васильевич с местью не торопился. Лишь в 1454 году, выбрав удобный момент, он обвинил Ивана Андреевича в «неисправлении», то есть в нарушении договоренностей, и повел на

Можайск войска. Удельному князю оставалось только бежать за границу. Его вотчина перешла к великому князю.

Труднее было с Василием Ярославичем Серпуховским. Он всегда был верным союзником Темного, который даже женился на его сестре. Во время переворота Василий Серпуховской не подчинился Шемяке, а ушел в Литву, откуда немедленно кинулся на помощь шурину, едва тот оказался на свободе.

Но серпуховской князь был слишком богат, силен и популярен. Государю больше не требовались верные союзники, ему были нужны преданные слуги. Поэтому в 1456 году, проявив отвратительную неблагодарность, Темный велел схватить зятя и на волю больше не выпустил. Василий Ярославич сначала находился в ссылке, потом был закован в цепи и посажен в темницу. Там он и умер.

Когда Василий Васильевич мальчиком взошел на престол, московское государство было разделено на десяток уделов; к концу правления великого князя их почти не осталось, а те, что уцелели, утратили политическое значение.

Еще одним большим общерусским делом было подчинение двух соседей, в статусном отношении равных Москве, потому что они тоже являлись великими княжествами: Твери и Рязани. Оба маленьких государства давно уже не претендовали на первенство и во время бесконечной московской междоусобицы даже не попытались воспользоваться ею для собственного усиления (Борис Тверской, наоборот, помог Василию Темному вернуть власть), однако поглядывали в сторону Литвы и могли стать ее протекторатами – независимое положение им это позволяло. В первые годы московской смуты это, собственно, уже произошло: и тверской, и рязанский великий князья, а с ними еще несколько удельных, перешли под покровительство Витовта, причем Иван Федорович Рязанский стал не просто союзником, а подданным Литвы.

Восстановив свою власть в полном объеме, Василий Темный приложил все усилия к тому, чтобы заставить Тверь и Рязань вернуться под крыло Москвы. Противодействия он не встретил, тем более что Борис Тверской вскоре стал тестем юного соправителя Ивана Васильевича. Отошла от Литвы и Рязань. К пятидесятым годам соседние «великие княжества», юридически всё еще сохраняя свое

громкое титулование, фактически превращаются в московских вассалов.

Значительно продвинулся Василий Второй и в решении извечной проблемы владимирских, а затем московских государей: установлении власти над Новгородом. Подробно о московско-новгородском противостоянии я намерен рассказать в следующем томе, но, если говорить коротко, существование купеческой республики представляло собой постоянную угрозу для Москвы. Господин Великий Новгород был совсем не заинтересован в создании сильного, централизованного русского государства. Оно неминуемо завоевало бы Новгород, отобрав все его вольности (что в конце концов и произошло). Поэтому республика всячески поощряла раздоры между князьями и охотно давала приют тем из них, кто терпел временное поражение. Сам Василий Васильевич в 1434 году, разбитый дядей Юрием Дмитриевичем, тоже искал прибежища в Новгороде. Там же долгое время укрывался и Шемяка, хоть Темный много раз требовал его выдать или изгнать.

В 1456 году, когда Шемяки уже не было, великий князь послал на северо-запад большую рать, которая основательно разграбила новгородские земли, наказывая республику за прежние вины. Вместо того чтоб отсидеться за крепкими городскими стенами, новгородцы собрали изрядное войско (пять тысяч воинов, в том числе тяжелую конницу, устроенную по европейскому образцу) и атаковали один из московских отрядов, отделившийся от основных сил. Закаленные в междоусобных и татарских войнах москвичи, несмотря на свою малочисленность, в пух и прах разгромили неприятеля, так что в плен попал сам посадник. Пришлось новгородскому архиепископу ехать к великому князю с изъявлением покорности и просьбой о мире. Василий Темный взял с побежденных контрибуцию в десять тысяч рублей и заставил Новгород отказаться от части прежних вольностей.

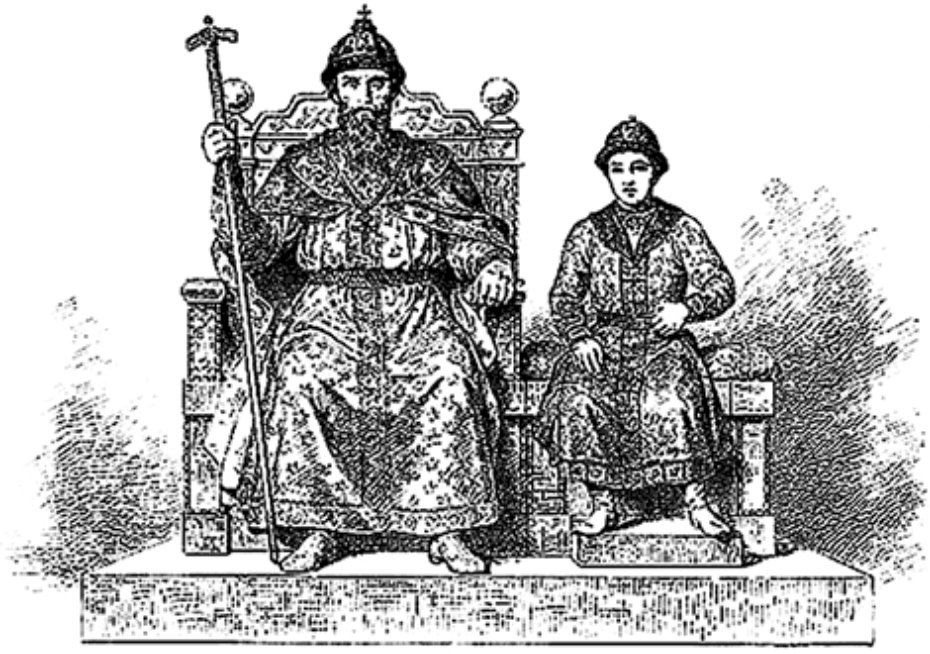
Укрепить власть в Пскове, давно уже зависимом от Москвы, было легче. Не применяя оружия, Василий Второй взял эту область «в свою волю».

Столь решительные действия по включению Северо-Запада в зону исключительно московского влияния были бы невозможны, если бы Литва, давняя соперница в борьбе за контроль над этим регионом, в сороковых годах не оказалась в состоянии гражданской войны. Новому

польско-литовскому монарху Казимиру IV было не до чужих земель – он с трудом удерживал собственные. Этим и воспользовался Темный, заключив с Литвой вышеупомянутый союзный договор, развязавший Москве руки в новгородско-псковских делах.

Однако самым умным поступком последнего периода долгого правления Василия Темного было обеспечение преемственности власти.

Памятуя о тяжких испытаниях, через которые ему пришлось пройти из-за невнятности в порядке наследования, великий князь заранее позаботился о том, чтобы предохраниться от возможной смуты. Он сделал сына Ивана, когда тот был еще ребенком, великим князем и своим соправителем – сначала номинальным, а затем, когда наследник подрос, и действительным. Смерть старого государя не должна была вызвать (и не вызвала) сбоя в управлении страной и сомнений в легитимности нового монарха, который оказывался вовсе не новым.



Василий Темный и его наследник. *В. Верещагин*

Впрочем, Василий Васильевич умер, так и не дожив до старости. На сорок седьмом году жизни он стал прихварывать: слабел, худел. Лекари постановили, что у него «сухотка» (так назывались все болезни,

от которых человек «сох», то есть терял вес). Возможно, это была какая-то онкология, но скончался государь не от нее, а от тогдашней медицины. Ему стали делать прижигания трутом – считалось, что это хорошее средство от «сухотки». Ожоги воспалились, началось нагноение, и ослабевший государь преставился.

Произошло это 17 марта 1462 года.

Накануне независимости

Этой вехой завершается описание событий, охваченных данным томом. С правления Ивана III начинается сущностно иная эпоха отечественной истории. В предисловии я уже объяснил, что период монгольского владычества над Русью, формально продолжавшийся до 1480 года, фактически закончился двадцатью или тридцатью годами раньше, при Василии Темном. В начале своего княжения этому государю еще пришлось кланяться Орде, чтобы получить ярлык; затем он угодил в татарский плен, где был вынужден демонстрировать победителям свою покорность; да и в дальнейшем, усилившись, он не оспаривал своего вассального статуса. Однако в поздние годы Василий Второй совершенно перестал считаться с волей слабых ханов как Большой Орды, так и Казанского ханства, не платил им дани либо отделывался мелкими подачками и давал вооруженный отпор всем попыткам ордынцев вторгнуться на московскую территорию.

Русь не *завоевала* свою независимость от Орды. Вернее будет сказать, что независимость созревала постепенно. К началу второй половины XV века она уже полностью созрела, оставалось ее только провозгласить, что вскоре и сделает преемник Василия Темного.

Возникает ощущение, что московскому государю было даже выгодно подольше изображать из себя ордынского вассала. Ведь великий князь продолжал исправно собирать со всех русских земель «выход», только не передавал его татарам, а оставлял себе, что еще больше обогащало и без того богатую московскую казну.

Красноречивым доказательством того, что к 1462 году никакого татаро-монгольского владычества уже не существовало, является передача престола. Иван Васильевич принял власть над Московским государством по завещанию Василия Второго, даже не подумав

попросить ханского разрешения или хотя бы одобрения. Получил от отца страну, как получали родовую вотчину.

Независимости русского государства, помимо эволюционных, внутренних причин, способствовали два внешних фактора, ускоривших ход событий.

Прежде всего, конечно, распад Золотой Орды и слабость новых татарских ханств.

Во-вторых, прекращение конкуренции с Литвой. Литва продолжала оставаться сильной, но с середины пятнадцатого столетия она делает политический, религиозный, экономический, а затем неминуемо и культурный выбор, который разворачивает ее лицом к Западу и спиной к Востоку. Литовские правители принимают католичество, а элита начинает полонизироваться. «Вторая Русь» постепенно перестает быть русской – и соответственно уже не воспринимается как альтернативный Москве полюс централизации русского государства.

Окончание эпохи внешней зависимости хронологически совпало с завершением мучительной, ослабляющей государство раздробленности, которая в русской истории носит название «удельного периода». Это была общеевропейская тенденция. Примерно в то же самое время монархи нескольких других стран – Франции, Англии, Испании, той же Польши – после долгих, кровопролитных войн одолели своих соперников, подавили сопротивление крупных полунезависимых феодалов. Почти синхронно возникло несколько больших централизованных государств, которые в дальнейшем будут определять судьбы континента.

На Руси окончание удельного периода выразилось в том, что мелкие автономные феодалы один за другим отказывались от своих прав и признавали единодержавие московского государя. Тем самым они превращались из удельных в «служилые» князья, то есть признавали себя «слугами» монарха и владели своими землями просто как наследственными вотчинами. Если Василий Темный почти всю свою жизнь положил на борьбу с «удельными», то у его наследника серьезных проблем с младшими родственниками уже не будет.

Еще одним событием, имевшим огромное значение для русской истории, стал выход московской митрополии из-под патронажа

константинопольского патриархата. Русские правители еще со времен Ярослава Мудрого время от времени пытались добиться церковной самостоятельности, чтобы самим решать, кто будет главой национальной церкви, но случилось это лишь в последние годы княжения Василия Второго.

Как ни странно это прозвучит, но своей независимостью русская православная церковь обязана туркам-османам, победившим Византию и захватившим Константинополь.

Тысячелетняя империя, в XIV столетии пришедшая в совершенный упадок, должна была бы рухнуть на полвека раньше, потому что османы уже тогда оккупировали почти все окрестные земли, но существование Византии несколько продлилось благодаря Тамерлану: в 1402 году он наголову разбил армию султана Баязета, победителя Косовской баталии (1389 г.), и чуть было не уничтожил самое турецкую державу.

Османам понадобилось несколько десятилетий для того, чтобы восстановить свою мощь. При внуке Баязета султане Мураде II (1421–1451) турки наконец оправились и начали сжимать кольцо вокруг жалкого куска территории, оставшегося от прежней великой Византии. Дни Константинополя были сочтены.

Битва на Косовом поле, сделавшая турок хозяевами Балкан. *Картина А. Стефановича*

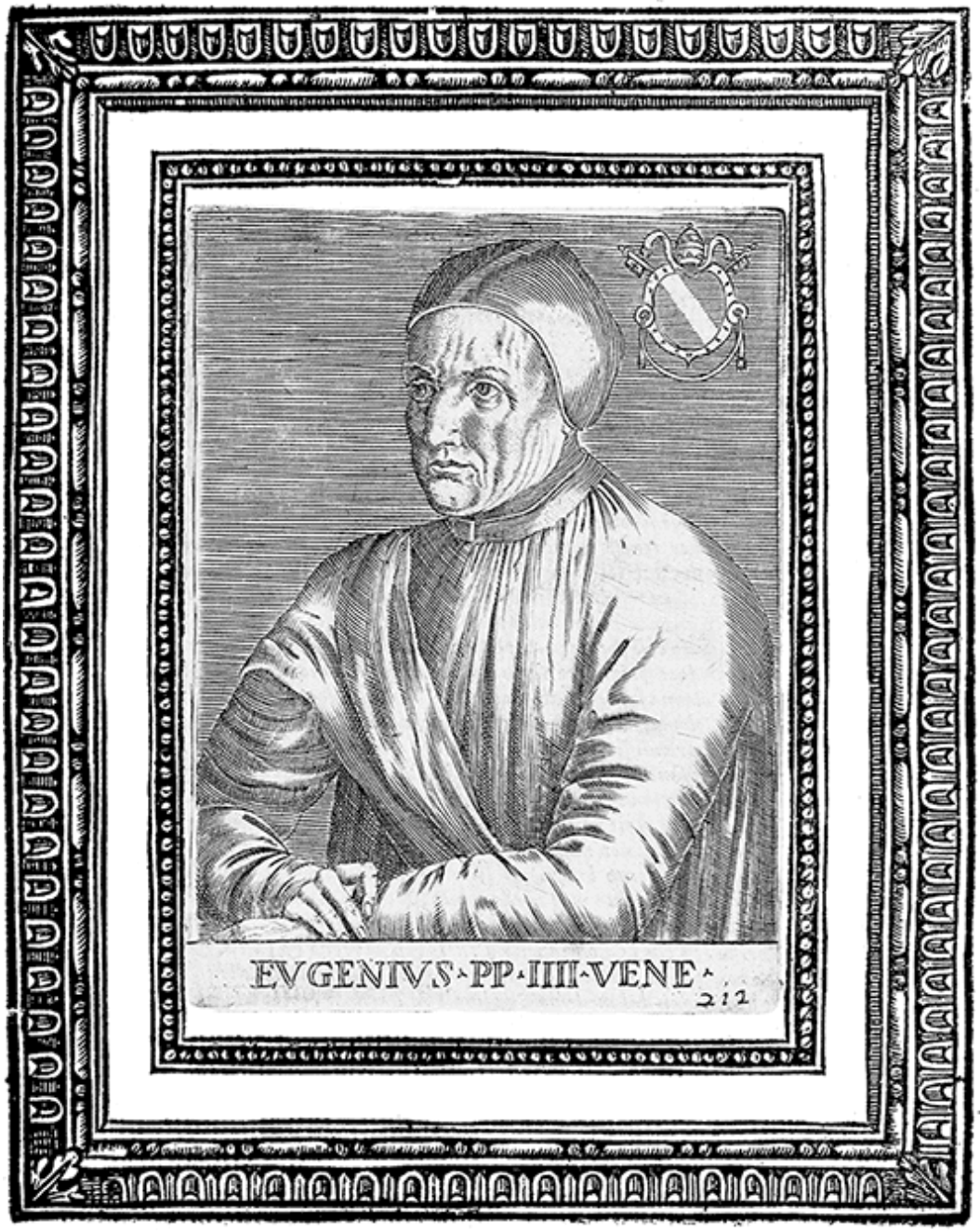
Тогдашний император Иоанн Палеолог (между прочим, женатый на русской княжне, сестре Василия Темного) очень хорошо понимал, что единственной защитой для обреченной страны может стать Западная Европа, издавна противостоявшая мусульманской экспансии. Духовным вождем Западной Европы был римский папа, только он мог бы мобилизовать силы католического мира против османов.

От безысходности базилевс пошел на крайнюю меру: предложил понтифику объединение Западной и Восточной ветвей христианства, причем предполагалось, что православие признает верховенство папы.

Карамзин пишет: «Старец умный и честолюбивый, Евгений IV, сидел тогда на Апостольском престоле: он именем Св. Петра обещал Императору Иоанну воздвигнуть всю Европу на Турков, если Греки мирно, беспристрастно рассмотрев догматы обеих Церквей, согласятся во мнениях с Латинскою, чтобы навеки успокоить совесть Христиан и быть единым стадом под началом единого Пастыря».

Началась подготовка к объединительному съезду католических и православных архиереев, который должен был покончить с уже почти четырехвековым расколом.

В те времена всё происходило очень неспешно, особенно если речь шла об обсуждении церковных догматов. Представительный собор, открывший свои заседания в Ферраре и Флоренции, а затем переместившийся в Рим, продолжался с 1438 по 1443 год.



Еще раньше начались сложные дипломатические маневры и интриги, не прекращавшиеся в протяжение всего этого пятилетия.

Мнения московской церкви касательно предстоящего слияния патриархия не запрашивала, однако русские иерархи тоже должны были отправить своих представителей на эпохальный синклит.

Для того чтобы всё прошло гладко, Константинополю требовалось поставить в русские митрополиты надежного человека, сторонника

будущей унии. Место как раз было свободно – престол пустовал.

В 1437 году в Москву приехал грек Исидор, которого безропотно приняли. Когда новый митрополит рассказал о грядущем соборе, русские епископы заволновались – они привыкли относиться к любым затеям Рима с подозрением. Но Исидор пообещал отстаивать интересы православия, и его отпустили в Феррару во главе целой миссии.

В Италии произошло то, что должно было произойти. После долгих схоластических дискуссий греческое духовенство пошло на компромиссы в вопросах догматических и, что главное, признало верховенство Святейшего престола. Христианская церковь воссоединилась, о чем Европу известила папская булла от 6 июля 1439 года.

Ученые споры продолжались еще долго, но политическая задача была выполнена, и митрополит Исидор, получивший кардинальскую шапку, отправился на Русь – присоединять ее к католическому миру. По дороге он задержался в Киеве, то есть в литовских владениях, где легко заручился поддержкой властей. Потом поехал в Москву, и здесь начались проблемы.

В 1441 году Исидор провозгласил на богослужении в Успенском соборе Кремля славословие его святейшеству папе, а потом известил собравшихся, первых лиц государства, о церковной унии.

Москве политические трудности византийского императора были безразличны, а признавать церковную власть римского понтифика, к которому на Руси привыкли относиться враждебно, никто не желал. Заволновались архиереи, заволновались миряне. Съезд русских епископов потребовал, чтобы митрополит отказался подчиняться решению Феррарско-Флорентийского собора.

Исидор упорствовал. Тогда его заключили в монастырь, откуда он бежал и после долгих мытарств вернулся в Италию.

Несколько лет Русь прожила без главы церкви. Духовенство всё надеялось, что Константинополь образумится и вернется к «отеческому преданию». Когда стало ясно, что ждать нечего, епископы сами избрали митрополита. Им стал рязанский архиерей Иона, впоследствии канонизированный русской церковью. Это произошло в 1448 году.

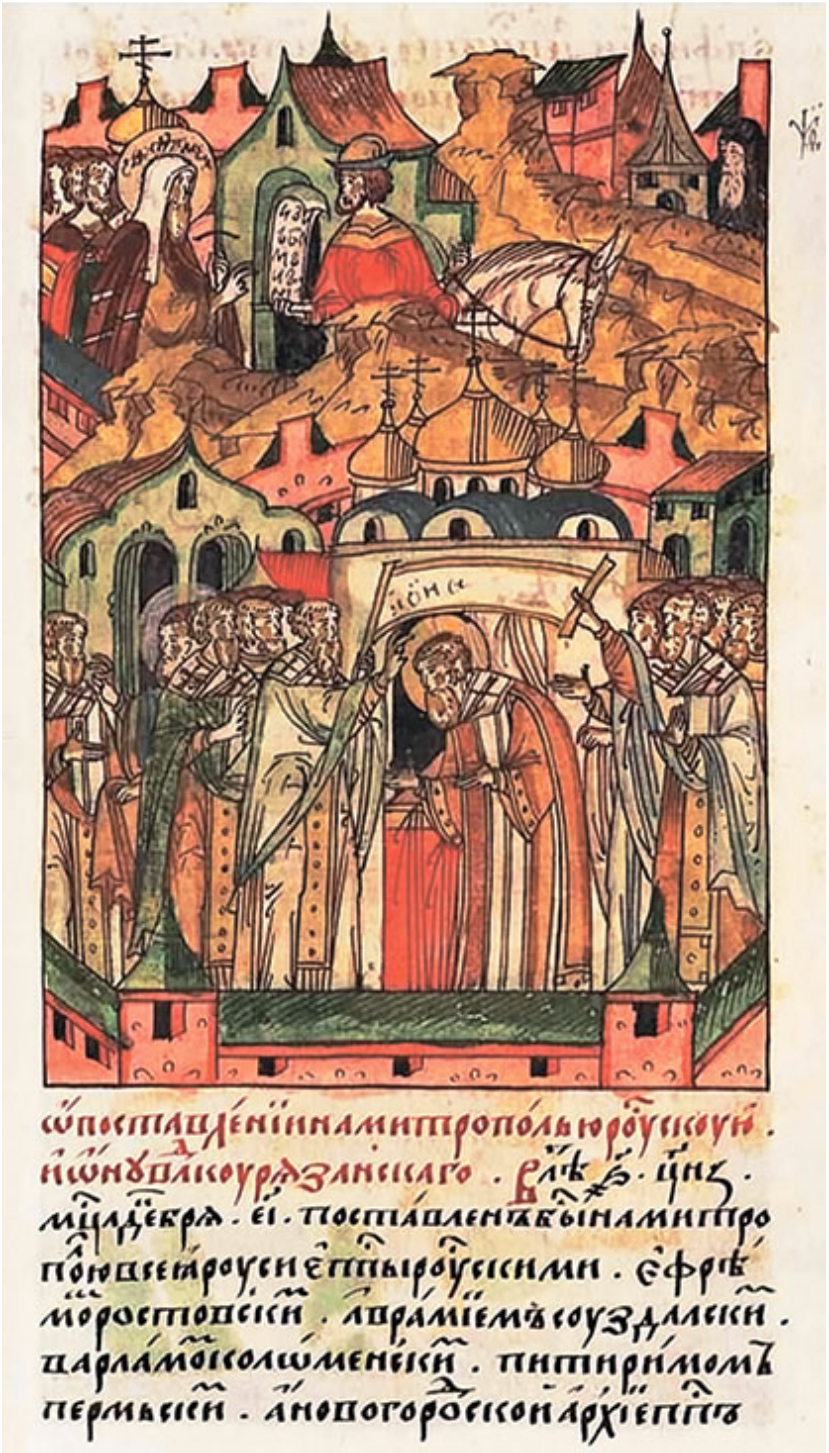
Поначалу говорилось, что это мера вынужденная и временная – лишь до тех пор, пока патриарх не восстановит независимость православия. Но возврата к прежнему уже не будет. Московская

церковь стала самостоятельной и отныне никого кроме московских же государей не слушалась.

Эта метаморфоза имела не только и не столько религиозное, сколько политическое значение. В существенной степени она определила историческую судьбу русского, а позднее российского государства.

В скором времени оглядываться на Царьград-Константинополь стало и не нужно, потому что звезда великого города померкла. Вернее, над ним отныне воссиял полумесяц.

Капитуляция перед Римом не спасла Византию, а лишь на короткое время отсрочила ее окончательную гибель. Великая империя и великий город так много значили в нашей истории, что было бы невежливо не рассказать о последних днях существования «Второго Рима», наследницей которого скоро объявит себя Москва.



Московский собор 1448 года. *Лицевой летописный свод*

Гибель Византии

Папа римский выполнил обещание, данное императору, и созвал крестовый поход. Правда, в войне приняли участие главным образом центральноевропейские страны, которых тревожило расширение османской державы. Англия и Франция были поглощены своей нескончаемой, уже столетней распрей.

В 1444 году довольно большое польско-венгерско-валашское войско, к которому присоединилось некоторое количество немецких и чешских рыцарей, двинулось на восток и недалеко от Варны встретилось с турками.

Азиатская армия превосходила европейскую дисциплинированностью и боевыми качествами. Разгром был ужасающим. В сражении полегла почти вся христианская рать. Погиб и двадцатилетний король Польши и Венгрии Владислав III, чью отрубленную голову султан потом долго держал в сосуде с медом.

Эта катастрофа предрешила участь Византии. Ждать помощи больше было неоткуда.

От страны осталась одна столица с окрестностями. По сравнению с временами наибольшего расцвета ее население сократилось раз в десять, дворцы полуразвалились, а стены, по-прежнему неприступные, было некому защищать – у императора осталось мало воинов.

Кроме того, в Константинополе царила смута. Люди отказывались посещать католические службы, духовенство в открытую бунтовало (в 1451 году униатскому патриарху даже пришлось бежать в Рим), а турки всё сжимали кольцо. Они не торопились.

Только весной 1453 года юный султан Мехмед II приступил к осаде. У него было стотысячное войско, мощная артиллерия, флот. Город был полностью блокирован. У последнего базилевса Константина IX Палеолога было меньше десяти тысяч воинов, однако капитулировать он отказался и погиб с мечом в руке.

Константинополь прекратил свое существование. Его место занял Стамбул, центр новой азиатской империи.

Въезд Мехмеда II в Константинополь. *Ж.-Ж. Бенжамен-Констан*

Хотя Византия находилась далеко от московских владений и давно уже перестала играть сколько-нибудь важную роль в русской жизни (в последние годы даже и церковной), крах империи оказал судьбоносное влияние на ход нашей истории.

Это событие по времени совпало с возрождением русской государственности, когда у московских великих князей росло ощущение своей значимости и своего величия. К этому прибавлялись воспоминания о былой близости к Византии, порождавшие новую государственную мифологию. Кроме того, русская церковь стала воспринимать себя как хранительницу православной веры, а русский государь начал считать себя гарантом и оберегателем этого священного огня.

Так, юридически еще оставаясь вассалом Орды, психологически Москва начинала готовиться к тому, чтобы взять на себя роль преемницы Константинополя. Но эта тема относится уже к другому периоду русской истории, и на ней я рассчитываю подробно остановиться в следующем томе.

Русское общество в конце ордынского периода

Долго просуществовав в составе азиатской державы, когда для выживания пришлось обзавестись новыми качествами – гибкостью, приспособляемостью, способностью к мимикрии, – славянско-варяжско-византийская Русь очень сильно изменилась.

С середины тринадцатого до второй половины пятнадцатого века страны с таким названием на условной географической карте не было. Но вот страна возродилась, и обнаружилось, что, оторвавшись от Азии, обратно в Европу она возвращаться не хочет и не может.

Выпадение из общеевропейского вектора государственной и социальной эволюции сказывалось на самых разных уровнях. Московия, как скоро станут называть новую Русь иностранцы, будто повисла между Западом и Востоком, вобрав в себя родовые черты обеих цивилизаций. Ничего уникального в такой исторической судьбе, впрочем, нет. В сходном положении оказались Болгария, Валахия, Сербия и Греция, поглощенные османской волной, – им будет суждено сделаться частью азиатского мира на еще более долгий срок, а бывшая

столица Византии навсегда потеряет свой римско-греческий облик и превратится в символ Востока.

Заглавная тема данного сочинения не предполагает подробного описания общественной жизни Руси, но все же необходимо обозначить те изменения в структуре и внутреннем укладе русского социума, которые сыграли существенную роль в дальнейшей судьбе нашего государства.

Прежде всего следует сказать, что с XV века уже можно считать русскую нацию в целом сформировавшейся.

Русские, они же великороссы, – потомки той части русославян, которая оказалась сначала в зоне монгольской оккупации, а затем в положении ордынской колонии-провинции. (Если кому-то из читателей не по душе неуклюжий термин «русославяне», можно выразиться еще более нескладно: русские – потомки *восточных* и *северных* восточных славян.)

Остальные русославяне (если угодно, «*западные* и *южные* восточные славяне») попали под власть литовских государей и пошли иным путем, со временем разделившись на украинцев и белорусов. Процесс размежевания русославян происходил постепенно, так что совершенно невозможно сказать, начиная с какого момента прото-нация разветвилась. В конце XV и начале XVI века некоторые западнорусские земли перешли в состав московского государства, и их жители, по-видимому, безо всякого напряжения влились в состав великороссов.

В речи русославян, живших в разных областях и исторически относившихся к разным племенам, наверняка и раньше существовали диалектальные особенности, но в монгольские времена эти различия усугубились и в конце концов привели к образованию трех разных языков: русского, украинского и белорусского. Лингвистическое обособление, впрочем, завершится только в семнадцатом веке, однако уже в середине пятнадцатого великорусское общество по своей структуре сильно отличалось от малороссийского, и оба далеко ушли от древнерусской основы.

Русские, украинцы и белорусы. *Гравюры XIX в.*

Теперь в социальном смысле московское государство (скоро это словосочетание станет синонимом «русского государства») представляло собой жесткую пирамиду, вершиной которой являлся один-единственный человек – великий князь. В Древней Руси власть принадлежала всему княжескому роду, где великий князь считался «старшим братом», первым среди равных. Отныне же его начинают именовать «отцом», власть его приближается к абсолютной, он становится самодержцем. Это наследственный монарх, чьи поступки не ограничены ни единым для всех законом, ни каким-либо представительным органом и определяются лишь политической целесообразностью, инстинктом самосохранения, да собственной прихотью.

Централизация власти, со временем развившаяся до уровня абсолютизма, с одной стороны, произошла под влиянием монгольской модели государственного управления; с другой стороны, эта трансформация была продиктована реалиями русской политической и экономической жизни. Лишь единовластие могло вывести страну из периода раздробленности и гражданских войн.

В монгольскую эпоху совершенно изменились матримониальные обычаи русских князей. Во времена могущества Киева брачные союзы с другими европейскими династиями были для Руси обычным делом – например, Ярослав Мудрый выдал всех своих дочерей за иноземных

принцев. Позднее, в период раздробленности, когда привлекательность русских женихов и невест поблекла и появилось дополнительное осложнение из-за разделения церквей, Рюриковичи стали жениться между собой либо родниться с ближайшими соседями: восточные князья – с половецкими ханами, западные – с польскими и венгерскими монархами.

Когда же восточная Русь стала монгольской провинцией, самой выгодной партией для князей считался брак с ордынской царевной, что означало повышение статуса, давало защиту от соперников и помогало обзавестись покровителями в ханской ставке.

Часто роднились с литовскими князьями, многие из которых были, собственно, такими же русскими по крови. Но поскольку политический масштаб каждого русского князя очень сузился, самым распространенным явлением были браки с непосредственными соседями.

В удельный период, когда для правителя важнее всего было сохранить внутреннее единство своего небольшого государства, великие князья охотно вступали в семейные союзы с собственными вассалами – удельными князьями и даже боярами, от поддержки которых всецело зависели.

Редкий случай «экспортного» брака – уже поминавшееся замужество княжны Анны, дочери Василия Темного, с греческим царевичем и будущим императором Иоанном Палеологом. Однако в этой свадьбе престижности было больше, чем выгоды, поскольку Византия давно уже ослабела и обеднела, а Москва слыла сильной и богатой.

Впрочем, зажиточность московских государей была весьма относительна – очевидно, они казались богатеями по сравнению с другими князьями. За время оккупации и несвободы Русь и ее правители сильно обнищали.

Составить представление о размерах личного имущества великих князей можно по их завещаниям, в которых перечислено всё хоть сколько-то ценное, вплоть до одежды.

Например, знаменитый скопидомством Иван Калита оставил после себя двенадцать золотых цепей, девять дорогих поясов, девять золотых сосудов, десять серебряных блюд, четыре «чума» и «чумка» (кубки, бокалы) и какую-то

специально названную «коробочку» (вероятно, шкатулку). Вот и все сокровища.

Его обедневший сын Иван владел уже только пятью цепями, четырьмя поясами да всякой мелкой чепухой, среди которой поминается даже «стакан цареградский».

Великого князя окружала высшая аристократия – бояре. Это были старшие сановники, входившие в думу, ближний совет при монархе. Все бояре являлись крупными землевладельцами, а некоторым принадлежали целые волости и города.

Великокняжеские сокровища

Знатнейшие из бояр носили княжеский титул, который, однако, больше не означал владетельного статуса. Эти «служилые» князья по своему происхождению делились на три группы: бывшие «удельные»

Рюриковичи, переехавшие из литовских краев Гедиминовичи и Чингизиды из числа татарских царевичей, поступивших на московскую службу.

Нетитулованные бояре были потомками старших дружинников, татарских мурз и знатных мужей, перебравшихся в Москву из других областей.

Боярское сословие по-прежнему обладало огромным влиянием, хоть уже и не таким, как в предшествующий период, когда московский государь всецело зависел от поддержки аристократии. С середины XV века монархическая власть начинает тяготиться чрезмерной мощью боярства и его анахроничными для централизованного государства привилегиями – например, правом свободного перехода к другому сюзерену. К тому же у главнейших бояр (они назывались «большими») имелись собственные вооруженные отряды, иногда значительные. Во время войны они вливались в княжеское войско, но в случае междоусобицы или мятежа могли стать угрозой для государства.

Проблема слишком сильной аристократии будет еще долго беспокоить русских самодержцев. Окончательно ее решит сто с лишним лет спустя Иван Грозный, прибегнув к крайним мерам.

В пятнадцатом столетии на Руси возникает и начинает укрепляться новое сословие, которому было суждено заменить боярство в качестве костяка и опоры российского государства: дворяне. (Сам термин в это время еще мало употребляется, и я использую его для простоты.)

Дворянство складывалось из нескольких социальных групп.

Во-первых, из младшей великокняжеской дружины – гридней.

Во-вторых, из великокняжеских слуг, находившихся в подчинении у главного управителя. Он назывался *дворским* – возможно, отсюда и пошло название «дворяне».

В-третьих, из «боярских детей», обедневших отпрысков боярских родов.

Кроме того, в новое сословие попадали старшие слуги татарских царевичей, а также простолюдины, получавшие награду за заслуги.

Дворяне занимали средние и мелкие должности в гражданской администрации, а в войске выполняли «офицерские» функции, не поднимаясь до «генеральских» постов, предназначенных для боярства.

Великий князь наделял дворян поместьями (землями, которые давались только на время службы), а кроме того *сажал на кормление* –

позволял кормиться за счет занимаемой должности. (Взгляд на рабочее место как на источник личного дохода у российских государственных служителей окажется очень прочным, переживет смену всех формаций и, в общем, сохранится вплоть до нынешнего дня.)

Для самодержавия дворяне, конечно, были удобнее и надежнее боярства. Они целиком зависели от государственной службы, не помышляли о вольностях и знали, что могут возвыситься только за счет своего рвения и преданности монарху.

Со временем разница между боярами и дворянами начнет стираться, а затем потомки боярских фамилий растворятся среди дворянства, но это произойдет еще очень нескоро.

К этой же эпохе относится значительное разрастание еще одного привилегированного сословия – духовенства. Священники и монахи на Руси, конечно, существовали и раньше, однако их было мало и они не играли такой важной роли в общественной жизни.

Верхушка православной церкви во главе с митрополитом обрела огромное политическое влияние, однако не была самостоятельной. Церковь стала такой могущественной, потому что вошла в тесный союз с государством. Это принесло ей богатство и власть, но в то же время поставило ее в подчиненное положение по отношению к монарху. У церкви до какой-то степени сохранялась независимость от великих князей лишь до тех пор, пока митрополитов назначал или утверждал Константинополь. Правда, русские митрополиты и тогда, следуя византийской традиции, редко вступали в конфликт с государями – ведь константинопольские патриархи тоже стремились во всем помогать базилевсам.

После того, как русские сами стали выбирать главу своей церкви, в митрополиты мог попасть только кандидат, одобренный великим князем либо попросту им же выдвинутый. Времена, когда митрополит выступал в качестве третейского судьи в споре между земными владыками, ушли в прошлое.

Численность духовенства стала быстро расти благодаря повсеместному монастырскому строительству. О культурном и экономическом значении этого явления я уже рассказывал, однако само увеличение количества монахов еще не вело к формированию устойчивого сословия – ведь иноки не заводили семей и не давали потомства. Но кроме монастырей по всей Руси, вследствие общего

подъема религиозности, возводились церкви и возникали новые приходы. Представители белого духовенства были заинтересованы в том, чтобы их сыновья тоже надевали рясы. Если поповский сын не шел по стопам отца, он лишался привилегий духовного звания и превращался из «митрополичьего человека» в «княжьего человека», то есть попадал в податное состояние.

Так множилась и разрасталась прослойка, выполнявшая очень важную общественную функцию. Неверно было бы назвать духовенство самым грамотным сословием позднесредневековой Руси – фактически это было *единственное* грамотное сословие. Уровень книжности катастрофически упал. Люди недуховного звания, как правило, не умели ни читать, ни писать. Только в Новгороде, меньше пострадавшем от завоевания, сохранялись остатки бытовой грамотности.

Сомнительно даже, умели ли писать великие князья. Дмитрий Донской, как мы помним, «книгам неучен беаше». Про Василия Темного в летописи тоже сказано, что он и в зрячую свою пору не был «ни книжен, ни грамотен».

Священные книги читали только люди церковные. Хроники и жития писали только монахи. Литературы светской почти не было, если не считать таковой военные полуповести-полулетописи вроде «Сказания о Мамаевом побоище» или «Сказания о прихожении Тахтамыша-царя». Любовных баллад монахи не писали и сказок не сочиняли.

Боярская аристократия, дворянство (которое, повторю, еще так не называлось) и духовенство, разумеется, составляли лишь крошечный процент народа. Все остальные жители Руси были «тяглыми» людьми, то есть исполняли податные обязанности.

Особую группу составляли купцы. Она была малочисленней, чем в домонгольские времена, поскольку производство, ремесла и, соответственно, товарооборот очень сильно сократились.

Меньше стало и городов, а значит горожан. Новая Русь оказалась страной в гораздо большей степени деревенской. В киевские и владимирско-суздальские времена жители крупных городов обладали множеством вольностей. Они решали важные вопросы на вече, в случае

необходимости собирали ополчение. Часто бывало, что они изгоняли князей, в том числе и великих.

Монгольское владычество всё переменило. Многие города пришли в упадок и обезлюдели, не оправившись от разорения. Помимо общих для завоеванной Руси налогов и повинностей города часто облагались еще и дополнительными поборами. А когда в пятнадцатом веке в Орду перестали посылать «выход», «татарская» дань все равно бралась, только теперь она оседала в великокняжеской казне. Былые городские свободы забылись, до поры до времени сохранившись лишь в Новгороде.

Облик русских городов почти не изменился, потому что зодчество не развивалось, а скорее деградировало. Правда, в нескольких политических центрах (Новгороде, Пскове, Москве, Нижнем Новгороде) появляются каменные кремли – необходимость, вызванная бесконечными войнами. Но дома, дворцы и, за редким исключением, церкви строятся из дерева, поэтому постоянно происходят большие пожары. Согласно летописи, за сорок лет (с 1413 до 1453 года) Москва из-за скученности строений выгорала семь раз: в 1413, 1414, 1415, 1422, 1442, 1445 и 1453 гг.

Новгородский кремль

Хоть с появлением централизованного государства население городов начало увеличиваться, подавляющую массу народа составляли сельские жители. Их называли «сиротами», что красноречиво описывает качество жизни главного русского сословия. Монастыри, владевшие земельными угодьями и селившие там землепашцев, именовали их просто «христианами». Примерно с конца XIV века это название – *хрестьяне*, затем *крестьяне* – распространилось на всех деревенских обитателей.

Некоторые крестьяне владели собственной землей, другие получали ее в аренду – таких было намного больше. Первые платили подати только великому князю, вторые – еще и владельцу земли (боярину, помещику или монастырю). Кроме того, арендаторы должны были исполнять трудовую повинность – барщину.

При этом крестьяне оставались лично свободными – за исключением холопов: это были неисправные должники или те, кто добровольно продался землевладельцу, а также их потомство.

Личная свобода означала, что крестьянин может переселиться на другое место. Кроме того, даже если земля не была его собственностью, крестьянина нельзя было с нее согнать – пока он выполнял установленные обязательства, то есть платил оброк и отрабатывал барщину.

Но с середины пятнадцатого века, когда централизующееся государство стало ограничивать права всех сословий, начиная с высшего, эта генеральная тенденция затрагивает и основной класс русского населения: появляются первые признаки *закрепощения*, то есть прикрепления крестьян к месту жительства. Сильной власти были ни к чему как вольно отъезжающие бояре, так и блуждающие крестьяне.

Раньше право передвижения арендатора ограничивалось лишь долговыми обязательствами перед землевладельцем. Расплатившись, крестьянин мог отправляться на все четыре стороны.

Потом появилась особая пошлина – *пожилое*, нечто вроде компенсации за потерю рабочих рук или благодарности за временное пользование участком, причем эта плата могла быть значительной.

Чтобы крестьянин не уходил до сбора урожая, бросая барщину и тем самым причиняя ущерб хозяину, право ухода вскоре ограничат коротким периодом после окончания осенних работ: две недели до Юрьева дня (26 ноября) и неделя после.

Таким образом, арендаторы фактически являлись людьми вольными всего три недели в году. Но и тот, кто владел собственной землей, сам себе не принадлежал – он назывался «человеком великого князя». Согласно монгольской традиции, перенятой Москвой, все жители страны считались слугами государя, и по-настоящему свободен был только один человек – самодержец.

В суровую эпоху всеобщей несвободы, бесправия, татарских набегов и беспрестанных междоусобиц не могли не ожесточиться нравы.

Если раньше, по «Русской правде», на Руси не существовало смертной казни даже за тяжкие преступления, то теперь умеренность прежних правил общежития стала анахронизмом, непозволительной роскошью.

Долгое время законов вообще не было, вернее властвовал лишь один закон: кто сильнее, тот и прав. С. Соловьев пишет: «от времен Василия Ярославича [сына Невского] до Иоанна Калиты отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство». Жизнь хоть по каким-то правилам возобновляется лишь с правления рачительного Ивана Даниловича. Москва потому и стала центром собирания русских земель, что воспринималась как зона относительного порядка.

Об упадке городской жизни, искусств и ремесел я уже говорил, но деградация проявлялась и на уровне бытового поведения, человеческих отношений. Нравы упростились и огрубели. В деревнях это, вероятно, ощущалось меньше, чем в городах и в высших кругах общества.

Есть два параметра, по которым можно было в средние века определить уровень развития цивилизации.

Один мы недавно поминали – доля образованных людей, которая на Руси за время монгольского владычества очень сократилась.

Вторым является социальное положение женщин. По сравнению с древнерусскими временами оно сильно ухудшилось. Раньше женщины пользовались довольно высокой степенью свободы; теперь жен и дочерей в богатых домах стали держать взаперти.

Соловьев полагает, что эта новация была вызвана желанием в неспокойные времена уберечь слабый пол от посягательств, «волею или неволею удержать в чистоте нравственность, чистоту семейную». На самом деле, вероятно, здесь сказалось влияние азиатских обычаев. Перейдя в ислам, татары отошли от монгольских традиций равноправия полов, вызванного суровыми условиями степной жизни, и начали, согласно предписаниям Корана, прятать женщин от чужих глаз. Так же стали поступать и русские. (Единственным исключением и здесь был Новгород.)

Другим, еще менее симпатичным заимствованием ордынского опыта, было введение в систему наказаний смертной казни и телесных истязаний.

Напомню, что во время междоусобной войны Василий Косой вешал несогласных, а Шемяка топил слуг великого князя в реке, но ничем не лучше был и Василий II. В последние годы своей жизни он жестоко расправился с людьми князя Василия Ярославича Серпуховского, помещенного под стражу. Дружинники, сохранившие

верность этому несчастному князю, попытались его освободить, но были схвачены и преданы явно нерусским мучениям: им отрубали руки, отрезали носы, били кнутом, а потом обезглавили.

Казнь врагов. *Миниатюра из «Жития Александра Невского»*

Сильно ожесточились войны. Раньше русские пленников не умерщвляли, а оставляли для выкупа или обращали в холопов. Теперь могли и убить, притом по-зверски. Нижегородцы во время вражды с мордовцами затравили сдавшихся воинов противника собаками. Соловьев пишет: «Смольняне во время похода своего на Литву младенцев сажали на копья, других вешали стремглав на жердях, взрослых давили между бревнами», а «ругательства псковичей» над пленными ратниками Витовта историк описывать отказывается – очевидно, это было что-то совсем уж гнусное.

Конечно, было бы несправедливо винить во всем этом одно лишь ордынское влияние. *Нормализация жестокости* стала общим следствием огрубления нравов. Вследствие пережитых испытаний и понесенных потерь русская цивилизация заметно посуровела.

Второе русское государство, московское, после долгого перерыва явившееся на смену прежнему, изначальному, киевскому, а затем владимиро-суздальскому, тоже было грубее, жестче, несвободнее. Но у него имелось и одно ключевое преимущество: оно было прочнее сколочено, а стало быть, обладало бóльшей жизнеспособностью.

Пожалуй, закончу описание этого травматичного периода нашей истории карамзинской цитатой: «Человек, преодолев жестокую болезнь, уверяется в деятельности своих жизненных сил и тем более надеется на долголетие. Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии так, что История едва ли представляет нам два примера в сем роде. Веря Провидению, можем ласкать себя мыслию, что Оно назначило России быть долговечною».

Заключение. Ордынское в российской государственности

Возникает естественный вопрос: почему Орда и Русь, два с лишним века просуществовав одной страной, так и не слились в единое государство, в котором правящая верхушка была бы татарской, а основная масса населения русской? Ведь в ряде других захваченных монголами стран это произошло.

Причин было несколько. Главная, вероятно, заключалась в том, что ханы относились к Руси как к колонии, сугубо паразитически – то есть не как рачительные хозяева, а как грабители: норовили выкачать побольше дани и забрать для своих нужд побольше людей.

Кроме того, ассимилируясь среди тюркских племен, ведших одинаковый с ними образ жизни, монголы совершенно не смешивались с русославянами. «Если бы Моголы сделали у нас то же, что в Китае, в Индии или что Турки в Греции; если бы, оставив степь и кочевание, переселились в наши города, то могли бы существовать и доныне в виде Государства», – пишет Карамзин, имея в виду государство, общее с русскими. Но монголы, превратившиеся в татар, продолжали жить географически обособленно и построили себе собственные города, оказавшиеся недолговечными.

Ну и, конечно, Русь не могла превратиться в татарское государство после того, как Золотая Орда выбрала в качестве государственной религии ислам. Был момент – во время правления Сартака, христианина и покровителя Александра Невского, – когда, кажется, возникла реальная возможность «английско-нормандского» варианта, при котором завоеватели и завоеванные превращаются в одну нацию, но новый хан прожил недолго, а его преемник Берке уже был мусульманином.

Таким образом, симбиоза не произошло. Русские и татары остались жить в одном государстве, но оно так и не сделалось общим. В нем произошла смена элит и, соответственно, всей системы управления. Сначала русские жили под властью татар, потом (это относится к эпохе, которая будет описана в следующем томе) татары стали жить под властью русских.

Московское, а затем российское государство получилось русским. Но оно унаследовало много черт от Золотой Орды. По мнению ряда историков, это наследие даже явилось *главной* составляющей новой русской государственности.

Попробуем выделить эти «монгольские гены».

Большинство исследователей согласны в том, что самодержавие, российская форма абсолютной монархии, возникла по ордынскому образцу. В пятнадцатом и шестнадцатом веках во многих европейских странах шли централизационные процессы и укреплялась власть монархов, но нигде авторитаризм не достиг такой совершенной степени.

Власть московских великих князей постмонгольского периода была намного сильнее, а статус намного выше, чем у современных им европейских королей, не говоря уж о русских государях киевского и владимиро-суздальского периода.

Вознесение монарха на недостижимую высоту было одним из краеугольных камней системы, созданной Чингисханом. Это позволяло удерживать в повиновении массу разношерстных и буйных племен, из которых состояла великая степная империя. Еще Плано Карпини в XIII веке с удивлением писал: «Татары более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними».

Переняла Москва и весьма неприятный атрибут ордынского абсолютизма – традицию унижения подданных перед монархом. В Орде обычай самоуничижения (простирание ниц, словесная декларация своей ничтожности и рабского подчинения) исполнял функцию сакрального ритуала. Первым Рюриковичам, являвшимся в ханскую ставку, исполнение этого церемониала давалось нелегко, некоторые даже поплатились жизнью за строптивость. Однако со временем русские великие князья привыкли к ордынским обыкновениям, оценили их полезность и стали насаждать те же правила у себя дома. «Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, возвращались оттуда грозными Властелинами», – пишет Карамзин.

Монгольским наследием, по-видимому, является и присущая нашей политической культуре сакрализация государства как некоей сверхценности, высшей идеи.

В свое время русских поразила новая для них концепция Великой Державы, так убедительно реализованная Чингисханом и его ближайшими потомками. В этой идеальной державе, превосходно организованной и дисциплинированной, все жители подчинены единой воле, а общество в целом представляет собой некую жесткую пирамиду, поднимающуюся к одной вершине.

Домонгольская Русь даже в период сильной великокняжеской власти не жила по приниципу административной вертикали. Монарх должен был считаться с волей аристократии и вечевой демократией городов. По сравнению с государством Чингисхана, это была гораздо более свободная система, и, как правители ни пытались взять ее под свой контроль, у них ничего не получалось. Помогло монгольское завоевание. «Совершилось при Моголах легко и тихо чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк Вечевой колокол, глас вышнего народного законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славянороссов», – сожалеет по этому поводу императорский историограф Карамзин, забыв, что целью его сочинения вообще-то являлось прославление благ самодержавия.

Во «втором» русском государстве, по чингисхановскому примеру, все жители будут считаться слугами государства. Каждый, от первого боярина до последнего крестьянина, окажется состоящим на службе и лишится права ее покинуть. Поскольку передвижения народной массы контролировать труднее, чем поведение немногочисленной аристократии, государству придется ввести крепостное право, которое продержится до середины XX века, с перерывом между 1861 и 1920-ми годами, когда оно воскресло в виде колхозной системы.

Всё население поделится на две численно неравные категории: тех, кто платит государству деньги (*тягловые люди*), и тех, кто получает от государства содержание (*служилые люди*). Вторые будут находиться – и поныне находятся – в привилегированном положении, но взамен обязаны быть лояльными и исполнительными. При этом, поскольку привилегированное сословие было бесправно перед государем, оно не признавало никаких прав и за нижестоящими. Вот почему в русском крепостничестве было столько жестокости, самодурства и бесчеловечности. В худшие годы крепостного права помещики обращались со своими крестьянами, как с рабами – могли как угодно

глумиться, продавать оптом и в розницу, разлучать семьи, а то и замучить провинившегося холопа до смерти.

С «азиатской» сакрализацией самодержца как высшего носителя государственной идеи напрямую связана самая болезненная проблема российской государственности: слабость юридических институтов и неукорененность европейской концепции о верховенстве закона над исполнительной властью.

При ордынской организации управления было бы странно, если бы хан соизмерял свои желания с внешним диктатом каких-то там законов. Это нарушило бы принцип абсолютной власти. Управление осуществлялось не по законам, а по ханским указам.

Этот удобный принцип взяли на вооружение и московские государи, далеко уйдя от духа «Русской правды», смысл которой был совершенно противоположен: ограничить произвол сильных некими твердыми, логичными и общепонятными правилами.

В те самые времена, когда в Западной Европе, начиная с английской Великой Хартии 1215 года, постепенно, пускай очень медленно, набирает силу движение за правовое устройство, при котором правитель будет должен повиноваться законам, на Руси укрепляется тенденция прямо противоположного свойства, не изжитая и до сегодняшнего дня. Одна из самых древних и живучих русских пословиц: «Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло».

Может создаться впечатление, что «монгольское» наследство российской государственности представляет собой набор исключительно негативных черт, но это не так.

Очень важным качеством, приобретенным в результате «монголизации» Руси, стала удароустойчивость конструкции, способность к мобилизации всех ресурсов и национальных сил в момент большой опасности. Эта характеристика начисто отсутствовала у древнерусского конгломерата родственных, но разрозненных княжеств, что привело страну к гибели в 1238 году. Все последующие испытания (а среди них были не менее суровые, чем монгольское нашествие), Россия сумела выдержать – думается, в первую очередь благодаря «азиатскости» и жесткой «вертикальности» государства. В эпоху, когда конфликты решались военными, а не экономическими или

культурно-пропагандистскими методами, эта модель, обладающая массой недостатков, раз за разом подтверждала свою прочность.

Другой позитивной особенностью «второго» русского государства стала позаимствованная у Орды веротерпимость и – шире – просто терпимость к иному образу жизни. Без этого Москве не удалось бы построить огромную долговечную империю, в которой худо-бедно, но уживались разноязыкие, разнокультурные и по-разному верующие нации. Монголы правили завоеванными народами, не особенно вмешиваясь в уклад их жизни, – лишь бы были послушны и исполняли все повинности. По тому же принципу станет управлять новыми территориями и Россия, правители которой, быть может, и не сознавали, что осуществляют заветы Чингисхана, а просто следовали устоявшимся обычаям и здравому смыслу.

Историки и политики позднейших времен много спорили о том, чего больше в российской государственности – ордынского или византийского.

Официальная доктрина всегда настаивала на второй концепции. Византийство выглядело импозантнее, позволяло обозначить вселенскую преемственность, восходящую через Второй Рим к Первому, и тому же связывалось с лидерством в православной эйкумене. Русские цари и императоры соотносили себя с базилевсами, а не, упаси боже, с татарскими ханами.

Однако на самом деле преемницей Византии стала не Русь, а Османская империя, в период своего расцвета почти полностью восстановившая пределы ромейской державы. Россия же, как нетрудно заметить, на протяжении всей своей послемонгольской истории стремилась занять пространство былого «улуса Джучи» – и, в общем, этого добилась, даже двинулись дальше. Народы Азии называли российского императора «Белым Царем», что сопрягалось с памятью о Белой (Золотой) Орде и до известной степени легитимизировало российскую экспансию на восток.

Получается, что византийское в нашей государственности носило скорее декоративный и идеологический характер, ограничиваясь декларациями и риторикой («Третий Рим», «огонь древнего благочестия», не осуществленная мечта «водрузить крест над Святой

Софией» и т. д.), в то время как в строении и практике государственной жизни преобладало наследие Сарая, а отнюдь не Константинополя.

Самое главное, судьбоносное следствие «монгольского» пути, которым пошла Москва, проявилось не сразу.

Существует распространенная точка зрения, согласно которой самодержавный характер русской власти и крепостное право были необходимой платой за восстановление независимости. Если так, то с достижением этой задачи усиление абсолютизма и закрепощение крестьянства прекратились бы, однако оба процесса продолжали развиваться. Полагаю, дело в том, что «чингисхановский» алгоритм государственного устройства не мог удовлетвориться миссией национального возрождения; он предполагал более масштабное целеполагание: создание империи.

Московия, а за нею Россия унаследовала великую монгольскую мечту об объединении Евразии от океана до океана. Конечно, никакой Василий Темный или даже Иван Третий в таких категориях не мыслили, но архитектурная логика их государственного строительства обрекала страну на движение по имперскому сценарию.

Едва окрепнув, «второе» русское государство начнет двигаться по этому ухабистому маршруту.

Хронология

1162? – родился Темучин

1195–1263 – годы жизни создателя литовского государства Миндовга

1206 – Темучин провозглашен Чингисханом, «вселенским властителем»_____

1211 – Чингисхан приступил к завоеванию Китая

1219–1221 – Чингисхан завоевал Среднюю Азию

1223, 31 мая – битва на реке Калке

1225 – Конрад Мазовецкий пригласил в Прибалтику рыцарей Тевтонского ордена

1227 – смерть Чингисхана

1234 – победа Ярослава Всеволодовича над рыцарями-меченосцами у реки Омовжи

1235 – великий курултай принял решение о Западном походе

1236 – Бату-хан завоевал Булгарию

1236 – кризис Ордена меченосцев

1237 – создание Ливонского ордена

1237–1238 – первая русская кампания Бату-хана. Северо-восточные русские княжества утратили независимость

1238, 4 марта – битва на реке Сити

1240, 15 июля – битва Александра Ярославича с шведами на Неве

1240 – вторая русская кампания Бату-хана. Завоевание юго-восточной Руси монголами

1240–1242 – европейская кампания Бату-хана

1242, 5 апреля – битва на Чудском озере

1246 – смерть Ярослава Всеволодовича на обратном пути изКаракорума

1250–1259 – правление великого хана Мункэ

1254 – Бату-хан основал столицу Золотой Орды

1255 или 1256 – смерть Бату-хана

1257–1259 – монгольская перепись русского населения

1258 – монголы захватили Багдад

1260? – основан город Сарай-Берке

1260–1294 – правление великого хана Хубилая

1260 – первая война между Чингизидами; Монгольская империя перестала быть единой державой

1266–1299 – княжение Довмонта в Пскове

1268 – битва при Раковоре

1279 – окончание монгольского завоевания Китая

1282–1299 – в Орде смута и двоевластие

1293 – монгольское войско опустошило северо-восточную Русь

1293 – шведы построили крепость Выборг

1299 – Тохта-хан одержал победу над Ногаем

1302 – начало возвышения Москвы

1319 – в Орде казнен Михаил Тверской

1321 – Литва захватила Киев

1327 – Тверское восстание против татар

ок. 1328 – Москва стала резиденцией митрополита

1345 – Ольгерд стал великим князем Литовским

1346 – Ливонский орден выкупил у датской короны Эстонию

1346 – чума в ордынских землях

1352 – пандемия чумы добралась До Руси

ок. 1359 – в Орде начался период междоусобиц «Великая замятия»

1362 – победа Ольгерда при Синих Водах

1367 – в Москве началось строительство каменного Кремля

1368 – Москву осадил и не смог взять Ольгерд

1368 – крах монгольской династии в Китае

1378 – битва на Воже

1380, 8 сентября – Куликовская битва

1382 – взятие Москвы ханом Тохтамышем

1385 – Ягайло Литовский женился на Ядвиге Польской; династическая уния двух государств

1391 – Тохтамыш разбит Тамерланом

1392 – литовский престол занял Витовт

1395 – поход Тамерлана на Русь

1399, 12 августа – сражение на Ворскле

1406–1408 – московско-литовская война

1408 – поход Едигея на Русь

ок. 1411 – начало распада Золотой Орды на отдельные государства

1413 – Городельский сейм, на котором династическая уния Литвы и Польши превратилась в государственную

1433 – начало внутримосковской гражданской войны

1439 – поход Улуг-Мухаммеда на Москву

1438–1443 – Феррарско-Флорентийский собор

1439 – воссоединение константинопольской и римской церквей

1444 – первое летописное упоминание о казаках

1444 – битва под Варной

1445 – Василий Второй попал в татарский плен

1446 – Шемяка ослепил Василия Московского

1448 – русские архиереи самостоятельно избрали митрополита

1449 – Москва заключила договор с литовско-польским государством

1453 – смерть Шемяки и конец гражданской войны

1453 – пала Византийская империя

1462, 17 марта – умер Василий Темный; самодержцем стал Иван III Васильевич

Монгольские государи

(великие ханы) периода единства Монгольской империи

Чингисхан (1206–1227)
Угэдей (1229–1241)
Гуюк (1246–1248)
Мункэ (1250–1259)
Хубилай (1260–1294)

Выдающиеся ханы Золотой Орды («Улуса Джучи», «Кипчакского ханства»)

Бату (1227–1255 или 1256)
Берке (1258–1266)
Менгу-Тимур (1266–1280?)
Тохта (1291?-1312)
Узбек (1312–1341)
Джанибек (1342–1357)
Мамай, формально беклярбек (ок. 1370–1381)
Тохтамыш (1381–1395)
Едигей, формально беклярбек (ок. 1400–1411)

Династия московских князей

Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский, сын Всеволода Большое Гнездо (1238–1246)

Александр Ярославич Невский, великий князь Владимирский (1252–1263)

Даниил Александрович, первый князь Московский (1277?-1303)
Юрий Данилович (1303–1325)
Иван I Данилович Калита (1325–1340)
Семен Иванович Гордый (1340–1353)
Иван II Иванович Красный (1353–1359)
Дмитрий Иванович Донской (1359–1389)
Василий I Дмитриевич (1389–1425)
Василий II Васильевич (1425–1462)

---

notes

Сноски

1

Длинный лук (*англ*.).